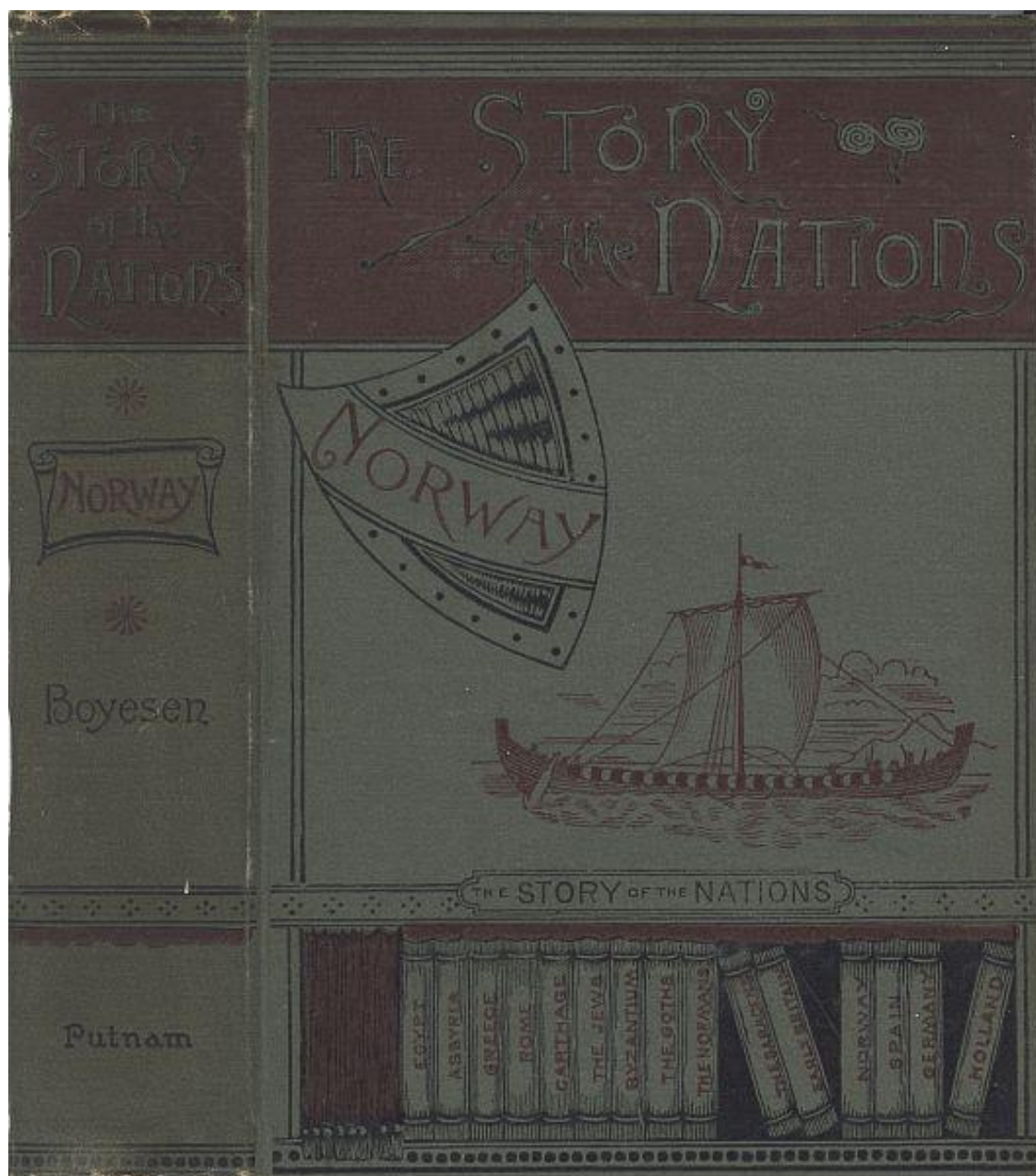

История Норвегии

Ялмар Хьорт Бойсен

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории Норвегии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Норвегии

Автор: Ялмар Хьорт Бойсен

Дата выхода: 14 декабря 2010 [Электронная книга № 34646]

Язык: Английский

Кредиты: производится Джульетта Сазерленд, Стив читал и онлайн распределенных вычитка команда <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА " ИСТОРИЯ НОРВЕГИИ" ***

История Норвегии

автор : Ялмар Х. Бойсен

ИСТОРИЯ НАРОДОВ

ОКТАВО, ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ. ЗА ОБЪЕМ, \$ 1,50

БОЛЕЕ РАННИЕ ТОМА БУДУТ

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ. Автор: профессор Джас. А. Харрисон

ИСТОРИЯ РИМА. Артур Гилман

"ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ". Профессор Джас. К. Хосмер

"ИСТОРИЯ ХАЛДЕИ". З. А. Рагозин

ИСТОРИЯ НОРВЕГИИ. Профессор Х. Х. Бойсен

ИСТОРИЯ ГЕРМАНИИ. С. Бэринг-Гулд

"ИСТОРИЯ ИСПАНИИ". Э. Э. и Сьюзан Хейл

"ИСТОРИЯ ВЕНГРИИ". Автор: профессор А. Вамбери

"ИСТОРИЯ КАРФАГЕНА". Автор: профессор. Альфред Дж. Черч

"ИСТОРИЯ САРАЦИН". Артур Гилман

ИСТОРИЯ АССИРИИ. З. А. Рагозин

ИСТОРИЯ МАВРОВ В ИСПАНИИ. Автор: Стэнли Лейн-Пул

"ИСТОРИЯ НОРМАННОВ". Автор: Сара О. Джуэтт

"ИСТОРИЯ ПЕРСИИ". С. Г. В. Бенджамин

ИСТОРИЯ ИМПЕРИИ АЛЕКСАНДРА. Профессор Дж. П. Махаффи

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА. Автор Гео. Роулинсон

"ИСТОРИЯ ГОТОВ". Генри Брэдли

Перспектив серии смотрите в конце этого тома
СЫНОВЬЯ Г. П. ПАТНЭМА, НЬЮ-ЙОРК И ЛОНДОН

История наций

ТНЕИСТОРИЯ НОРВЕГИИ

АВТОР ЯЛМАР Х. БОЙСЕН

ПРОФЕССОР НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КОЛУМБИЙСКОГО КОЛЛЕДЖА ГЕБХАРД, АВТОР КНИГ "ГЕТЕ
И
ШИЛЛЕР", "ГУННАР", "НОРВЕЖСКИЕ ИДИЛЛИИ" И ДР.

НЬЮ-ЙОРК И ЛОНДОН

СЫНОВЬЯ Г. П. ПАТНЭМА

Издательство Knickerbocker Press

АВТОРСКОЕ ПРАВО

Г. П. ПАТНЭМА SONS

1886 г.

Издательство

Г. П. Патнэма Sons

Нью-Йорк

КРИСТИАНУ БОРСУ, РЫЦАРЮ ОРДЕНОВ СВЯТОГО ОЛАФА, ВАСЫ И ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ,
КОНСУЛУ НОРВЕГИИ И ШВЕЦИИ В НЬЮ-ЙОРКЕ, ЕГО ДРУГ АВТОР ПОСВЯЩАЕТ ЭТУ
ИСТОРИЮ ЕГО РОДНОЙ ЗЕМЛИ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В течение многих лет моей мечтой было написать историю Норвегии, главным образом потому, что на английском языке не существует подобной книги, достойной этого названия. Когда издатели настоящего тома предложили мне написать историю моей родной земли, я с готовностью принял их предложение. Однако, согласно их плану, эта история должна была в некоторых важных отношениях отличаться от обычной истории. Она заключалась в том, чтобы особо остановиться на драматических фазах исторических событий и лишь в незначительной степени затронуть рост институтов и социологических явлений. Следовательно, в ней неизбежно мало учитывается пропорциональность. В настоящем томе больше места уделено национальному герою Олафу Трюггвессону, чье короткое правление было насыщено драматическими событиями, чем королям, правившим в десять раз дольше. По той же причине четыре столетия Союза с Данией описаны сравнительно кратко. За эти столетия, без сомнения, произошло многое, но "было мало деяний". Более того, отдельная история Норвегии во времена ее упадка никогда не была привлекательной темой для норвежских историков, по этой причине этим периодом обычно пренебрегали.

Основными источниками, которыми я воспользовался при подготовке настоящего тома, являются Снорре Стурлассон: *Норвежский Конгесагер* (Христиания, 1859, 2 тома); П. А. Мунк: *История норвежских народов* (Христиания, 1852, 6 томов); Р. Кейзер: *Скрифтер*

Эфтерладте (Христиания, 1866, 2 тома); *Сэмлед Афхендлингер* (1868); Дж. Э. Сарс: *Размышления над норвежской историей* (Христиания, 1877, 2 тома); К. Маурер: *Основы норвежского языка и христианства* (Мюнхен, 1856, 2 тома) и *История государства на островах* (Мюнхен, 1852); Г. Вигфуссон: *Сага о Стурлунге* (Оксфорд, 1878, 2 тома); и *Um tímatalí Islandinga sögum i fornöld* (содержится в книге "*Сафн до островов сегу*", 1855); Г. Шторм: *Исторический очерк Снорре Стурлассона* (Кьебенхавн, 1878); К. Ф. Аллен: *История Хандбога и Фэдреландца* (Кьебенхавн, 1863); помимо большого количества разрозненных статей в немецких и скандинавских исторических журналах. Вопрос, который представляет много трудностей, - это написание имен собственных. Использовать во всех случаях древнеисландскую форму едва ли было бы практично, потому что названия в их модернизированных формах обычно знакомы и их легко произносить, в то время как в их исландской маскировке они для английских читателей почти непроницаемы и представляют собой излишне отталкивающий вид. Там, где имя не имеет общепризнанного английского эквивалента, я поэтому принял современную норвежскую форму, которая обычно отличается от древней тем, что в ней пропущена последняя буква. Таким образом, Sigurdr (который с английским родительным падежом был бы Sigurdr) становится в современном норвежском Sigurd, Eirikr, Erik и т.д. Те фамилии, которые являются описательными эпитетами, я перевел там, где они легко поддаются переводу, написав таким образом Гарольда Светловолосого, Хакона Доброго, Олафа Святого и т.д. Абсолютная последовательность, однако, придавала бы некоторым именам слишком громоздкий вид, как, например, Эйнару Гнусавцу из Тамба (Тамб - название его лука), и я в таких случаях сохранил скандинавское название (Thambarskelver).

Для меня приятная обязанность выразить признательность за ценную критику моим друзьям, Э. Манро Смит, Д.Ю.н., адъюнкт-профессору истории Колумбийского колледжа, и почтенному Дж. Расмус Б. Андерсен, посланник Соединенных Штатов в Дании, без чьей любезной помощи в приобретении книг, карт и т.д. Трудности при подготовке настоящего тома значительно возросли бы. Я также в долгу перед доктором У. Х. Карпентером из Колумбийского колледжа и норвежским художником мистером Х. Н. Гаустой из Ла-Кросса, Висконсин, который любезно прислал мне две вдохновенные оригинальные композиции, иллюстрирующие крестьянскую жизнь в Норвегии.

Ялмар Х. Бойсен.

Колумбийский колледж,

Нью-Йорк, 15 апреля 1886 года.

Содержание.

	СТРАНИЦА
I.	
Кем были скандинавы?	1-12
Арийские миграции, 1-3—Физические характеристики Норвегии, 4, 5—Ранняя племенная организация и средства к существованию, 6-10—Чувство независимости и склонность к самоуправлению, 10-12.	
II.	
Религия скандинавов	13-24
Теории происхождения скандинавских богов, 13-16- Эддайский рассказ о сотворении мира и человека, 16-18—Мировое древо Игдрасиль, 18 — <i>Озиры</i> , их функции и жилища, 19-23-Злодей Локе и его ужасные дети, 23, 24.	
III.	
Эпоха викингов.—Происхождение Викинг круизы	25-44
скандинавы запустить, далее на арену истории, 25—происхождение Викинг круизы, 25-27—Царство среди скандинавских племен, 27, 28—в три периода эпохи викингов, 28-30—вклад варягов в политической жизни Европы, 30, 31—Зигфрид из Nortmannia, 31—Годфри охотник, 31, 32--Карла Великого пророчества в отношении варягов, 32-34—Хастингс стратагема, 34-36—Рагнар, Асгейр, и Rörek, 36, 37—Thorgisl в Ирландии, 38, 39—Олаф Белый, 40, 41—викинги в Англии, 41—Симеон Даремский аккаунт викингов, 42—В характер викинги дома и за рубежом, 43, 44.	
Ив.	
Хальвдан смуглый	45-51
сошествие Инглинг расы, 45—жертвы Аун старый, 45—Олаф дровосек, Хальвдан Whiteleg, и Годфри охотник, 46—рождении о Хальвдане смуглый, 46 Сигурд Хьорт и <i>Берсерк</i> Хек, 47, 48—Хальвдан смуглый CP, Рагнхильд, 48—Рагнхильд сон, 48—Король Хальвдан сон, 49—рождение Гарольд Fairhaired, 49—Финн трюк, 50—Король смерти Хальвдан же, 51.	
В.	
Гарольд Fairhaired	52-73
Гарольд Fairhaired сватается Гыда, 52, 53—Гарольда обет, 53—Herlaug и Rollaug, 54—Гарольда политики в отношении покоренных царей, 54, 55—феодалное государство, 55—налогообложение и крестьян потери наследственное прав, 55, 56—Хокон Grjotgardsson и Ragnvald, Граф Möre, 56—Kveld Ульф и его сыновья, 56, 57—Эрик Eimundsson вторжения в Норвегию, 57—его встречи с королем Гарольдом, 58—битва Hafrs-фьорд, 59—Граф Ragnvald ассорти король Гарольд волосы, 59—Гарольд женится Гыда, 59, 60—Гарольда предательство, чтобы Торольв Kveld-Ульфа сына, 60-62—Kveld Ульф месть и миграции в Исландию, 62, 63—герцог Ролло в Норвегии и Франции, 64, 65—эмиграция недовольных магнатов, 65, 66—Snefrid, 67—Королева Рагнхильд, 68—Эрик крови-топор распри с братьями, 69-71—Гутторм Sindre, 71, 72—рождение Хакон добрый, 72—Хокон отправляется Ethelstan, 72, 73—смерть Гарольда, 73.	
Ви.	

Эрик крови-топор

74-86

Эрика встречи с Гунхиль, 74-76—Эрик убивает своих братьев, Зигфрид и Олаф, 76—а, Лысый грим сына, 77—Эгиль, грим лысый сын, убивает Baard, 78—Эгиль убивает Берг-Анунд, 79, 80—Эгиль полюса бесчестия, 80—Эгиль выкупа его голове песня 81-85—Эрик изгоняется, 86.

VII Устава.

Хокон добрый

87-101

характер Хокон, 87—провозглашен королем Норвегии, 88—законодательные реформы и восстановление Аллод, 89—сигнальные костры, 90—первую попытку ввести христианство, 90-92—выступление Асбьерн из Medalhus, 92—король ест лошадь-плоть, 92-94—сыновья Эрик крови-топор войны при Норвегия, 94, 95—сражения Sotoness и Agvaldsness, 95, 96—Эгиль Woolsark, 96, 97—сражение Fraedö, 96-98—провал попытку христианизировать страну, 98—Битва Fitje (скальд Эйвинд-спойлер), 98-101—смерть Хокон доброго, 101.

Раздел VIII.

Грейфелл Гарольд и его братья

102-114

непопулярности сыновья Эрик, 102-104—их характеры, 104—Гарольд Грейфелл и скальд Эйвинд-спойлер, 105—предательство Гарольда в сторону Ярл Сигурд, 105, 106—независимость Ярл Хакон, 106, 107—убийство Tryggve Олафссон, 107, 108—рождение Олаф Tryggvesson, 108—приключения Aastrid и живут паршиво-борода, 108-110—Сигурд слева оскорбления Aaluf, 111—Ярл Хокон интриги в Дании, 111, 112—золото-слайс Гарольд Гарольд Грейфелл, 112—изгнание сыновей Эрика, 113, 114.

IX.

Ярл Хокон

115-133

Ярл Хокон защищает Папакура, 115, 116—Харольда Синезубого, 117—Хокон и разрушения, в Швеции и в Викин 118—Граф Эрик и помещений Skofte, 119—похороны праздник Jomsvikings, 120, 121—битва в Hjörungavaag, 121-125—в Jomsvikings на бревне, 125, 126—Хаавард в секущего, 127—власть и популярность Ярл Хакон, 127, 128—Гудрун Lundarsol, 129—восстания крестьян, 130—граф прячется под свинарник, 130, 131—"Почему ты такой бледный, Карк?" 131—Карк убийства графа, 132—Хокон персонажа, 132, 133.

X.

молодежи Олаф Tryggvesson

134-142

Aastrid рейс в Россию, 134, 135—Олаф продается на Овна, 135—он берется Владимира суда, 135, 136—Король Burislav и Geira, 136, 137—В кроме рынка в Англии, 137—брак с Гидой, 137, 138—Олафа войны в Англии, 138, 139—Тор Klakka пытается завлечь Олаф, 139, 140—вернуться в Норвегию и провозглашения царем, 140-142.

XI.

Олаф Tryggvesson

143-172

Олаф Christianizes Викин, 143, 144—герой древнегерманских христианство, 144-146—Thangbrand воинственный священник, 147—начальниками Haalogaland, 148—Ironbeard и крестьян Trøndelag, 149, 150—на Юл-прилив праздник в Möre, 150-152—Олаф сватается к Сигрид надменная, 152-154—он женится на Тюре,

154—Тор Хьорт, Эйвинд Kinriva, и Haarek из Thjotta, 154-158—Thangbrand в Исландии, 158, 159—Олафа характера, 160—Тюре слезы на ее потеряли имущество, 161—"длинного змея", 161—король Олаф паруса Вендланд, 162, 163—Граф предательство Sigvalde, в 163—Битва у Свольдера, 164-172—смерть короля Олафа. 171, 172.

XII.

Графы Эрик и Свейн.—Открытие Винланда

173-181

Раздел Норвегии между победителями при Свольдере, 173—Эрлинг Скъяльгссон из Соле, 174-176—Характер графа Эрика, 176—И отношение к христианству, 176, 177—Возрождение духа викингов, 177—Граф Эрик отрекается от престола в пользу своих брата и сына, 178, 179—Представление Америки Бьярне Херюльфссоном, 179—Экспедиция Лейфа Эрикссона в Винланд, 180, 181—Торфинн Карлсевне и Гудрид, 181.

XIII.

Олаф Санкт -

182-224

рождение и детство Олаф Святой, 182, 183—Викинг круизы, 183—возвращение в Норвегию, 184—он захватывает Ярл Хакон, 185—его прием Aastrid и Сигурд сыр, 186, 187—семейный совет, 187, 188—поддержка Шира-королей, 188—в Trönders признать Олаф, как царь, 189—удивился Эрл Свейна в Нидарос, 190—Битва Nessje, 190, 192—ярла Свейна рейс и смерти, 192—ссора с королем Олафом Швед, 193, 194—Бьорн Stallare миссии, 194-196—выступление Thorigny законник, 196, 197—Олаф женится Aastrid, 198—заговор Шира-царей и их наказания, 199—плей из сыновей Сигурда сыр, 199, 200—Rörek тяжелая судьба, 201—его попытка убить Олафа, 202—отношение племенной аристократии в сторону Олафа, 202, 203—язычество *против* христианства, 204, 205—"где мои предки?" 205—Олафа характера и внешности, 205-207—Дейл-Guldbrand, 207-210—убийство Aasbjörn Сигурдссон, 211—Кнут Могучий взятки скандинавских вождей, 212, 213—Анунд Якоб отказывается от взятки, 213, 214—Битва Хельге-АА, 214, 215—смерть Эрлинга Skjalgsson, 216—Олаф едет в Россию, 217—Бьорн Stallare исповедь, 218—Олаф возвращается в Норвегию, 218—свое видение, 220, 221—Битва Sticklestad, 221, 222—Thormod Kolbruna ожоги, 222-224—захоронения Святого Олафа, 224.

XIV.

Свейн Alfifasson

225-229

Alfifa и скандинавских вождей, 225—непопулярные и репрессивные законы, 226—король Олаф причислен к лику святых, 227—Tryggve Олафссон поражения, 228—Эйнар Thambarskelver упреки Alfifa, 228—Магнус Олафссон возвращения из России, 229—изгнание Свейна, 229.

XV.

Магнус хорошие

230-250

обстоятельства Магнус рождения, 230—Магнус и Harthaknut, 231—ревность атаманов, 232—Магнус и Кальф Arnesson в Стиклестад, 233—Sighvat ошпарить лежал откровенности, 234—Свейн Estridsson повстанцев, 236, 237—Битва Lyrskog здоровья, 237—Торстейн стороны-холла сын, 238—Эйнар Thambarskelver несогласие и примирения с Магнусом, 238, 239—прибытие Гарольд Сигурдссон, 240—своих приключениях за границей, 240-242—Магнус

прием Гарольд, 243—Гарольда союз с Свейна Estridsson, 244—соглашение , чтобы разделить власть, 245—крестьянская токе речи, 246, 247—экспедиции Магнуса против Свейна Estridsson, 247, 247—смерти Магнуса доброго, 249, 250.

XVI.

Гарольд тяжело-правитель

251-272

племенных вождей и наследственности короны, 251, 252—Гарольд решает покорить Данию, 252—решимость сломить власть аристократии, 253—Эйнар Thambarskelver враждебности, 254, 255—Гарольд выходит замуж за Тора, 255—Св Халльвард и основание Осло, 256—Сожжение Хайдаби, 257—Преследования Свейна и хитрости Гарольда, 257-259—Битва при Ниш-аа, 259—Мир в Гета—Эльве, 260—Вражда с Эйнараром Тамбарскелвером, 260, 261—Гарольд проверяет лояльность вождей, 261, 262—Хегне Лангбьернссон, 262, 263—Убийство Эйнара и его сына, 264—Предательство Гарольда Кальфу Арнессон и Хокон Иварссон, 265-267 —Прибытие графа Тостига в Норвегию, 268—Битвы при Фулфорде и Стэмфорд Бридж, 268-270—Стиркаар и йомен, 270-272—Позиция норвежской церкви, 272.

XVII.

Олаф тихо и Магнус Haroldsson,

273-284

Олаф и Магнус разделить страну, 273—война с Свейна Estridsson, 273, 274 смерти Магнуса, 274—персонаж Олаф тихо, 275, 276—постепенное прекращение Викинг круизы, 276, 277—постепенная отмена крепостного права, 278—Викинги и торговцы, 278, 279—внешний вид и назначение помещений, 280, 281—увеличение пышности царского двора, 281, 282—создание гильдий, 282, 283—Skule Tostigsson, 283—смерть Олафа спокойного, 284.

XVIII.

Магнус Босоногий и Хокон Магнуссон,

285-290

на Trönders провозгласить короля Хокона, 285—Магнус экспедиции в Шотландию и Ирландию, 285, 286—смерть Хокона, 286—наказание его партизан, 286, 287 войны-как дух Магнуса, 287—война со Швецией, 288—война с Ирландией, 289—гибели Магнуса в Ольстере, 290.

XIX.

Эйстейна Сигурд Крестоносец и Олаф Магнуссон

291-305

раздел земли, 291—Сигурд крестовый поход, 292, 293—Эйстейна заслуженный активности дома, 294—враждебность братьев, 295—в случае Сигурд Ranesson, 295, 296—Боргильд Даль, 297—"человек-измерительных," 297-301—смерть Эйстейна, 301—Оттар Birting, 301-303—прибытие Гарольд жила, 303—Сесилия, 303—смерть Сигурда, 304, 305.

XX.

Магнус слепой и Гарольд Гилле

306-310

характер Магнус и Гарольда, 306—Битва Fyrileiv, 307—Магнус захватил и искалеченных, 307, 308—Сигурд Slembedegn, 308—Гарольд Гилле убили, 309—сжигание Konghelle по венедов, 310.

XXI век.

Сыновья Гарольда Гилле

311-321

сыновья Гарольд Гилли провозгласили царями, 311—Сигурд Slembedegn

союзниками себя с Магнусом слепым, 311, 312—Инге Горбатый первый опыт войны, 312—сражения Krokaskogen, 312, и Holmengraa, 313—Сигурд Slembedegn стойкости, 313—прилета Эйстейна Haroldsson, 314—распри между братьями, 314-316—характер и внешний вид Сигурд рот, 314-316 смерти Сигурда, 316—смерть Эйстейна, 317—Эрлинг Skakke и Григория Dagsson, 318-320—падение Инге в Осло, 320—визит кардинала, 320, 321.

XXII.

Хокон широкоплечего

322-325

Кристина взятки священник, 322—Эрлинг Skakke интриг, 323—ищет помощи в Дании, 323, 324 Битва Sekken, 324.

XXIII.

Магнус Erlingsson был

326-349

восстание "Сигурд партии", 326, 327—Битва РЗЭ, 327—Эрлинг союз с архиепископа Эйстейна, 327—Магнус берет землю в лен от св. Олафа, 327, 328—Магнус коронован, 328—короля Вальдемара экспедиции в Норвегию, 328, 329—восстание капота-Суэйнс, 329—Битва Djursaa, 330—Эрлинг принимает титул графа от Вальдемара, 330—убивает своего пасынка Гарольд, 332—Эйстейна мейла и Birchlegs, 333, 334—детство и юность Сверре Сигурдссон, 334-337—Сверре становится начальником Birchlegs, 337—перипетии и приключения Birchlegs, 337-341—Битва Kalvskindet, 341-343—смерть Эрлинга Skakke, 343—социальная революция открыла Сверре, 343-345—Битва на Nordness, 346—война между Birchlegs и Heklungs, 346-348—Битва Norefjord и смерти Магнуса, 348, 349.

XXIV.

Сверре Сигурдссон

350-378

опасный прецедент, 350—Эрик Kingsson, 351—полицейские и префекты, 351, 352—новой демократии, 352, 353—восстание Kuvlungs, 353, 354; в Varbelgs, 354; и Oyeskeggs, 354-357—Сверре разногласия с Церковью, 357, 358—Николай Arnesson, 358—Сверре ставится в бан, 359—происхождение Bagler партии, 360, 361—Николай показывает на белое перо, 361—предательство Торстейн Kugad, 362—в Baglers осаждают блок-хаус в Бергене, 362-365—сожжения Бергена, 365—изменника вернуть, 366—папскую буллу и Сверре обороны, 366-368—в Bagler победил в Strindsö, 369—великого крестьянского восстания, 370-373—Сверре благородство, 374—аристократии *против* демократии, 374, 375—осаду и капитуляцию Tunsberg, 375, 376—смерти Сверре, 376, 377—его характер, 377, 378.

XXV.

Хокон Sverresson

379-384

мира с Церковью, 379—популярность Хокон, 380—недовольство королевы-вдовы, 381—Похищение принцессы Кристины, 381, 382—роковой Юл-прилив праздник, 382, 383—смерть Хокон ядом, 383—полет королевы Маргарет, 384.

XXVI.

Гутторм Сигурдссон и Инге Baardsson,

385-399

на Bagler войск реорганизован под Эрлинг каменная стена, 385—успешное испытание, 386—смерть Гутторм Сигурдссон ядом, 387—Инге Baardsson провозглашен королем, 388—общество дезорганизовано гражданской войны,

388, 389,—незванные гости на свадебный пир, 389, 390—Филипп Симонссон сделал царь Baglers, 390—рождение и детство Хокон Хааконссон, 391, 392—компромисс Hvitingsöe, 393—происки Хокон Гален, 394, 395—Хельге Hvasse и мальчик Хокон, 396, 397—недовольство Birchlegs, 398—смерть короля Инге, 399.

XXVII.

Хокон Хоконссон Старый

400-432

Провозглашенный королем Хокон, 400—Восстание Слиттунгов, 401—Последствия гражданской войны, 401, 402—Интриги графа Скуле, 402-404—Инга Вартайгская носит раскаленные утюги, 404-406—Восстание Риббунгов, 407, 408—Двuruшничество Скуле, 408-410—Собрание знати в Бергене, 410—Лицемерие епископа Николая, 411—Сигурд Риббунг возобновляет восстание, 412—Кампания Хокон в Вермеланде, 412, 413—Дырявые корабли герцога Скуле, 413—Смерть епископа Николая и Сигурда Риббунга, 414—Оруженосец Кнут в качестве вождя Риббунгов, 416 — "Крестовый поход" Скуле, 416, 417—Скуле вступает в союз с Вальдемаром Победоносным, 417, 418—Скуле призван к ответу, 418-420—Интриги в Римской курии, 420, 421— "Крестовый поход" Скуле. раскрытый заговор, 421, 422—Скуле провозглашает себя королем, 423—Битва при Лааке, 424—Скуле побежден при Осло, 425—Смерть Скуле, 426, 427—Коронация Хокон, 427-429 — Его могущество и слава дома и за рубежом, 429-431 —Экспедиция в Шотландию и смерть, 431, 432.

XXVIII.

Стурлунги в Исландии

433-441

"Хеймскрингла" *Снорре Стурлассона*, 433, 434— Происхождение и юность Снорре, 434—Характер Снорре, 434—Рейкьяхольт, 436—Братские распри, 436—визит Снорре в Норвегию, 437—Заговоры и контрзаговоры, 437-440—смерть Снорре, 440—Стурла Тордссон, 440, 441.

XXIX.

Магнус законодатель,

442-450

Уступка Мэна и Шетландских островов Шотландии, 442—Причины за и против уступки, 443—Состояние исландского общества и подчинение острова Норвегии, 444—Магнус как законодатель, 445-447— Племенная аристократия и придворная знать, 447, 448—Уступки Церкви, 448, 449—Вырождение старого королевского дома, 450—Смерть Магнуса, 450.

XXX.

Ненавистник священников Эрик,

451-456

Бароны усиливают свою власть, 451—Ссоры с духовенством, 452—Фальшивая "Норвежская дева", 453—Грабежи "Маленького сэра Альфа", 453, 454—Война с Данией и Ганзой, 454, 455— Пленение и смерть Маленького сэра Альфа, 456—Смерть короля Эрика, 456.

XXXI.

Хокон Длинноногий

457-460

Измена сэра Аудуна, 457—Герцоги Эрик и Вальдемар, 458—Осложнения со Швецией, 459—Война с Данией, 460—Смерть Хокон, 460.

XXXII.

Магнус Сmek, Хокон Магнуссон и Олаф Молодой,	461-466
Магнус Сmek становится королем Норвегии и Швеции, 461—Непопулярность герцогини Ингеборг, 461, 462—Недовольство Магнусом , 462—Союз с Вальдемаром Аттердагом, 462, 463—низложение Магнуса в Швеции, 463—Война Хокона с Альбрехтом Мекленбургским, 464—Власть Ганзы в Норвегии, 464—Смерть Магнуса, 465—Черная смерть, 465, 466—Олаф Молодой, 466.	
XXXIII.	
Норвегия во время Кальмарской унии	467-474
Маргарита объединяет три королевства, 467-469—Кальмарская уния, 469, 470—Причины ее катастрофических последствий, 470-472—Смерть Маргариты, 472—Беспорядки и вымогательства Эрика Померанийского, 472, 473—Кристофер Баварский, 473, 474.	
XXXIV.	
Союз с Данией	475-488
Сравнивается состояние Норвегии и Дании во время союза, 475, 476—Чарльз Кнутсон избран королем Швеции, 478—Война Кристиана I. с Чарльзом Кнутссоном, 479, 480—Беспорядки в Норвегии, 480— Заложены Шотландские острова, 480, 481—Король Ганс, 481, 482— Восшествие на престол Кристиана II., 482— Его попытка смирить дворянство, 483—Резня в Стокгольме, 483, 484—Его тщетное обращение к буржуазии , 484, 485—Бегство Кристиана, 485—Фредерик I., 485, 486—Борьба за престолонаследие, 486, 487—Кристиан III., 487, 488—Норвегия становится провинцией Дании, 488.	
XXXV.	
Норвегия как провинция Дании	489-515
Введена Реформация, 489, 490—Разрушена власть Ганзы, 490-492—Фридрих II., 492-494—Интерес Кристиана IV. к Норвегии, 494—Кальмарская война, 495—Участие в Тридцатилетней войне, 495, 496—Вражда Ганнибала, 496—Катастрофическая война Фридриха III. со Швецией, 498—Введение абсолютизма, 499, 500—Кристиан V., 500, 501 —Восшествие на престол Фридриха IV, 501—Великая Северная война, 502-504—Торденшельд, 503, 504—Кристиан VI., 506-508—Фредерик V, 508—Кристиан VII., 508-512—Вооруженный нейтралитет, 509, 510—Фридрих VI. восходит на трон, 512—Война со Швецией, 512, 513—Кристиан Август в качестве вице—короля, 512-514—Парижский мирный договор, 513—Протест скандинавов, 514—Отделение от Дании, 515 .	
XXXVI.	
Норвегия восстанавливает свою независимость	516-538
Кристиан Фредерик в качестве вице—короля, 516-518—Конституционный съезд в Эйдсволде, 518-520—Война со Швецией, 520, 521- Перемирие в Моссе, 521-Карл XIII. принимает конституцию 522 года — Карл XIV. Иоанн становится королем Норвегии, 522 — Его споры со <i>Стортингом</i> , 522-526—Хенрик Вергеланд, 526, 527—граф Ведель-Ярлсберг в качестве вице—короля, 527—Оскар I., 528-530—Характер норвежского крестьянства, 528-530—Карл XV., 530, 531—Оскар II. и конституционная борьба, 531-534—Импичмент министерству Сельмера, 534— "Чистое знамя", 535—Нынешнее состояние Норвегии и ее место среди наций, 536-Литература и наука, 536-538.	

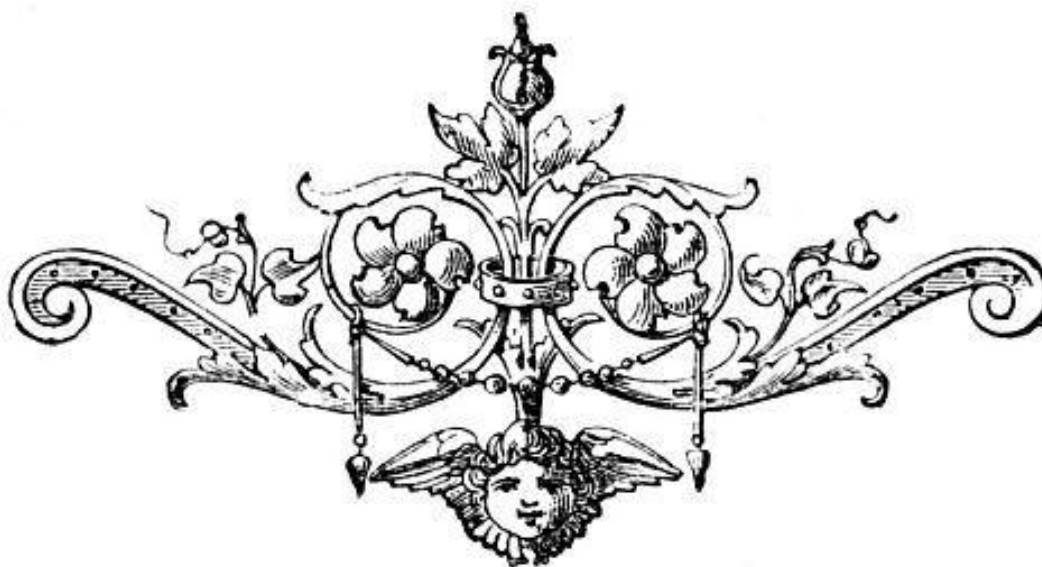

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

	СТРАНИЦА.
КАМЕННЫЕ ТОПОРЫ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА	5
КАМЕНЬ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ ДЛЯ ПРИДАНИЯ ФОРМЫ ИНСТРУМЕНТАМ	7
КАМЕННЫЙ МОЛОТОК	7
КАМЕННЫЙ НОЖ	8
ТЕСЛО ИЗ ЛОСИНОГО РОГА	9
КАМЕННЫЙ КЛИН	9
НАСКАЛЬНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ КОРАБЛЯ В ЛЕКЕБЕРГЕ	10
НАСКАЛЬНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ КОРАБЛЯ В ЛЕКЕБЕРГЕ	11
БРОНЗОВЫЙ МЕЧ	14
БРОНЗОВЫЙ МЕЧ	15
БРОНЗОВЫЙ МЕЧ	17
ПРЯЖКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА	19
КОРАБЛЬ ВИКИНГОВ, НЕДАВНО ОБНАРУЖЕННЫЙ В САНДЕФЬОРДЕ,	26
КОРАБЛЬ ВИКИНГОВ, РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ НА	29
ул. АНСГАРИЙ, АПОСТОЛ СЕВЕРА	33
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖЕЛЕЗНОГО ОРУДИЯ НЕИЗВЕСТНО	35
ОБОЮДООСТРЫЙ МЕЧ	37
ПРЯЖКА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА	39
РУИНЫ НОРВЕЖСКОЙ БАШНИ В МОСЕ	43
ПРЯЖКА С ВИЗАНТИЙСКИМ ОРНАМЕНТОМ	51
ПОЗОЛОЧЕННАЯ ПРЯЖКА, НАЙДЕННАЯ В СКЕДСМО	72
ЦИЛИНДРИЧЕСКОЕ КРЕПЛЕНИЕ ИЗ БРОНЗЫ	76
ЖЕЛЕЗНЫЙ НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ, ЖЕЛЕЗНОЕ ДОЛОТО	84
БРОНЗОВАЯ СКОВОРОДА, ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗУБИЛО	89
БРОНЗОВАЯ ЗАКОЛКА ДЛЯ ГРУДИ	91
ОВАЛЬНАЯ БРОНЗОВАЯ ПРЯЖКА	93
ПАМЯТНИК ЭГИЛЮ ВУЛСАРКУ	96
ДЕКОРАТИВНОЕ БРОНЗОВОЕ КРЕПЛЕНИЕ	97
ЦЕРКОВЬ В ЭГИЛЕ	103
НОЖНИЦЫ И ЖЕЛЕЗНЫЙ НАКОНЕЧНИК СТРЕЛЫ	107
ГАРОЛЬД БЛЮТУЗ	117

РУНИЧЕСКИЙ КАМЕНЬ ИЗ СТРАНДА В РИФИЛКЕ	121
ПРОДОЛГОВАТАЯ ПРЯЖКА	133
ПРИБЫТИЕ ОЛАФА ТРЮГВЕССОНА В НОРВЕГИЮ	141
ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИЙ ТКАЦКИЙ СТАНОК	145
РУНИЧЕСКИЙ КАМЕНЬ ИЗ ГРАНА В ХАДЕЛАНДЕ	153
ИНСТРУМЕНТ НЕИЗВЕСТНОГО НАЗНАЧЕНИЯ	155
СТАРЫЙ ТКАЦКИЙ СТАНОК С ФАРЕРСКИХ ОСТРОВОВ	159
ЦЕРКОВЬ НА ОСТРОВЕ МОСТЕР	167
ЧЕЛНОКИ ИЗ ЖЕЛЕЗА И КИТОВОГО УСА	175
НОЖИ ИЗ ЖЕЛЕЗА, НАЙДЕННЫЕ В ХЕДЕМАРКЕ И ХАДЕЛАНДЕ	208
УЛ. СОБОР ОЛАФА ИЗ ДРОНТХАЙМА,	219
ул. ОЛАФ И ТРОЛЬДЫ	223
МАГНУС ДОБРЫЙ И КАЛЬФ АРНЕССОН В СТИКЛЕСТАДЕ	235
МРАМОРНЫЙ ЛЕВ ИЗ ПИРЕЯ	241
НАВЕРШИЕ ИЗ ПОЗОЛОЧЕННОЙ БРОНЗЫ ЭПОХИ ВИКИНГОВ	250
СТАРИК ИЗ ХОЙ	271
ИНТЕРЬЕР ОРХАУГЕНА	279
ЦЕРКОВЬ ХИТТЕРДАЛЬ	299
ДЕРЕВНЯ В СЕЗОН РЫБАЛКИ	315
ПЛОТ, ЗАТОНУВШИЙ В ВЕСТФЬОРДЕ	331
ХОРНЕЛЕН	339
ТОРГХЕТТЕН	363
ХЕНЕФОСС	371
ХААКОН ХААКОНССОН И ХЕЛЬГЕ ХВАССЕ	397
ЗАПАДНЫЙ ФАСАД ДРОНТХАЙМСКОГО СОБОРА	403
ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИЕ ЗАГЛАВНЫЕ БУКВЫ	409
На СОГНЕ-ФЬОРДЕ	415
ШТОРМ ВО ФЬОРДЕ	419
НОРВЕЖСКИЙ СТАББУР ИЛИ СКЛАДСКОЕ ПОМЕЩЕНИЕ	431
ХОРГАДАЛ НА СЕВЕРЕ ИСЛАНДИИ	435
АЛЬМАННАГЪЯА С ХОЛМ ЗАКОНОВ	439
КОРОЛЕВА МАРГАРЕТ	471
КРИСТИАН I.	479
БОРЬБА НА ПОЯСАХ	491
НОРДКАП	493
ФРЕДЕРИК III, КОРОЛЬ ДАНИИ И НОРВЕГИИ	497
ГЛУХАРЬ В НОРВЕГИИ	505
РЕЗНЫЕ ПЕРЕМЫЧКИ, НОЖИ И ПИВНЫЕ КРУЖКИ	507
ТАНЦЫ КРЕСТЬЯН	511

ПРИНЦ КРИСТИАН ФРЕДЕРИК, ВИЦЕ-КОРОЛЬ НОРВЕГИИ	517
КАРЛ XIV. ДЖОН (БЕРНАДОТТ)	521
ЛЫЖНАЯ ГОНКА	525
ЖЕНИХ И НЕВЕСТА	529
ПОРТРЕТ ОСКАРА II.	533
БЬЕРНСТЬЕРНЕ БЬЕРНСОН	537

**THE THREE
SCANDINAVIAN KINGDOMS
IN THE
MIDDLE AGES**

A detailed map of Scandinavia and surrounding regions during the Middle Ages. The map shows various kingdoms and regions, including:

- SWEDEN:** SAKLAND, VINDLAND, ERMALAND, PRYSKLAND, SAKLAND, VINDLAND, ERMALAND, PRYSKLAND.
- DENMARK:** SAKLAND, VINDLAND, ERMALAND, PRYSKLAND, SAKLAND, VINDLAND, ERMALAND, PRYSKLAND.
- NORWAY:** SAKLAND, VINDLAND, ERMALAND, PRYSKLAND, SAKLAND, VINDLAND, ERMALAND, PRYSKLAND.
- FINLAND:** SAKLAND, VINDLAND, ERMALAND, PRYSKLAND, SAKLAND, VINDLAND, ERMALAND, PRYSKLAND.
- ESTONIA:** SAKLAND, VINDLAND, ERMALAND, PRYSKLAND, SAKLAND, VINDLAND, ERMALAND, PRYSKLAND.
- LITHUANIA:** SAKLAND, VINDLAND, ERMALAND, PRYSKLAND, SAKLAND, VINDLAND, ERMALAND, PRYSKLAND.
- Other regions:** SAKLAND, VINDLAND, ERMALAND, PRYSKLAND, SAKLAND, VINDLAND, ERMALAND, PRYSKLAND.

The map is labeled with many names in all caps, including "THE THREE SCANDINAVIAN KINGDOMS IN THE MIDDLE AGES" at the top.

ИСТОРИЯ НОРВЕГИИ.

ГЛАВА I.

КЕМ БЫЛИ СКАНДИНАВЫ?

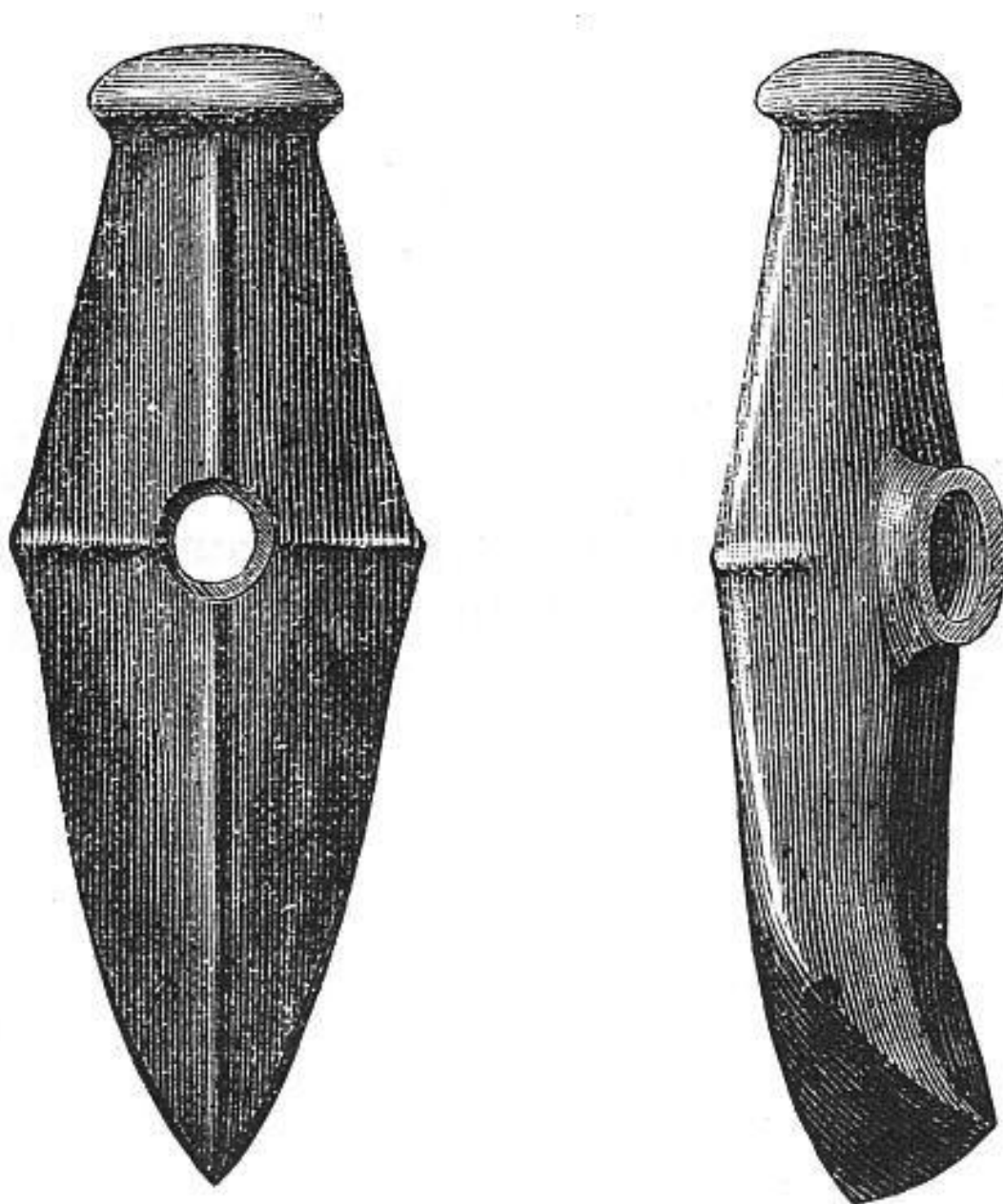
Норвежцы - германская раса и, соответственно, принадлежат к великой арийской семье. Их ближайшие родственники - шведы и датчане. Их первоначальной родиной была Азия, и, вероятно, та часть Азии, которую древние называли Бактрией, недалеко от истоков рек Окс и Яксарт. Предполагается, что не только скандинавы пришли из этого региона, но и предки всех арийских народов, которые сейчас населяют большую часть цивилизованного мира. Одними из первых, покинувших эту колыбель народов, были племена, которые поселились на восточных островах и полуостровах Средиземноморья и под именем эллинов развили задолго до христианской эры искусство и литературу, которым в некоторых отношениях до сих пор нет равных. Ранние итальянские племена, из которых со временем возникла мировая империя Рим, ведут свое происхождение от тех же предков; так же как и кельты, которые в древние времена населяли Англию, Ирландию и Францию; славяне, которые поселились в нынешних России, Богемии и северных турецких провинциях; и германцы, которые занимали обширные центральные области европейского континента. Среди азиатских народов иранцы, населяющие Персию, и индусы в Индии имеют арийскую кровь.

Кажется почти невероятным, что люди, столь сильно отличающиеся внешностью, привычками и нравами, как, например, индус и англичанин, должны, если заглянуть достаточно далеко в прошлое, иметь одних и тех же предков. И все же не может быть ни малейшего сомнения в том, что это так. Тогда естественно возникает вопрос: "Если они когда-то были похожи, что могло сделать их такими разными?" И ответ таков: "Климат, почва и общий характер стран, в которых они поселились".

Страна, из которой эмигрировали первые арийцы, была гористой, с плодородными долинами и ровным умеренным климатом. Не было ни чрезмерной жары, которая делала бы людей сонными и ленивыми, ни чрезмерного холода, который замедлял бы их рост и парализовывал их энергию. Земля не производила, как в тропиках, роскошной растительности, которая обеспечивала бы жителей без труда, но она давала пищу стадам крупного рогатого скота, которые при надлежащем уходе могли бы удовлетворить простые потребности первобытных людей. Раса, находящаяся в таком положении, прогрессировала как физически, так и умственно, пока не стала превосходить все племена, населявшие соседние регионы. Последовала война, в которой более слабые пали. Арийцы, быстро увеличиваясь в численности, овладевали завоеванными территориями, обращали в рабство коренное население или вытесняли его обратно в местные районы, где условия жизни были менее благоприятными. Точно неизвестно, когда произошла первая крупномасштабная миграция; но некоторые ученые предположили, что индусы отделились от прародительской расы еще в 1500 году до н.э. Даты греческих, итальянских, кельтских и славянских миграций также неопределенны, и установленный период арийской оккупации Германии также является предположительным. Такая же неопределенность царит и в отношении древнейшей истории скандинавских племен, хотя существует большая вероятность того, что их вторжение в страны, которые они населяют сейчас, должно было произойти во втором веке до нашей эры. Не исключено, что они покинули свою азиатскую родину одновременно с германцами, с которыми они тогда были почти, если не полностью, идентичны, и что их завоевательные орды распространились на север, подчинив финнов и лопарей, которых они обнаружили во владении этой землей, частично истребив их, частично загнав в бесплодные горы крайнего Севера. Среди племен, чей путь завоевания был повернут в этом направлении, готы (*гаутер*), шведы (*свеар*) и датчане (*данер*) были наиболее известными,

хотя упоминается несколько других имен, как отечественными, так и иностранными авторами. Название *Norseman*, или северянин, не встречается среди них, потому что оно не относится ни к одному из арийских племен, а происходит исключительно от страны, в которой они поселились. Их страна вскоре стала известна как Норвегия (*Noregr* или *Норвег*), *то есть* Северный путь. Это длинная полоса территории, простирающаяся на север и юг между горной цепью Кьелен, которая отделяет ее от Швеции и Северного Ледовитого и Атлантического океанов. На карте это выглядит как большой мешок, перекинутый через плечи Швеции.

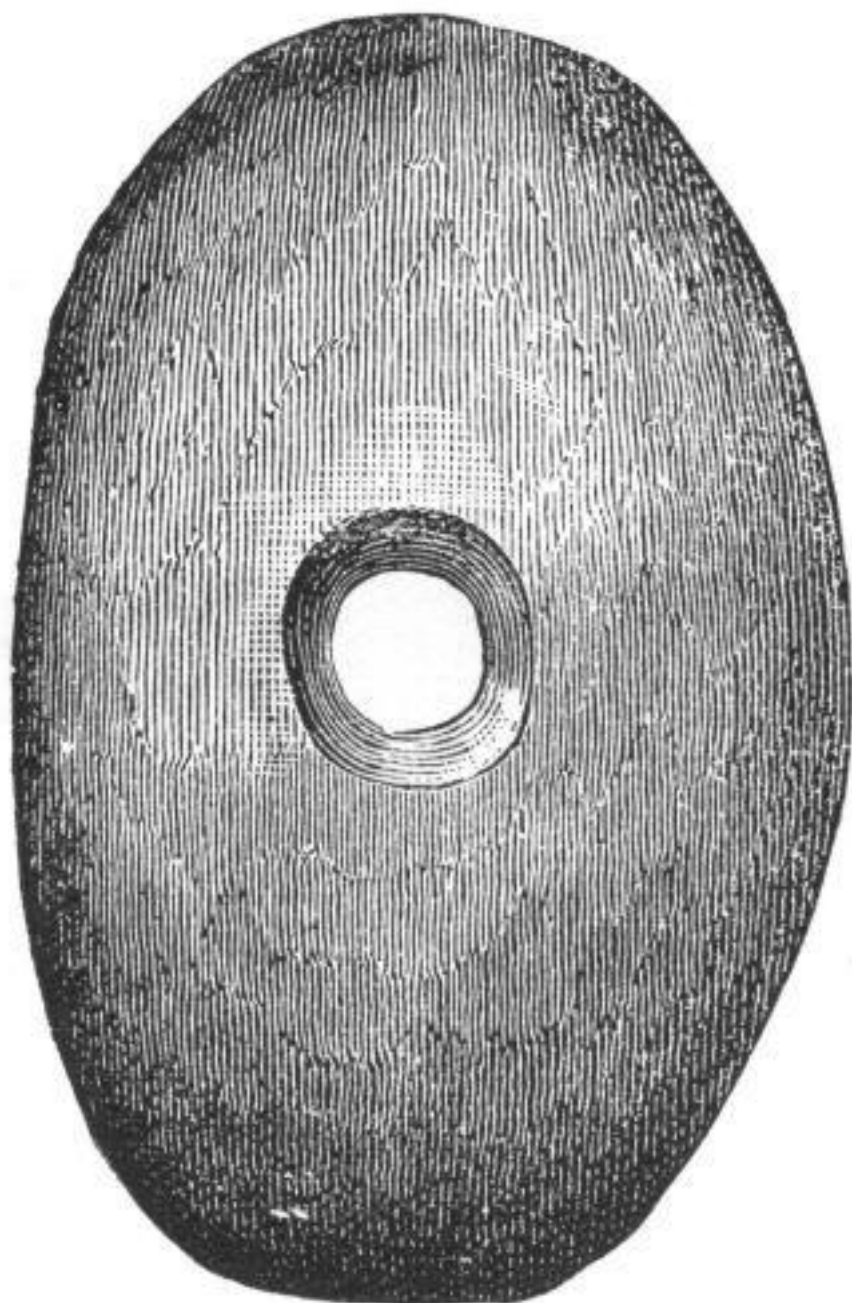
Это чудесная страна — эта земля скандинавов. Океан с ревом обрушивается на его скалистое побережье, и в течение долгой, темной зимы воют и бушуют штормы, вздымая волны в небо белыми брызгами. Огромные стаи морских птиц плывут, как снег, над водой и с криками кружат вокруг одиноких утесов. Северное сияние вспыхивает огромным сияющим веером над северными небесами, и звезды сверкают острым морозным блеском. Но летом все это меняется внезапно, как по чуду. Тогда солнце светит тепло даже за полярным кругом; распускаются бесчисленные полевые цветы, полноводные реки поют свой танец морю, а березы смешивают свою светло-зеленую листву с более темными иглами сосен. В северных районах светло всю ночь, даже в те несколько часов, когда солнце опускается за горизонт; океан расстилается подобно огромному полированному зеркалу под безоблачным небом, рыбы прыгают, а чайки и гаги спокойно покачиваются на сверкающих водах. По всему побережью расположены отличные гавани, которые свободны ото льда как зимой, так и летом. Множество островов, одни скалистые и бесплодные, другие, покрытые скудной травой и деревьями, служат укрытиями для кораблей и пастбищами для скота. Более того, длинные рукава океана — так называемые фиорды - проникают далеко в глубь страны и, наполняясь водой из гольфстрима, который обрушивается на западное побережье Норвегии, в значительной степени смягчают климат. По берегам этих фиордов тянутся, со многими перерывами, вдоль кромки воды узкие полосы пахотных земель, и здесь первые германские поселенцы построили свои дома и начали свою борьбу за существование. Позади них и перед ними угрожающе вздымались огромные, покрытые снегом горы, обрушивая на них лавины, наводнения и внезапные вихри. Но, ничуть не обескураженные, они цеплялись за почву, исследовали сушу и море и выбирали наиболее благоприятные места для своего постоянного обитания.

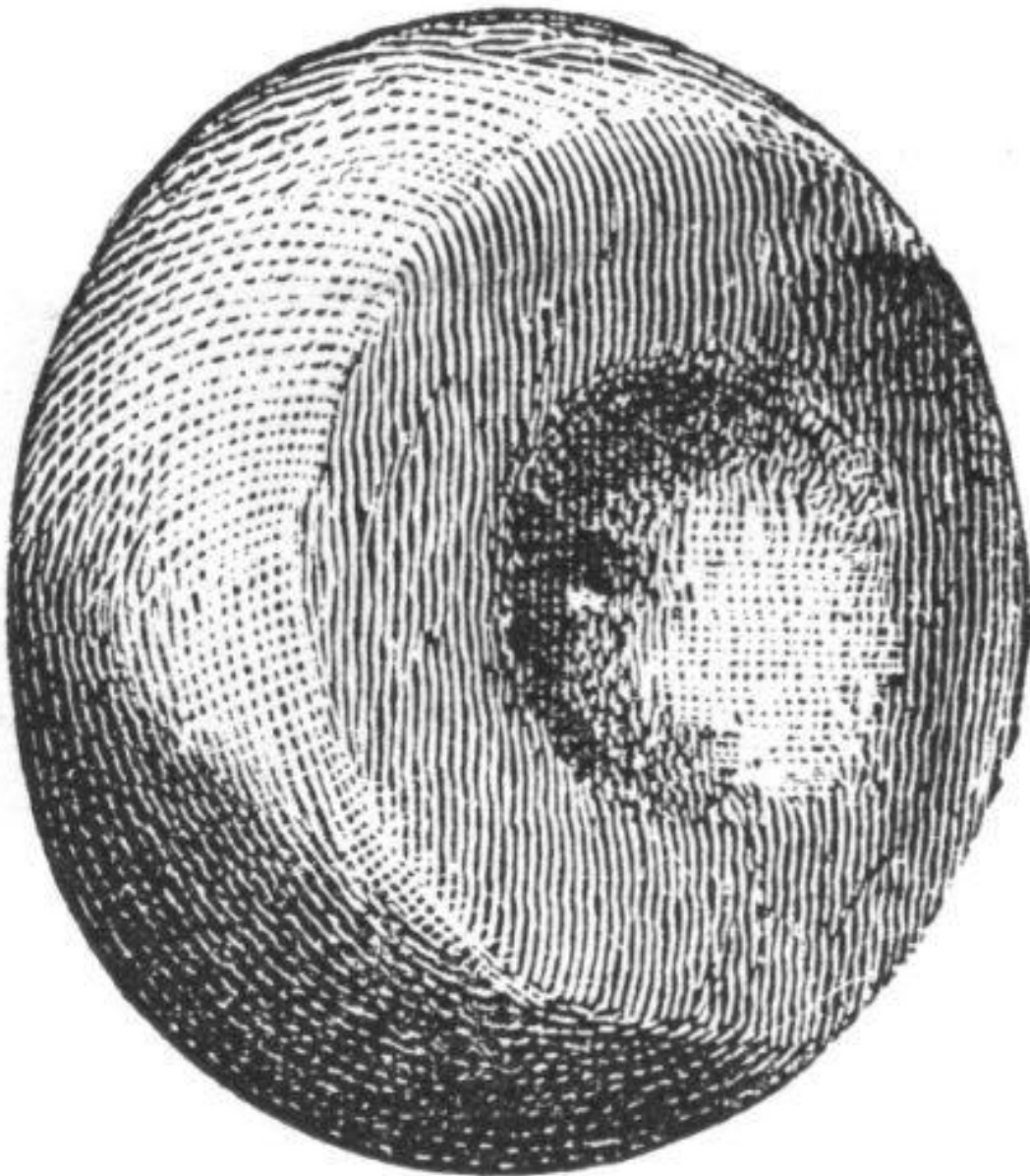
КАМЕННЫЕ ТОПОРЫ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА.

С достаточной долей уверенности можно сказать, что арийские поселенцы в Норвегии в то время очень мало знали о сельском хозяйстве, но зарабатывали на жизнь охотой, рыбной ловлей и скотоводством. Хижины, которые они строили из бревен, были грубыми приспособлениями, которые можно было легко снести и передвинуть. Но, поскольку в очень ранний период они начали больше посвящать себя возделыванию земли, их жилища стали больше и строились с большей тщательностью. Когда орда воинов вторглась в долину, их первой задачей было расчистить леса, которые росли густыми и темными по склонам гор. Затем их вождь построил хов или храм для богов, где в определенное установленное время приносились жертвы. Было ли задачей вождя выделить каждому его долю земли, или каждый выбирал по своему усмотрению, неизвестно, но первое более вероятно; ибо скандинавы, какими бы гордыми и драчливыми они ни были, в исторические времена с готовностью подчинялись своим местным вождям и оказывали им большие почести. Это чувство родства внутри племени и добровольное признание власти было более важным в Норвегии, потому что характер тамошней местности вынуждал людей жить далеко друг от друга в разбросанных садах или фермах, между которыми общение часто было затруднено.

Поэтому *бендерам* или крестьянам было бы легко забыть обо всех общественных заботах и постепенно впасть в изоляцию и дикость. Но здесь их германская природа, в которой были зародыши социального прогресса, заявила о себе. По прошествии столетий людей все сильнее связывали общие занятия и интересы. Прежде всего, их сблизили религиозные обряды, затем необходимость защиты от внешних врагов. Жизнь и имущество были в те дни ненадежным достоянием, и только действуя согласованно, под руководством доблестного вождя, рассеянные крестьяне могли надеяться сохранить и то, и другое. Тогда у людей были более свирепые и воспламеняющиеся страсти, чем сейчас, и только страх возмездия мог научить их сдержанности.

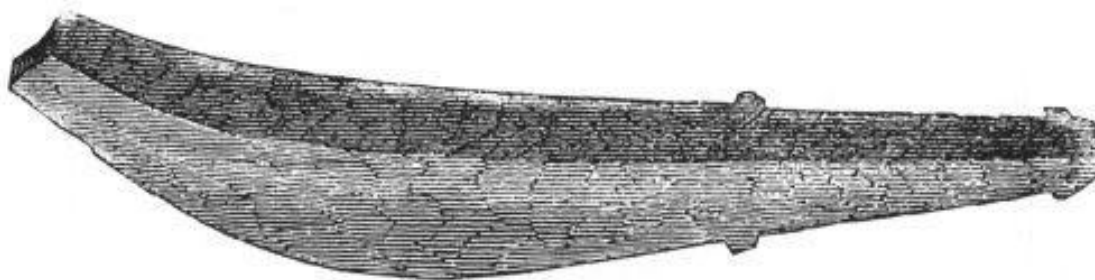

КАМЕННЫЙ МОЛОТОК.

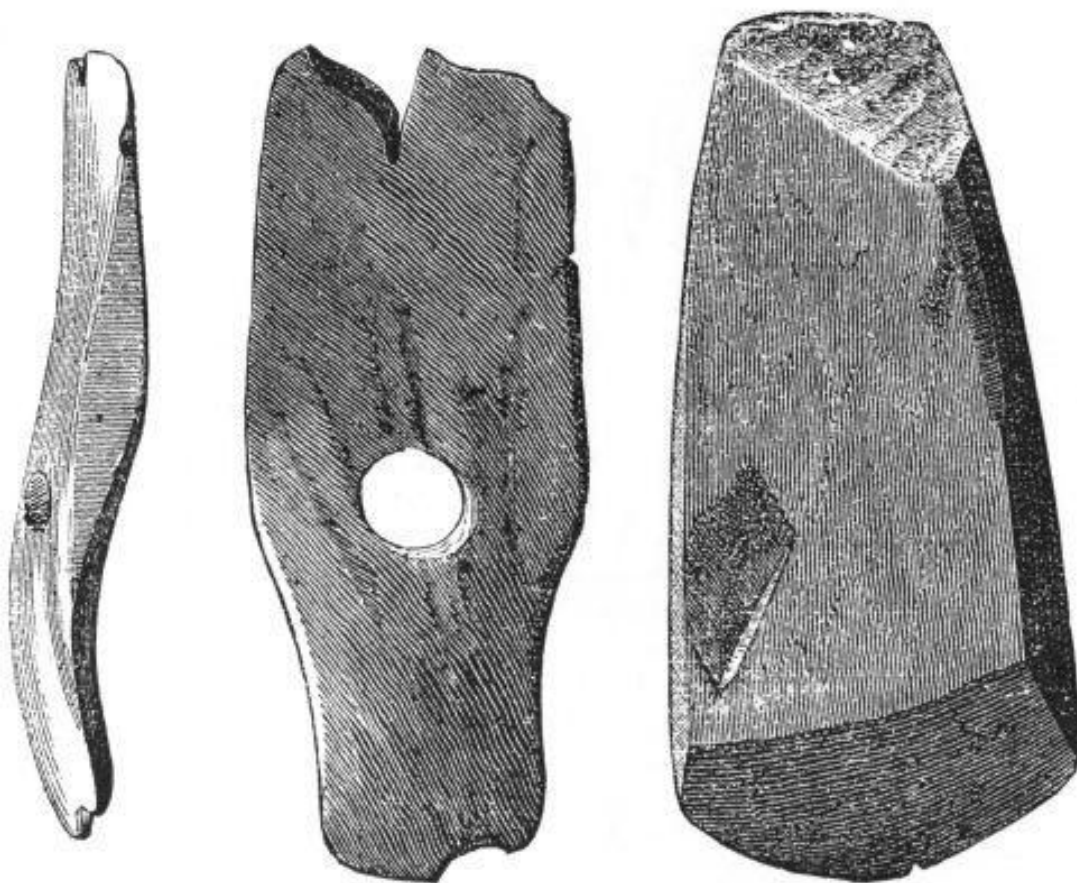
КАМЕНЬ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ ДЛЯ ПРИДАНИЯ ФОРМЫ ОРУДИЯМ ТРУДА.

Так получилось, что почти каждая отдельная долина в Норвегии сама по себе превратилась в маленькое королевство. Такое миниатюрное королевство называлось *филки*. Король был не всегда, но вождь был всегда, а иногда и не один. Королю принадлежало руководство на войне. Он жил в каком-то районе, который назывался *ярлом* или *ярлом*, хотя это имя стало в более поздние времена означать не независимого правителя, а скорее землевладельца, королевского наместника. Король не мог обложить крестьян налогами для своей поддержки или возложить на них какое-либо бремя, которое они не приняли бы по своему собственному свободному выбору. Как правило, его достоинство наследовал его сын, хотя народ был волен, в случае неодобрения наследника, выбрать другого. Этим правом неоднократно пользовались в исторические времена как в Швеции, так и в Норвегии. Иногда, когда неурожай или непогода уничтожали их стада, крестьяне приносили своего короля в жертву своим богам. Все общественные несчастья они истолковывали как знак того, что боги разгневаны и жаждут кровавого искупления. Если урожай был хорошим, было очевидно, что их царь пользовался благосклонностью богов.

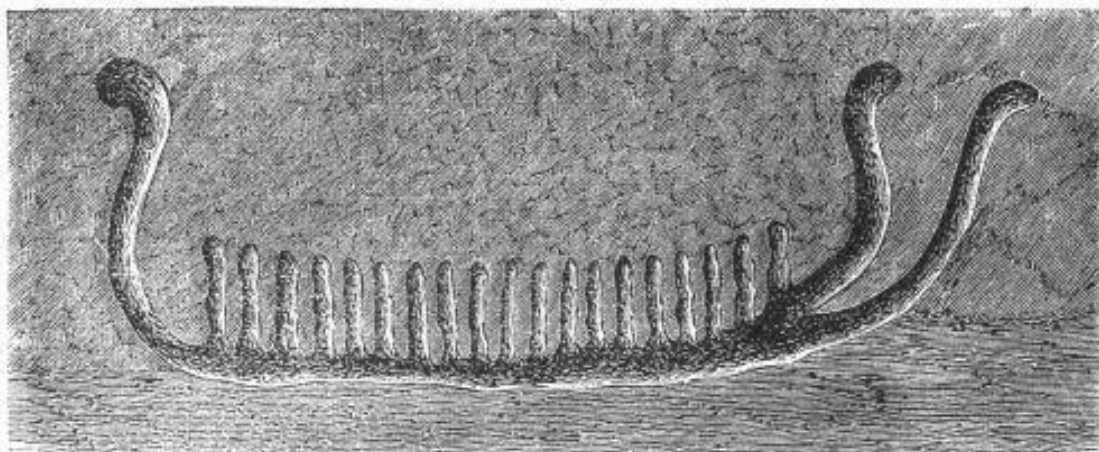

КАМЕННЫЙ НОЖ.

Таким образом, получается, что королевское достоинство у древних скандинавов было отягощено неприятными обязанностями. Это предполагало больше обязанностей, чем привилегий, поскольку, помимо командования на войне, король должен был также совершать публичные жертвоприношения на великих языческих праздниках. Таким образом, он был не только королем, но и священником. Фактически, как уже говорилось, он сам построил хов, или храм, и это было главным образом его собственностью, что возвысило его до достоинства, превосходящего достоинство других вождей. Именно благодаря этой же власти он выступал в качестве судьи на *филкисе*, или народном собрании, где все свободные люди собирались для консультаций по общественным и частным делам. *Делофилкиса* не было ни парламентом, ни судом, но и тем, и другим вместе взятым. Были улажены частные ссоры, согласованы кровопролития или штрафы за убийства и другие телесные повреждения, а также приняты решения, касающиеся мира и войны. Это было не представительное собрание, члены которого избирались голосованием, а скорее собрание графства (*shiremote*), где каждый мужчина, способный носить оружие, имел право высказаться. Вряд ли вас удивит, что там, где собралось так много свирепых и непокорных воинов, нарушения мира были частыми. Но когда обнажались мечи, было невозможно судить и обдумывать. Поэтому *вещь* филкиса была освящена, и нарушить покой *вещи* считалось величайшим из преступлений. Если человек убивал другого и публично объявлял себя его убийцей, преступление могло быть искуплено деньгами (*blood-wite*), выплаченными ближайшему оставшемуся в живых родственнику убитого. Если родственники принимали кровный обет, они не имели права мстить. Но в древние времена считалось более почетным отказаться от денег и прибегнуть к мечу. Если человек тайно убивал другого и отрицал свое преступление, его считали убийцей, и он не мог предложить кровопролитие. Затем он был объявлен вне закона, и каждый человек, увидевший его, был волен убить его.

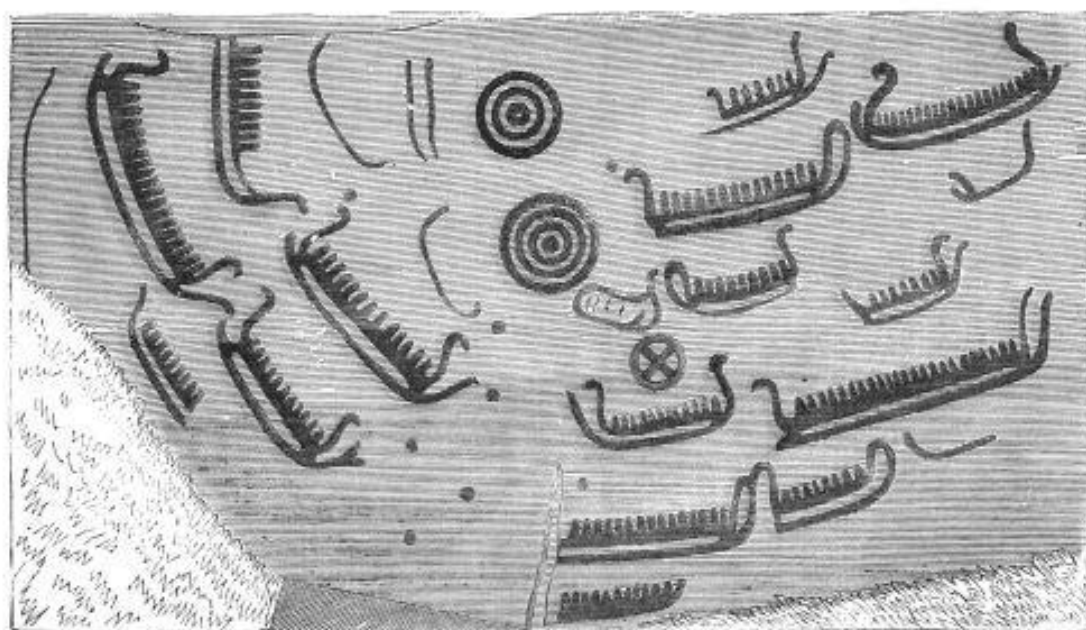

ТЕСЛО ИЗ ЛОСИНОГО РОГА.----- КАМЕННЫЙ КЛИН

НАСКАЛЬНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ КОРАБЛЯ В ЛОКЕБЕРГЕ В БОГУСЛЕНЕ.

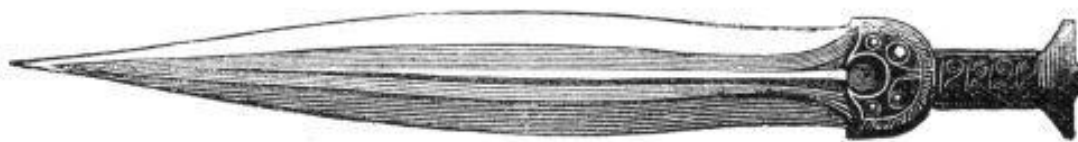
Таковыми были скандинавы в первые столетия после их поселения на своей нынешней родине. Несмотря на их жестокость и склонность к кровопролитию, вы все же признаете, что у них было много черт, вызывающих восхищение. Они могли признавать власть и в то же время сохранять стойкое чувство независимости. Какими бы простыми и несовершенными ни были их делафилки, их достаточно, чтобы продемонстрировать способность к самоуправлению и признание самого народа источником власти. Эти высокие светловолосые мужчины с вызывающими голубыми глазами, которые повиновались своим королям, пока доверяли им, и убивали их, когда те утрачивали их уважение, были предками норманнов, которые при Вильгельме Завоевателе вторглись в Англию и основали единственное европейское государство, которое с тех пор достигло высшей цивилизации и высшей свободы, пройдя медленные и равномерные стадии упорядоченного развития.

ГЛАВА II.

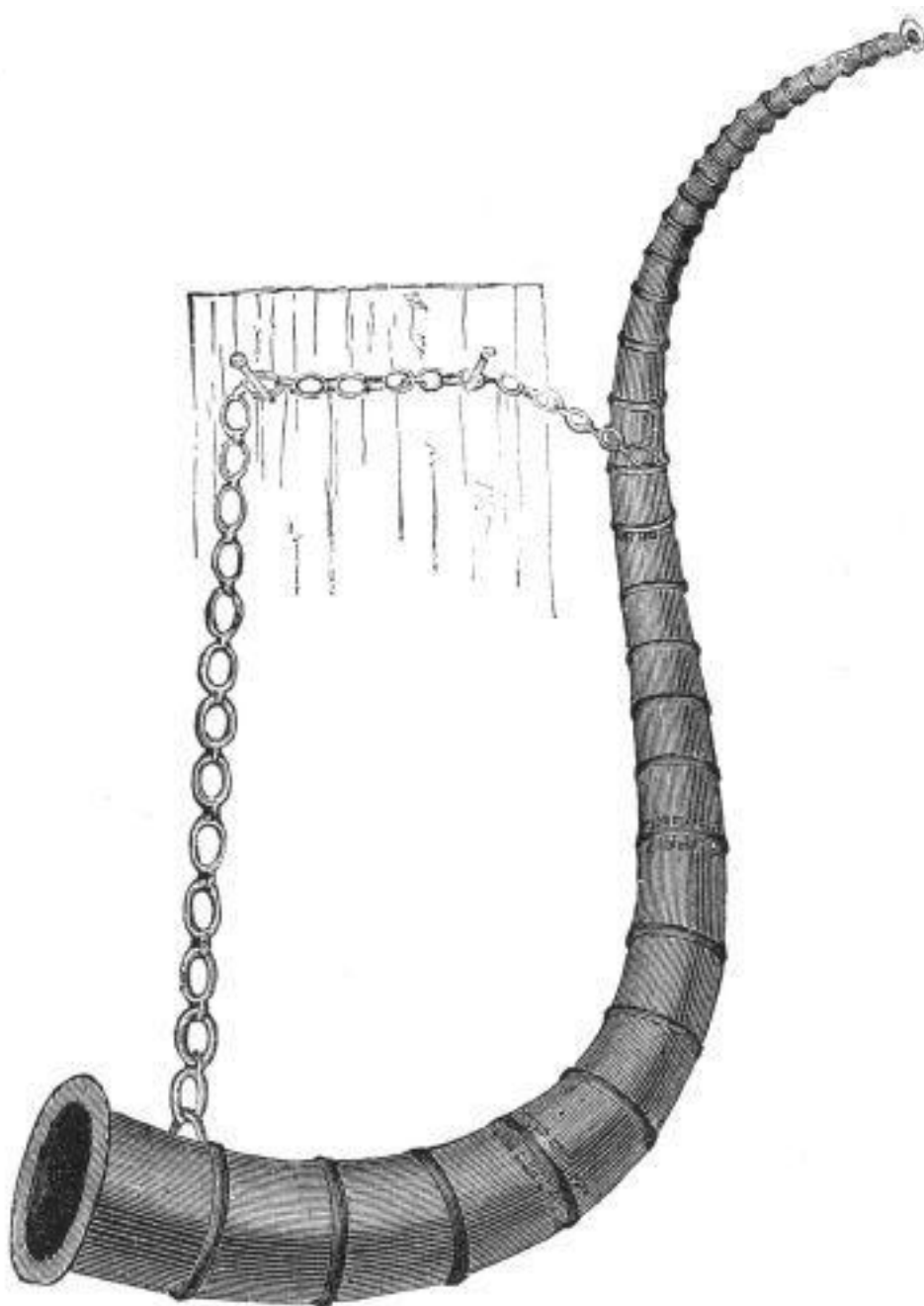
РЕЛИГИЯ СКАНДИНАВОВ.

Исландец Снорре Стурлассон написал в XIII веке очень замечательную книгу под названием "Хеймскрингла", или Саги о королях Норвегии. В этой книге он говорит, что Один, высший бог скандинавов, был вождем, который первым привел германские племена в Европу. Он был великим воином и всегда побеждал. Поэтому, когда он был мертв, люди приносили ему жертвы и молились ему о победе. Однако они не верили, что он на самом деле мертв, но что он вернулся в свой старый дом в Азии, откуда по-прежнему наблюдал за их судьбой и иногда навещал их лично. В сагах рассказывается много историй о людях, которые видели Одина, особенно когда предстояла великая битва. Он был представлен как высокий бородатый одноглазый мужчина, одетый как воин. У него было два брата, Вайл и Ви, и много сыновей и дочерей, которым поклонялись так же, как ему, и которые стали богами и богинями. Одина и его детей звали *озирами*, что, по словам Снорре, означает азиатов; и их дом *Асгард*, или *Асахейм*, также указывает на их азиатское происхождение. Во время своих миграций *озир*ы вступили в контакт с другим народом, называемым *ванами*, с которыми после нерешительной битвы они заключили союз. *Ваны* затем объединились с *озирами*, и им поклонялись, как им.

БРОНЗОВЫЙ МЕЧ. (Вестергетланд в Швеции.)

Трудно определить, есть ли в этой традиции какая-либо основа истины. Мы знаем, что первобытные народы обычно делают богами своих ранних царей и вождей и поклоняются им после смерти. С каждым проходящим годом они становятся все величественнее и загадочнее. В бурях и землетрясениях, в громе и молнии они слышат их голоса и видят проявления их силы. Все больше и больше они отождествляются со стихиями, которыми, как предполагается, должны управлять; им даются могущественные атрибуты солнца, неба и моря, и каждому отведена своя особая сфера действия. Предполагается, что вождь, который при жизни был доблестным воином, дарует победу тем, кто взывает к нему. Тот, кто преуспел в искусстве мира, продолжает править временами года и даровать хороший урожай и процветание тем, кто жертвоприношениями добивается его благосклонности. Возможно, таково было происхождение скандинавских богов; хотя многие ученые утверждают, что они с самого начала были олицетворениями стихий и никогда по-настоящему не существовали на земле. Но независимо от того, были ли они изначально людьми или солнечными мифами, о них рассказывали интересные легенды, которые, возможно, стоит пересказать.

ЛУР ИЛИ БОЕВОЙ РОГ ИЗ БРОНЗЫ. (Скаане.)

В начале времен существовало два мира: Муспелхейм, мир огня, королем которого был Суртур, и Нифльхейм, мир мороза и тьмы. В Нифльхейме был источник Хвергельмер, где обитал ужасный дракон Нидхеггер. Между этими двумя мирами была зияющая пропасть Гиннунгагап. Весенний Хвергельмер пустил двенадцать ледяных рек, которые были названы Эливагар. Они постепенно заполнили пропасть Гиннунгагап. Когда бурные воды устремились в бездну, они замерзли и снова были оттаяны искрами, вылетевшими из огненного Муспелхейма. Замерзшие пары падали инеем, и тепло придавало им жизнь. Они приняли форму и превратились в йотунов, или гигантских имеров, от которых происходит злая раса ледяных великанов. Одновременно с Имером появилась на свет корова Аудумбла. Она слизнула соленый иней, и появилось могучее существо в облике человека. Он был большим и красивым, и звали его Буре. Его сыном был Бор, который женился на дочери йотуна и родил троих сыновей: Одина, Вайла и Ве. Эти три брата убили Йотуна Имера, и в его крови утонула вся раса йотунов, за исключением одной пары, от которых произошла новая

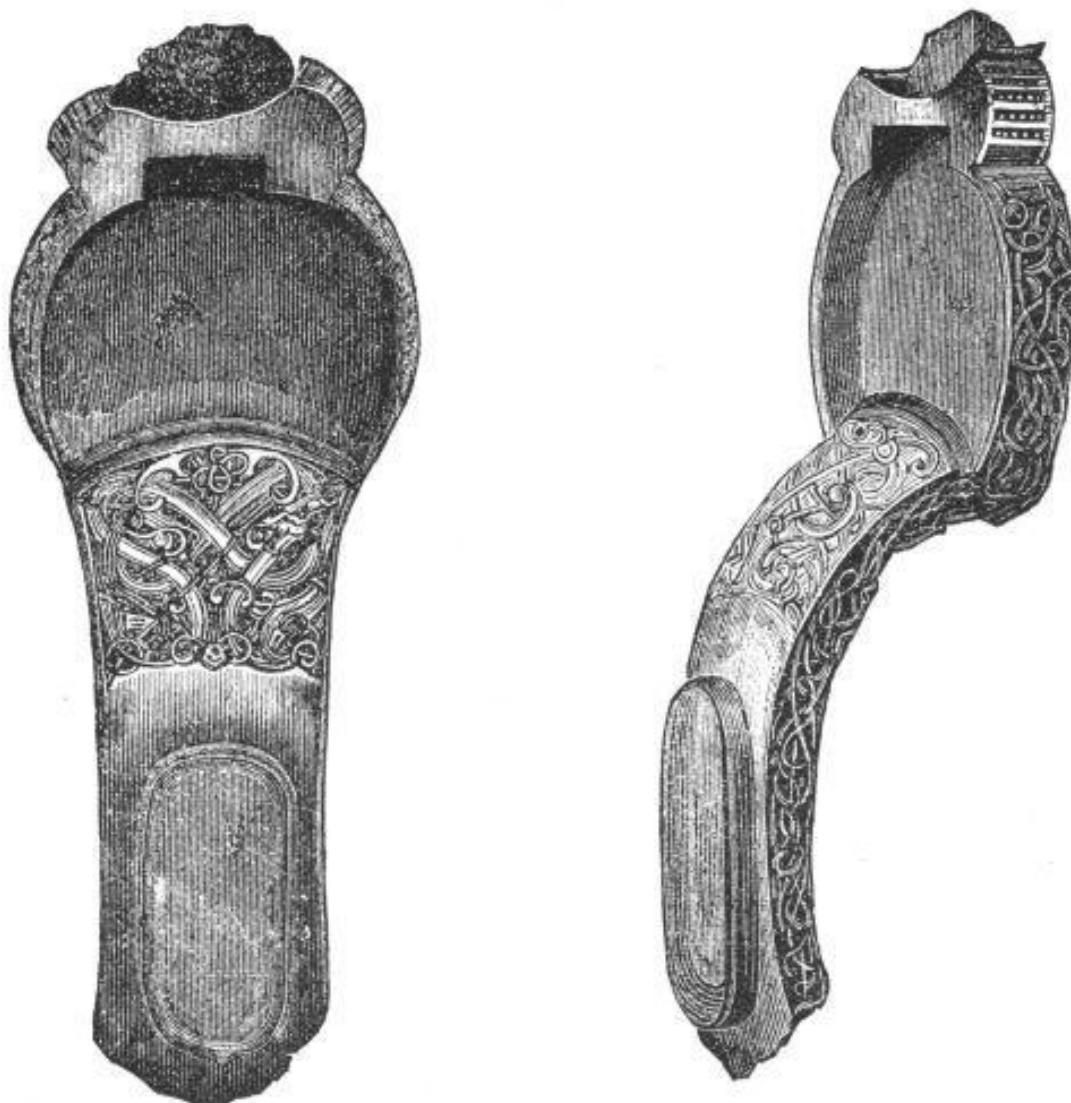
раса великанов. Затем Один и его братья перетащили огромное тело Имера в середину Гиннунгагапа и создали из него мир. Из плоти они сотворили землю, кости стали камнями и высокими горами, а кровь его - морем. Из его волос они сотворили деревья, а из его черепа - великий небесный свод. Его мозг они рассеяли по воздуху, где его фрагменты до сих пор плавают в причудливых, фантастических формах и называются облаками. Они собирали летящие искры из Муспельхейма и превращали их в солнце, луну и звезды, которые подбрасывали к голубому небесному своду. Затем они устроили сушу и воду так, что океан обтекал всю землю, а за водной пустошью они устроили обитель йотунов. Поэтому это холодное и бесплодное царство за морем называется Утгард или Йотунхейм. От земли к небу они протянули разноцветный мост, который называли Бифрост или радуга. Женщина-йотун Ночь вышла замуж за Деллинг (Зарю) и стала матерью Дня, который разъезжал по небу в своей сияющей колеснице, всегда сопровождаемый своей темной матерью. Последний правил огромным черным конем по кличке Хримфакс, с покрытых пеной удила которого капала роса, освежавшая траву в темное время суток, в то время как конь Дзэ, Скинфакс, распространял из своей сияющей гривы великолепный свет по земле. Далее рассказывается, что от жары в теле Имера развелось множество личинок, которые приняли форму крошечных человечков и были названы гномами или карликами. Они живут в пещерах и горах и знают обо всех сокровищах золота, серебра и драгоценных камней в тайных камерах скал. Они также обладают большим мастерством в обработке металлов, но не выносят солнечного света. Последним был создан человек. Однажды, когда три бога, Один, Хенер и Лодур, гуляли по берегу моря, они нашли два дерева и сделали из них мужчину и женщину, которых называли Аск и Эмбла (ясень и вяз). Один дал им дыхание жизни, Хенер - речь и разум, Лодур - кровь и светлый цвет лица.

BRONZE SWORD. (Sandherred.)

БРОНЗОВЫЙ МЕЧ. (Переданный из песка.)

Древние скандинавы представляли мир в виде огромного ясеня по имени Игдрасиль, три корня которого тянутся: один к богам в Асгарде, другой к Йотунхейму, третий к Нифльхейму. На третьем постоянно грызет дракон Нидхеггер. На верхушке дерева сидит орел; среди ветвей бегают четыре оленя; а вверх и вниз по стволу резвится белка, которая разносит клевету и пытается поссорить орла и дракона. Под корнем, который тянется к Йотунхейму, находится источник мудрого Йотуна Мимера, которому Один подарил один из своих глаз в обмен на глоток из его источника. Ибо всякий, кто пил из его воды, мгновенно становился мудрым. Под вторым корнем ясеня, который получает питание с небес, находится священный источник Урд, куда боги ежедневно направляются по мосту Бифрост. Здесь они встречают трех Норн — Урд, Вердане и Скульд (Прошлую, Настоящую и Будущую), августейших богинь Судьбы, чьи указы не в силах изменить даже боги. Норны поливают водой из источника корень Игдрасиля и таким образом поддерживают жизнь мирового древа. Они управляют судьбами богов и людей, даруя жизнь или смерть тому, кому им заблагорассудится.

ПРЯЖКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА. НАЙДЕНА В ГЕТЛАНДЕ, провинция СТАВАНГЕР.

Один обитает со всеми другими богами в Асгарде, где он принимает в своем сияющем чертоге Валгаллу всех тех, кто погиб от меча. Поэтому его называют Вальфатером, а те павшие воины, которых он выбирает себе в гости, известны как *эйнхери*, то есть великие чемпионы. Валгалла великолепно украшена полированным оружием. Потолок сделан из копий, крыша покрыта сверкающими щитами, а стены украшены доспехами и кольчугами. Поэтому чемпионы выходят каждый день и сражаются в великих битвах, убивая и калеча друг друга. Но каждую ночь они просыпаются целыми и невредимыми и возвращаются в чертог Одина, где проводят ночь в веселых кутежах. Девы Одина - Валькирии, которые перед каждой битвой выбирают тех, кого предстоит убить, ухаживают за воинами, наполняют их большие рога медом и дают им поесть мяса свиньи.

Великим местом сбора богов в Асгарде являются равнины Иды. Здесь находится трон Одина, с которого он восседает, обзревая весь мир. Рядом с ним сидят два волка — Гир и Фрике, а на его плечах - вороны Хугин и Мунин, которые ежедневно вылетают и приносят ему вести из самых отдаленных уголков земли. Если он хочет попутешествовать, он садится верхом на своего восьмифутового коня Слейпнера, который с удивительной скоростью переносит его повсюду. Когда отец богов и людей отправляется на битву, он надевает золотой шлем и кольчугу, которые ослепительно сияют издали. Он также носит с собой свой копьёметатель, который он посылает вперед всякий раз, когда желает побудить людей к

войне. Но, помимо того, что Один бог войны, он также наслаждается поэзией и мудрыми советами. Он - бог скальдов, или поэтов; ибо он пил мед Суттунга, который наделял даром пения. Он хорошо разбирается в колдовстве и научил людей искусству написания рун.

Тор, сын Одина, живет в Трудванге. Он сильнейший из всех богов, и у него есть огромный молот Мьельнер, с помощью которого он ведет непрерывную войну против йотунов, или туманных великанов. Он едет в повозке, запряженной двумя баранами, по мосту Гьяллар (гулкий мост), который ведет в Йотунхейм, и грохот повозки и стук его молота, когда он швыряет его в головы убегающих великанов, заставляют дрожать небесный свод. Это то, что люди называют громом. Когда Тор голоден, он убивает своих баранов и съедает их мясо, но он всегда тщательно собирает кости и бросает их обратно в шкуры. Затем, на следующее утро, бараны резвы, как всегда, и готовы к употреблению. У Тора есть жена по имени Сиф, у которой золотые волосы.

Бальдер, добрый и прекрасный, также является сыном Одина. Он мудр и нежен, и доброта излучается от его лица. Его жену зовут Нанна, а его жилище Брейдаблик.

Ньерд - повелитель морей, он может поднимать штормы и успокаивать волны по своему усмотрению. Он принадлежит к расе ванов, но все же ему поклоняются как богу. Он владелец огромного богатства и может даровать процветание тем, кто пользуется его благосклонностью. Ньерд был женат на йотунке Скади, но снова был разлучен с ней. Его обитель находится в Ноатуне, откуда открывается широкий вид на море.

Фрей, сын Ньерда, правит временами года и дарует мир и хороший урожай. Поля и пастбища растут, и скот процветает под лучами его благосклонности. Он живет со своей женой Герд в Альфхайме. Тир - бог мужества, к которому люди взывают, собираясь вступить в битву. У него осталась только одна рука, так как другую он засунул в пасть Волку Фенриру, который откусил ее. Браге - бог песен, клятв и заверений. У него длинная борода, и он обладает мудростью и красноречием. Когда люди осушали рог в его честь, они давали клятвы о смелых подвигах, которые они совершат, и призывали бога в свидетели того, что они их сдержат. Много было тех, кто, будучи пьяными, брался за безрассудные начинания и погибал при попытке их осуществить. Жена Браге - вечно молодая Идун. У нее хранятся чудесные яблоки, которые едят боги, чтобы сохранить красоту и силу вечной молодости.

Стража богов зовут Хеймдал. Его чувства настолько обострены, что ничто не может ускользнуть от него. Он может видеть на сотни миль и слышать, как растет трава. Когда он трубит в свой рог Гьяллар (звучащий рог), его воодушевляющий зов слышен по всему миру. Жилище Хеймдала - Химинбьярг у моста Бифрост.

Среди менее значимых богов можно упомянуть Уллера, пасынка Тора, который является мастером бега на снегоступах; Форсете, сына Бальдра, который заключает мир между поссорившимися; Хедера, слепого бога, застрелившего Бальдра; и молчаливого Видара.

Первой из богинь является Фригг, жена Одина, обитающая в Фенсале. Она защищает от опасности тех, кто взывает к ней. Фрейя, Северная Венера, - богиня красоты. Она дочь Ньерда, была оставлена своим мужем Оддом и всегда надеется на его возвращение. Она путешествовала повсюду в поисках его и плакала, потому что не могла найти его. Ее слезы превратились в золото, и поэтому поэты называют золото слезами Фрейи. Ее колесницу, в которой она разъезжает по небу, запрягают кошки, хотя иногда она летает в облике лебедя и посещает далекие страны. Ее ожерелье Брисинг, изготовленное гномами-чудотворцами, обладает ослепительным великолепием. Обиталище Фрейи - Фолькванг, и туда возносятся

молитвы влюбленных юношей и дев. Дочь Фрейи, Хнос, изумительной красоты и с милым нравом. Ее имя до сих пор используется в детской как ласкательное имя для младенцев.

Владычество на море не принадлежит полностью Ньерду. Йотун Эгер правит вздымающимися волнами и приводит их в ярость, пока Ньерд снова не обузывает их и не приказывает успокоиться. И все же Эгер - друг богов, и они иногда посещают его в его великолепном подводном зале, где в изобилии разливаются эль и медовуха. Сам он миролюбиво настроен по отношению к мужчинам, но ему противостоит его ужасная жена Ран, которая со своими девятью дочерьми (волнами) устраивает кораблекрушения и затягивает утопленников в свою водную обитель.

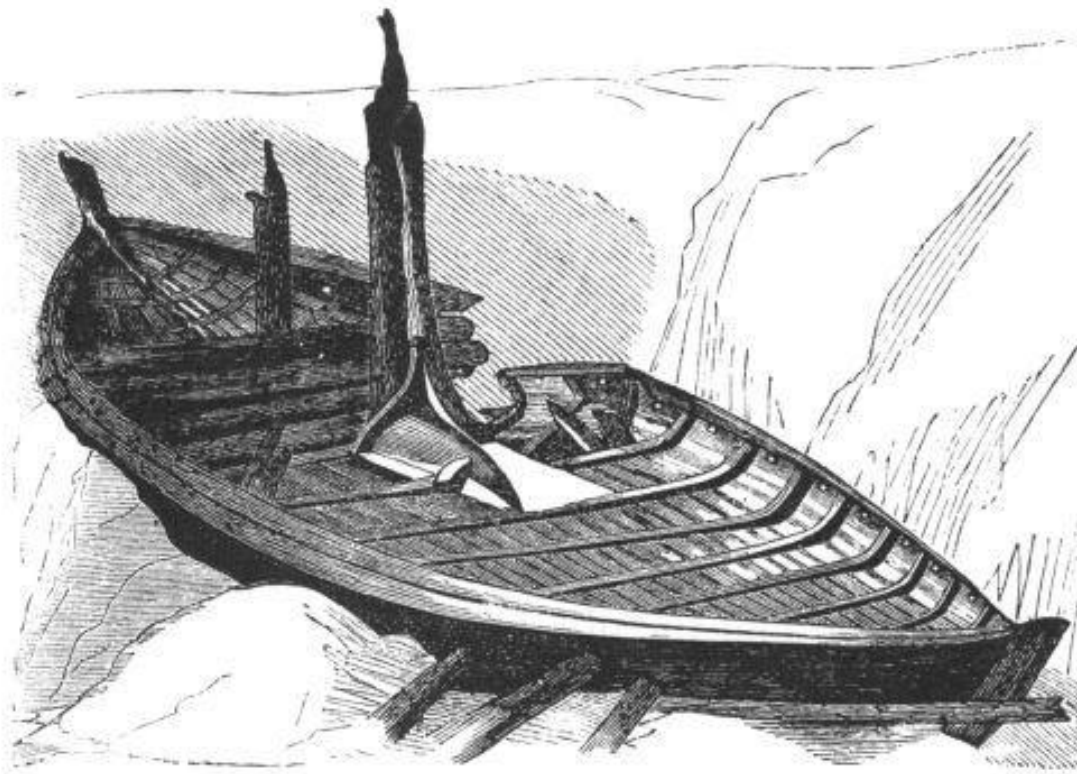
Еще следует упомянуть одного обитателя Асгарда, и это злой Локе, который нарушает покой богов и приведет к их окончательному разрушению. Он родился среди йотунов, но завоевал доверие Одина своим приятным присутствием и прекрасной речью. Он получал удовольствие от озорства и любил творить зло. У него было трое ужасных детей — волк Фенрис, мировой змей и Хель. Когда эти монстры выросли, боги предвидели, что их присутствие в Асгарде вызовет неприятности. Таким образом, волк Фенрис был, разорвав крепчайшие цепи, связан магическим шнуром, сделанным из шума кошачьих лап, женской бороды, горных корней и других столь же неосязаемых вещей. Эту нить он не мог разорвать. Мировой змей был брошен в океан, где продолжал расти, пока не опоясал всю землю и, наконец, не укусил себя за собственный хвост. Хель была сослана в Хельхейм, где она стала правительницей мертвых и богиней подземного мира.

ГЛАВА III.

ЭПОХА ВИКИНГОВ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРУИЗОВ ВИКИНГОВ.

Скандинавы вплоть до середины VIII века не играли никакой роли в мировой истории. Само их существование было неизвестно остальной Европе. Но к концу восьмого века они, подобно разрушительной буре, обрушились на цивилизованные земли, сея на своем пути опустошение. Когда их быстроходные корабли с двумя квадратными парусами были замечены в устьях рек, люди в ужасе разбегались, а священники тщетно молились: "Избавь нас, о Господи, от ярости скандинавов".

КОРАБЛЬ ВИКИНГОВ, НЕДАВНО ОБНАРУЖЕННЫЙ В ГОГСТАДЕ, НЕДАЛЕКО ОТ САНДЕФЬОРДА.

Было несколько причин для такой внезапной воинственной активности со стороны скандинавов. Они вели войну с незапамятных времен, потому что война была для них самым почетным занятием. Как говорит Тацит об их родственниках, германцах: "Они считали позором приобретать потом то, что они могли бы получить кровью". Но до эпохи викингов они сражались друг с другом. Один граф или король совершал экспедиции за фуражом в земли своих соседей и увозил с собой всю добычу, которая попадалась ему под руку. Но в этой бесконечной войне тот или иной из них должен в конце концов стать побежденным, и более сильный, скорее всего, вытеснит или победит более слабого. Именно это и произошло на севере. Большие участки земли, составленные из небольших завоеванных королевств, были объединены под властью одного успешного вождя, который, конечно же, поспешил предотвратить грабежи в пределах своих собственных границ. С ростом могущества этих местных королей нападать на них становилось все более и более рискованно, и поле для внутренней войны, таким образом, постоянно сужалось. Но война была самым условием существования вождя у древних скандинавов. Его честь зависела от количества его последователей и великолепия их снаряжения, и чтобы получить средства для развлечения и экипировки их, он был вынужден вести войну. Когда он больше не мог делать этого дома,

он, естественно, уехал за границу. Не свирепость и не чрезмерная алчность побудили его обнажить меч; но желание сохранить свою честь среди людей, что в условиях войны является всего лишь другой формой инстинкта самосохранения. Высокородный вождь должен был стать грозным, чтобы защитить свою жизнь и имущество. Он должен был жить в соответствии со своим рангом, если он вообще хотел жить. Его воины были не только его армией, но и его личной охраной. Он должен был вести себя по-королевски по отношению к ним, чтобы сохранить их добрую волю; и, помимо личной доблести, щедрость в пожертвованиях была первейшей обязанностью короля. Поэтому короля называют разбивателем колец (большие массивные золотые нарукавники используются для оплаты) и ненавистником золота.^[A]

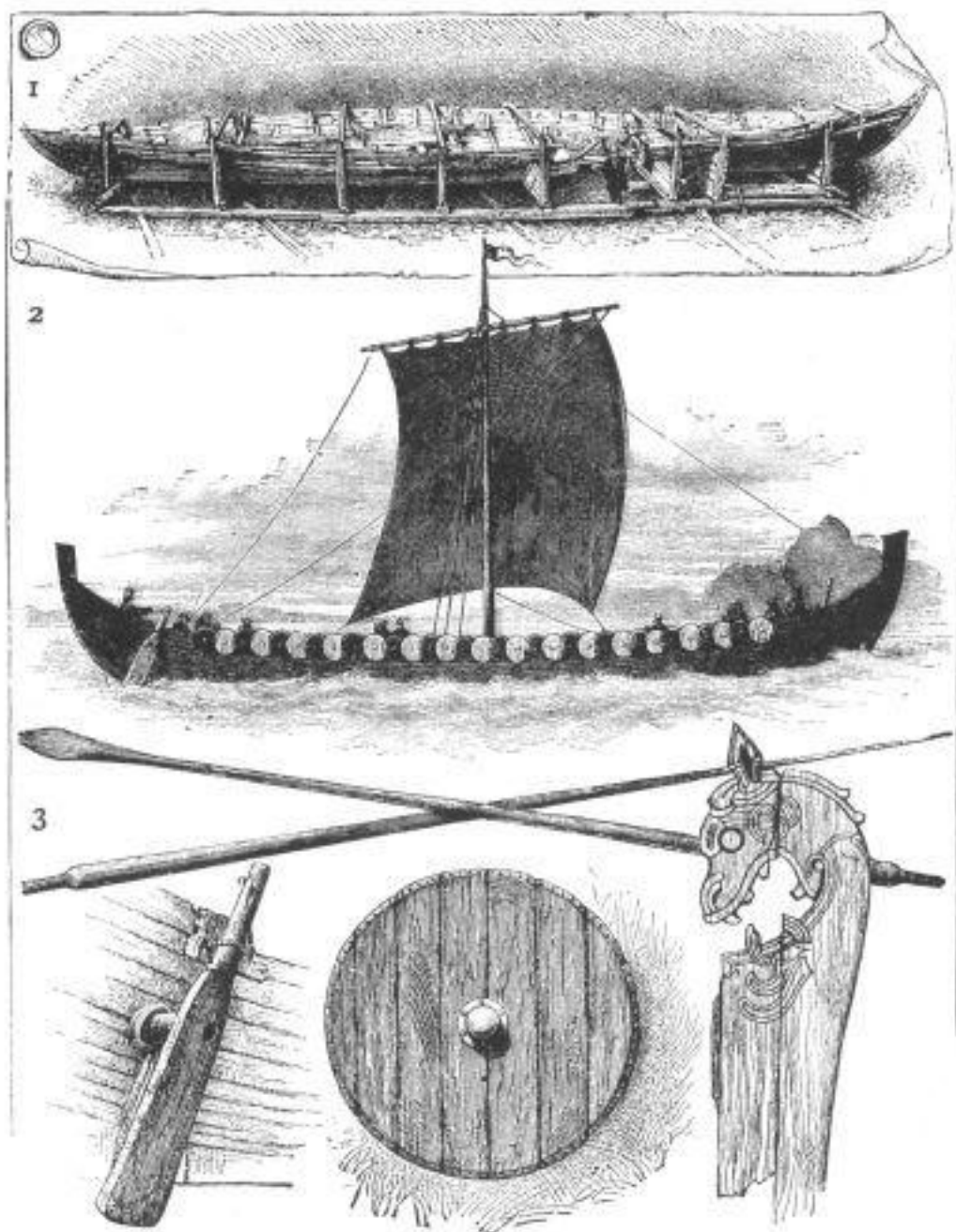
^[A] Мунк ("История норвежского народа", 1-124) выводит слово king (древнескандинавское, *konungr*; англосаксонское, *cuning*; О. Х. немецкое, *chuninc* и *chunig*) из *Kun* или *Kon*, что означает расу, происхождение; и интерпретирует это слово как означающее (подобно лат. *generosus*) высокое рождение или нисхождение.

В древнейшие германские времена не существовало четкого различия между титулами "граф" и "король". Однако походы викингов помогли установить это различие. Граф, который, собрав вокруг себя большое количество воинов, отправился за границу с целью завоеваний, был провозглашен своими людьми королем. Многие викинги высокого происхождения принимали имя королей, отправляясь в военные экспедиции; но были известны как морские короли, в отличие от тех, кто правил дома над фиксированными владениями. Число этих морских королей чрезвычайно возросло (по причинам, указанным выше) к концу VIII века. Они нападали не только на побережья соседних стран, но и пересекали Северное море и Балтийское, унося с собой или убивая жителей и разрушая города. Церкви и монастыри они грабили, развеивая кости святых по всем ветрам; все, что христиане считали священным, они попирали ногами. И все же мы должны иметь в виду, что все, что мы знаем об этих ранних викингах, почерпнуто из сочинений их врагов, которые страдали от нанесенного им ущерба. То, что они были жестокими, достаточно правдоподобно. Воинственное состояние само по себе вызывает жестокость. Оно пробуждает в человеке всю дремлющую дикость и подавляет его более благородные порывы. Но определенные моральные качества им признают даже враждебно настроенные хронисты. Они признают, что скандинавские варвары, как правило, были верны своим клятвам и выполняли свои обещания.

В эпоху викингов можно выделить три периода^[A], хотя во времени между ними нет резких различий. Возможно, правильнее было бы сказать, что существовало три типа викингов. Первые круизы были более или менее предварительными и нерегулярными. Вожди собирают вокруг себя команды на несколько кораблей и плывут в Англию, Данию или Фландрию, где нападают на город или монастырь и возвращаются домой со своей добычей. Второй период показывает прогресс в военном искусстве и накоплении военного опыта. Несколько викингов сообща атакуют какую-либо открытую точку, овладевают ею, возводят укрепления и совершают набеги на окружающую местность. В течение третьего периода норвежцы отказываются от своего характера пиратов и берут на себя роль завоевателей. Располагая большими флотами, насчитывающими от одной до пятисот кораблей, они штурмуют и разоряют города, принимают на себя управление завоеванными территориями, ведут себя как обычные воюющие стороны с королями и императорами и навсегда обосновываются на завоеванной земле. О двух первых классах викингов у нас есть лишь разрозненные и ненадежные сведения. Отправляться в походы с викингами - признанное занятие в скандинавских сагах, и провести несколько лет своей юности в таких экспедициях считалось своего рода гуманитарным образованием для молодого человека хорошего происхождения.

Таким образом, его честь дома значительно возросла, а положение в обществе было обеспечено. Королевские юноши двенадцати-пятнадцати лет часто отправлялись за границу в качестве командиров флотов викингов, чтобы проверить свою мужественность и накопить опыт и знания о мужчинах.

[A] Sars: "Победа над Норвежской историей", 1-90.

1.—ВИД СБОКУ НА КОРАБЛЬ ВИКИНГОВ ГОГШТАДТА. 2.— ВОССТАНОВЛЕННЫЙ КОРАБЛЬ ВИКИНГОВ. 3.—ДЕТАЛИ КОРАБЛЯ ВИКИНГОВ.

Третий класс викингов, завоеватели, нашли своих историков как дома, так и за границей; и различные повествования, хотя и не совсем точные, дополняют и корректируют друг друга. Именно эти викинги-завоеватели продемонстрировали историческую миссию Норвегии и вдвойне возместили миру страдания, которые они навлекли на него. Способность выдерживать дисциплину без потери самоуважения, добровольное подчинение ради

взаимной выгоды и сила упорядоченной организации, основанная на этих качествах, - таков был вклад норвежских викингов в политическую жизнь Европы. Феодалное государство, которое, при всех его недостатках, все же является необходимой основой более высокой цивилизации, уходит своими корнями в германский инстинкт лояльности — взаимной преданности между господином и вассалом; и благородный дух независимости, который сдерживает и ограничивает власть правителя, а на более поздней стадии приводит к конституционному правлению, является даже более отчетливо норвежской, чем германской характеристикой. В то время как Норвегия, расположенная у северного полюса, развила демократию, Германия, слишком рано вступившая в контакт с Римом, установила военный деспотизм в конституционных формах. Дыхание новой жизни, которое викинги вдохнули в историю, живет и по сей день в Норвегии, Англии и Америке.

Одним из самых ранних завоеваний скандинавских викингов была часть нынешнего Слеса, которая в их честь получила название Нортмании. Вполне возможно, что они признавали суверенитет королей Дании, хотя нет прямых доказательств того, что они считали себя вассалами. Первое, что мы получаем о них, - это то, что их король Зигфрид в 777 году гостеприимно принял саксонского вождя Видукинда, который, когда его вызвали на встречу с Карлом Великим в Падерборн, бежал на север и искал убежища у своих норвежских единоверцев. Этот Зигфрид принадлежал к знаменитому роду инглингов, от которого произошел Гарольд Прекрасноволосый, а через него - длинный род норвежских королей. Более поздним королем Нортмании, у которого также были большие владения в Норвегии, был Гудред, или Годфри Охотник. Благодаря дружбе саксов он неоднократно вступал в столкновения с Карлом Великим и даже угрожал напасть на императора в Ахене. Рассказывают, что он был убит своими же людьми в 809 году. Примерно за год до этого он напал и убил короля Агдера, на дочери которого Аасе женился. Она родила ему сына по имени Хальфдан Смуглый, но отомстила за смерть своего отца, подговорив свою служанку убить ее мужа, когда он был пьян. Один из сыновей Годфри, Эрик, вел временную войну с сыном Карла Великого, Людовиком Благочестивым, посылал посольства в Ахен, а в 845 году, во время правления Людовика Немецкого, разграбил и сжег Гамбург. Святой Ансгарий, апостол Севера, который был поставлен императором архиепископом Гамбурга, бежал со всеми своими священниками; а церковь и монастырь, которые он основал, были полностью разрушены.

Карл Великий вступил в контакт с викингами не только в своих отдаленных северных владениях. Хроники монахов Святого Галла повествуют, что он также сталкивался с ними в своих средиземноморских провинциях. Однажды, когда он посещал город в Нарбоннской Галлии, в гавани было замечено несколько быстроходных норвежских кораблей с квадратными парусами. Вскоре императору было доставлено сообщение о том, что экипажи высадились на берег и грабят его. Тогда никто не знал, какой национальности принадлежали эти корабли, одни предполагали, что они были еврейскими, другие - африканскими, третьи - что это были британские торговые суда.

"Нет, - сказал Карл Великий, - эти корабли набиты не товарами, а самыми воинственными врагами".

Услышав это, все схватили оружие и поспешили в гавань; но викинги тем временем узнали, что император находится в городе, и, поскольку у них не было достаточно сил, чтобы сражаться с ним, они бежали в море.

СВЯТОЙ АНСГАРИЙ, АПОСТОЛ СЕВЕРА.

Рассказывают, что Карл Великий, стоя у своего окна и наблюдая за их полетом, плакал. Отметив удивление своих людей, он сказал:

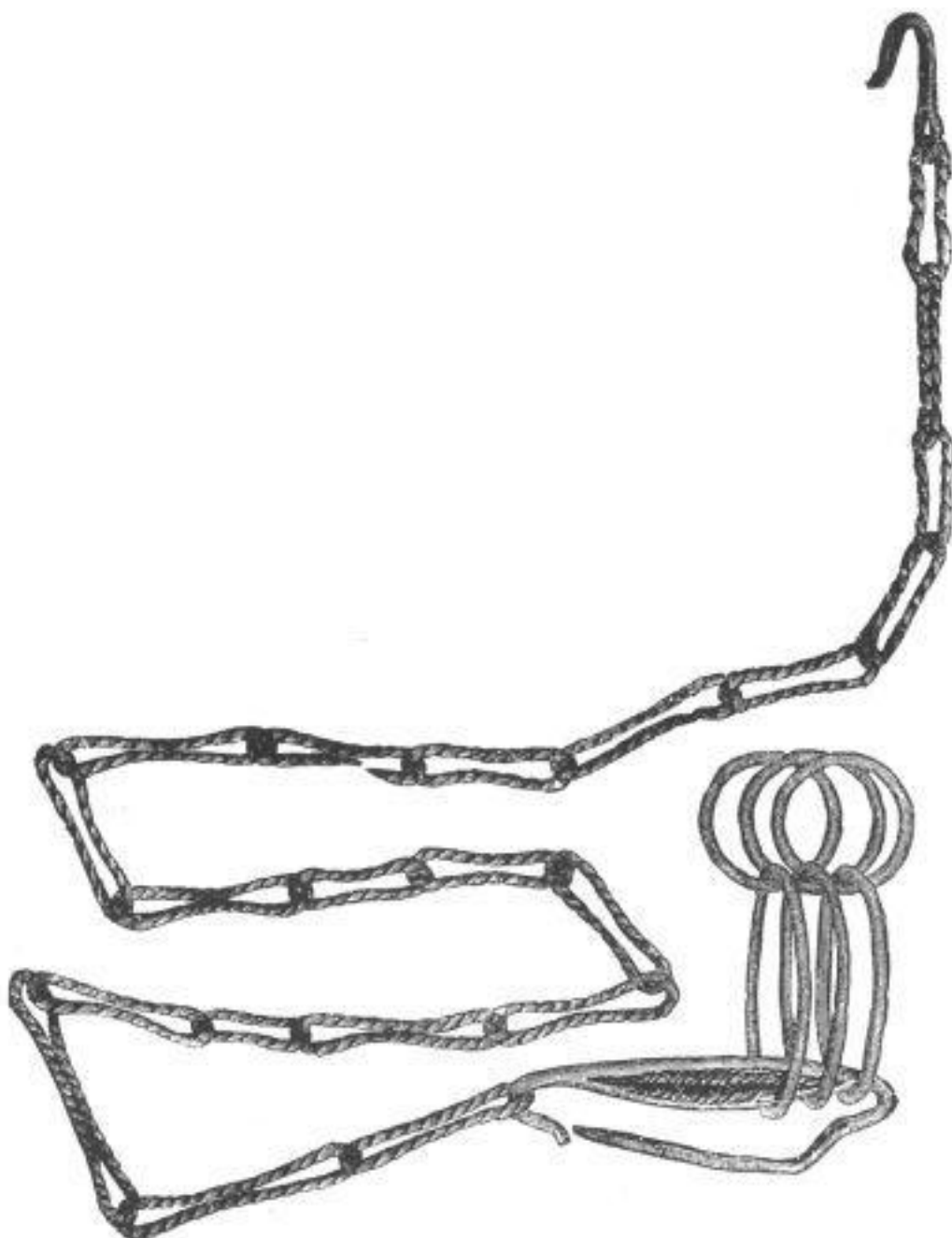
"Я плачу не потому, что боюсь, что эти негодяи могут причинить мне какой-либо вред; но я опечален тем, что, пока я жив, они осмелились показаться на этом побережье; и я с ужасом предвижу все зло, которое они причинят моим потомкам".[\[A\]](#)

[\[A\]](#) Манч (Ум. Norske Folks Historie 1-414) ставит под сомнение достоверность этой истории, потому что скандинавы появились в Средиземноморье не так рано, как указано в приведенной здесь хронике; фактически не ранее 800 г. н.э.

Эта история, наделяющая императора пророческим видением, имеет определенный легендарный привкус и, возможно, является монашеским вымыслом. Аналогичные пророчества, датируемые уже после этого события, встречаются у других церковных авторов и в достаточной степени демонстрируют то чувство, с которым относились к скандинавам. Особенно это касается одного типичного викинга, знаменитого Хастинга, который фигурирует как в священных, так и в светских хрониках. В 841 году он поплыл вверх по Луаре

с большим флотом, сжег город Амбуаз и осадил Тур. Жители, однако, вынесли кости своего святого покровителя на стены; и, согласно легенде, благодаря вмешательству святого викинги были обращены в бегство. Сообщается, что в 845 году Хастинг напал на Париж вместе с Бьерном Айронсайдом, сыном Рагнара Лодброка. Этот бесстрашный мародер распространил свои опустошительные действия на Балтику и даже на побережье Средиземного моря, и по мере того, как успех сопутствовал его знамени, он становился все более смелым и решительным осадить Рим.

Он даже мечтал водрузить себе на чело императорскую корону. С таким большим флотом, какой только мог собрать, он проплыл через Геркулесовы столпы, но прежде чем он достиг устья Тибра, шторм загнал его корабли в город Луна, недалеко от Каррары. Плохо разбираясь в географии, Хастинг принял этот город за Рим и решил захватить его стратегическим путем.

ЧАСТО ВСТРЕЧАЮЩИЙСЯ ЖЕЛЕЗНЫЙ ИНСТРУМЕНТ; ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕИЗВЕСТНО.

Он послал сказать епископу, что очень болен и желает креститься, чтобы умереть христианином. Епископ, а также комендант города попали в ловушку. Обрадованные перспективой заполучить столь ценного новообращенного, они открыли ворота и пригласили скандинавов войти. Те тем временем объявили, что Хастинг умер с момента отправки своего послания; и с большой помпой они понесли его гроб, сопровождаемый огромной похоронной процессией, в собор, где епископ стоял, готовый прочесть мессу за упокой души викинга. Однако внезапно, когда гроб поставили перед алтарем и началась месса, Хастингс вскочил, сбросил с себя саван и предстал в сверкающих доспехах перед изумленной толпой. Его люди по этому сигналу тоже сбросили свои траурные плащи и обнажили мечи. Епископ и его священники были убиты, и кровь потоками полилась по священным проходам. Последовала ужасная резня, и город был захвачен. Завершив это предприятие, Хастинг обнаружил, что, обманывая, он сам был обманут. В конце концов, он захватил не Рим. Воспринял ли он это как предзнаменование или нет, но у него пропало

желание вступить в вечный город. Довольный накопленной добычей, он повернул свой нос во Францию, где стал вассалом Карла Лысого, от которого получил ценные феоды.^[A]

^[A] В скандинавских сагах нет упоминания о Хастинге, и Мунк (1-429) приводит несколько причин сомневаться в том, был ли он историческим персонажем.

В хрониках более позднего времени упоминается множество других викингов, которые своими непрекращающимися нападениями на побережье довели энергию слабых королей Каролингов до предела. Говорят, что один из них, по имени Рагнар, разграбил Париж в 845 году, а другой, по имени Асгейр, четырьмя годами ранее разграбил и сжег Руан и монастырь Жюмьеж. Он провел одиннадцать лет, опустошая побережья Франции, и, наконец, в 851 году поплыл вверх по Сене, разрушил монастырь Фонтенель и сжег Бовуа. По возвращении в море он потерпел поражение от французов и был вынужден спрятаться со своими людьми в лесу, но ему удалось отбить свои корабли и благополучно скрыться. О третьем, Ререке, рассказывается, что примерно в 862 году он принял христианство, не испытав, как представляется, каких-либо заметных изменений в сердце. Разорив Дорестада и Нимвеген, два процветающих города на Рейне, и героически защитившись от короля Лотаря младшего, он заключил мир (873 г.) с Людовиком Немецким и воздержался от дальнейших грабежей.

ОБОЮДООСТРЫЙ МЕЧ. РУКОЯТЬ ИЗ СЕРЕБРА И БРОНЗЫ.

В деяниях викингов, будь то скандинавы или датчане, наблюдается определенное единообразие, что делает дальнейшее описание излишним. Можно кратко упомянуть лишь о нескольких их наиболее смелых предприятиях.

В Ирландию скандинавы были привлечены в сравнительно ранний период. В последнее десятилетие восьмого века они разрушили монастырь Иона, или Иколмкилл, а между 810 и 830 годами посеяли ужас и опустошение по всему побережью. В 838 году они приплыли на ста двадцати кораблях к Дублину и завоевали город под предводительством Торгисла, который до сих пор упоминается в ирландских песнях и сказаниях под именами Тургес и Тургезиус.

"После многих ожесточенных сражений", - говорит старый автор, [\[A\]](#) "он завоевал за короткое время всю Ирландию и возводил, куда бы ни пошел, высокие каменные укрепления с

глубокими рвами, из которых в стране еще можно увидеть множество руин". Наконец он влюбился в дочь Мэлсехнейла, короля Мита, и потребовал от него, чтобы он прислал ее к нему в сопровождении пятнадцати юных дев. Торгисл пообещал встретить ее с таким же количеством высокородных норвежцев на острове в Лох-Эрне. Но вместо дев Мэлсехнейл послал пятнадцать безбородых юношей, переодетых женщинами и вооруженных кинжалами. Когда Торгисл прибыл, они напали на него и убили. В прошлый раз Мэлсехнейл спросил Торгисла, что ему следует сделать, чтобы избавиться от некоторых странных и вредных птиц, которые попали в страну. "Уничтожь их гнезда", - сказала Торгисл. Соответственно, Мэлсехнейл сразу же начал разрушать норвежские замки, в то время как ирландцы убивали или прогоняли скандинавов.

[A] Giraldu Cambrensis, *Топогр. Гиберния*, глава. 37. Цитируется по Мунку, 1-438.

ПРЯЖКА ИЗ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА.

Представляется вероятным, что правление Торгисла в Ирландии длилось с 838 по 846 год, хотя цитируемый выше хронист называет гораздо более длительный период. Более прочную власть над страной приобрел норвежский морской король Олаф Белый, принадлежавший к расе великих инглингов. В 852 году отряд датских викингов овладел Дублином; но Олаф разбил их и вынудил прислать ему заложников. Затем он обосновался в городе, построил замки и обложил налогами окружающую страну. Два других норвежца, братья Сигтригг и Ивар, основали примерно в то же время королевства — первое в Уотерфорде, второе в Лимерике, — однако не смогли соперничать с Олафом в великолепии и могуществе. Говорят, что владычество скандинавов в Дублине длилось триста пятьдесят лет. Ирландские источники сообщают об этих замечательных событиях несколько иначе. Рассказывают, что скандинавы часто плавали вверх по рекам не как воины, а как мирные купцы, и что ирландцам было выгодно торговать с ними. Таким образом, они приобрели значительные владения в городах, и когда пришли викинги, в крупных городах уже была группа, которая благоволила им и облегчала их завоевания.

Из Дублина Олаф Белый совершил два похода в Шотландию, осадил Думбартон, отплыл на юг, в Англию, грабя и разоряя, и вернулся в Дублин с двумя сотнями кораблей, груженных драгоценной добычей. Оркнейские, Гебридские и Фарерские острова также в этот период неоднократно посещались викингами, и даже в Исландию были совершены экспедиции, которые, однако, не привели к постоянному заселению. Ирландские отшельники и благочестивые монахи, удалившиеся от мира в арктическое уединение, были нарушены в своих молитвах нежеланными посетителями, и большинство из них вернулись в Ирландию, в то время как некоторые, как говорят, оставались до тех пор, пока остров не был регулярно заселен скандинавами.

В Англию скандинавы впервые отправились с враждебными намерениями в 787 году. Во время правления короля Беортика в Уэссексе небольшая стая викингов высадилась в окрестностях Дорчестера, убила несколько человек и снова была изгнана. Англосаксонская хроника[A] описывает инцидент в следующих словах:

[A] *Монум. История. Брит.*, стр. 336, 337. Цитируется по Мунку, i., 416.

"В этом году (787) король Беортрик женился на Эдбурге, дочери короля Оффы. В те дни впервые пришли северяне и корабли из Хередхаланда. *Герефа* (командир) прискакал к ним и пожелал отвезти их в жилище короля. Ибо он не знал, кто они такие; но они убили его там. Это были первые корабли, принадлежащие датчанам, которые посетили Англию".

Примечательно, что об этих кораблях говорится на одном дыхании, что они принадлежали норманнам и датчанам, и очевидно, что хронист считает эти термины синонимами. Земля Хередхаланд, из которой пришли эти люди, была, по всей вероятности, Хард-Лэндом в Ютландии, где в то время у скандинавов была колония.

Следующее нападение, о котором у нас есть сведения, было направлено против побережья Нортумберленда и произошло в 794 году. Преподобный Симеон Даремский, [A] который жил в начале двенадцатого века, пишет следующее:

[A] Симеон Даремский, *монахиня. История. Брит.*, стр. 668. Цитируется по Мунку, i, 417.

"Язычники пришли из северных стран в Британию, как жалящие осы, бродили повсюду, как свирепые волки, грабя, кусая, убивая не только лошадей, овец и крупный рогатый скот, но и священников, послушников, монахов и монахинь. Они пришли в церковь Линдисфарена, разрушая все самым жалким образом, и топтали святилище своими нечестивыми ногами,

разрушали алтари, грабили сокровища церкви, убили некоторых братьев, увели других в плен, над многими издевались и раздевали догола, а некоторых бросали в океан. В 794 году они вторглись в гавань короля Эгфрида и разграбили Донмутский монастырь. Но святой Кутберт не позволил им уйти безнаказанными, ибо их вождя постигла жестокая смерть от рук англичан, а вскоре после этого их корабли были разбиты штормом, и многие из них погибли; нескольких, кто выплыл на берег, убили без жалости".

Странным обстоятельством является то, что в то время как непрерывный поток скандинавских викингов в течение первой половины IX века хлынул на юг, опустошая берега Балтики и Средиземного моря, лишь сравнительно небольшое их количество нашло путь в Англию. В Сагах мы слышим о многих отдельных воинах, которые посещали саксонских королей в Англии и поступали к ним на службу, а также о нескольких, которые плыли вверх по Темзе и наложили эмбарго на речную торговлю, захватывая каждое судно, которое отваживалось попасть в их лапы. Но в качестве поля для завоеваний они оставили Англию (вероятно, не из каких-либо братских соображений) своим родственникам, датчанам, в то время как сами обратили свое внимание на Францию, Ирландию и острова к северу от Шотландии. На Гебридских, Оркнейских, Шетландских и Фарерских островах их потомки все еще живы, и скандинавские имена все еще встречаются.

РУИНЫ НОРВЕЖСКОЙ БАШНИ В МОСЕ, ШЕТЛАНДСКИЕ ОСТРОВА.

Еще одно примечательное обстоятельство, связанное с викингами, заключается в том, что те самые люди, которых иностранные хронисты описывают как жалищих ос и свирепых волков, и о которых рассказывают о величайших зверствах во время их пребывания за границей, становились, как правило, по возвращении домой людьми влиятельными, уважающими традиции и закон — людьми, которые, согласно стандартам того времени, были нравственными и благородными. Конечно, были исключения, но они подтверждают правило. Далеко искать объяснение не приходится. Религия в те дни была племенной, и мораль не имела применения вне племени. Каждый народ - избранный народ своего собственного бога или богов. Как евреи разделили человечество на евреев и язычников, а греков - на греков и варваров, так и скандинавы отомстили евреям и грекам, включив их в число всех других народов в скандинавском эквиваленте термина "варвары". Англичан, ирландцев и немцев, часто мужчин высокого происхождения, викинги постоянно привозили в Норвегию в качестве рабов, обменивали, продавали и заставляли выполнять черную работу. Никакой закон не распространял свою защиту на них; и все же жестокое обращение с рабами считалось недостойным свободного человека как в Исландии, так и в Норвегии. Несмотря на все это, викинги были детьми своего возраста и придерживались лишь грубой морали, предписываемой их религией. Гуманное чувство, которое рассматривает всех людей как братьев и создания одного Бога, является сравнительно современным явлением, и было бы несправедливо судить о древних скандинавах по каким-либо таким передовым стандартам. Поэтому вполне вероятно, что викинги могли быть виновны в деяниях за границей, которые они не совершили бы дома.

ГЛАВА IV.

ХАЛЬФДАН СМУГЛЫЙ.

Раса инглингов вела свою родословную от бога Фрея. Снорре Стурлассон в своей знаменитой работе "Саги о королях Норвегии", [A] упоминает длинную линию королей, которые происходили от Фьельне, сына Фрея, и правили в Швеции, имея резиденцию в Упсале. Ингве был одной из фамилий бога, а Инглинг означает потомок Ингве. Один из инглингов, по имени Аун Старый, каждые десять лет приносил в жертву Одину одного из своих сыновей, получив обещание, что за каждого сына, которого он принесет в жертву, к его жизни прибавится десять лет. Когда он убил таким образом семерых сыновей и стал таким старым, что его нужно было кормить, как младенца, его народ устал от него и спас восьмого сына, которого он собирался принести в жертву. Ингьяльд Злой Правитель, когда он принял королевство после смерти своего отца Анунда, шестого по происхождению от Ауна Старого, устроил большой поминальный пир, на который пригласил всех соседних королей. Когда он поднялся, чтобы выпить кубок Браге, [B] он поклялся, что увеличит свое королевство наполовину по направлению ко всем четырем уголкам небес или умрет при попытке. В качестве предварительного шага он поджег зал, сжег своих гостей и завладел их землями. Когда он умер, примерно в середине седьмого века, его народ так ненавидел его, что они не

приняли ни его сына, ни кого-либо из его расы в качестве своего преемника. Поэтому сын, которого звали Олаф, собрал вокруг себя столько людей, сколько захотели последовать за ним, и эмигрировал в великие северные леса, где валил деревья, приобрел много пахотных земель и за это получил прозвище Дровосек.[C] Он и его народ стали процветающими, и последовал большой приток недовольных из соседних земель. На самом деле число иммигрантов было настолько велико, что страна не могла их прокормить, и им угрожал голод. Однако они приписали это тому факту, что Олаф не был в благосклонности богов, и они принесли его в жертву Одину.

[A] "Хеймскрингла, или Саги о королях Норвегии" исландца Снорре Стурлассона была написана в двенадцатом веке и продолжена его племянником Стурлой Тордссоном и является основным источником по истории Норвегии вплоть до середины тринадцатого века.

[B] Тост за бога Браге.

[C] Третельгя.

Его сын, Хафдан Белая Нога,[A] был великим воином. Он завоевал Раумарике в Норвегии и большой и плодородный район под названием Вестфолд, к западу от фьорда Фолден (ныне Христиания-фьорд). Здесь он основал знаменитый храм в Скирингссале, который вскоре стал процветающей торговой станцией и любимой резиденцией норвежских королей. Третьим по происхождению от него был великий викинг Годфри Охотник, который вел войну против Карла Великого, а сыном Годфри был Хальфдан Смуглый.

[A] Hvitbein.

Хальфдану был всего год от роду в 810 году, когда его отец был убит. В возрасте восемнадцати лет он принял на себя управление Агдером, которое унаследовал от своего деда по материнской линии. Войной и женитьбой он также увеличил огромные владения, полученные им от своего отца, и, бесспорно, был самым могущественным королем во всей Норвегии. О нем рассказывают, что он был человеком большого ума, любившим справедливость и истину. Он издавал законы, которые соблюдал сам и заставлял соблюдать всех остальных. Чтобы никто не мог безнаказанно попираť закон, он установил шкалу штрафов, которые правонарушители должны платить в соответствии со своим происхождением и достоинством. Этим кодексом был так называемый Закон Эйдсива, который оказал большое влияние на политическое объединение южных районов Норвегии, которые Хальфдан собрал под своей властью.

О втором браке короля Хальфдана рассказывается история, которая, независимо от того, правдива она изначально или нет, очевидно, стала предметом легендарного украшения. Она гласит следующее:

В Рингерике жил король по имени Сигурд Хьорт. Он был крупным и сильным мужчиной. У него была дочь по имени Рагнхильд, которая была очень красива, и сын по имени Гутторм. Пока Сигурд Хьорт был на охоте, на него напал берсерк[A] Хек и тридцать человек. Он отчаянно сражался, убил двенадцать нападавших и отрубил Хеку руку, но в конце концов ему пришлось пасть ниц. Затем берсерк поскакал к своему дому и унес Рагнхильд и Гутторма, а также много ценного имущества. Он решил жениться на Рагнхильд и сделал бы это немедленно, если бы его рана не становилась все более болезненной. В святочный день, когда король Хальфдан приехал пировать в Хедемарк, он услышал об этом безобразии и решил наказать его. Он послал одного из своих доверенных воинов по имени Хаарек Ганд с

сотней вооруженных людей в дом Хека; они прибыли ранним утром, когда еще никто не проснулся. Они выставили часовых у всех дверей, затем ворвались в спальни и забрали детей Сигурда Хьорта и украденные вещи. Затем они подожгли дом и сожгли его дотла. Хейк спасся, но, увидев, как Рагнхильд весело мчится по льду с людьми короля Хафдана, он бросился на свой меч и погиб. Хальфдан Смуглый влюбился в Рагнхильд, как только увидел ее, и сделал ее своей женой.

[A] Берсерки или берсеркиры были чемпионами необычайной силы, которые в бою были одержимы кровавой яростью, которая делала их неотразимыми. Многие из них считались оборотнями и были неуязвимы.

Пока королева Рагнхильд была беременна, ей снились чудесные сны. Однажды ей показалось, что она стоит в саду, пытаясь вытащить колючку из своей сорочки, но колючка росла у нее в руке, пока не превратилась в длинное веретено, один конец которого пустил корни в землю, а другой взметнулся в воздух. Вскоре оно стало похоже на большое дерево и становилось все больше и выше, пока она не оказалась в его тени, и ее глаз едва мог дотянуться до его верхушки. Нижняя часть дерева была красной, как кровь; дальше ствол был зеленым и светлым, а ветви - ослепительно белыми, как снег. Однако они были очень разного размера, и ей показалось, что они раскинулись по всему королевству Норвегия.

Король Хафдан был очень озадачен, услышав этот сон, и, возможно, немного ревновал. Почему его жене снились такие замечательные сны, а ему - ни одного? Он посоветовался с мудрым человеком относительно причины этого, и тот посоветовал ему спать в свинарнике; тогда ему наверняка будут сниться замечательные сны. Король сделал, как ему было сказано, и ему приснилось, что у него выросли очень длинные и красивые волосы. Они ниспадали светлыми локонами на его голову и плечи, но локоны были разной длины и цвета; некоторые казались маленькими вьющимися узелками, только что проросшими из его головы, в то время как другие свисали ему на спину, доходя даже до пояса. Но там был один локон, который был ярче и красивее всех остальных.

Царь рассказал этот сон своему мудрому другу, который истолковал его как означающий, что от него должен произойти могущественный род царей и что его потомки, хотя некоторые из них и достигнут великой славы, не будут равны по славе. Но один из них должен быть больше и славнее всех остальных. По словам Снорре, самый длинный и яркий локон должен был указывать на Олафа Святого.

Когда пришло ее время, королева родила сына, которого называли Гарольдом. Он быстро рос как в росте, так и в интеллекте, и его очень любили все мужчины. Он любил мужские виды спорта и вызывал восхищение своей силой и красотой. Мать очень любила его, в то время как отец часто смотрел на него с неприязнью. О его детстве рассказывают много историй, которые не могут претендовать на достоверность. Так, рассказывают, что однажды, когда король Халфдан праздновал Святочный день в Хаделанде, со стола внезапно исчезли все блюда и эль. Гости разошлись по домам, а король, полный гнева, остался сидеть. Чтобы выяснить, кто посмел таким образом пренебречь его достоинством, он схватил финна, который был колдуном, и мучил его. Финн обратился к Гарольду, который, вопреки приказу своего отца, спас его и последовал за ним в горы. Через некоторое время они пришли к месту, где вождь устраивал грандиозный пир со своими людьми. Там они оставались до весны, и когда Гарольд собрался уходить, хозяин сказал ему: "Твой отец принял близко к сердцу то, что прошлой зимой я отобрал у него немного мяса и пива; но за то, что ты сделал со мной, я вознагражу тебя радостной вестью. Твой отец теперь мертв, и ты вернешься домой и унаследуешь его королевство. Но однажды ты станешь королем всей Норвегии".

ПРЯЖКА С ВИЗАНТИЙСКИМ ОРНАМЕНТОМ, НАЙДЕННАЯ В ХОЭНЕ В ЭКЕРЕ.

Когда Гарольд вернулся домой, он обнаружил, что вождь сказал правду. Его отец утонул, когда ехал по льду Рандсфьорда (860 год). Весь его народ оплакивал его, потому что во время его правления были хорошие урожаи, и он был мудрым правителем, которого очень любили. Когда разнесся слух, что он должен быть похоронен в Рингерике, жители Хаделанда и Раумарике пришли и потребовали, чтобы тело было передано им для погребения. Ибо они верили, что благосклонность богов снизойдет на местность, где находился царский курган. В конце концов они согласились разделить тело на четыре части. Жители Рингерике сохранили сундук; голова была похоронена в Скирингссале в Вестфолде, а остальное было разделено между Хаделандом и Хедемарком. Долгое время на этих курганах приносились жертвы, и королю Хальфдану поклонялись как богу.

ГЛАВА V.

ГАРОЛЬД СВЕТЛОВЛОСЫЙ (860-930).

Гарольду было всего десять лет, когда умер его отец, и короли, которых покорил Хальфдан, решили, что теперь представился благоприятный шанс вернуть то, что они потеряли. Но опекун Гарольда Гутторм, брат его матери, руководил правительством с силой и умением и помогал своему племяннику в его усилиях по подавлению его врагов. Произошла длинная серия сражений, в которых Гарольд обычно одерживал победу. Было вполне естественно, что молодой король, окрыленный успехом, решил расширить свои владения. Он знал, что в Норвегии нет короля, чья власть и ресурсы были бы равны его собственным, и поэтому, возможно, в его уме естественным образом созрела решимость завоевать всю страну. Снорре, однако, рассказывает другую историю, и поскольку она очень красивая, возможно, ее стоит повторить.

Жила-была девушка по имени Гайда, дочь короля Эрика Хердаландского; ее воспитывал богатый йомен из Вальдерса. Когда Гарольд услышал о ее красоте, он послал к ней своих людей и попросил ее стать его любовницей. Глаза служанки вспыхнули гневом, когда она выслушала это сообщение, и, гордо откинув голову назад, она ответила: "Скажи своему хозяину, что я не пожертвую своей девичьей честью ради короля, которому остается править всего несколькими графствами. Мне кажется странным, что здесь нет короля, который мог бы завоевать всю Норвегию, как король Эрик завоевал Швецию, а король Горм - Данию." [A]

[A] Король Горм в то время еще не завоевал Данию.

Посыльные, пораженные ее дерзостью, предупредили ее, чтобы она дала более примирительный ответ. Король Гарольд, несомненно, был достаточно хорош для нее, думали они; но она не захотела их слушать. Когда, наконец, они ушли, она последовала за ними и сказала:

- Передай это послание от меня королю Гарольду. Я обещаю стать его законной женой при условии, что он ради меня завоеует всю Норвегию и будет править ею так же свободно, как король Эрик правит Швецией, а король Горм - Данией. Ибо только тогда он может называться царем народа". [B]

[B] Tjodkonungr.

Когда гонцы вернулись, они посоветовали королю сломить гордость девушки, послав их забрать ее силой. Но король ответил: "Эта служанка не говорила ничего плохого и не заслуживает наказания. Напротив, она заслуживает большой благодарности за свои слова. Она вложила в мое сознание нечто такое, о чем я удивляюсь, что это не пришло мне в голову раньше. Но сейчас я торжественно клянусь и призываю в свидетели Бога, который создал

меня и правит всем, что я не буду стричь и расчесывать волосы до того дня, когда завоюю всю Норвегию; или, если я этого не сделаю, я умру в попытке ".

Гутторм похвалил Гарольда за эти слова, сказав, что он говорил как король.

В соответствии со своим обещанием молодой король приступил к выполнению задачи, которую он взял на себя. Он отправился на север с армией и завоевал Оркдейл и Тренделаг, район около Дронтхайм-фьорда. В Наумдейле, к северу от Дронтхейма, жили два короля по имени Херлауг и Роллауг. Первый, когда услышал о завоевательном походе Гарольда, построил большой курган, в который вошел с одиннадцатью своими людьми и закрыл его за собой. Роллауг, его брат, приказал перенести свое королевское кресло на вершину холма, а графское - установить внизу, у подножия холма. Он сел в королевское кресло, но когда увидел приближающегося Гарольда, перекатился с королевского на графское, тем самым объявив себя вассалом короля Гарольда. Гарольд повесил ему на пояс меч, на шею щит и провозгласил его графом Наумдейлом.

Куда бы Гарольд ни приезжал, он проводил одну и ту же политику. Старых королей, признавших его верховенство, он восстановил в качестве своих графов в их прежних владениях. Те, кто выступал против него, были убиты или искалечены. Графы на самом деле были губернаторами или представителями королевской власти. Они вершили правосудие от имени короля и собирали налоги, треть из которых они имели право удерживать при условии содержания шестидесяти воинов, подчиняющихся приказу короля. Каждый граф имел в подчинении четырех или более *херсиров* (суб-вассалов), которые владели королевским поместьем с доходом в двадцать марок при условии содержания двадцати воинов, готовых служить королю. Будет видно, что феодальный принцип был основой государства Гарольда. Он лишил крестьян их аллодия и объявил всю землю собственностью короля. Земледельцы из свободных собственников превратились в арендаторов короля, и в той мере, в какой им было разрешено сохранять свои унаследованные владения, они получали эту привилегию уже не по аллодиальному, а по феодальному праву. Из этого следовало, что король мог взимать налог со всей земли, и что каждый человек, отказывавшийся платить налог, лишался своего титула. Также говорят, что личный налог, который крестьяне насмешливо называли налогом на нос (потому что он взимался в каждом доме в соответствии с количеством носов), был введен Гарольдом и вызвал большое недовольство. Добавляется, что многие из бывших королей, принявших от него графства, оказались в лучшем положении, как в финансовом, так и в том, что касается власти, чем они были раньше. И вряд ли этому стоит удивляться. Их королевский титул не давал им никаких прав, кроме тех, которые их народ добровольно уступал им, и их главная привилегия заключалась в обычае, а не в праве принимать командование на войне и проводить общественные жертвоприношения. И все же лишь в редких случаях они были готовы обменять эту призрачную власть на реальную, которой Гарольд по праву завоевания наделил их.

Еще больший антагонизм вызвало введение феодального землевладения среди свободных йоменов, которые в своей яростной независимости не могли выносить никаких отношений принудительного повиновения. Таким образом, восстания против королевской власти, в меньшем или большем масштабе, происходили постоянно течение первой половины правления Гарольда, и есть даже признаки того, что они продолжались гораздо дольше. Многие из своих провинций ему пришлось завоевывать дважды, и только огромное преимущество в его пользу, а также быстрота и суровость его наказаний в конце концов вынудили неверных признать его власть. Требовались энергия и решимость, подобные его, чтобы создать нацию из всех этих разрозненных, хищнических и часто враждебно настроенных племен; и его единообразная и систематическая политика, а также его

бескомпромиссная суровость в борьбе с сопротивлением показывают, что он полностью осознавал масштаб своей задачи.

Было бы утомительно перечислять сражения, в которых он участвовал, и одержанные победы. С каждым прошедшим годом он приближался к своей цели — стать правителем всей Норвегии. Многие из самых могущественных людей страны, которые до сих пор держались в стороне, теперь предлагали ему свои услуги и были рады принять почести из его рук. Среди них были граф Хаакон Грьотгардссон из Хаалогаланда и Рагнвальд, покойный граф Мера, который был отцом герцога Нормандии Ролло и через Вильгельма Завоевателя предком королей Англии. Рагнвальд был храбрым и проницательным человеком, который помогал королю советом и делами и стал его самым близким другом и советчиком.

Менее охотно мужчины из великой семьи Рафниста приняли предложения Гарольда. Квельд-Ульф (Ночной Волк) сослался на преклонный возраст, когда король прислал к нему гонцов с просьбой поступить к нему на службу. Это было тем большим разочарованием для Гарольда, потому что он рассчитывал на то, что Квельд-Ульф использует огромное влияние, которым он обладал, в свою пользу. Он снова послал гонцов и предложил сыну Квельда-Ульфа, Лысому Гриму, высокие почести, если тот станет его вассалом. Но Лысый Грим ответил, что он не примет никакого достоинства, которое подняло бы его по рангу выше своего отца. Тогда терпение короля лопнуло, и он прибегнул бы к другим аргументам, помимо словесных, если бы шурин Квельд-Ульфа, Эльве Нува, не вступился за него. В конце концов Эльве заручился согласием старого вождя на то, чтобы его второй сын Торольф поступил на королевскую службу, если сочтет нужным. Торольф тогда был в походе викингов с братом Эльве, Эйвиндом Ламбе, но осенью его ждали дома. По возвращении оба приняли предложение Гарольда и стали его людьми. Торольф особенно быстро завоевал расположение короля благодаря своему уму, красоте и изысканным манерам. Старый Квельд-Ульф, однако, с подозрением относился к их дружбе и намекал, что, по его мнению, ничего хорошего из этого не выйдет.

Короли Швеции издревле претендовали на ту часть Норвегии, которая называется Викен.^[A] Также Вермландия, которая со времен Олафа Дровосека принадлежала инглингам, была объявлена неотъемлемой частью Швеции, и шведский король Эрик Эймундссон воспользовался возможностью, пока Гарольд был занят своими завоеваниями на севере, вторгнуться в последнюю провинцию, помимо Ранрике и части Вингульмарк.

^[A] Викен был страной около нынешнего фьорда Христиания и был разделен на Вестфолд, Вингульмарк и Ранрике (нынешний Бохуслен в Швеции).

Когда эти вести достигли Гарольда, он поспешил на юг, оштрафовал и наказал тех крестьян, которые присягнули на верность его врагу, и, наконец, направился на север, в Вермланд, где по странному совпадению встретился со шведским королем на большом пиру, устроенном могущественным йоменом Ааке. Вероятно, чтобы избежать кровопролития, двух королей и их воинов принимали в разных зданиях; но в то время как Гарольда и его людей поселили в новом особняке и заставляли есть и выпивать из новых рогов и драгоценной посуды, компанию Эрика заставили веселиться в старом здании, и их рога и блюда, хотя и искусно сделанные, не были новыми. Когда пришло время уезжать, Ааке привел своего сына к Гарольду и умолял его взять его к себе на службу. Эрик очень рассердился и ускакал. Ааке поспешил составить ему компанию; и когда его спросили, почему он так изменил представление, он ответил, что это потому, что Эрик был стар, а Гарольд молод.

"Ты действительно должен помнить, что ты мой мужчина", - сказал король Эрик.

"Когда ты говоришь, что я твой мужчина, - ответил йомен, - тогда я могу с таким же правом сказать, что ты мой мужчина".

Этот ответ так разгневал короля, что он выхватил меч и убил Ааке. Гарольд, услышав о его смерти, погнался за своим убийцей, но догнать его не удалось.

Принцы и вожди, выступившие против Гарольда, до сих пор не добились ничего, кроме собственного разорения. Те, кто все еще сохранял свои земли, пришли к выводу, что по отдельности они никогда не смогут надеяться победить его, и поэтому они объединились и встретили завоевателя в 872 году с большим флотом в Хафрс-фьорде.^[A] Трубили в боевые рога, и корабль короля Гарольда оказывался впереди, где бы ни разгорался самый жаркий бой. На носу корабля стояли Торольв, сын Квельд-Ульфа, сражавшийся с великолепной храбростью, и братья Эльве Нува и Эйвинд Ламбе. Исход долго казался сомнительным, и многие из лучших людей короля были убиты; копья и камни сыпались градом, а стрелы со свистом рассекали воздух. Наконец, берсерки Гарольда, охваченные дикой яростью, ринулись вперед и взяли на абордаж вражеские корабли. Резня была ужасной, и один за другим вожди падали или бежали. Король Гарольд выиграл здесь (как повествуют саги) одну из величайших битв, которые когда-либо велись в Норвегии; и с этого дня ему больше не было серьезного сопротивления. Среди многих, кто был ранен в Хафрс-Фьорде, был Торольф, и фактически все, кто стоял у мачты королевского корабля, за исключением берсерков. Скальд Торбьерн Хорнклав сочинил песню о победе, фрагменты которой сохранились до наших дней.

^[A] Хафрс-фьорд - небольшой фьорд в Джедерене, к западу от нынешнего города Ставангер

На пиру, который вскоре после битвы был дан в его честь, Рагнвальд, граф Мера, подстриг волосы Гарольда, и все восхитились их красотой. Если раньше его звали Гарольд Луфа, то есть Хмурый, то теперь его звали Гарольд Светловолосый. Теперь, достигнув того, что он намеревался сделать, он женился на Гиде. Романтика, однако, испорчена тем фактом, что за несколько лет до этого он женился на Аасе, дочери графа Хокон^[A] Грьотгардссон, и имел от нее троих сыновей — Хальфдана Белого, Хальфдана Смуглого и Зигфрида. Сыновей, которых родила ему Гайда, звали Гутторм, Хаарек и Гудред.

^[A] Буква *aa* в норвежском (исландском *á*) произносится как английская *aw* в *hawk*. Поэтому Хокон произносится как Хокон; Ааса, Авса и т.д. Современные исландцы произносят этот звук как *ou* in *out*, *rout*. Они говорят "Хоукон", "Хоурек" и т.д.

В своих отношениях с мужчинами Гарольд был не более верен, чем в отношениях с женщинами. Он был человеком неукротимой воли и мужества, проницательным и дальновидным, не гнушавшимся никакими средствами для достижения своих целей. Однако он не мог выносить в других те качества, которые ценил в себе. Когда его ревность однажды пробудилась, ее было нелегко снова унять. Как и подобает тиранам, он был склонен унижать тех, кого больше всего возвысил, и его подозрение часто падало на тех, кто меньше всего этого заслуживал. Первой жертвой его ревности стал Торольв, сын Квельд-Ульфа, который после битвы при Хафрс-Фьорде пользовался его особой благосклонностью.

Торольф благодаря богатому браку и получению наследства накопил большое состояние и жил по-королевски. Его щедрость и обаятельная внешность сделали его настоящим хозяином друзей, а бережливость и способности обеспечили ему возможность проявлять великолепное гостеприимство. Король сделал его своим *сиссельмандом*, или судебным приставом, в Хаалогаланде, и Торольф особенно отличился энергией и проницательностью, которые он проявил при сборе налогов с финнов, которые, как правило, не стремились

делать взносы в королевскую казну. Во время путешествия Гарольда через Хаалогаленд Торольв устроил для него пир, великолепие которого никогда не было равных в этих частях страны. Всего было восемьсот гостей — пятьсот из которых пригласил Торольф, в то время как триста были слугами короля. К удивлению хозяина, Гарольд сидел, мрачный и молчаливый, на возвышении и, казалось, был недоволен усилиями, которые были предприняты, чтобы развлечь его. Однако ближе к концу пира он подавил свое дурное настроение, и когда хозяин на прощание подарил ему большой корабль-дракон со всем снаряжением, он казался очень довольным. Тем не менее, вскоре он лишил его должности королевского судебного пристава, затем встал на сторону его врагов и использовал всевозможную презренную клевету в качестве предлога для нападения на него в его поместье Сэнднесс и поджога его дома. Когда Торольф прорвался сквозь горящую стену, его встретили градом копий. Увидев короля, он бросился к нему с обнаженным мечом и зарубил его знаменосца; затем, когда его враг был почти в пределах досягаемости его меча, упал, крича: "Я не сделал всего трех шагов". Говорили, что Гарольд сам нанес ему смертельную рану, и позже он признался старому Квельд-Ульфу, что убил его. Когда он увидел своего бывшего друга, лежащего мертвым у его ног, он печально посмотрел на него; и когда мимо него проходил человек, который был занят перевязкой легкой раны, он сказал: "Эту рану Торольф не наносил тебе; потому что оружие в его руках было другим. Очень жаль, что такие люди должны погибнуть".

Когда Квельд-Ульф услышал о смерти своего сына, его горе было так велико, что ему пришлось лечь в постель. Но когда он услышал, что это царь убил его и что он упал ничком к ногам своего убийцы, он встал и был вполне доволен. Ибо когда умирающий человек падал ниц, это был знак того, что он будет отомщен. Тем временем, будучи недостаточно могущественным, чтобы открыто напасть на Гарольда, старик собрал всю свою семью и имущество и отправился в Исландию; но долго задерживался у берегов Норвегии в надежде найти кого-нибудь из соплеменников Гарольда, кому он мог бы отомстить. В этом он преуспел. Двое сыновей Гутторма, дяди Гарольда и бывшего опекуна, плыли на север с двумя людьми короля. Эти Лысый Грим и Квельд-Ульф напали, убили двоюродных братьев короля и захватили корабль. Затем, вне себя от ликования, Лысый Грим взобрался на нос и запел:

Теперь свершилась месть Херсира
королю.

Волк и орел наступают на
детей Инглинга.

В сторону моря унесло
Растерзанный труп Халварда,
И орлиный клюв
Разрывает раны Снарфара.

С тех пор между расой Инглингов и потомками Квельд-Ульфа началась кровная вражда, и знаменитая сага об Эгиле, сыне Лысого Грима, повествует о длинной цепи кровавых деяний, которые все произошли из-за предательства короля Торольфу.

Квельд-Ульф и Лысый Грим были не единственными вождями, которые искали убежища за границей от притеснений Гарольда. После битвы при Хафрс-Фьорде, когда король с бескомпромиссной строгостью принялся насаждать феодальную систему, несколько тысяч человек, многие из которых принадлежали к знатнейшим семьям страны, пересекли море и нашли новые дома на Оркнейских и Гебридских островах, откуда многие снова нашли путь в Исландию. Многие также отправились напрямик в последнюю страну, и так называемая

книга Ланднама (Книга Страшного суда Исландии) сохранила имена, а иногда и фрагменты истории наиболее важных первых поселенцев. Как бы мы ни сочувствовали неукротимому духу, который заставил этих людей пожертвовать домом и страной ради принципа, существует и другая точка зрения на этот случай, которую необходимо рассмотреть. Гарольд Светловолосый основывал государство, которое поддерживало бы более высокую цивилизацию, чем та, которая могла быть развита среди рыхлой агломерации полувраждебных племен. Идея национального единства, вдохновлявшая его творчество, требовала введения органической системы, которая независимым вождям, должно быть, казалась чрезвычайно деспотичной. Уплата налогов, которая гражданину современного государства не склонна казаться унижительной, норвежским вождям казалась недостойной свободного человека. Когда Гарольд приказал им воздерживаться от грабежей и разбойничьих экспедиций в пределах его королевства, они почувствовали себя оскорбленными и не могли видеть причин, по которым они должны подчиняться такому неоправданному ограничению священных временем привилегий. Один из них, Рольф, или Ролло, сын друга короля, Рагнвальда, графа Мера, нарушил приказ, совершил *обнимашку с прядью*^[A] в Викине и был объявлен вне закона. Ни влияние отца, ни молитвы матери не смогли спасти его. Только из-за его высокого происхождения Гарольд был полон решимости сделать из него пример.

^[A] Захват берега был вынужденным снабжением флота викингов из ближайшей населенной страны. У викингов было обычной практикой обниматься с прядями, где бы они ни находились.

Ролло известен в скандинавских сагах как Рольф Ходок, потому что он был таким высоким и тяжелым, что ни одна лошадь не смогла бы его унести. С большим количеством последователей он отплыл на юг, во Францию, и после того, как несколько лет изводил страну, в 912 году заключил компромисс с королем Карлом Простым, по которому он должен был принять христианство и получить большую провинцию в качестве феода для себя и своих потомков. Эта провинция была названа Нормандией и сыграла большую роль в мировой истории. О Ролло рассказывают, что, когда его попросили поцеловать ногу короля в знак верности, он ответил: "Я никогда не преклоню колена ни перед одним мужчиной; и я не буду целовать ничью ногу". Однако после долгих уговоров он позволил одному из своих людей совершить акт почтения к нему. Его доверенное лицо угрюмо вышагнуло вперед и, остановившись перед королем, сидевшим верхом, схватило его за ногу и поднесло к губам. Благодаря этому маневру король сделал сальто, вызвавшее громкий смех среди скандинавов. Ролло буквально, как бедный мальчик из сказки, женился на принцессе и получил половину королевства. Ибо, рассказывают, что Карл отдал ему в невесты свою дочь Гислу, которая, однако, умерла бездетной. Он правил своим герцогством железным жезлом и, должно быть, получил полезный урок от короля Гарольда, ибо говорят, что он твердой рукой пресекал разбой и вешал грабителей. В его времена общественная безопасность была настолько велика, что крестьяне могли оставлять свои плуги и инструменты в поле на ночь, не опасаясь их потерять. Сыном Ролло был Уильям Длинный Меч, который был отцом Ричарда Бесстрашного, у которого снова был сын по его собственному имени. У этого последнего Ричарда по прозвищу Добрый был сын по имени Ролло, или Роберт^[A] Великолепный, который был отцом Вильгельма Завоевателя.

^[A] Первый герцог Ролло при крещении принял имя Роберт.

Эмиграция недовольных йоменов и вождей устранила последнее препятствие на пути организации феодального государства Гарольда. Согласно приблизительно точным подсчетам, около восьмисот глав семейств отправились со своими домохозяевами в Исландию, на шотландские острова и в Емтеланд, оставив после себя поместья, которые были незамедлительно конфискованы королем. Те, кто пытался продать свои земли, добивались небольшого успеха, поскольку покупка собственности эмигрантов рассматривалась как акт, враждебный королю. Таким образом, в руках Гарольда скопилось огромное богатство, и в его распоряжении были средства вознаградить своих друзей за счет врагов. Таким образом, эмигранты сыграли двойную роль в укреплении государства, которое они пытались разрушить. Для управления крупными земельными владениями требовалось большое количество чиновников, и Гарольд выбирал их из числа своих ближайших иждивенцев. Так называемые арманды были всего лишь суперинтендантами или управляющими, которые брали на себя управление землями короны и передавали королю его долю доходов. Часто они были рабами или вольноотпущенниками, и йомены смотрели на них свысока, как на своих подчиненных. С другой стороны, графы, принадлежавшие к старой племенной аристократии, владели своими землями в качестве феода и были, в ограниченном смысле, собственниками, хотя их сыновья не могли по какому-либо абсолютному праву претендовать на их наследование. Однако существовал обычай передавать такие владения от отца к сыну. Третьим классом собственности были земли, которыми йомены раньше владели по аллодиальному праву и которыми они теперь владели с такой же безопасностью и правом наследования, как и номинальные арендаторы короля. Пока они платили налоги, в интересах короля, конечно, было оставить их в покое.

Было естественно, что при его огромном богатстве Гарольд содержал двор в исключительном великолепии. Он любил песни и рассказы и всегда держал при себе скальдов, которые пели ему хвалу и прославляли его деяния. Он мог быть щедрым, когда того требовал случай, и тогда разбрасывал свое золото с королевской щедростью. Но в мелочах он слыл скуперджем, и его придворные часто жаловались, что им не хватает еды. Некоторые легенды, рассказанные Снорре, показывают, что при всей его суровой непреклонности по отношению к мужчинам женщины легко вводили его в заблуждение. Так, рассказывают, что однажды, когда он был на святочном празднике в Гулдбрандсдейле, к нему подошел финн и убедил его пойти с ним в его палатку. Там он показал королю девушку по имени Снефрид, красота которой произвела на него большое впечатление. Он немного поболтал с ней; затем выпил кубок медовухи, который принес ему финн. Не успел он проглотить жидкость, как так влюбился в Снефрид, что отказался покинуть ее и потребовал, чтобы она в тот же день стала его женой. Он любил ее с такой самозабвенностью и страстью, что пренебрег правительством и жил только для нее. Она быстро родила ему пятерых сыновей, а затем умерла. Горю Гарольда не было предела. Он отказался похоронить ее, но сидел, глядя на ее прекрасное тело, день и ночь. Ибо, как ни странно, рассказывают, что красота Снефрид осталась неизменной после смерти, и не было никаких признаков увядания. Все люди короля испугались, что он сошел с ума, и один из них, наконец, убедил его под каким-то предлогом перенести труп. Но в тот самый момент, когда к нему прикоснулись, произошла самая отвратительная перемена. Плоть посинела, и ужасное зловоние наполнило комнату. Затем король пришел в себя и приказал сжечь тело. Но когда его положили на погребальный костер, в нем и вокруг него кишели змеи, гадюки, жабы и ужасные ползучие твари, так что никто не мог вынести его вида. Тогда Гарольд понял, что стал жертвой колдовства, и так разгневался, что прогнал от себя детей, которых родила ему Снефрид. И все же, как ни странно, именно эта ветвь просуществовала дольше всех и от нее произошел длинный ряд королей. Сыновей Снефрид звали Сигурд Райз (Великан), Гудред Льом, Хальфдан Халегг (Длинноногий) и Рагнвальд Реттильейн.

Единственной из жен короля Гарольда королевского происхождения была Рагнхильд, дочь короля Южной Ютландии Эрика Младшего. Когда он впервые послал гонцов свататься к ней, она ответила, что не вышла бы замуж за самого могущественного короля во всем мире, если бы ей пришлось мириться с одной тридцатой частью его привязанности. На второе послание она ответила, что выйдет замуж за короля Гарольда, если он разведется со всеми своими другими женами. На это он согласился и сделал Рагнхильд своей королевой. Однако она прожила всего три года после замужества, и затем Гарольд вернул к себе нескольких своих бывших жен и любовниц. Рагнхильд оставила ему одного сына, Эрика, которого он любил больше всех своих детей.

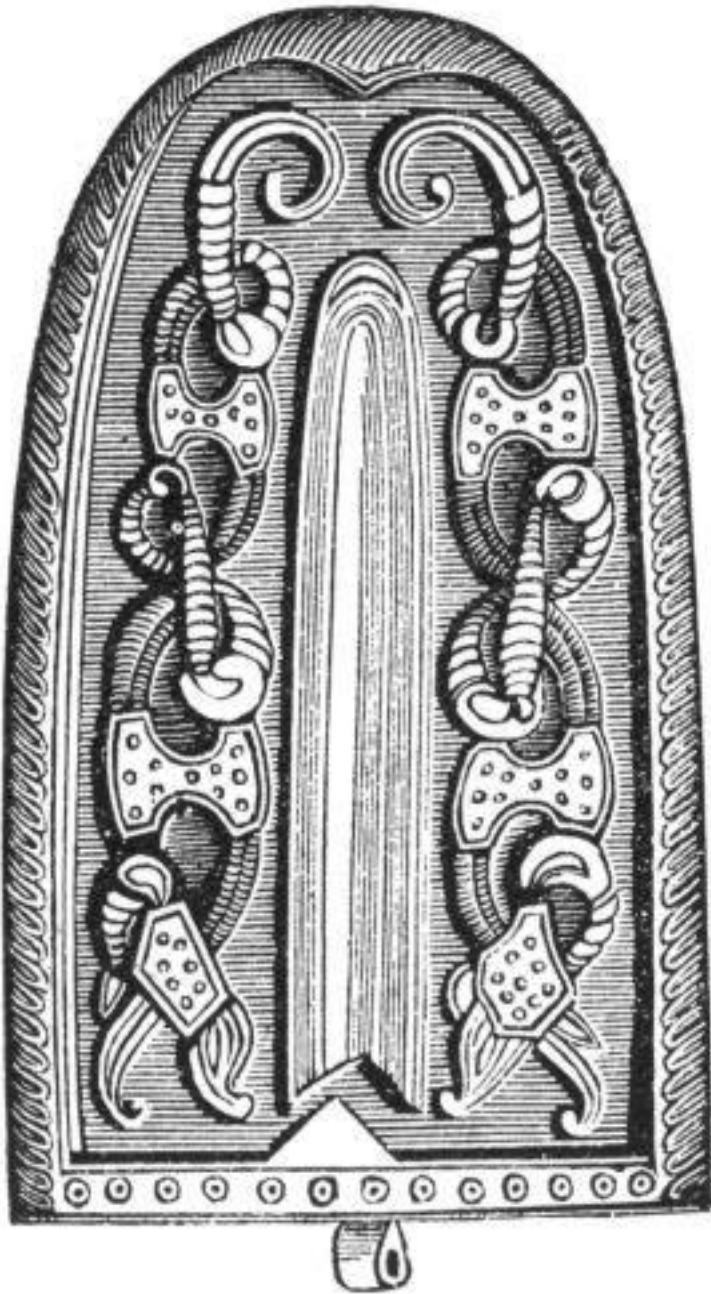
Во времена германского язычества брак был исключительно гражданским договором и никоим образом не был связан с религией или религиозными церемониями. Мужу было легко получить развод со своей женой, но было принято соблюдать эту формальность, прежде чем жениться во второй раз. Открытая полигамия, практиковавшаяся Гарольдом, противоречила обычаям и, должно быть, вызывала у народа неодобрение. Несмотря на все это, Гарольд в последние годы своего правления был популярным правителем, которого любили как йомены, так и вожди.

По мере того как его дети росли, Гарольд начал пожинать плоды некоторых недостатков своих разрозненных семейных отношений. Его сыновья, имевшие разных матерей и воспитанные йоменами в разных частях страны, едва ли могли сильно осознавать свое родство. Они завидовали друг другу, и особенно могущественным графам, которые восседали, как маленькие короли, в своих поместьях, правя землей и людьми. Именно для того, чтобы дать выход этому чувству, Хафдан Длинноногий и Гудред Льюме без всякого предупреждения напали на Рагнвальда, графа Мера, и сожгли его вместе с шестьюдесятью его людьми. Когда Гарольд услышал об этом подлом поступке, он собрал армию и решил наказать своих сыновей. Гудред, вступивший во владение графством после Рагнвальда, сдался без боя, в то время как Хальфдан Длинноногий отплыл на трех кораблях на Оркнейские острова, где прогнал Торф-Эйнара, сына графа Мера, и провозгласил себя королем островов. Однако вернувшийся Турф-Эйнар застал Хафдана врасплох и предал его смерти варварским способом. Хотя Хальфдан был мятежником против королевской власти, а Турф-Эйнар, убив его, отомстил за своего собственного отца, у Гарольда не было другого выбора, кроме как отомстить убийце своего сына. Соответственно, он отплыл с флотом к Оркнейским островам, начал переговоры с Турф-Эйнаром и принял в качестве "искупления кровью" шестьдесят марок золотом. Возможно, сомнительно, что именно по этому поводу он совершил круиз в Шотландию, осматривая побережье. Его главной целью, как и во время предыдущего похода в те же воды, было разгромить различные гнезда викингов, которые из этого удобного убежища совершали частые нападения на побережье Норвегии в летние месяцы.

Благодатной причиной разногласий между сыновьями Гарольда была их ревность к Эрику, к которому их отец явно благоволил. Когда ему было двенадцать лет, Эрику дали в командование пять кораблей, и он с отборной командой отправлялся в походы викингов. Старому королю доставляло большое удовольствие слушать рассказы о его доблести и дерзких предприятиях, в которых он принимал участие. Зловещая фамилия "Блод-Оэксе" (Кровавый Топор), которую юноша приобрел за свои боевые подвиги, только еще больше расположила его к отцу. Именно любовь к этому любимому сыну побудила его на пятидесятом году жизни (900 г.) совершить поступок, в результате которого он фактически свел на нет великое дело своей жизни и навлек несчастье на еще не родившиеся поколения. Он созвал *вещь* или общее собрание народа, вероятно, в Эйдсволде, и провозгласил всех

своих сыновей королями при условии, что они после его смерти признают Эрика своим повелителем. Каждому он дал провинцию для управления, разрешив ему оставлять треть доходов себе, одну треть оставлять графам, а одну треть отсылать государю. Королевский титул должен наследоваться всеми его прямыми потомками по мужской линии, законное или незаконное рождение не имеет значения. Сыновьям своих дочерей он даровал графские титулы. В этом катастрофическом поступке Гарольда, не делающего различия между законными и незаконнорожденными детьми, кроется зародыш гражданских войн и ужасных междоусобиц, которые опустошали созданное им королевство и истощали его силы, пока на четыреста лет оно не исчезло из виду, а его имя, казалось, было стерто из памяти народов. Кажется невероятным, что мудрость и энергия, на которых было построено великое государство, могли быть соединены с неразумием и слабостью, которые в конце концов снова разрушили его. Гарольд, очевидно, рассматривал королевскую должность как часть личной собственности, которую он приобрел своим мечом, и которую все его потомки мужского пола имели равное право унаследовать. В то же время он, должно быть, после опыта, который он имел со своими сыновьями, знал их слишком хорошо, чтобы предполагать, что они мирно согласятся с его решением, живя вместе в братском единстве. Если он лелеял какие-то иллюзии, Эрик, не теряя времени, развеял их. Сначала он убил Рагнвальда Реттильбеяна, сына Снефрида, потому что говорили, что он колдун. Затем он напал на своего брата Бьерна Купца (Фарманда) за то, что тот отказался платить ему дань, убил его и разграбил его дом. Хальфдан Смуглый (Сварте) из Дронтхейма решил отомстить за это оскорбление, придя к выводу, что ни один из сыновей Гарольда не будет в безопасности до тех пор, пока Эрику будет позволено безнаказанно брать закон в свои руки. Пока Эрик пировал на ферме Селвен, Хафдан окружил дом и поджег его. Эрику удалось сбежать с четырьмя мужчинами, и он поспешил на юг, чтобы пожаловаться своему отцу. Рассказывают, что король Гарольд был сильно разгневан, собрал свой флот и отплыл в Дронтхайм, где Хальфдан, хотя и с меньшими силами, был готов встретить его. Битва вот-вот должна была начаться, когда скальд, Гутторм Синдре, напомнил двум королям об обещании, которое они ему дали. Однажды он спел песню в их честь, и поскольку он отказался от всех подарков, которые они ему предложили, они оба поклялись, что выполнят все, о чем он их попросит. "Теперь, - сказал он, - я пришел заявить права на гердон моей песни".

Как бы тяжело это ни было, они не могли нарушить свое королевское обещание. Был заключен мир, и отец и сын расстались. Хафдану было разрешено сохранить свою провинцию, но он должен был торжественно поклясться, что впредь не будет предпринимать враждебных действий против Эрика. Несмотря на все это, ненависть между ними продолжалась, хотя и была на некоторое время сдержана страхом перед королем.

ПОЗОЛОЧЕННАЯ ПРЯЖКА, НАЙДЕННАЯ В СКЕДЕМО В NEDENES AMT.

Когда Гарольду было почти семьдесят лет, он женился на своей любовнице Торе из Мостера, которую из-за ее большого роста прозвали Мостер-станг (Мостер-поул). Она родила ему сына, которого называли Хаакон. Другие сыновья короля были сильно недовольны появлением этого запоздалого гостя, и он, вероятно, не дорос бы до зрелости, если бы не произошел инцидент, который вывел его за пределы их досягаемости. История, рассказанная Снорре в этой связи, полна интереса, но звучит невероятно. Рассказывают, что однажды от короля Этельстана из Англии прибыли гонцы с драгоценным мечом для короля Гарольда, который принял его и поблагодарил в ответ.

"Теперь, - сказали посланцы, - ты взял меч, как того желал наш король, и, следовательно, ты его тот, кто берет меч, или вассал".

Гарольд разозлился из-за того, что его таким образом обманули, но не стал приставать к посыльным. Однако в следующем году он отправил своего юного сына Хокона с посольством

в Этельстан. Они нашли короля в Лондоне и были хорошо приняты им. Затем представитель посольства посадил мальчика Хаакона на колени Этельстана, сказав: "Король Гарольд умоляет тебя взять на воспитание этого ребенка его служанки".

Этельстан в гневе выхватил свой меч, как будто хотел убить ребенка; но оратор сказал: "Теперь, когда ты однажды поставил его на колени, ты можешь убить его, если тебе этого хочется; но тем самым ты не убил всех сыновей короля Гарольда".

Взять на воспитание ребенка другого мужчины в Норвегии считалось признанием собственной неполноценности; и таким образом Гарольд отплатил Этельстану его же монетой. Однако есть несколько обстоятельств, которые делают эту историю подозрительной. Во-первых, Этельстан и его предки имели слишком суровый опыт общения со скандинавами и датчанами, чтобы желать бросить вызов самому могущественному из них посредством бессмысленного оскорбления; и опять же, более вероятно, что Гарольд отправил своего младшего сына из страны ради его собственной безопасности,^[A] чем для того, чтобы сыграть недостойную шутку с иностранным королем. Как бы то ни было, английский король отнесся к Хокону с величайшей добротой и завоевал его расположение.

[A] См. Munch, i., 591.

Когда Гарольду Светловолосому исполнилось восемьдесят лет, он почувствовал, что больше не в состоянии нести бремя правления. Поэтому он привел Эрика к его королевскому престолу и отрекся от престола в его пользу. Три года спустя он умер (933), правив Норвегией семьдесят три года.

ГЛАВА VI.

ЭРИК КРОВАВЫЙ ТОПОР (930-935).

В то время как деспотизм Гарольда был цивилизующим и, в целом, благотворным, деспотизм Эрика Кровавого Топора был дезорганизующим и разрушительным. С ним на трон взошел древний мятежный дух викингов. Для него власть означала средство удовлетворения любого дикарского порыва. Он был храбр, получал удовольствие от битвы; жесток и безжалостен; и все же не лишен определенного чувства справедливости и случайных порывов великодушия. Внешне он был красив, с величественной осанкой, но надменен и неразговорчив. К несчастью, он женился на женщине, которая ослабила все хорошее в нем и усилила все плохое. Королева Гунхильд оказывала на него пагубное влияние на протяжении всей его жизни. Она была жестокой, скупой и вероломной, и в народе ей приписывали все дурные поступки, совершенные ее мужем. О ней ходят странные легенды, приписывающие колдовству власть, которую она имела над каждым, кто соприкасался с ней. Согласно Снорре, Эрик встретил ее в Финмарке, куда родители отправили ее учиться колдовству. В те дни финнам приписывали глубокие познания в черном искусстве. Два

колдуна, у которых она остановилась, оба были полны решимости жениться на ней, и, подобно принцессе из сказки, она спрятала принца Эрика в своей палатке и умоляла его избавить ее от назойливых ухажеров. Это, несмотря на многие трудности, Эрик сделал, увез Гунхильд на свои корабли и сделал ее своей женой. Говорят, она была маленького роста, вкрадчивой и необычайно красивой; но она была злым гением своего мужа, подстрекая его к поступкам предательства и насилия, которые вызывали ненависть у его народа. Во многом именно немилость, с которой к ней относились, подняла мятежников против власти Эрика в различных частях страны и обеспечила всенародную поддержку его братьям в их стремлении сбросить его иго. Несмотря на усилия его отца, суверенитет Эрика не был повсеместно признан, и не успел король Гарольд умереть, как Хальфдан Смуглый объявил себя сувереном в Тренделаге, а Олаф [A] в Викене. Однако через несколько лет после этого Хафдан скоропостижно скончался, и ходили слухи, что он был отравлен королевой Гунхильд. Затем жители Тренделага выбрали его брата Зигфрида своим королем, и Эрик обнаружил, что его королевство постепенно сокращается как с севера, так и с юга. Будучи готовыми к нападению со стороны Эрика, Зигфрид и Олаф решили объединить свои силы и, чтобы завершить все приготовления, первый отправился навестить второго в Тунсберге. Когда Эрик услышал об этом, он поспешил в город с большим количеством людей, застал врасплох и убил обоих своих братьев. Однако сын Олафа Трюггве сбежал и скрывался до тех пор, пока Эрик был хозяином на земле.

[A] Олаф был сыном короля Гарольда и Сванхильд, дочери графа Эйстейна Хедемаркского и Вестфольдского.

ЦИЛИНДРИЧЕСКОЕ КРЕПЛЕНИЕ ИЗ БРОНЗЫ, ВЕРОЯТНО, ДЛЯ ДРЕВКА КОПЬЯ. НАЙДЕНО НЕДАЛЕКО ОТ СТАВАНГЕРА.

Теперь Эрик убил четырех своих братьев, если не пятерых, и было распространено мнение, что Гунхильд не успокоится, пока не истребит весь род Гарольда Прекрасноволосого, кроме линии своего мужа.

Когда Эрик был юношей, он познакомился с исландцем по имени Торольф, сыном Скаллагрима (Лысого Грима) и племянником Торольфа Квельда - сына Ульфа, которого предательски убил король Гарольд. Этот Торольф, как и его дядя и тезка, был высоким и красивым мужчиной с приятной осанкой и обаятельными манерами. Он подарил Эрику корабль, очень красиво построенный и украшенный, и тем самым завоевал его дружбу. Взамен Эрик добился от своего отца разрешения Торольфу беспрепятственно оставаться в стране. У красивого исландца в Норвегии появилось много друзей, среди которых двое могучих мужчин по имени Торе Херсе и Бьерн Йомен. Вернувшись в Исландию, он привез с собой в подарок от короля своему отцу топор с рукоятью драгоценной работы. Но Лысый

Грим, хотя и хорошо принял своего сына, отнесся к подарку короля Эрика с презрением, и в конце концов, когда Торольф снова отправился в путешествие по Норвегии, он спел оскорбительный куплет и умолял передать его Эрику. Топор он также хотел вернуть. Торольф, который был полон решимости не возрождать древнюю вражду, выбросил топор в океан и передал королю благодарность и приветствие своего отца. Будь его воля, кровной вражде был бы положен конец. Но у него был младший брат по имени Эгиль,^[A] который настоял на том, чтобы составить ему компанию, и вскоре он раздул тлеющие угли в пламя.

^[A] произносится *Agil*, "g" жестко, как в *gimlet*, *gilt* и т.д.

Эгиль был самым воплощением древнего неукротимого норвежского духа, бурного и неукротимого индивидуализма, который не способен думать ни о чем, кроме личных целей, и подчиняться какой-либо дисциплине. Как и его отец, Лысый Грим, он был высокого роста, смуглый и некрасивый, и в детстве проявлял свирепый и мстительный дух, но также и редкий песенный дар, который, не меньше, чем его безрассудные поступки, принес ему известность за его долгую и полную приключений карьеру.

Два брата благополучно прибыли в Норвегию и стали гостями Торе Херсе, между сыном которой Аринбьерном и Эгилем завязалась теплая дружба. В то время как Торольф собирался жениться на Асгерд, дочери Бьерна Йомена, Эгиль был вынужден из-за тяжелой болезни остаться дома. Когда он выздоровел, он сопровождал одного из надсмотрщиков Тора к королевскому управляющему по имени Баард и встретил там короля Эрика и королеву Гунхильд. Баард, стремясь угодить королю, пренебрег исландцем, а когда тот стал неуправляемым, по подсказке королевы подмешал ему в пиво снотворные травы. Однако у Эгиля возникли подозрения, и он разлил пиво и убил Баарда. Затем он побежал, спасая свою жизнь, доплыл до острова во фьорде, и когда остров обыскали, убил нескольких из тех, кого послали на его поиски; после чего он сбежал на их лодке. Хотя король Эрик был очень разгневан, он принял денежное искупление, которое Торе Херсе предложил за смерть Баарда, и его убедили позволить Эгилю остаться в стране. Королева Гунхильд была очень разгневана его всепрощающим духом, и спросила, считает ли он убийство Баарда пустяком; на что король ответил: "Вечно ты подталкиваешь меня к насилию; но свое слово, однажды данное, я не могу нарушить".

Поскольку никакие уговоры не помогали, Гунхильд решила использовать кого-нибудь другого в качестве орудия своего возмездия. Рассказывают, что она любила Баарда, которого убил Эгиль; но поскольку он был человеком низкого происхождения, вряд ли эта личная привязанность, скорее чувство оскорбленного достоинства заставляло ее упорствовать в своих планах мести. На большом жертвенном пиру в храме Гауле она заставила своего брата Эйвинда Скрейю пообещать убить одного из сыновей Лысого Грима; но поскольку шансов не представилось, он убил вместо этого одного из людей Торольва; в обмен на что Эрик объявил его вне закона как *варгр и веум*—то есть волка в святилище. Теперь оба брата отправлялись в походы викингов, поступили на службу под командованием Этельстана в Англии и сражались под его знаменем в великой битве, в которой пал Торольф. Эгиль женился на его вдове Асгерд и вернулся с ней в Исландию. К тому времени он провел за границей двенадцать лет. Однако едва он остепенился, как узнал, что его тесть, Бьерн Йомен, умер и что один из любимцев Гунхильд по имени Берг-Анунд вступил во владение его имуществом. Поэтому он, не теряя времени, вернулся в Норвегию и с помощью своего друга Аринбьерна изложил свое дело в *Гулатинге* в присутствии короля и королевы. Но дело пошло наперекосяк, и Эгилю пришлось отплыть обратно в Исландию, так и не достигнув своей цели. Соображения благонадежности, однако, не имели для него значения, и вскоре он в третий раз отправился в Норвегию, застал врасплох Берг-Анунда и убил не только его, но

и королевского сына Рагнвальда, который был его гостем. Чтобы нанести еще одно оскорбление Гунхильде и королю, он взобрался на утес и поднял то, что называлось шестом позора. На верхушку шеста он водрузил голову мертвой лошади и громко воззвал: "Это бесчестье я обращаю против всех духов земли"[A], населяющих эту землю, чтобы все они могли блуждать по диким путям, и никто из них не мог случайно наткнуться на его дом, пока они не прогонят короля Эрика и Гунхильд. с земли".

[A] Духи земли были *genii loci*; предполагалось, что аллитеративная формула, которую произносил Эгиль, обладала магической силой.

После этого он вырезал эти слова рунами на шесте и отплыл обратно в Исландию. Казалось также, что проклятие подействовало. Ибо, когда Эрик пробыл на троне четыре года, его младший брат Хаакон высадился в Тренделаге и на следующий год стал королем. Эта новость разнеслась по стране подобно лесному пожару, и повсюду была встречена с ликованием. Эрик предпринял отчаянную попытку собрать армию, но народ отвернулся от него, и он был вынужден бежать со своей женой, детьми и несколькими последователями. Среди тех, кто остался ему верен, был друг Эгиля, Аринбьерн. Теперь он плавал как викинг, разоряя побережья Шотландии и Англии, и, наконец, принял часть Нортумберленда в качестве феода от короля Этельстана при условии защиты страны от норвежских и датских викингов. Также было оговорено, что он должен креститься и принять христианство. Хотя различные саги, повествующие о дальнейшей жизни Эрика, дают несколько противоречивые сведения, очевидно, что в Англии он был не более популярен, чем в Норвегии. Похоже, что однажды или, возможно, дважды его изгоняли из Нортумберленда, но он снова возвращался. По совершенно невероятной случайности здешняя буря загнала его смертельного врага прямо в его лапы.

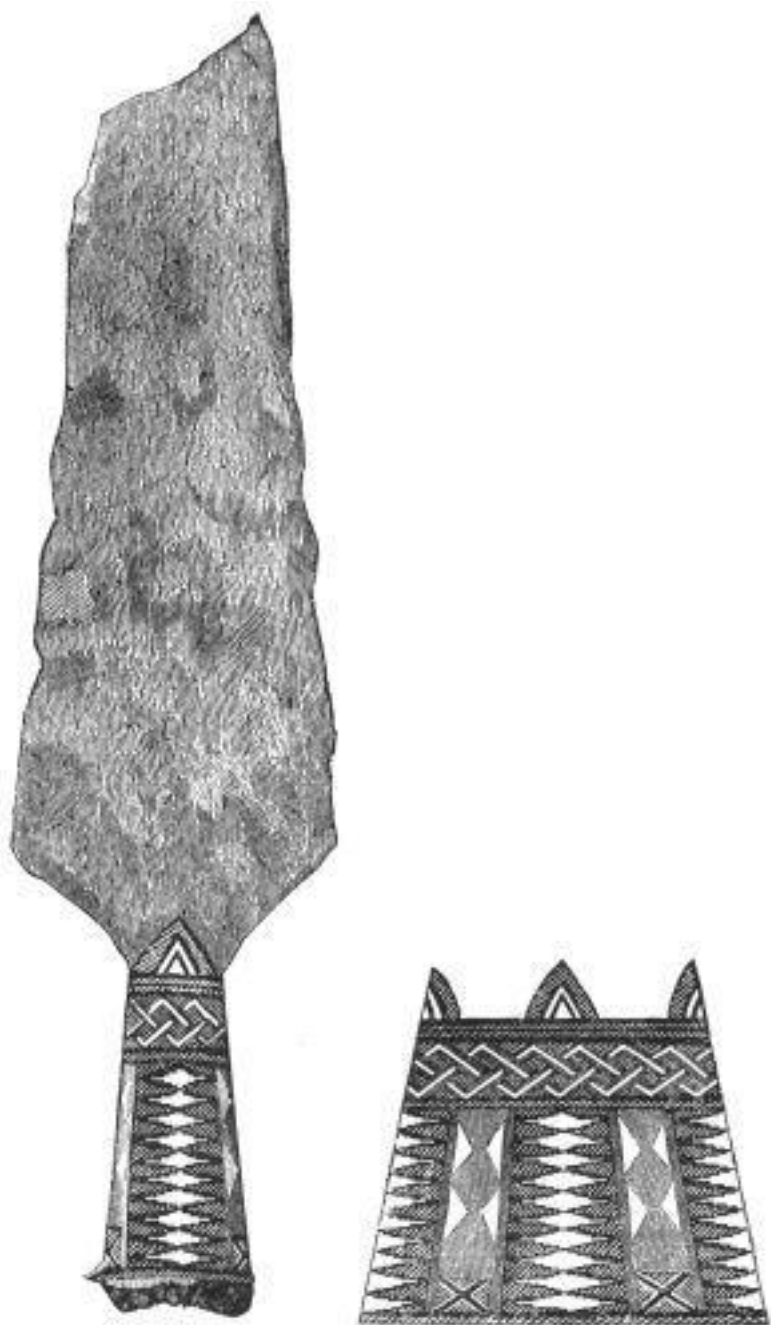
Рассказывают, что Эгиль был беспокойным и недовольным дома; и все верили, что Гунхильд с помощью колдовства лишила его душевного покоя. Он беспокойно бродил по берегу, высматривая паруса, и не получал никакого удовольствия от своей жены и детей. Наконец, когда он больше не мог оставаться дома, он снарядил корабль и отплыл на юг, в Англию. Он потерпел кораблекрушение в устье Хамбера, потерял свой корабль, но спас себя и своих тридцать воинов. От людей, которых он встречал, он узнал, что страной правит Эрик Кровавый Топор; и, зная, что шансов на спасение немного, он смело поехал в Йорк и разыскал своего друга Аринбьерна. Вместе они отправились к Эрику, который спросил Эгиля, как он мог быть таким глупым, чтобы ожидать от него чего угодно, кроме смерти. Гунхильд, увидев его, нетерпеливо потребовала, чтобы он был убит на месте. Она так долго жаждала его крови; она не могла вынести ни минуты отсрочки в своем страстном желании отомстить. Эрик, однако, предоставил исландцу отсрочку до следующего утра; Аринбьерн умолял его, в качестве последней надежды на жизнь, провести ночь за сочинением песни в честь Эрика. Эгиль пообещал это, и Аринбьерн велел принести ему еды и питья и попросил его сделать все, что в его силах. Испытывая естественное беспокойство, он ночью подошел к своему другу и спросил его, как продвигается работа над песней. Эгиль ответил, что не смог сочинить ни строчки, потому что на окне сидела ласточка, чей непрекращающийся крик беспокоил его, и он не мог ее прогнать. Аринбьерн выбежал в коридор и мельком увидел женщину, которая подбежала при виде него. В тот же миг ласточка тоже исчезла. Чтобы помешать ей вернуться, Аринбьерн сел за дверь Эгиля и всю ночь нес вахту. Ибо он знал, что ласточка была не кем иным, как королевой, которая с помощью колдовства приняла облик птицы.

На следующее утро Эгиль закончил свою песню и запомнил ее. Теперь Аринбьерн вооружил всех своих людей и отправился с Эгилем и его воинами в королевский дом. Он напомнил

Эрику о его верности ему, когда другие бросили его, и попросил в награду за его услуги сохранить жизнь его другу. Гунхильд умоляла его замолчать, но король ничего не ответил. Тогда Аринбьерн выступил вперед и заявил, что Эгиль не должен умирать, пока не умрет он и его последний человек.

"Такой ценой, - ответил король, - я бы не стал охотно покупать смерть Эгиля, хотя он вполне заслужил все, что бы я с ним ни сделал".

Внезапно, когда король заговорил, Эгиль начал декламировать чистым, сильным голосом, и в зале мгновенно воцарилась тишина. Вот отрывок из его песни:

ЖЕЛЕЗНЫЙ НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ С СЕРЕБРЯНОЙ ИНКРУСТАЦИЕЙ, НАЙДЕННЫЙ В НЕСНЕ, В НОРДЛАНДЕ.

ЖЕЛЕЗНОЕ ДОЛОТО, НАЙДЕННОЕ В ПРИХОДЕ ААМОТ, ЭСТЕРДАЛЕН.

Я плыл по морю на запад.
Видрар[A] сам дал мне
ихор из своей груди,[B]
И я с радостью пустился в странствия.
Когда льдины раскололись,[C]
Вперед я запустил дуб:[D]
Для оболочки моего разума[E]
Хвалы твоей было полно.

Ибо слава твоя, о король,
Побудила меня петь;
И на берег Англии,

мед Одина[F] Я понес.
О чудо, во славу Эрика,
я повышаю свой голос.
Пусть моя песня разнесется
По всей земле вокруг.

Слушай меня, мой король,
Хорошо помня
Что я пою тебе
Сейчас, без колебаний.
Ибо мир хорошо знает,
Как пали люди вокруг тебя;
Рад Один видеть
поле, где ты был.

Пробил щит и вонзил
Вглубь боевой клинок.
От его румяного напитка
Валькирии рассмеялись.[G]
Вот, поток мечей закачался
Подобно дикому каскаду.
Над далекими полями
Звенел крепкий звук стали.

Люди с энергичными ногами
Бросились врагу навстречу;
Твой отряд не знал никого, кроме
настоящих и отважных Героев.
Ибо в сердце и теле
Ярко горело пламя доблести;
Под их громовой поступью
земля содрогалась от ужаса.

"Среди лязга оружия"
Падали люди в предсмертной агонии:
Из груды убитых
Возвышалась твоя слава, аминь.

[A] Один.

[B] Дар песни.

[C] Весной.

[D] Корабль.

[E] Буквально: На корабле моего разума (т.е. в моей груди) я вынес этот глоток хвалы.

[F] Мед Одина - дар поэзии.

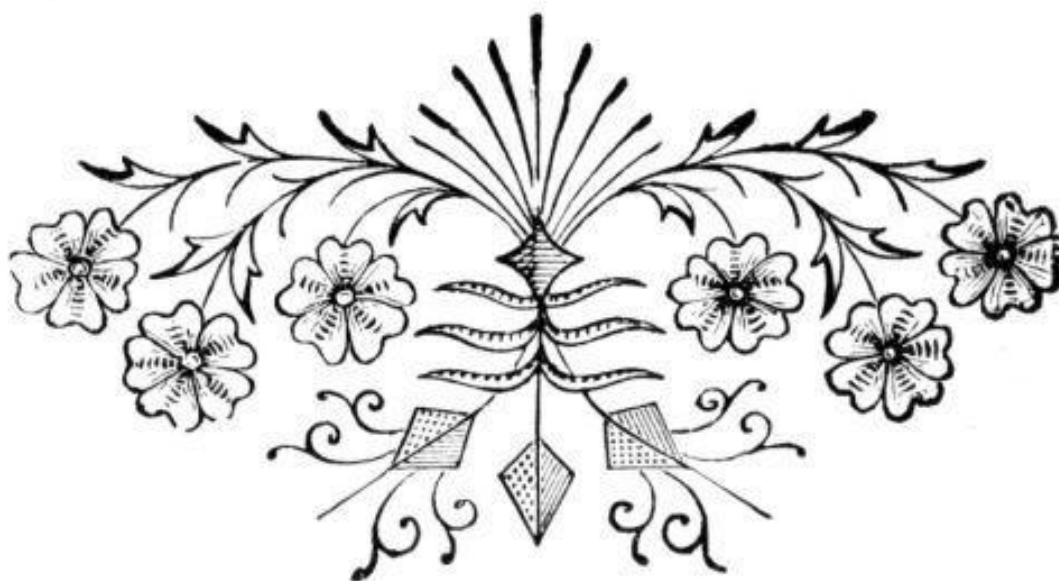
[G] Служанки Одина, выбирающие убитых, Валькирии, должны были присматривать за Эриком, принимать души многих, кого он убил, и вести их в Валгаллу.

Эрик сидел неподвижно, пока Эгил пел, пристально наблюдая за его лицом. Когда песня подошла к концу, король сказал: "Песня превосходна, и теперь я обдумал, что я сделаю ради Аринбьерна. Ты, Эгиль, уйдешь отсюда невредимым, потому что я не совершу подлого поступка и не убью человека, который добровольно отдал себя в мою власть. Но с того момента, как ты покинешь этот зал, ты никогда больше не появишься ни передо мной, ни перед глазами моих сыновей. И это не следует рассматривать как примирение между тобой и мной или моими сыновьями и родственниками". Таким образом, Эгиль купил свою голову своей песней, и поэтому песня называется "Хефудлаусн", или "Выкуп за голову".

Затем Эгиль откланялся, еще раз посетил Этельстан; отправился в Норвегию и пережил множество приключений, прежде чем вернулся в Исландию, где и умер между 990 и 995 годами. Тогда ему было за девяносто лет.[A] Другое его стихотворение под названием Sonartorek, "Потеря сына", является самым красивым стихотворением на исландском языке.

[A] Его жизнь подробно описана в саге об Эгиле Скаллагримсе-сонаре.

Эрик Кровавый Топор остался в Англии и претерпел множество превратностей судьбы, пока не пал в битве в 950 или 954 году. Он неоднократно упоминается английскими хронистами под именем Эрика Гарольдсона. После его смерти Гунхильд сочинила в его честь *драапу*, интересный фрагмент которой сохранился до наших дней. Затем она отправилась в Данию со своими сыновьями и была хорошо принята датским королем Гарольдом Блутузом (Блаатандом), сыном Горма Старого.

ГЛАВА VII.

ХОКОН ДОБРЫЙ (935-961).

Хаакон, хотя и был внешне похож на своего отца, не походил на него по духу. Он обладал примирительной натурой, дружелюбием и обладал очарованием манер, которое покорило ему все сердца. Говорят, что его приемный отец на прощание дал ему совет никогда не сидеть мрачным за праздничным столом, и очевидно, что он принял этот урок близко к сердцу. Когда он высадился в Тренделаге, люди столпились вокруг него, и он привлек вождей на свою сторону дружелюбием и обещаниями, которые впоследствии добросовестно выполнял. Он принимал участие в играх молодежи и в серьезных беседах стариков, преуспевал во всех мужских видах спорта и вызывал восхищение не меньше своей красотой, чем умом и великодушным нравом. Слух о его прибытии распространился, как огонь по увядшей траве, и люди говорили, что старый король Гарольд снова вернулся к своему народу, более мягкий и щедрый, чем прежде, но не менее могущественный и красивый.

Первым вождем, чье влияние Хаакон попытался заручиться в свою пользу, был могущественный Сигурд, граф Хлада, который был другом и защитником его матери и опекуном его младенчества. Граф хорошо принял его и пообещал поддержать его притязания на королевство. С этой целью он созвал от имени Хаакона большое собрание крестьян в Тренделаге и произнес речь, в которой осудил жестокость Эрика Кровавого Топора и заявил о своей преданности Хаакону. Когда граф закончил, Хаакон встал и предложил, в случае, если крестьяне сделают его своим королем, вернуть им их аллодиум, которого лишил его отец. Это известие было воспринято с великой радостью; и со всех концов равнины донеслись крики почтения и одобрения. Среди радостного шума Хокон был провозглашен королем и немедленно двинулся на юг с большим отрядом воинов. Куда бы он ни шел, люди толпились вокруг него и предлагали ему свою верность. Опланды[A] последовали примеру Тренделага, и в Викене как вожди, так и крестьяне горячо поддерживали его дело. Как уже говорилось, Эрик предпринял отчаянную попытку собрать армию, но, потерпев неудачу в этом, бежал со своей семьей и несколькими верными последователями на Оркнейские острова, а оттуда в Англию.

[A] Посмотреть на карте.

Примирительному настрою Хокона соответствовало то, что он не приставал и не смещал своих племянников, Гудреда Бьернссона и Трюгве Олафссона, но утвердил их королями Викена. Однако, похоже, что, по крайней мере номинально, они признавали его верховенство. Других сыновей и внуков Гарольда Светловолосого он встречал с таким же дружелюбием, отдавая каждому то, что считал должным. Как только таким образом был установлен мир, и не осталось никого, кто оспаривал бы его власть, Хаакон энергично посвятил себя улучшению внутреннего управления своим королевством. Он разделил страну на *Вещевые союзы*, или судебные округа, и с помощью мудрых и опытных людей

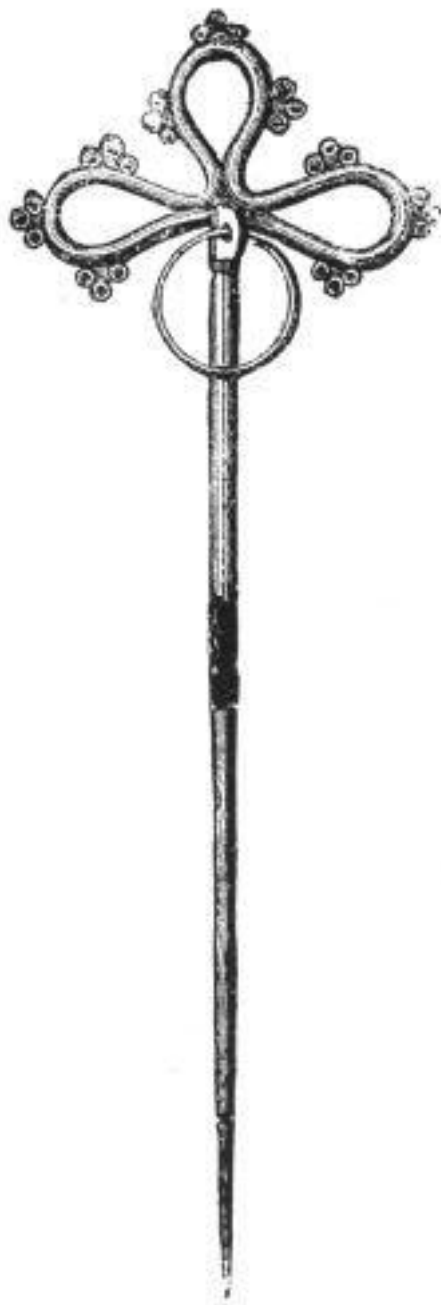
значительно усовершенствовал законы. Один знаменитый кодекс, называемый законом Гулатингса, особенно прославил его имя, и расширение и усовершенствование закона Фростатингса также приписывается ему некоторыми сагами. Единственным радикальным изменением, которое он внес, был распад феодального государства его отца путем возвращения крестьянам аллодия. Но это единственное изменение потребовало многих других. Когда король отказался от своего права облагать землю налогом, он тем самым лишил себя возможности содержать армию и был вынужден частично возложить на самих крестьян защиту своих соответствующих округов. Естественно, что наиболее уязвимым для нападения было морское побережье; и в отсутствие всех средств коммуникации, кроме самых примитивных, враг мог опустошать обширные участки земли, прежде чем известие о его присутствии достигало короля..... Чтобы исправить это, Хаакон приказал зажигать *вардеры*, или сигнальные огни, через определенные промежутки времени по всему побережью при приближении врага; но он частично свел на нет положительный эффект реформы суровым наказанием, которым он угрожал тем, кто без достаточной причины зажигал *вардеры*. Чтобы получить средства для защиты побережья, он разделил его на морские округа, каждый из которых был обязан по первому требованию предоставить в распоряжение короля полностью укомплектованный боевой корабль. Это была, конечно, всего лишь еще одна форма налогообложения, но она была менее неприятна крестьянам, потому что ее цель и необходимость были очевидны, и не подразумевалось никакой унижительной зависимости, поскольку люди снова стали свободными владельцами земли. Тем не менее, есть указания на то, что личный налог, в насмешку называемый налогом на нос, который был введен Гарольдом, был продолжен, по крайней мере на некоторое время, Хоконом; поскольку прямо указано, что его первые военные корабли были построены на доходы от налога на нос.

СКОВОРОДА ИЗ БРОНЗЫ С ЖЕЛЕЗНОЙ РУЧКОЙ. ИЗ ЭПОХИ ВИКИНГОВ.

Приведя в порядок военные и судебные дела своего королевства, Хаакон обратил свое внимание на дело, которое давно было у него на сердце. Он был крещен в детстве в Англии и был истовым приверженцем христианской религии. Но, придя в царство своего отца не как завоеватель, а как кандидат на благосклонность народа, он не рискнул сразу напасть на национальную веру. Его друг, ярл Сигурд из Хлада, был фанатичным приверженцем веры Аса, и Хокон мог бы рассчитывать скорее на его враждебность, чем на поддержку, если бы проявил необдуманное рвение к замене старой религии новой. Поэтому Хокон тянул время, и только на пятнадцатом или шестнадцатом году своего правления (950-951), когда его безграничная популярность, казалось, оправдывала любое предприятие, он предпринял решительный шаг в защиту христианства. Он послал в Англию за епископом и несколькими священниками и издал указ, запрещающий людям приносить жертвы старым богам и требующий от них, чтобы они приняли веру во Христа. Он призвал крестьян встретиться с ним в Дронхейме, где повторил свое требование. Но крестьяне отказались заявить о себе и

умоляли короля юридически урегулировать этот вопрос на *Морозной твари*. Здесь собралось большое скопление людей; и когда собрание было призвано к порядку, Хаакон встал и в серьезной и исполненной достоинства речи умолял крестьян оставить старых языческих богов, которые были всего лишь деревом и камнем, и поверить в единого живого Бога и креститься во имя Его. Зловещий ропот пробежал по толпе при этих словах, и крестьянин Асбьерн из Медалхуса встал и ответил такими словами:

НАГРУДНАЯ БУЛАВКА ИЗ БРОНЗЫ. НАЙДЕНА В ВУ В ЛОЙТЕНЕ.

"Когда ты, король Хаакон, созвал свое первое собрание здесь, в Дронтхейме, и мы приняли тебя за нашего короля, мы поверили, что сами небеса снизошли на нас; но теперь мы не знаем, то ли мы обрели свободу, то ли ты хочешь снова сделать нас рабами своим странным требованием, чтобы мы оставили веру, которую имели наши отцы и все их праотцы до нас. * *

* Они были более крепкими людьми, чем мы; и все же их вера принесла нам достаточно пользы. Мы научились крепко любить тебя, и мы позволили тебе разделить с нами отправление закона и справедливости. Итак, мы, крестьяне, твердо решили и единодушно

согласились соблюдать законы, которые ты предложил здесь, на *Морозной твари*, и на которые мы дали свое согласие. Мы все хотим следовать за тобой и иметь тебя своим королем, пока жив хоть один из нас, крестьян, — если только ты, король, проявишь умеренность и не будешь требовать от нас того, в чем мы не можем следовать за тобой и что было бы неприлично для нас делать. Но если ты принимаешь это дело так близко к сердцу, что хочешь испытать свою мощь против нашей, тогда мы решили расстаться с тобой и взять другого вождя, который поможет нам свободно исповедовать религию, которая нам нравится. Выбирай сейчас, о царь, между этими двумя условиями, пока собрание не разошлось".

ОВАЛЬНАЯ БРОНЗОВАЯ ПРЯЖКА.

Громкие крики одобрения встретили эту речь, и какое-то время никто не мог заставить себя быть услышанным. Наконец, когда буря утихла, ярл Сигурд из Хлада, вероятно,

посоветовавшись с Хоконом, поднялся и сказал, что король уступит желаниям крестьян и не расстанется с их дружбой. Воодушевленные этой первой уступкой, крестьяне теперь требовали, чтобы король участвовал в их жертвоприношениях и председательствовал на жертвенном пиршестве. Во многом против своей воли Хаакон снова был вынужден уступить, но попытался успокоить свою совесть, сотворив крестное знамение над рогом, посвященным Одину. В течение следующего года его также заставляли есть конину во время святочного жертвоприношения и не осенять себя крестным знамением, когда произносились тосты в честь языческих богов. Полный гнева, он удалился, намекнув, что скоро вернется с достаточно большой армией, чтобы наказать трандерцев за унижение, которому они его подвергли. Нет никаких сомнений в том, что он привел бы в исполнение эту угрозу, если бы внешние враги не направили его энергию в другое русло.

Сыновья Эрика Кровавого Топора после смерти своего отца искали убежища у короля Дании Гарольда Блутуза. Двое старших, Гамле и Гутторм, скитались как викинги, опустошая побережья Норвегии и земли около Балтики, в то время как третий сын, Гарольд, был усыновлен своим тезкой, датским королем, и получил образование при его дворе. Все они были доблестными воинами, но во многом подчинялись своей проницательной и жестокой матери, Гунхильд. Естественно, они не питали добрых чувств к своему дяде Хокону, который лишил их королевства; и хотя они еще не были достаточно сильны, чтобы вести регулярную войну, они пользовались любой возможностью, чтобы досаждать ему. Они участвовали во многих битвах с Трюггве Олафссоном, которому, как королю Викена, была поручена защита южного побережья, и иногда они одерживали победы, а иногда терпели поражения. В 952 году, когда Трюггве отсутствовал, Хокон воспользовался случаем, чтобы нанести эффективный удар по датским викингам, наводнившим эту часть страны (хотя сыновей Эрика на этот раз среди них не было), преследовал их на юг и беспокоил побережья Ютландии и Датских островов. Похоже, однако, что этот способ возмездия не надолго обескуражил викингов, и до тех пор, пока Гарольд Блутуз проявлял открытую враждебность по отношению к Норвегии, поддерживая дело Гунхильд и ее сыновей, вполне естественно, что воинственное рвение и алчность датчан были направлены против соседнего королевства. Очевидно также, что Хакон своим нападением на датскую землю придал более личный характер враждебности, которую датский король питал к нему, и Гунхильд, не теряя времени, воспользовалась этой переменой чувств. С этого времени ее сыновья предстают уже не как воинственные авантюристы, одержимые личной местью, а как командующие флотами и армиями и грозные претенденты на норвежский трон. В 953 году они разбили Трюггве Олафссона при Сотонессе и вынудили его покинуть свои корабли и спастись бегством. Когда весть об этой катастрофе достигла Хаакона, он поспешно заключил мир с тредерами, которые вынудили его пожертвовать собой, и призвал ярла Сигурда на помощь всеми кораблями и людьми, находившимися в его распоряжении. Ярл Сигурд немедленно подчинился и отплыл на юг, навстречу королю. В Агвальдснессе они настигли сыновей Гунхильд и разгромили их в ожесточенной битве. Хокон собственноручно убил своего племянника Гутторма Эрикссона и срубил его знамя. Оставшиеся в живых братья бежали с остатками своей армии в Данию и два года поддерживали мир. Но в 955 году они вернулись снова со значительно увеличенными силами и застали врасплох короля Хакона во Фраеде в Нордмере. Сигнальные огни не были зажжены, и никакие сведения о присутствии врага не доходили до короля, пока не стало слишком поздно. Он спросил своих людей, предпочитают ли они остаться и сражаться или избегать сражения, пока не соберут достаточные силы. На это старый крестьянин по имени Эгиль Ульдсарк (Вулсарк) ответил: "Я был во многих битвах с твоим отцом, королем Гарольдом. Иногда он сражался с более сильным, а иногда и с более слабым врагом. Но он всегда побеждал. Я никогда не слышал, чтобы он спрашивал совета у своих друзей относительно того, следует ли ему бежать; и мы не дадим тебе такого совета."

Ибо мы думаем, что имеем в твоём лице храброго вождя, и верную помощь ты получишь от нас".

ПАМЯТНИК ЭГИЛЮ ВУЛСАРКУ Или БАУТАСТОНЕ Во ФРЕЙНЕССЕ.

Когда король похвалил эти слова и объявил, что готов сражаться, Эгиль радостно воскликнул: "В это долгое мирное время я боялся, что умру от старости на соломе своей постели — я, который никогда не желал ничего лучшего, как последовать за своим вождем и умереть в битве! Теперь, наконец, мое желание исполнится".

ДЕКОРАТИВНОЕ БРОНЗОВОЕ КРЕПЛЕНИЕ.

Как только сыновья Эрика высадились на берег, началась битва. У них было по шесть человек на каждого из отряда короля Хакона. Видя, что шансы были так велики против его повелителя, Эгиль Вулсарк отвел десять знаменосцев в сторону и прокрался по склону в тыл боевого порядка Гамле Эрикссона. Он заставил их маршировать с большими интервалами, так что над склоном были видны только верхушки их штандартов, а не сами люди. Датчане, увидев развевающиеся знамена, предположили, что приближаются свежие силы, чтобы отрезать их от кораблей, подняли громкий крик и обратились в бегство. Напрасно Гамле, разгадавший эту уловку, громким голосом кричал, приказывая им остаться. Ими овладела паника, и сам их командир был сметен спешащей массой, пока не добрался до пляжа, где занял последнюю позицию. Здесь Эгиль Вулсарк напал на него и получил смертельное ранение после отчаянного конфликта. Хокон тоже бросился на Гамле, который храбро защищался, но, получив ужасные раны, бросился в океан и утонул. Остальные братья доплыли до своих кораблей и вернулись в Данию.

Эта победа обеспечила мир Норвегии на шесть лет. Таким образом, у Хокона появилась возможность возобновить свои усилия по обращению страны в христианство. Но его опыт общения с нравами крестьян, очевидно, обескуражил его. Лично он оставался христианином и побудил многих своих друзей оставить языческую веру. Однако ему не доставало бескомпромиссной энергии и жгучего рвения мученика и пропагандиста. Он предпочитал мягкие меры жестким и избегал враждовать с теми, кто был верен ему в трудную минуту. Вероятно также, что совет его друга, ярла Сигурда, имел тенденцию охлаждать его пыл, подчеркивая политическую фазу религиозного вопроса. Результатом этой примирительной политики в связи с хорошими урожаями, которые были во время его правления, стало всеобщее признание короля Хокон. Сомнительно, чтобы на норвежском троне когда-либо восседал король, который был бы ближе сердцам народа. Поэтому, в знак своей привязанности к нему, они называли его Хокон Добрый.

На двадцать шестом году своего правления (961) Хокон проводил лето со своими воинами в своем поместье Фитье в Хердаланде. С ним было большое количество гостей, среди которых скальд Эйвинд Скальдеспилдер (Scald-Spoiler),^[A] который был по материнской линии правнуком Гарольда Прекрасноволосого. Король сидел за столом для завтрака, когда часовые увидели большую флотилию кораблей, плывущих по фьорду. Они отозвали скальда Эйвинда в сторону и попросили его решить, не вражеские ли это корабли. Эйвинд вбежал в зал, где сидел король, и пропел куплет, возвещающий о приближении сыновей Эрика. Хаакон встал и посмотрел на корабли. Затем он повернулся к своим людям и сказал: "Здесь против нас идет много кораблей, а наши силы невелики. Ясно видно, что нам придется сражаться с большими силами, чем когда-либо прежде, ибо сыновья Гунхильды пришли сегодня с большим войском, чем в предыдущие разы. Я не хочу подвергать своих лучших людей слишком большой опасности; и я также не хочу бежать, если только мудрые люди не решат, что было бы безрассудством ждать врага".

^[A] "Скальдеспилдер" означает расточитель или уничтожитель скальдов, потому что ни один другой скальд не выдерживает сравнения с ним.

Эйвинд Скальд-Спойлер ответил стихами, что такому человеку, как король Хокон, не подобает убегать от сыновей Гунхильд. "Это мужественная речь и соответствует моему разуму", - ответил король; и когда другие воины единодушно потребовали битвы, он облачился в доспехи, пристегнул меч к чреслам и схватил копье и щит. На голове у него был золотой шлем, сверкавший на солнце. На него было приятно смотреть, с его мягким и благородным лицом и светлыми волосами, струящимися по плечам. На внешних полях он выстроил своих людей в боевой порядок и поднял свои знамена. Сыновья Эрика высадились с большой армией под командованием третьего из братьев, Гарольда, и двух его дядей, Эйвинда Скрейджа и Альфа Аскмана. Битва, которая теперь началась, была дикой и кровопролитной. Армия сыновей Гунхильд была в шесть раз многочисленнее армии короля Хакон. Но Хокон, хорошо знавший своих норвежцев, не падал духом. Где бы ни кипела битва, там сверкал его золотой шлем. Он пошутил с Эйвиндом, скальдом, когда проходил мимо него, и симпровизировал куплет в ответ на тот, которым его приветствовали. Чем ожесточеннее становился конфликт, тем выше поднимался дух короля. Наконец, когда жара стала невыносимой, он сбросил доспехи и ринулся вперед во главе своих людей. Запас копий и стрел вскоре иссяк, и вражеские ряды сошлись вместе и сражались врукопашную на мечах. Сверкающий шлем делал короля очень заметным, и Эйвинд Скальд-Спойлер заметил, что он служил мишенью для датских копий. Поэтому он взял капюшон и натянул его поверх шлема. Эйвинд Скрейя, который как раз спешил навстречу королю, потерял его из виду и закричал: "Что стало с королем скандинавов? Он прячется или боится? Я больше не

вижу золотого шлема?" "Держи руль так, как держишь, если хочешь найти короля скандинавов", - крикнул Хаакон и, отбросив щит, схватил меч обеими руками и прыгнул вперед, где все могли его видеть. Эйвинд Скрейя прыгнул вперед с поднятым мечом, но один из людей короля отразил удар своим щитом, и в то же мгновение Хаакор разрубил голову Эйвинда до плеч..... Пример их короля воспламенил мужество норвежцев, в то время как падение их величайшего чемпиона привело датчан в замешательство. Первые бросились в атаку с новой яростью, в то время как вторые были прижаты к берегу и прыгнули в океан; многие были убиты или утонули, но немногие, включая Гарольда Эрикссона, спаслись вплавь и были подобраны кораблями. Преследуя убегающего врага, Хаакон был ранен в правую руку стрелой необычной формы, и все попытки остановить кровотечение оказались тщетными. Говорили, что Гунхильд заколдовала эту стрелу и отдала ее своему камергеру с наказом, чтобы он пустил ее в ход против короля Хакона. С приближением ночи король становился все слабее и неоднократно терял сознание. Один из его друзей предложил перевезти его тело в Англию, когда он умрет, чтобы его похоронили в христианской земле. Но Хокон ответил: "Я недостойн этого. Я жил как язычник, и поэтому достойно, чтобы меня похоронили как язычника".

Так умер Хокон Добрый, и, как говорится в саге, его одинаково оплакивали друзья и враги. Его последним поступком перед смертью было послать корабль за сыновьями Гунхильд и умолять их вернуться и захватить королевство; ибо у него самого не было сыновей, а его единственная дочь, Тора, не могла, согласно закону, унаследовать трон.

Эйвинд Скальд-Спойлер сочинил песню в честь короля Хакона под названием *Haakonarmaal*, в которой он восхвалял его добродетели и описал прием, оказанный ему в Валгалле.

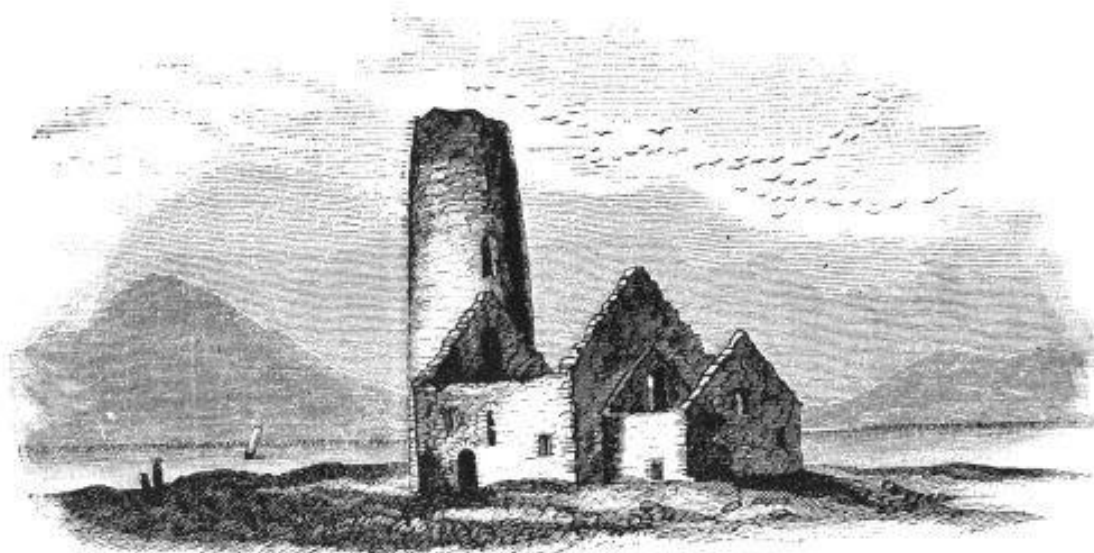

ГЛАВА VIII.

ГАРОЛЬД ГРЕЙФЕЛЛ И ЕГО БРАТЬЯ (961-970).

Сыновья Гунхильд, не теряя времени, завладели королевством своих отцов. Однако им удалось захватить не всю Норвегию, а только средние районы. В Викене Трюггве Олафссон и Гудред Бьернссон, оба внука Гарольда Прекрасноволосого, правили как независимые короли, а в Тренделаге ярл Сигурд из Хлада отказался признать превосходство расы Эрика Кровавого Топора. Несомненно, братья только выжидали, пока не наберутся достаточно сил, чтобы наказать этих высокомерных мятежников; но столь ожесточенными были настроения против них даже в провинциях, которыми они номинально правили, что они делали все, что могли, для поддержания своей власти в тех узких рамках, которые с самого начала были им отведены. Одной из главных причин их непопулярности была их зависимость от датского короля, с помощью которого они завоевали королевство и с которым, по-видимому, находились в вассальных отношениях. Вследствие этого они не прилагали никаких усилий, чтобы завоевать расположение норвежского народа, но окружили себя огромной толпой

датских воинов, которые составляли их двор и основу их силы. Очень прискорбным также было влияние, которое оказывала на них их мать Гунхильд. Едва она вернулась в Норвегию, как возобновила свою пагубную деятельность, подстрекая своих сыновей к жестоким и предательским поступкам, которыми они лишились уважения народа и подорвали свою собственную власть. Несчастье не научило ее осторожности, а возраст не смягчил жестокости ее характера.

ЦЕРКОВЬ В ЭГИЛЕ, ИЛИ НА ОСТРОВЕ ЭГИЛЯ (ОДНИ ИЗ ОРКНЕЙСКИХ ОСТРОВОВ); ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО, БЫЛА ПОСТРОЕНА ДО ЭПОХИ ВИКИНГОВ.

Старший из оставшихся в живых братьев, Гарольд, по фамилии Граафельд (Грейфелл) внешне напоминал своего отца, Эрика Кровавый Топор. Он был надменен, скуп и мстителен; высокого роста, прекрасно сложен и обладал величественной осанкой, но, несмотря на все это, обладал слабым и колеблющимся характером. Ему совершенно не хватало той доброты и дружелюбия, которые сделали его дядю Хокона Добрым и любимым человеком всего народа. О других братьях у нас нет определенных сведений; однако, похоже, все они унаследовали свою долю черт, которые делали их родителей одиозными. Двое из них, Гудред и Сигурд Слева, показали себя достойными сыновьями злобной Гунхильд. О других обычно говорят коллективно, и их имена приводятся по-разному.

Возможно, именно осознание своей непопулярности побудило Гарольда Грейфелла заигрывать с бывшими придворными короля Хокона. Некоторые из них, по-видимому, поступили к нему на службу, но чувствовали себя неловко среди чужеземных воинов, пользовавшихся его благосклонностью и доверием. Зависть и мелкие ссоры были в порядке вещей; каждое упоминание о добродетелях короля Хаакона оскорбляло, и когда песня Эйвинда Скальд-Губителя, восхваляющая его бывшего повелителя, достигла ушей короля, он сердито воскликнул: "Вы все еще любите короля Хаакона, и будет лучше, если вы последуете за ним и станете его людьми".

Затем мужчины ушли, но не внезапно, а один за другим, и сделали имена сыновей Гунхильды еще более ненавистными по всей стране. Эйвинд Скальд-Спойлер в благородном стихотворении отказался быть придворным поэтом короля Гарольда, а после его ухода сочинил песню, в которой сравнил Хокона с Гарольдом, в ущерб последнему. В тот год (962) в стране была большая нехватка продовольствия; посевы и рыболовство потерпели неудачу, и скот приходилось кормить листовыми почками вместо травы. В некоторых районах в середине лета выпал снег. Люди, которые верили, что боги послали эти злые времена из-за

их гнева на королей, выразили свое недовольство громким ропотом. Гарольд Грейфелл и его братья, по-видимому, были крещены в юности в Англии и номинально были христианами. Они воздерживались от жертвоприношений, разрушали многие языческие храмы. Но они не предпринимали никаких усилий, чтобы просветить людей относительно новой религии, и, вероятно, считали вопросы веры второстепенными. Окруженные со всех сторон врагами, они, естественно, в первую очередь стремились вновь завоевать королевство, которое Гарольд Прекрасноволосый завещал их отцу. Поэтому возникла политическая необходимость свергнуть власть ярла Сигурда из Хлада, а также Трюгве Олафссона и Гудреда Бьернссона в Викене. О том, чтобы сделать это в открытом бою, не могло быть и речи, и поэтому Гунхильд убедила своих сыновей прибегнуть к предательству. Лестью и обещаниями Гарольд подкупил Грьотгарда Хааконссона, младшего брата ярла Сигурда, чтобы тот сообщил ему, когда представится благоприятная возможность убить графа. В то же время король отправил гонцов с подарками и дружескими заверениями к намеченной жертве, но некоторое время ему не удавалось заманить ее в какую-либо ловушку. Наконец, когда эти неоднократные заверения в дружбе, возможно, заставили его ослабить бдительность, Гарольд Грейфелл и его брат Эрлинг, получив уведомление из Грьотгарда, напали ночью на графа, когда его не было дома, и сожгли его и всю его свиту. Однако этим поступком они подняли против себя врага, который оказался для них более опасным, чем тот, кого они убили. Сыну ярла Сигурда, Хаакону, было двадцать пять лет, когда умер его отец, и он был человеком, великолепно оснащенным телом и разумом. Он был великим воином, красивым лицом, проницательным, решительным, дружелюбным и обходительным в своем поведении. Его семья была в некотором отношении не хуже семьи любого короля, поскольку он принадлежал к старой племенной аристократии, которая сохраняла свою власть в Тренделаге с самых ранних германских времен. Когда он родился, король Хакон Добрый, который как раз в то время был гостем его отца, вылил ему на голову воду и дал его собственное имя.

Когда до него дошла весть о смерти ярла Сигурда, Хаакон созвал тредеров, и великое множество людей откликнулось на его призыв. Они требовали мести вероломным сыновьям Гунхильды, утвердили Хаакона в достоинстве, которым обладал его отец, и заявили, что готовы следовать за ним. С большим флотом он отплыл из Дронтхеймского фиорда; но сыновья Гунхильды бежали на юг и не отважились дать сражение. Трандерсы, присягнув на верность графу Хокону, отказались платить налоги Гарольду Грейфеллу, который после нескольких нерешительных боев был вынужден фактически признать независимость своего соперника. Хаакон, однако, хорошо понимал, чего, должно быть, стоила такая уступка надменному королю, и он также знал, что его независимость продержится лишь до тех пор, пока он сможет ее защищать. Поэтому, стремясь укрепить свое положение, он заключил союз с двумя королями Викена, что привело лишь к тому, что последний быстро навлек на себя месть сыновей Гунхильд. Гарольд Грейфелл и его брат Гудред притворились, что поссорились, и изображали яростную враждебность друг к другу. Путешествие викингов, которое они собирались предпринять вместе, соответственно, было отложено, и Гудред, жалуясь на поведение своего брата, отправил дружеское послание Трюгве Олафссону, умоляя его сопровождать его в этом путешествии. Трюгве принял приглашение и, прибыв на назначенное место встречи, был подло убит вместе со всеми своими людьми. Король Гудред Бьернссон (сын Бьерна Купца) был примерно в то же время застигнут врасплох на пиру Гарольдом Грейфеллом и убит после отчаянного сопротивления. После этих подвигов Гарольд и Гудред вновь объединились и завладели Викеном. Они поспешили к жилищу короля Тригве в надежде истребить весь его род. Но вдова Трюгве, Аастрид, предвидя их намерение, сбежала со своим приемным отцом, Торольфом Лузе-сьеггом (Паршивая Борода), и несколькими слугами. Тогда она была беременна, и на маленьком островке в

Рандс-фиорде, где она пряталась, она родила своего сына Олафа Трюггвессона. Куда бы она ни пошла, шпионы Гунхильды преследовали ее. Услышав, что она родила сына, коварная королева не жалела усилий, чтобы заполучить ее в свою власть. В течение всего лета Аастрид был вынужден оставаться на уединенном островке, выходя наружу только ночью, а днем прячась в подлеске. Когда ближе к осени ночи стали темнеть, она сошла на берег со своими спутницами, путешествуя только тогда, когда их защищала темнота. После многих лишений она добралась до поместья своего отца Эрика Офрестада в Опландии, но даже здесь коварная Гунхильд не давала ей покоя. Человек по имени Хаакон был отправлен с тридцатью вооруженными слугами на поиски ее и ее ребенка; но Эрик из Офрестада получил известие об их миссии вовремя, чтобы отослать своих дочь и внука прочь. Переодевшись нищими, Аастрид и Торальф Паршивая Борода пешком переходили от фермы к ферме и ближе к вечеру подошли к дому человека по имени Бьерн. Они попросили еды и крова, но были грубо прогнаны негостеприимным крестьянином. Однако на соседней ферме их любезно принял крестьянин по имени Торстейн. Посланцы Гунхильды, тщетно разыскивая беглецов в Офрестаде, вышли на след беглецов и узнали в доме Бьерна, что красивая женщина в бедной одежде с младенцем на руках попросила приюта рано вечером. Этот разговор случайно подслушал один из слуг Торстейна и, вернувшись домой, пересказал его своему хозяину. Торстейн немедленно, с громкими упреками и притворным гневом, пробудил предполагаемых нищих ото сна и выгнал их в ночь. Он сделал это, чтобы обмануть слуг и других слушателей. Но когда Аастрид и Торальф были уже далеко в пути, он сказал им, что наемные убийцы Гунхильд прибыли на соседнюю ферму и что его единственное желание - спасти их. Он также дал им надежного слугу, который мог показать им лучшие укрытия в лесу. На берегу озера они спрятались среди высоких камышей.

НОЖНИЦЫ И НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ ЖЕЛЕЗА.

Тем временем Торстейн отправил их преследователей в противоположном направлении и повел их пляской по лесам и полям в тщетных поисках беглецов. Следующей ночью, когда Хаакон и его люди прекратили поиски, он отправил Аастрид еду и одежду и предоставил ей сопровождение в Швецию, где она нашла убежище у друга своего отца по имени Хаакон Старый. Гунхильд, однако, не унывала. Она отправила два посольства к королю Швеции Эрику, требуя выдачи Олафа Трюггвессона, и каждый раз получала разрешение захватить ребенка без вмешательства со стороны короля. Но Хокон Старый был могущественным человеком и был полон решимости защитить своих гостей. Угрозы посла Гунхильды не испугали его. Пока последний говорил, полоумный раб по имени Басте схватил навозные вилы и бросился на него, угрожая ударить. Посол, опасаясь запачкаться, пустился наутек, и раб преследовал его. Как королева приняла его по возвращении, не записано.

Из внутренних врагов сыновей Гунхильд теперь остался только ярл Хаакон из Хлада; и с их стороны не было противоестественным желание подчинить его. Предвидя, как обычно, их

действия, граф был настороже; но, убедившись в размерах их флота, он понял безнадежность своего дела и немедленно отплыл в Данию, где был хорошо принят королем Гарольдом Блутузом (964). Таким образом, будет видно, что дружба между Гарольдом Грейфеллом и датским королем не выдержала напряжения из-за расхождения интересов. Первый, как только почувствовал себя уверенным в своей власти, отказался признать притязания последнего на Викена и не платил ему никаких налогов. Поэтому Гарольд Блутуз вступил в союз с ярлом Хоконом, злейшим врагом сыновей Гунхильды, надеясь с его помощью вернуть свои утраченные владения. Что особенно воодушевляло его в этом ожидании, так это продолжающийся дефицит, царивший в Норвегии, и вызванная этим непопулярность королей, которая с каждым годом становилась все более заметной. Напрасно Гарольд Грейфелл почти каждое лето отправлялся в походы викингов, снискав себе великую славу воина и привезя домой богатые сокровища. Народ ненавидел его лишь меньше, чем его мать Гунхильд. Подвиг его брата Сигурда Слевы вызвал демонстрацию гнева, которая едва не переросла в открытое восстание. Сигурд Слева нанес визит могучему йомену по имени Клипп Торссон, и в отсутствие хозяина дома был гостеприимно принят его прекрасной женой Аалуф. Он влюбился в свою хозяйку и жестоко оскорбил ее. Клипп, вернувшись, узнал, что произошло, и поклялся отомстить за позор, который навлек на него сын Гунхильды. Когда Гарольд Грейфелл и Сигурд осенью 964 года держали *дело* в Ворсе, на них напали разъяренные крестьяне, и им пришлось спасаться бегством. Клипп с несколькими своими друзьями преследовал Сигурда, убил его собственной рукой и сам был убит одним из людей Сигурда.

Граф Хокон, который из своего датского убежища наблюдал за событиями в Норвегии, услышал эти новости с удовлетворением. Внезапная проверка, которой подверглось его честолубие, привела к тому, что он заболел, и в течение некоторого времени он казался вялым, отказываясь есть и пить и общаться с кем бы то ни было. Но когда его планы мести созрели, он встал с постели, выступил вперед с прежней энергией и начал плести сложную сеть интриг. У Гарольда Блутуза в то время возникли разногласия со своим племянником Голд-Гарольдом, который потребовал доли в правительстве; и, будучи уверен в проницательности графа, он попросил у него совета. Граф увидел в этом свою возможность и без колебаний воспользовался ею. Он отговорил короля от убийства своего племянника, потому что такой поступок вызвал бы возмущение и оттолкнул бы великую партию Дании, желавшую видеть Золотого Гарольда на троне. Гораздо лучше было бы, если бы он нанял Золотого Гарольда, чтобы наказать Гарольда Грейфелла и его братьев и в конце концов наградить его норвежским трон. Тем самым король увеличил бы свою собственную власть и превратил опасного соперника в друга и союзника. Этот совет показался Гарольду Блутусу хорошим, и после некоторых уговоров он набрался смелости последовать ему. Он отправил дружеское послание своему приемному сыну Гарольду Грейфеллу, приглашая его приехать и вступить во владение его старым поместьем в Дании, доход от которого ему действительно мог понадобиться в трудные времена, царившие в Норвегии. Гарольд Грейфелл, после некоторых колебаний, принял это приглашение и отплыл в Данию с тремя кораблями и двумястами сорока людьми; но не успел он ступить на датскую землю, как на него напал Золотой Гарольд, который убил его и почти всех его людей.

Это был первый акт драмы, задуманной эрлом Хоконом. Второй акт содержал сюрприз. Граф отправился к Гарольду Блутусу и объяснил ему, что его племянник, как король Норвегии, станет более опасным соперником, чем он был раньше; и откровенно предложил убить его, если король пообещает не мстить за его смерть. Более того, он потребовал в качестве награды феодальное владение королевством Норвегия под верховенством короля. Все это казалось Гарольду Блутусу очень заманчивым; и, как все слабые и порочные люди, он

выдвигал возражения только для того, чтобы их преодолеть. В конце концов он дал свое согласие, и Голд-Гарольд был немедленно атакован и убит графом Хоконом. Теперь оба заговорщика с большим войском отплыли в Норвегию и завоевали всю страну, не нанеся ни единого удара. Так велика была ненависть Гунхильд и ее сыновей, что ни один мужчина не обнажил меча в их защиту. Два оставшихся в живых брата, Гудред и Рагнфред, предприняли притворное сопротивление, собрав вокруг себя нескольких сторонников, но не рискнули дать бой. Видя безнадежность своего дела, они бежали со своей матерью на Оркнейские острова (965). Рагнфред, однако, вернулся на следующий год со значительным флотом, в основном состоящим из викингов, которые собрались вокруг него, и участвовал в показательном сражении с ярлом Хоконом. Ему даже удалось отвоевать четыре северо-западных графства. Почти год Хокон не предпринимал никаких попыток изгнать его. Только весной 967 года он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы снова взяться за оружие; и на этот раз Рагнфред и его брат Гудред, которые тем временем присоединились к нему, потерпели поражение при Дингнесе и были изгнаны. Согласно наиболее достоверным источникам, они отправились в Шотландию, но в течение нескольких лет продолжали беспокоить побережье Норвегии внезапными нападениями. Однако они были уже недостаточно грозны, чтобы причинять графу какие-либо серьезные неудобства, хотя он не замедлил воспользоваться их нападками как предлогом для прекращения уплаты налога, который он обязался уплатить датскому королю. Гунхильд умерла, по всей вероятности, либо в Шотландии, либо на Оркнейских островах, хотя в одной из саг говорится, что Гарольд Блутуз заманил ее в Данию под обещание выйти замуж и по его приказу утопил в болоте

ГЛАВА IX.

ГРАФ ХОКОН (970-995).

Своей дерзкой интригой граф Хаакон достиг цели своих желаний. Он отомстил за смерть своего отца, унизил своих врагов и обрел силу, намного превосходящую силу любого из его предков. Однако с таким характером, как у него, ни одна цель не является окончательной. Легкость, с которой он управлялся с Гарольдом Блутузом и его племянником, используя их как инструменты в своих собственных целях, без сомнения, внушила ему безграничную уверенность в своих способностях и соответствующее презрение к тем, чья проницательность уступала его собственной. Поэтому в его голове вскоре созрела цель отказаться от своих обязательств перед датским королем и стать независимым правителем Норвегии. Вскоре представилась возможность осуществить эту цель. Император Германии Оттон I., провозгласивший суверенитет над Данией, умер в 973 году, и ему наследовал его младший сын Оттон II. Гарольд Блутуз, которого всегда возмущали притязания императора, даже несмотря на то, что он был вынужден признать это, провел обширные приготовления к кампании против Оттона II и отправил гонцов своему вассалу, графу Хокону, приказав ему прийти к нему на помощь со всеми имеющимися в его распоряжении силами. Граф Хаакон, каковы бы ни были его склонности, не счел целесообразным ослушаться и весной 975 года отплыл на юг с большим флотом и армией. Некоторое время он выполнял свой долг, защищая стену Данневирке, и фактически победил императора в великой битве. Затем, чувствуя, что его задача выполнена, он сел на свои корабли и приготовился отплыть домой. Император, однако, услышав, что Данневирк покинут его защитниками, вернулся для второй атаки и пробился в Ютландию. Сражался ли с ним Гарольд Блутуз, не сообщается. Мы знаем только, что он согласился на унижительный мир, подтвердив свою вассальную зависимость и, согласно заслуживающему доверия источнику, пообещав ввести христианскую религию как в своем собственном королевстве, так и в Норвегии. Вполне вероятно, что и Гарольд, и его сын, Свейн Раздвоенная Борода, были крещены раньше, но в глубине души продолжали оставаться преданными вере Аса. Едва ли ревность к христианству, но страх перед императором побудил Гарольда послать за графом Хоконем и заставить его принять крещение и пообещать обратить своих соотечественников в новую религию. Странно, что такой проницательный человек, как Хаакон, после своего недавнего бегства из Данневирке подчинился этому призыву. По всей вероятности, победоносная битва, в которой он участвовал, придала ему уверенности в своих силах оправдать себя; и, возможно, также были обстоятельства, связанные с этим делом, которые изменили его вид в глазах современников. Однако не исключено, что он действительно хотел найти благовидный предлог для восстания и сознательно воспользовался своим шансом.

*Haroldus cognomine Godwinson, Angli filius, Rex Danie partium Norve
et fuit dñs qui Richardo Normani Ducis hic opem tulit feruente,
Gallie Reges Ludovicum et Lotharium cum Ottone m. Rom. imp. foederu
sanxit: constitutis apud Cellesas Slesvici; Rip; Arhus; Episcopi
quos inter Poppe fuisse, creditur; et alium quos; Danicum,
Danovich dictum, iurante matre Thyra, instaurari et firmius
muniri fecit: sublatu, maribione slesvicensi.*

66

ГАРОЛЬД БЛЮТУЗ.

С кораблем священников Хокон отбыл с этой судьбоносной встречи с датским королем. Но как только он скрылся из виду Гарольда, тот высадил своих священников на берег и принялся рыскать по обе стороны Пролива. На скалистых утесах Гаутланда он устроил грандиозный жертвенный пир, чтобы смягчить последствия своего недавнего крещения, и стоял, ожидая ответа от старых богов, что они смотрят на него благосклонно и даруют ему успех в войне, которую он собирался начать. Затем прилетели два ворона и последовали за его кораблями, громко "кудахча". Вороны были птицами Одина, и Хокон увидел в их полете счастливое предзнаменование. Похоже, теперь им овладела воинственная ярость. С безрассудством, которое для столь благоразумного человека немыслимо (разве что в состоянии сильного религиозного возбуждения), он сжег свои корабли, высадился со своей армией на побережье Швеции и двинулся на север, опустошая страну огнем и мечом. Широкий след крови и опустошения тянулся за его разрушительным продвижением. Даже в

норвежской провинции Викин, которую Гарольд Блутуз отдал Свейну Раздвоенной Бороде, он продолжал свои опустошения в чистом распутстве, словно демонстрируя свое неповиновение датскому королю и всему, что ему принадлежало. Из Викина он отправился по суше в Дронхейм, где с тех пор жил как независимый правитель, хотя по какой-то причине воздерживался от принятия королевского титула.

Вероятно, прошло некоторое время, прежде чем Гарольд Блутуз смог собрать армию, достаточно сильную, чтобы преследовать графа и победить его в его собственной крепости. Однако есть некоторые сомнения в том, состоялся ли его поход в Норвегию с целью наказания своего мятежного вассала в 976 году или двумя-тремя годами позже. Следуя примеру Хаакона, он опустошил землю, убивая и сжигая все на своем пути. В Ляэрдале в Согне он оставил несгоревшими только пять домов. Однако, когда граф Хокон отплыл на юг, чтобы встретить его с многочисленным флотом, король внезапно утратил мужество, поднял паруса и направился домой. Говорят, что у Гарольда Блутуза на тот момент было не менее тысячи двухсот кораблей.

Теперь граф Хаакон на несколько лет обрел покой. Как только он победил сыновей Гунхильды, он женился на прекрасной Торе, дочери могущественного вождя Скаге Скофтессона, и имел от нее двух сыновей, Свейна и Хеминга, и дочь Берглиот. Значительно старше этих детей был незаконнорожденный сын графа, Эрик, который, согласно одному из свидетельств, родился, когда его отцу было всего пятнадцать лет. Однако есть веские основания подвергнуть сомнению это утверждение. Эрик был упрямым и беспокойным юношей, которого невозможно было заставить уважать авторитет своего отца. Когда ему было десять или одиннадцать лет, он вступил в спор с шурином Хокона Тайдингом-Скофте из-за права бросить якорь рядом с кораблем графа. Тайдинг-Скофте, который был большим любимцем графа, получил эту привилегию в особом порядке и был склонен настаивать на ней. Чтобы отомстить за это оскорбление, Эрик воспользовался своим шансом и убил его год спустя. Тем самым он навлек на себя враждебность своего отца и бежал в Викин, где Свейн Раздвоенная Борода оказал ему радушный прием.

Едва ли можно было ожидать, что Гарольд Блутуз спокойно примет унижение, которому подверг его граф Хаакон. Действительно, он сам становился слишком старым, чтобы снова померяться силами со своим могущественным противником; и поэтому он возложил задачу наказать его на своих друзей и союзников. Среди последних были знаменитые йомсвикинги, жившие в Йомсборге, на острове Воллин, в устье реки Одер. Эти викинги были хорошо дисциплинированной компанией пиратов, которые сделали войну своим исключительным занятием, живя грабежом. Они были обязаны по очень строгим законам подчиняться своему вождю, отвергать смерть и опасность, помогать друг другу и безропотно переносить боль. Подобно итальянским кондотьерам, они были готовы служить любому хозяину, с которым их начальник мог бы договориться. К женщинам они относились с презрением, и ни одной женщине не разрешалось входить в их город. Этих грозных мародеров Гарольд Блутуз пытался настроить против своего мятежного вассала. На поминальном пиршестве, которое их вождь, ярл Сигвальд, устроил в честь своего отца, присутствовала огромная толпа воинов; эль и медовуха лились рекой, и в зале царил веселый веселье. Когда граф Сигвальд поднялся, чтобы поднять тост за Браге, он поклялся, что не пройдет и трех зим, как он убьет ярла Хаакона, или выгонит его из своего королевства, или сам погибнет при попытке этого. Другие викинги, не желая уступать своему вождю, дали обеты едва ли менее смелые; и энтузиазм возрос до такой степени, что, казалось, ни одно достижение не было выше их сил. Когда они проснулись на следующее утро, дело приняло несколько иной вид; но, дав однажды обещание, они не могли отступить. Поэтому они сделали из необходимости

добродетель и поспешно приготовились к атаке. Однако слух об их клятвах опередил их и дошел до Эрика, сына ярла Хаакона. Не обращая внимания на враждебность своего отца, он поспешил на север, в Дронтхайм, со всеми людьми, которых смог собрать, и предоставил их в распоряжение графа. Йомсвикинги тем временем занимались грабежом берегов Норвегии, медленно продвигаясь на север с хорошо укомплектованным флотом из шестидесяти кораблей. Число их воинов составляло от семи до восьми тысяч. Они встретились с ярлом Хоконом и его сыновьями Эриком, Свейном, Сигурдом и Эрлингом в Хьорунгаваге в Сендмере. У графа было сто восемьдесят кораблей, большинство из которых уступали по размерам и оснащению кораблям его врагов; и, согласно вероятному подсчету, его силы составляли десять или одиннадцать тысяч человек. Едва ли когда-либо прежде на Севере видели столько людей и кораблей вместе, и в сагах говорится, что битва при Хьорунгаваге (986 г.) была величайшей битвой, когда-либо происходившей в Норвегии.

РУНИЧЕСКИЙ КАМЕНЬ СО СТРЭНДА В РЫФИЛКЕ. НАДПИСЬ, СДЕЛАННАЯ ДРЕВНЕЙШИМИ

СКАНДИНАВСКИМИ РУНАМИ, ГЛАСИТ СЛЕДУЮЩЕЕ: "Я, ХАГУСТАЛЬД, ПОХОРОНИЛ НА ЭТОМ ХОЛМЕ МОЕГО СЫНА ХАДУЛАЙКА.

Когда ярл Хаакон увидел, что первый из йомсвикингов плывет вверх по проливу, он выстроил свои корабли в боевой порядок. Он поручил своему старшему сыну Эрику командовать правым крылом, Свейна поставил на левое, а сам командовал центром. Напротив Свейна стояли корабли знаменитого йомсвикинга Вагна Аакессона, чья стремительность и отвага наводили на него страх повсюду. Молодой граф Свейн не мог противостоять такому противнику и после доблестного сопротивления начал отступать. Его брат Эрик, видя надвигающуюся опасность, обогнул свое крыло, отогнал Вагна назад и заставил своего брата вернуться на прежнее место. Затем он поспешил обратно в свое крыло и пришел как раз вовремя, чтобы проверить успехи Буэ Большого (Дигре), который командовал соответствующим крылом Йомсвикингов. Битва теперь становилась яростной, и резня с обеих сторон была ужасающей. Копья и стрелы грохочущим дождем посыпались на ярла Хаакона, когда он стоял на носу своего корабля, и так много попало в него, что его кольчужная рубашка разорвалась на полосы, и он был вынужден выбросить ее. Корабли викингов были выше, чем у скандинавов, и преимущество, которое это давало первым, поначалу сильно сказывалось на последних. Затем, как рассказывают, ярл Хокон внезапно исчез, и легенда гласит, что он взял своего младшего сына Эрлинга, сошел с ним на берег и принес его в жертву богам за победу. Небо мгновенно почернело, и налетел сильный ливень с градом, забросавший лица йомсвикингов и почти ослепивший их. Каждая крупинка града, говорится в саге, весила две унции. Некоторые даже заявляли, что видели дев Одина, Валькирий, Торгерд и Ирп, стоявших на носу корабля ярла Хокон и выпускавших смертоносный град безошибочных стрел. Йомсвикинги сражались наполовину вслепую, падали на скользкие палубы в лужах крови и тающем граде, но, несмотря на сумерки и неразбериху, все же выстояли. Затем внезапно их предводитель, граф Сигвальд, повернулся и убежал. Вагн Аакессон, увидевший его, закричал в неистовой ярости: "Почему ты бежишь, злобный пес, и оставляешь своих людей в беде? Этот позор будет преследовать тебя все твои дни". Граф Сигвальд ничего не ответил; и хорошо, что он этого не сделал, потому что в то же мгновение из руки Вагна вылетело копье, пронзившее человека у руля. За мгновение до этого Вагн видел там своего вождя, и именно ему предназначалось это копье. Смятение стало всеобщим; и все люди графа Сигвальда, увидев, что его штандарт исчез, рассыпались в прах и обратились в бегство. Наконец остались только Вагн Аакессон и Бью Большой. Ярл Хаакон причалил к кораблю последнего, и завязался бой, который по своей дикости и ярости едва ли имеет аналогию в записях саг. Два великих чемпиона Йомсвикингов, Рубщик Хаавард (Хуггенде) и Каменный череп Аслак (Хольмскалле), перепрыгнули через планшир корабля графа и учинили ужасный хаос, пока исландец не схватил наковальню, которая использовалась для заточки оружия, и не ударил ею Аслака по голове, раскроив ему череп. Хааварду отрубили обе ноги, но он продолжал яростно сражаться, стоя на коленях. Копья просвистели над ушами графа, и стрелы со злобным звоном пролетели мимо него. Его люди пали, а йомсвикинги рвались вперед. Затем, в самый последний момент, появился его сын Эрик и с толпой своих людей поднялся на борт галеры Буэ Большого. В их первой атаке Бью получил ужасный порез поперек носа. "Теперь, - воскликнул он, - боюсь, датские девушки больше не будут целовать меня". Затем, видя, что сопротивление тщетно, он схватил два сундука, полных золота, крикнул: "За борт всех людей Буэ!" - и прыгнул в море. Галера Вагна Аакессона также была взята на abordаж, и повторились прежние сцены резни. Когда все его люди, кроме тридцати, были мертвы, он, наконец, сдался. Пленников вывели на берег и приказали сесть в ряд на длинное бревно. Их ноги были связаны веревкой, в то время как руки оставались свободными. Одному из людей графа Эрика, Торкеллу Лейре, которого Вагн на том памятном поминальном пиршестве пообещал убить, была предоставлена привилегия

ответить Вагну взаимностью на предполагаемую услугу. Подняв топор, он бросился на пленников и, начав с одного конца бревна, отрубал одну голову за другой. Он намеревался удерживать Вагна до последнего, чтобы усилить его агонию. Но Вагн сидел, весело болтая со своими людьми, и было много шуток и смеха.

"Мы часто спорили, - сказал один из них, - знает ли человек о чем-либо, когда у него отрублена голова. Теперь мы можем это проверить, потому что, если я буду в сознании после того, как потерял голову, я воткну свой нож в землю".

Когда подошла его очередь, все сидели и с интересом наблюдали. Но нож выпал из его ослабшей руки, и от сознания не осталось и следа. Один из викингов на бревне, казалось, был особенно в отличном настроении. Он смеялся и пел, видя, как окровавленные головы его товарищей валяются у его ног. Как раз в этот момент подошел эрл Эрик и спросил его, хотел бы он жить.

"Это зависит от того, - ответил викинг, - кто именно предлагает мне жизнь".

- Предлагает тот, у кого есть на это власть, - сказал граф. - Сам граф Эрик.

"Тогда я с радостью принимаю", - ответил викинг.

Следующий по порядку, когда к нему подошел палач, отпустил двусмысленный каламбур, который, однако, так понравился графу Эрику, что он отпустил его на свободу. Восемнадцать человек были обезглавлены, а двое помилованы. Двадцать первым был очень молодой человек с длинными красивыми волосами и красивым лицом. Когда Торкелл Лейра остановился перед ним, он скрутил свои волосы в пучок и попросил не пачкать их своей кровью. Чтобы подшутить над ним, Торкелл велел одному из прохожих взяться за катушку, пока он будет отрубать ему голову. Мужчина согласился, но как раз в тот момент, когда опускался топор, Йомсвикинг резко откинул его голову назад, и услужливый помощник отрубил ему обе руки.

"Некоторые йомсвикинги еще живы", - воскликнул он, смеясь, подняв голову.

Эрл Эрик, ставший свидетелем этой сцены, спросил, как его зовут.

"Говорят, что я сын Буэ", - ответил он.

- Это весьма вероятно, - сказал граф. - Вы хотите жить?

"А разве у меня есть другой выбор?" - спросил молодой викинг.

Когда Торкелл Лейра заметил, что граф Эрик настроен всепрощающе, он очень разгневался. Опасаясь, что ему могут помешать отомстить Вагну Аакессону, он проскочил мимо оставшихся людей и, подняв топор над головой, бросился на своего врага. Однако один из мужчин на бревне, увидев опасность, грозящую его начальнику, бросился вперед так, что Торкелл споткнулся о его тело и выронил топор. Вагн мгновенно вскочил на ноги, схватил топор и нанес Торкеллу такой удар, что топор прошел сквозь шею, а лезвие ушло в землю. Таким образом, Вагн Аакессон был единственным из йомсвикингов, кто выполнил то, что поклялся сделать. Граф Эрик, восхищенный его подвигом, снял с него путы и освободил его. Другие пленники, которые были еще живы, также были освобождены по приказу графа.

Недалеко от того места, где это произошло, сидел граф Хокон со многими своими вождами. Внезапно послышался громкий звон тетивы, и в то же мгновение Гиссур Белый из Вальдерса, который сидел рядом с графом и был одет более пышно, чем он, упал замертво, пронзенный

стрелой. Многие люди поспешили к кораблю, откуда прилетела стрела, и нашли Хааварда Рубщика, который, наполовину оглушенный потерей крови, стоял на коленях с луком в руках. "Скажите мне, ребята, - спросил он, - там, у дерева, кто-нибудь падал?"

Ему сказали, что Гиссур Белый пал.

- Значит, мне повезло не так сильно, как я надеялся, - заметил он, - потому что эта стрела предназначалась графу.

Было ясно, что благоприятный исход этой великой битвы был достигнут главным образом благодаря бесстрашию и осмотрительности графа Эрика. Его отец, возможно, признал бы этот факт, если бы сын, по-видимому, не превысил свой авторитет, сохранив жизнь такому важному человеку, как Вагн Аакессон, без консультации с главнокомандующим. Однако он не осмелился пренебречь прощением графа Эрика, а громко выразил свое недовольство и в гневе расстался с сыном. Вагн последовал за своим спасителем на юг и стал его близким другом и компаньоном.

Власть графа Хокон теперь была настолько прочно укреплена, что никто не осмеливался оспаривать его превосходство. Урожаи и рыболовство были хорошими. Люди наслаждались многими годами мира и довольства. Графы Оркнейских островов платили Хокону дань уважения, как если бы он был королем, а королем он был во всем, кроме имени. Его семья всегда была связана с древним храмом и графством Хлейд, и для него было предметом гордости сохранить место раскопок своих предков. Это важно, когда мы рассматриваем, насколько он во всем был человеком старого устройства. В то время, когда язычество медленно разваливалось, а вера в старых богов теряла свою власть над высшими классами, Хокон был набожным и искренним язычником. Постоянные сношения Норвегии с Англией и южными землями незаметно ослабили старые суеверия и сделали легенды об Одине и Торе похожими на детские сказки, в которые взрослые люди вряд ли поверят. Отрицание всего сверхъестественного и гордая уверенность в собственном добром мече были в то время характерны для скандинавского викинга, который гордился своим знанием мира и своими деяниями в далеких землях. Несмотря на все это, вера Аса, как докажут последующие события, все же имела достаточное количество искренних верующих, чтобы сделать продвижение новой веры медленным и кровопролитным. Тем не менее столь чудовищный поступок, как принесение в жертву собственного ребенка, не мог не вызвать возмущения даже среди почитателей Одина и Тора. Подобные ужасы допускались далеко назад, во мраке первобытной древности, но, должно быть, воспринимались в десятом веке как отвратительный анахронизм. Трудно определить, насколько языческий фанатизм графа Хокон способствовал его падению. Жертва Эрлинга во время битвы с Йомсвикингами, хотя это обычно рассматривалось как факт, не была первоначальной причиной восстания, которое стоило графу трона и жизни. Пороки, из-за которых он потерял свою раннюю популярность, были такого рода, которые утверждают свою власть над людьми, независимо от религии.

В 995 году граф Хокон путешествовал по Голдейлу, собирая налоги. Его сын Эрленд, которого он очень любил, стоял с несколькими кораблями во фьорде, ожидая получения сокровищ. Однажды вечером граф послал отряд рабов в дом могущественного крестьянина Бриньюльфа, приказав ему прислать к нему свою жену, которая славилась своей красотой. Бринджульф отказался, и граф в сильном гневе отослал рабов обратно с сообщением возмущенному мужу, что у него есть выбор между смертью и выдачей своей жены. Крестьянин был вынужден уступить и с тяжелым сердцем позволил своей жене уйти с рабами. Но как только она ушла, он восстановил свое мужское достоинство и поклялся

отомстить. Он созвал жителей долины отовсюду и рассказал им о позоре, которому подверг его граф. Все пообещали ему свою помощь и решили быть наготове, ожидая первой возможности напасть на дерзкого распутника. Тем временем граф, будучи совершенно не осведомленным об их замыслах, сыграл им на руку. Очень скоро после своего приключения с женой Бриньюльфа он отправил сообщение аналогичного содержания Орму Лиргье, жену которого Гудрун из-за ее красоты прозвали "Лундарсол" (Солнце Лунде).[A] Орм, пользовавшийся большим авторитетом в своей долине, разослал весточку всем своим соседям и, угостив рабов графа, чтобы задержать их, отказался выполнить их требование. Гудрун, видевшая, как они уходят, насмешливо крикнула им вслед: "Передайте графу мой привет и скажите ему, что я не пойду к нему, пока он не пришлет Тору из Римула за мной". Тора Римуль была одной из любовниц графа, которую его благосклонность сделала богатой и могущественной.

[A] Лунд означает рощу, и ее имя можно было бы перевести таким образом: "Солнце рощи".

Теперь от фермы к ферме был разослан призыв к войне, и большая группа вооруженных крестьян собралась вместе и двинулась к Медалхусу, где остановился Хаакон. Он поспешно отправил послание своему сыну Эрленду с просьбой встретить его в Мерее, куда намеревался отправиться, как только рассеется крестьянская армия. Тогда настанет время для мести. А пока ему придется распустить своих людей и скрываться, пока волнение не уляжется. С единственным рабом по имени Карк, которого он получил в подарок от зубов[A] и который был его товарищем по играм в детстве, он бежал через реку Галлия, загнал свою лошадь в прорубь и оставил свой плащ на льду, чтобы его преследователи могли подумать, что он утонул. Затем он поспешил к своей госпоже, Торе из Римула, которая спрятала его и раба в глубокой канаве под своим свинарником. Им выдали еду, свечи и постельное белье, после чего ров засыпали досками и землей, и свиней выгнали через него. Случилось так, что Олаф Трюггвессон, чью юную жизнь королева Гунхильд тщетно пыталась разрушить, как раз в это время высадился в Тренделаге и убил сына графа Эрленда. Крестьяне, услышав, что он из рода Гарольда Прекрасноволосого, приняли его с восторгом и сопровождали в Римуль, где, по их мнению, вероятно, скрывался граф.

[A] Было принято дарить младенцам высокого происхождения раба или какой-либо другой ценный подарок, когда у них появлялся первый зуб. Этот подарок назывался подарком зубов.

После тщетных поисков Олаф созвал их и, взобравшись на большой камень рядом со свинарником, громким голосом объявил, что назначит большую награду тому, кто найдет графа и убьет его.

В своем сыром и зловонном убежище граф сидел, с тревогой глядя на своего раба. Он отчетливо слышал каждое слово из речи Олафа, и при свете свечи, стоявшей на земле между ними, он увидел, что Карк тоже внимательно слушает.

- Почему ты сейчас такой бледный? - спросил граф. - а теперь снова черный как земля. Не потому ли это, что ты хочешь меня предать?

"Нет", - ответил Карк.

- Мы оба родились в одну ночь, - сказал граф после паузы, - и наши смерти будут недалеко друг от друга.

Они долго сидели в напряженном молчании, не доверяя друг другу. По тишине наверху они заключили, что приближается ночь; но ни один из них не осмеливался уснуть. Наконец усталость одолела Карка, но он ворочался и возбужденно бормотал во сне. Граф разбудил его и спросил, что ему снилось.

"Мне приснилось, - ответил Карк, - что мы оба находимся на борту одного корабля и что я стою у штурвала".

"Это должно означать, что ты распоряжаешься своей собственной жизнью так же, как и моей. Поэтому будь верен мне, Карк, как тебе подходит, и я вознагражу тебя, когда настанут лучшие дни".

Раб снова заснул и тяжело ворочался, как в кошмарном сне. Граф снова разбудил его и попросил рассказать свой сон.

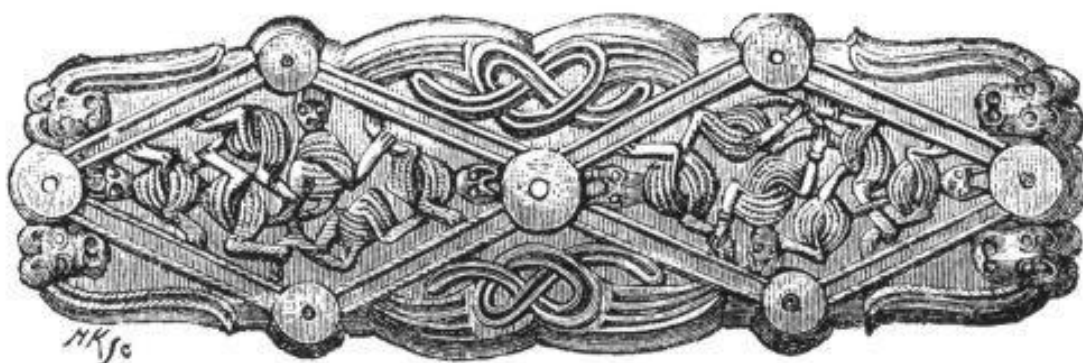
"Я думал, что нахожусь в Хладе, - сказал Карк, - и Олаф Триггвессон надел мне на шею золотое кольцо".

- Смысл этого в том, - воскликнул граф, - что Олаф Триггвессон наденет тебе на шею красное кольцо[A], если ты пойдешь искать его. Поэтому остерегайся его, Карк, и будь верен мне. Тогда ты получишь от меня все хорошее, как делал это раньше.

[A] Красное кольцо, конечно, означает кровавое кольцо; т.е. Олаф отрубил бы Карку голову.

Медленно тянулась ночь, и каждый сидел, уставившись друг на друга застывшими сонными глазами, которые все еще не осмеливались закрыть. Однако ближе к утру граф откинулся на спину, и сон сморил его. Но ужасы ночного бдения преследовали его и во сне. Казалось, его душу швыряет в море тоски. Он кричал в диком отчаянии, катался, приподнимался на коленях и локтях, и на его лицо было страшно смотреть. Тогда Карк вскочил, схватил свой нож и вонзил его в горло своего хозяина. Вскоре после этого он предстал перед Олафом Триггвессоном с головой графа, требуя награды. Но Олаф подтвердил пророчество убитого. Он надел на шею предателя кольцо не из золота, а из крови (995).

Граф Хокон был последним поборником язычества на норвежском троне. Он был человеком с большими природными способностями, бесстрашным, но благоразумным, грозным в бою и в молодости по праву пользовался популярностью за свою доброту и щедрость. Однако создается впечатление, что достоинство и власть, которые он завоевал благодаря своим собственным способностям, опьянили его и нарушили прекрасное душевное равновесие. С моральной точки зрения он был, за исключением распутства его последних дней, законным продуктом древнегерманского язычества и условий жизни, которые по необходимости должны были преобладать в воинствующем сообществе. Проницательность и неверие, которые мы склонны порицать в героических типах этого века, на самом деле были вызваны враждебным отношением человека к человеку и вытекающей из этого необходимостью недоверия и симуляции. Искренность и правдивость были добродетелями, которые, согласно древнескандинавскому кодексу, должны были практиковаться только между друзьями, в то время как лживость и обман были законным оружием против врагов. Однако граф Хаакон, даже согласно своему кодексу, был виновен в том, что не делал различий между другом и врагом. Он возвысился благодаря неверию, и из-за неверия он пал.

ПРОДОЛГОВАТАЯ ПРЯЖКА. НАЙДЕНА В РОССЕЛАНДЕ В МУЗЕЕ ЛИСТЕРА И МАНДАЛА.

ГЛАВА X.

ЮНОСТЬ ОЛАФА ТРЮГГВЕССОНА.

История юности Олафа Трюггвессона, рассказанная в сагах, настолько удивительна, что едва ли может претендовать на абсолютную достоверность. Традиция любить чудеса захватила его с самого рождения как своего любимого героя и украсила каждый случай его карьеры множеством романтических подробностей. При таких обстоятельствах отделить рамки факта от приукрашиваний вымысла - задача не из легких. В том, что карьера Олафа, даже лишенная всех причудливых дополнений, была столь же замечательной, как и любой роман, сомнений быть не может. Мы видели, как королева Гунхильд с неослабевающей бдительностью выслеживала его в лесах и глуши, когда он был младенцем, и как его мать Аастрид наконец нашла убежище у Хокона Старого в Швеции. Ее чувство безопасности едва ли могло усилиться, когда сыновьям Гунхильды наследовал граф Хаакон; ибо граф не был королевской крови и должен был бояться не меньше, чем Гунхильд, отпрыска рода Гарольда Прекрасноволосого. Поэтому Аастрид решила отправиться со своим сыном в Гардарику, или Россию, где ее брат, Сигурд Эрикссон, занимал высокий пост при короле Владимире. Она взяла билет для себя, своего сына и их сопровождающих на торговое судно, направлявшееся в русский порт, но корабль был захвачен викингами, которые убили некоторых пассажиров, а других продали в рабство. Юный Олаф, его приемный отец Торальф Паршивая Борода и сын последнего Торгиллс стали собственностью викинга по имени Клеркон, который убил Торальфа, потому что тот был слишком стар, чтобы требовать какую-либо цену на невольничьих рынках. Двух мальчиков он выменял в Эстонии на большого барана. Покупатель снова продал их за пальто и накидку человеку по имени Реас, который по-доброму относился к Олафу, в то время как Торгиллс он отправил на каторжные работы. У него Олаф оставался шесть лет. Его мать, Аастрид, тем временем была найдена на невольничьем рынке богатым норвежским купцом по имени Лодин, который узнал ее,

несмотря на ее жалкий вид, и предложил выкуп при условии, что она станет его женой. Она с радостью дала свое согласие и вернулась с ним в Норвегию.

Однажды дяде Олафа, Сигурду Эрикссону, довелось побывать в городе в Эстонии, где жил его племянник. Он как раз проезжал через рыночную площадь, когда его внимание привлекла группа играющих мальчиков. Среди них был особенно один, чья внешность поразила его, и он окликнул его и спросил, как его зовут. Мальчик сказал, что его зовут Олаф. После дальнейших расспросов Сигурд выяснил, что обращался он к своему племяннику. Он поспешил купить ему и его молочному брату Торгиллс и взял их с собой в свой дом. Он приказал Олафу ничего не говорить о своей расе и происхождении, и мальчик пообещал молчать. Однако однажды, гуляя, он увидел викинга Клеркона, убившего его приемного отца. Ни секунды не раздумывая, он подошел и раскроил себе череп топором, который случайно оказался у него в руке. Теперь наказанием за нарушение общественного порядка была смерть, и толпа людей сбегалась, требуя, чтобы мальчик был убит. Его дядя, чтобы спасти его, отвел его к королеве Ольге, или Аллогии, рассказал ей, кто он такой, и умолял ее о защите. Королева очень заинтересовалась красивым мальчиком и обучила его, как и подобает королевскому сыну, владению оружием и всем атлетическим видам спорта. В возрасте двенадцати лет он получил людей и корабли из Владимира и провел несколько лет, странствуя как викинг. Говорят, что он оказал важную услугу своему благодетелю, отвоевав восставшую провинцию; но благосклонность, которой он пользовался, возвысила его среди врагов, которые оклеветали его, представляя как опасного соперника короля в любви как королевы, так и народа. Затем Олаф, по совету Ольги, покинул Россию со своими людьми и кораблями и отправился в Вендланд,^[A] где он был с отличием принят королем Буриславом. Однако он не называл себя наследником норвежского престола, а путешествовал под именем Оле Русский. Старшая дочь Бурислава, или, что более вероятно, сестра Гейра, влюбилась в него, и он женился на ней, совершил много доблестных подвигов на службе у своего тестя и, наконец, после смерти жены, снова отправился в плавание в поисках приключений. Тогда ему был двадцать один год. Сон побудил его отправиться в Грецию и принять христианство, и, как говорят, он также послал епископа в Россию, который обратил Владимира и Ольгу в христианскую веру. Оттуда Олаф отправился в Нортумберленд, Данию, Шотландию и Францию, и его приключениям не было числа. В возрасте двадцати пяти лет он оказался в Англии, и его вызвали предстать перед принцессой Гидой, сестрой ирландского короля Олафа Кварана. Она была женой графа, но все еще оставалась молодой и красивой женщиной. К ней приставало великое множество ухажеров, среди которых был некий Альфвин, великий чемпион и убийца людей. Был назначен день, в который Джидида пообещала выбрать себе мужа, и многие высокородные мужчины собрались вместе, надеясь быть избранными. Все они были великолепно одеты и сверкали алым и золотым. Олаф с несколькими товарищами неторопливой походкой подошел к рыночной площади и остановился несколько в стороне от остальных, словно просто для того, чтобы посмотреть. Он натянул на голову и плечи меховой капюшон и накидку, а в остальном был одет просто. Джидида, несколько вяло оглядев ряды своих ухажеров, заметила высокого незнакомца в меховом капюшоне. Она подошла к нему, приподняла капюшон и долго и серьезно смотрела ему в глаза.

^[A] Нынешние балтийские провинции Пруссии. Венеды были славянским народом и не тождественны вандалам, с которыми их часто путали. Последние, согласно наиболее авторитетным источникам, были германского происхождения.

"Если ты хочешь меня, - сказала она, - тогда я выбираю тебя себе в мужа".

Олаф ответил, что не прочь поймать ее на слове, и их помолвка была немедленно опубликована. Альфвин в великом гневе бросил вызов норвежцу, сражался и был побежден. Затем была отпразднована свадьба, и Олаф провел несколько лет в Англии и Ирландии. Здесь он более близко познакомился с христианством, принял крещение и стал ревностным защитником веры. В Греции он, согласно легенде, был только *подписанным*—то есть, отмеченным крестным знаменем. Это рассматривалось как своего рода компромисс между старой верой и новой и должно было заручиться определенной благосклонностью Христа Белого, не лишаясь полностью благоволения старых богов.

Англосаксонские анналы содержат неоднократные упоминания об Олафе Триггвессоне и называют его предводителем огромного флота викингов, который в 994 году опустошил побережья Эссекса, Кента, Сассекса и Хэмпшира. Он даже высадился со значительной армией и разместился на зимовку в Саутгемптоне, закупив припасы в соседней стране. Затем королю Этельреду II было сделано неприятное предложение. чтобы купить иммунитет от дальнейших грабежей, Олафу была выплачена сумма в 10 000 фунтов стерлингов, которую он распределил между своими людьми. Свейн Раздвоенная Борода, сын Гарольда Блутуза, затем изгнанный со своей родины, также назван одним из вождей, участвовавших в этой экспедиции, хотя в мирном договоре между королем Этельредом и викингами, который до сих пор сохранился, его имя не встречается. На конфирмации Олафа, которая состоялась с большой помпой в том же году, присутствовал король Этельред, и говорят, что по этому случаю Олаф торжественно поклялся, что впредь он никогда больше не будет досаждать жителям Англии. Это обещание он, похоже, сдержал. Однако Свейн, соблазненный большими суммами денег, которые он вымогал, возвращался снова и снова, на время изгнал Этельреда из его королевства и в течение многих лет был фактическим правителем Англии.

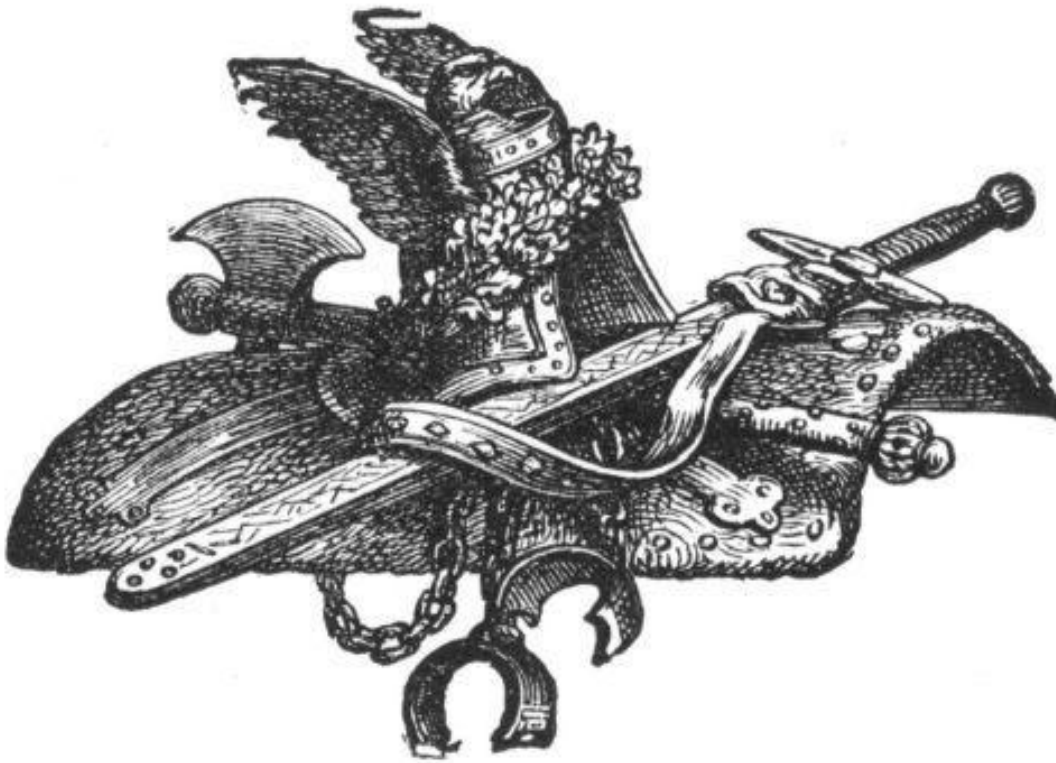
Слава о подвигах Олафа Трюггвессона распространилась далеко и широко, а также достигла Норвегии, где ярл Хокон с тревогой прислушивался к каждому слуху, касающемуся его. В том, что этот дерзкий молодой авантюрист, как только почувствует себя достаточно сильным, предъявит права на королевство своего отца, граф не сомневался; и по мере того, как его собственная популярность ослабевала, он с растущим беспокойством предвкушал конфликт. Он хорошо знал преданность народа роду Гарольда Прекрасноволосого, и им овладела мысль, что его собственная безопасность требует смерти Олафа Триггвессона. Он поделился своим планом со своим другом Тором Клаккой и умолял его отплыть в Дублин, где в то время находился Олаф, и либо убить его, если представится такая возможность, либо заманить в Норвегию, где он мог бы легко уничтожить его. Тор Клакка принял эту миссию, познакомился с Олафом в Дублине и с готовностью завоевал его доверие. Молодому человеку не терпелось узнать что-нибудь о своей родине, и посланец графа не упустил возможности уговорить его отправиться туда, и чем скорее, тем лучше, и вступить во владение своим наследством. Граф, сказал Тор Клакка, действительно могуществен, но если крестьяне услышат, что в их стране находится потомок Гарольда Прекрасноволосого, они все оставят его и присоединятся к законному королю. Олафа легко было убедить поверить этим лестным заверениям, и весной 995 года он отплыл с пятью кораблями в Норвегию. В соответствии с коварным советом Тора Клакки, он отправился напрямик в северо-западные графства, где власть графа Хокона была наибольшей, и высадился на острове Мостер в Хердаланде. Он поставил свою палатку, водрузил крест на берегу и отслужил мессу. Будучи убежден в бескорыстии Тора, он также принял его совет не раскрывать, кто он такой, а плыть на север, в Тренделаг, чтобы напасть на графа врасплох и убить его. Велико, должно быть, было удивление Тора, когда, высадившись в устье Дронтхайм-фьорда, он обнаружил, что правдиво изобразил состояние страны. Крестьяне объединились в открытом восстании против своего хозяина, и Олафу стоило только заявить о себе, чтобы немедленно заручиться

преданностью. О его речи в Римуле и позорной смерти графа мы уже говорили. Теперь все вожди и крестьяне Тренделага были созваны на встречу в *Оре-тинг*, в устье реки Нид, и здесь Олаф Трюггвессон был официально провозглашен королем всей Норвегии. С этого времени трандерсы сохранили за собой право провозглашать короля от имени всей страны, и даже по сей день монархи Норвегии коронуются в Дронтхайме. Тем не менее, король должен был путешествовать из округа в округ и получать присягу народа. Теперь Олаф так и сделал, и его повсюду встречали с восторженным почтением.

ПРИБЫТИЕ ОЛАФА ТРЮГГВЕССОНА В НОРВЕГИЮ.

Приведенный выше рассказ демонстрирует несколько невероятностей, которые, однако, необязательно умаляют его основную правдивость. В пребывании Олафа в России не может быть никаких сомнений, хотя, конечно, у Владимира, который в то время правил в Новгороде, не было жены по имени Аллогия или Ольга, и если речь идет о его бабушке Ольге, ревность короля кажется совершенно необоснованной. Точно так же визит Олафа в Вендланд и его женитьба там могут быть подтверждены современными стихами, в то время как деяния, которые приписываются ему на службе у короля Бурислава, носят подозрительно легендарный характер. Приключение с Джидой в Англии также скрывает под своей мифической вышивкой основу фактов.

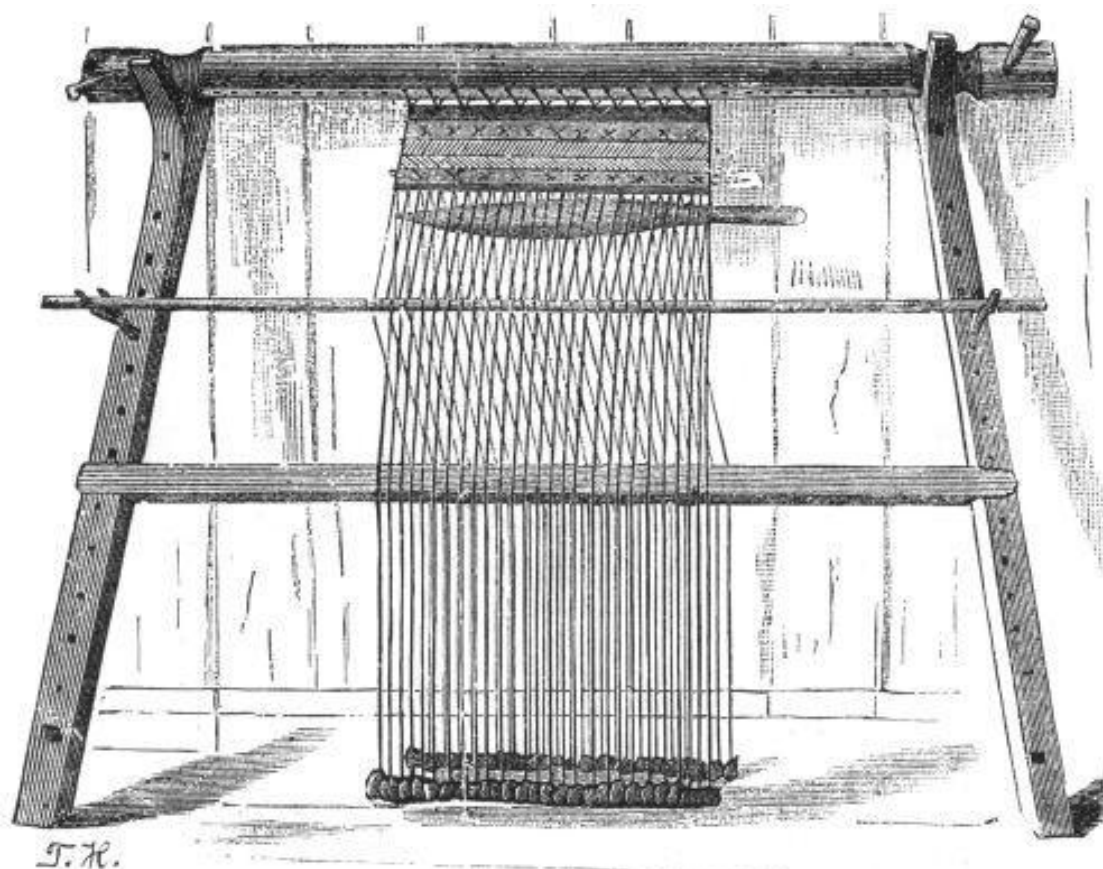

ГЛАВА XI.

ОЛАФ ТРЮГВЕССОН (995-1000).

Первым стремлением короля Олафа после восшествия на трон была христианизация страны. Он был по натуре хорошо приспособлен для этой задачи, будучи ревностным в вере, решительным и бескомпромиссным. Там, где мягкие средства не помогали, он без колебаний пускал в ход меч и огонь. Каким бы неистовым ни был его темперамент, не терпящий возражений, он, не теряя времени, взвешивал вероятность успеха или неудачи, но в убеждении в святости своего дела упорно шел вперед и своей порывистостью и пылкостью сокрушал любое сопротивление. Его первое выступление в качестве поборника новой религии состоялось в Викене, где он созвал своих родственников и приверженцев и сказал им, что он намерен обратить все королевство Норвегия в веру во Христа Белого, даже если ему придется расстаться с жизнью при этой попытке. В Викене в то время жили его мать и отчим Лодин, у которых было много друзей и родственников. Некоторые из них, без сомнения, уже были христианами или были *первосвященниками*, поскольку двадцать пять

лет назад христианство на короткое время проповедовали в этой части страны два немца. Поэтому приказу короля не было оказано никакого особого противодействия, и в течение короткого периода времени Олаф имел удовольствие увидеть, что весь Викиен — старое королевство его отца, Трюгве, — по крайней мере номинально, обращен в христианство. Однако не следует делать вывод, что новообращенные, принимая крещение, отказывались от своей веры в богов, которым они ранее поклонялись. Напротив, они продолжали верить в их существование и, возможно, даже тайно поклоняться им. Сами христианские священники исповедовали веру в Одина и Тора, но представляли их как злые силы, которые были побеждены Христом и брошены во внешнюю тьму. Поскольку Христос теперь обладал всей властью на небе и земле, было бесполезно призывать благосклонность побежденных богов жертвоприношением. В такой практической форме новая религия, несомненно, понравилась многим, кого иначе она не смогла бы охватить. Отношение к старым богам было по своей сути договором о защите и хорошем урожае в обмен на определенные материальные ценности, приносимые в жертву. В том виде, в каком тогда проповедовалось христианство, это было во многих отношениях то же самое, но под другим названием. Молитвы, ранее обращенные к Одину или Фрею, теперь были обращены к Христу и Деве Марии, и хотя приношения в жертву лошадей и тельцов были прекращены, предполагалось, что ароматные благовония по-прежнему поднимаются к ноздрям нового бога и умиляют его. Заметным и существенным различием между старой и новой верой, и единственным, которое норвежцы с самого начала отчетливо осознавали, было великое учение о мире на земле и доброй воле между людьми. В то время как Один и Тор получали удовольствие от кровопролития и радовались войне, Христос Белый любил мир и не придавал значения убийце людей.

ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИЙ ТКАЦКИЙ СТАНОК. ИЗ ФЕЙНА БЛИЗ БЕРГЕНА.

Вряд ли можно сомневаться в том, что это учение, хотя и медленно влияло на жизнь новообращенных, тем не менее из поколения в поколение вызывало изменения в моральном сознании скандинавов. Старая вера Аса была несовместима с какой-либо цивилизацией, потому что это означало, в конце концов, всеобщее уничтожение. До тех пор, пока убийство было *само по себе* похвальным и обеспечивало благосклонность богов и почет среди людей, никакая торговля, кроме торговли оружием, не могла процветать, и любая мирная промышленность становилась невозможной. В Исландии, где дух древнегерманского язычества сохранился даже долгое время после введения христианства, на протяжении веков царили междоусобицы самого жестокого характера, приведшие к постепенному упадку, за которым последовали застой и разложение. Результат в Норвегии, как покажет последующее повествование, был едва ли лучше. За долгим карнавалом кровопролития последовало всеобщее истощение, и тяжелая летаргия, длившаяся четыреста лет, овладела народом.

Было бы тщетно притворяться, что Олаф Триггвессон, когда он брался за задачу уничтожения веры Аса, имел какое-либо представление о высшей социологической ценности новой веры по сравнению со старой. Даже концепция единого Бога вместо многих, по-видимому, не подчеркивалась в проповедях тех дней. Напротив, христианская религия была адаптирована, насколько это было возможно, к ранее существовавшим политеистическим представлениям, и новая иерархия, состоящая из Троицы, Девы Марии и сонма святых, была возведена в ранг объектов поклонения вместо старых богов. Если судить о характере религиозного учения по характеру учителей, то можно с уверенностью заключить, что раннее германское христианство было этически недалеко ушло от религии, которую оно пришло на смену. Так, в Саге об Олафе Трюггвессоне мы много слышим о священнике по имени Тангбранд, чья жестокость, драчливость и готовность убивать, должно быть, сделали его странным проповедником евангелия мира. Тангбранд был саксом и был отправлен на север со многими другими миссионерами, чтобы помочь обратить датчан в христианство. Епископ Кентерберийский Сирик подарил ему во время визита щит причудливой работы, на котором было изображение распятого Христа. Вскоре после этого случая Тангбранд познакомился с Олафом Трюггвессоном, который очень восхищался щитом и пожелал его купить. Священник получил щедрое вознаграждение и, внезапно разбогатев, пошел и купил красивую ирландскую девушку, чьи чары прельстили его. Немецкий воин, увидевший девушку, заявил на нее права, а когда его требование было с презрением отклонено, вызвал священника на дуэль. Состоялся поединок, и немец был убит. Этот инцидент вызвал у Тангбранда некоторое недоброжелательство, и он сбежал к своему другу, Олафу Трюггвессону, и стал его придворным капелланом. Как таковой, он находился под властью епископа Сигурда, англосакса, вероятно, норвежского происхождения, которого Олаф привез с собой из Англии. Епископ Сигурд был человеком серьезного и мягкого нрава и разительно отличался от свирепого придворного капеллана.

За христианизацией Викина последовала христианизация Агдера. Какого-либо решительного сопротивления король не встречал до тех пор, пока не прибыл в Южный Хердаланд, где собралось несколько могущественных вождей в надежде запугать его. Однако его бесстрашное и решительное поведение произвело на них такое сильное впечатление, что после некоторых переговоров они приняли веру и крестились. В обмен на эту уступку они потребовали от короля, чтобы он выдал свою сестру Аастрид замуж за молодого и высокородного вождя Эрлинга Скьяльгссона из Соле; и поскольку король считал этот брак во всех отношениях желательным, он дал свое согласие. Воодушевленный своим успехом, Олаф поспешил в Тренделаг, где находился старый и великолепный храм Хладе, главное святилище скандинавского язычества. Движимый святым рвением и не заботясь о

последствиях, он разрушил алтарь богов, сжег их изображения и унес их сокровища. Трендерсы быстро отреагировали на этот вызов, отправив боевую стрелу[A] из дома в дом и готовясь сражаться с королем. Олаф, у которого было с собой лишь небольшое войско, не рискнул дать им бой; но отплыл на север, в Хаалогаланд, где другой вооруженный отряд под командованием Торе Хьорта и Хаарека из Тьотты был готов принять его. Поскольку благоразумие было здесь лучшей частью доблести, король не спешил высаживаться на берег, а вернулся в Тренделаг, где крестьяне тем временем разошлись, и начал строить церковь на том месте, где раньше стоял старый храм. Он хотел показать трендерсам, что он не был ни обескуражен, ни напуган, что ни угрозы, ни оружие не могли заставить его отказаться от своего предприятия. Желая укрепить свою власть здесь, где она больше всего нуждалась в укреплении, он также начал строительство королевской резиденции и заложил фундамент будущего города Нидарос или Дронхейм (996).

[A] Боевую стрелу (*херер*) каждый мужчина нес своему ближайшему соседу и втыкал в его дверь в знак того, что война близка. Следовательно, послать боевую стрелу или перерезать ее - значит послать военное послание.

В начале зимы он снова созвал крестьян встретиться с ним на *Морозе*, и они снова ответили вооруженным сборищем, гораздо большим, чем предыдущее. Когда собрание было призвано к порядку, король встал и красноречиво изложил новую веру, повторив свое требование, чтобы трендерсы приняли крещение и прекратили приносить жертвы. Но не успел он долго заговорить, как крестьяне начали прерывать его сердитыми криками, угрожая напасть на него и выгнать из страны, если он не замолчит. Один из них, вождь по имени Скегге Асбьернссон или Железная Борода (*Jernskjegge*), был особенно активен в разоблачении короля и возбуждении народа против него. Олаф пришел к выводу, что здесь ничего нельзя добиться убеждением, и с неохотой решил отложить свою пропаганду до более благоприятного времени. Затем он заговорил в более примирительном духе; пообещал крестьянам присутствовать на их жертвенном пиршестве в святочный день и продолжить обсуждение с ними вопроса о смене веры. Это обещание было воспринято с большим удовлетворением, и собрание мирно разошлось.

Незадолго до времени, назначенного для жертвоприношения, Олаф пригласил вождей и самых влиятельных крестьян из всех соседних графств встретиться с ним на пиру в Хладе. Он разместил тридцать кораблей с хорошим экипажем во фьорде, откуда мог вызвать их в случае необходимости. Гостей по-королевски развлекали, и с наступлением ночи они сильно напились. Утром король приказал своим священникам отслужить мессу, и толпа вооруженных людей прибыла с кораблей, чтобы присутствовать на религиозной службе. Гости, которые едва ли были в состоянии извлечь пользу из богослужения, с растущим беспокойством наблюдали за численностью прихожан. Когда служба подошла к концу, король встал и обратился к ним со следующими словами:

"Когда мы проводили дело во Фростене в последний раз, я потребовал от крестьян, чтобы они приняли крещение; а они, с другой стороны, потребовали от меня, чтобы я принес жертву вместе с ними, как это сделал Хокон, приемный сын Этельстана. Я не возражал против этого, но пообещал присутствовать на жертвоприношении в Мерее. Однако, если я должен пожертвовать вместе с вами, то я намерен принести жертву самого большого рода, которая когда-либо была принесена. Я не возьму рабов и преступников, но я пожертвую самыми знатными людьми и самыми могущественными крестьянами".

Затем он назвал шестерых самых могущественных присутствующих вождей, которые были его самыми активными противниками, и заявил, что намерен принести их в жертву Одину и

Фрею за хороший урожай. Прежде чем они успели оправиться от изумления, их схватили и поставили перед выбором: креститься или принести в жертву своим собственным богам. Они недолго размышляли, прежде чем выбрать первое. Когда церемония была закончена, они попросили разрешения удалиться, но король заявил, что задержит их до тех пор, пока они не пришлют ему своих сыновей или братьев в качестве заложников.

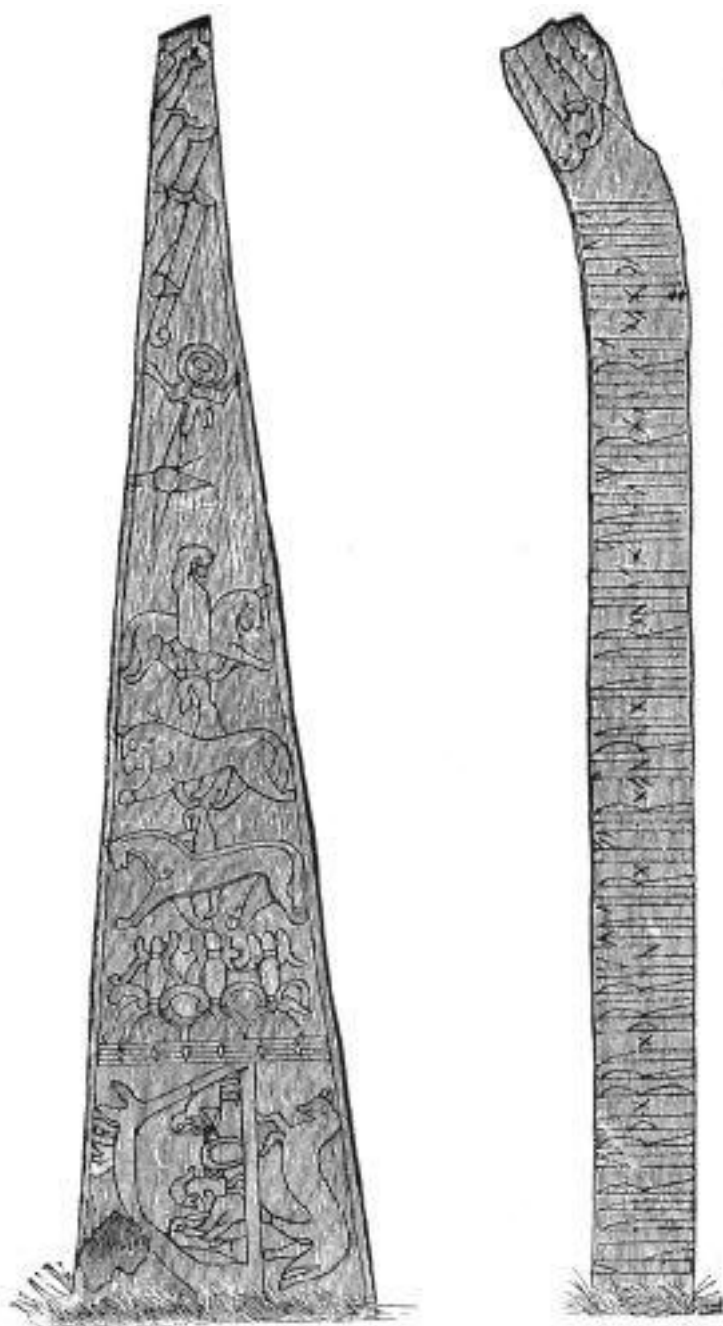
На святочное жертвоприношение в Мерее король прибыл с большим количеством сторонников. Крестьяне тоже пришли в полном составе, вооруженные до зубов и дерзкие, как всегда. Среди них бросалась в глаза дородная фигура Железной Бороды, который проявлял активность повсюду и казался главой оппозиции. Король попытался заговорить, но шум был таким сильным, что никто не мог его услышать. Однако через некоторое время шум утих, и он повторил свое прежнее требование, чтобы все присутствующие приняли крещение и уверовали в Христа Белого; на что Железная Борода высокомерно ответил, что крестьяне пришли сюда, чтобы помешать королю нарушить закон, что жертвоприношение богам соответствует закону и что Олафу, хочет он того или нет, придется принести жертву, как это делали его предшественники. Царь терпеливо выслушал эту речь; и объявил, что готов сдержать свое обещание. В сопровождении множества людей он вошел в храм, оставив свое оружие снаружи; ибо никому не разрешалось входить в святилище с оружием. Однако в руке король держал крепкую палку с золотым набалдашником. Он внимательно осмотрел изображения богов, особенно задержавшись на изображении Тора, украшенном золотыми и серебряными кольцами. Внезапно, пока все смотрели на него, он поднял свою палку и ударил бога так, что тот упал со своего пьедестала и разбился на множество кусков. В то же самое мгновение его люди сбили других идолов, и Железная Борода, находившийся снаружи, был убит. Очевидно, все это было подстроено заранее, и крестьяне, ошеломленные масштабами святотатства, не знали, куда обратиться и как возмутиться этим. Они посмотрели на Железную Бороду, чтобы высказать свое возмущение, но Железная Борода был мертв, и среди остальных не было ни у кого желания говорить. Поэтому, когда король в третий раз повторил свое требование, чтобы они крестились или сразились с ним на месте, они выбрали первое. Дав заложников за их стойкость в вере и отказ от языческих обычаев, они поспешили вернуться в свои дома. За убийство Железной Бороды Олаф предложил выплатить большое "искупление" его родственникам и жениться на его дочери Гудрун. Однако в первую брачную ночь Гудрун попыталась убить его, и ее вернули к ее родственникам. Вряд ли он сильно сожалел о ней, поскольку немедленно приготовился к новому брачному предприятию.

На этот раз его внимание было приковано к Сигрид Надменной, вдове короля Швеции Эрика Победоносного. Сигрид была богата и пользовалась большим влиянием, будучи матерью шведского короля Олафа и владелицей больших земель в Гаутланде. Поэтому она очень страдала от ухажеров, которые приезжали из многих стран, чтобы разделить ее сердце и ее имущество. Одного из потомков Гарольда Светловолосого, Гарольда Гренске (гренландца), она сожгла, чтобы наказать за его самонадеянность предложить ей себя.

"Я научу маленьких королей, как рисковать, делая мне предложение", - сказала она, приказывая поджечь зал, где спали ее женихи.

Предложения Олафа Трюггвессона, которые сопровождались переговорами, она восприняла благосклонно и согласилась встретиться с ним в Конгхелле, недалеко от границы между Норвегией и Швецией. Олаф заранее прислал в подарок большое золотое кольцо, которое он снял с двери храма в Хладе. Им восхитились, но при проверке оказалось, что он наполнен медью. Это привело Сигрид в ярость, но она все же решила прийти на встречу с Олафом. Соответственно, они встретились и обсудили условия брака. Олаф потребовал, в

качестве неперемennого условия, чтобы Сигрид была крещена, на что Сигрид категорически возражала. Тогда король вскочил в великом гневе и ударил ее своей перчаткой по лицу, крича: "Что мне нужно от тебя, старая язычница нефрит?" Она встала, потеряв дар речи от гнева, но, дойдя до двери, обернулась со словами: "Это будет твоей смертью".

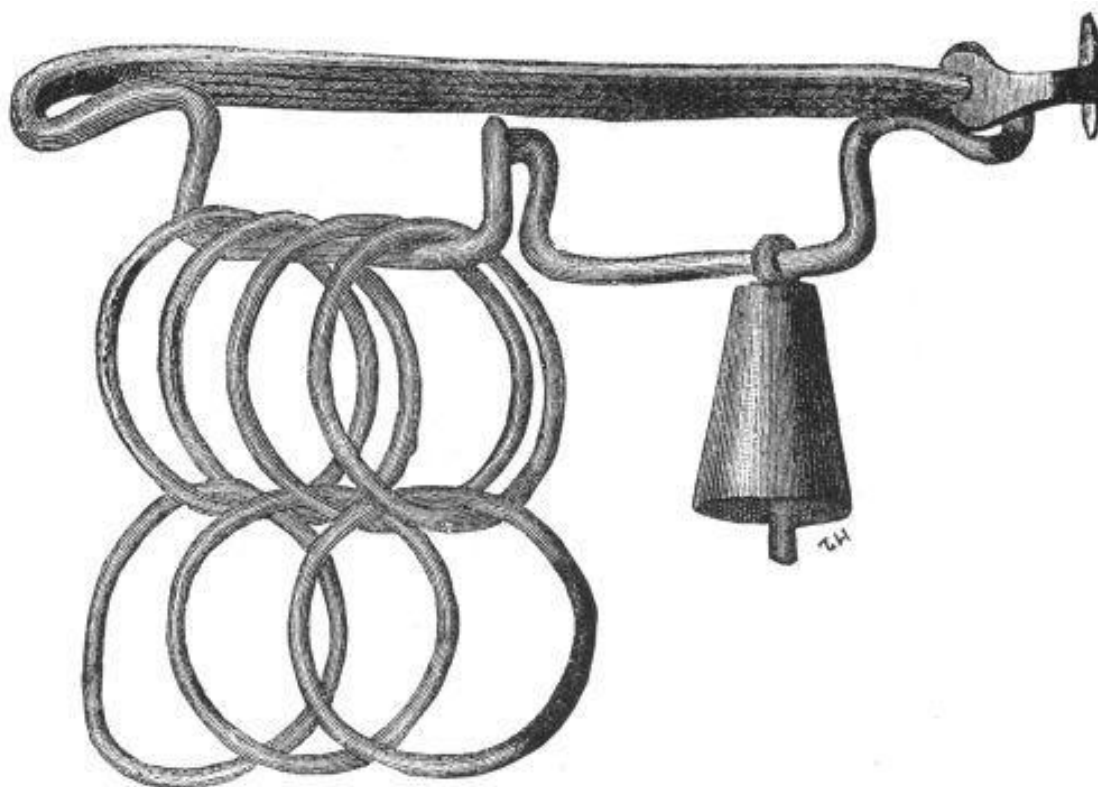

РУНИЧЕСКИЙ КАМЕНЬ ИЗ ГРАНА В ХАДЕЛАНДЕ. НАДПИСЬ В ПЕРЕВОДЕ ГЛАСИТ: "ГУНВОР, ДОЧЬ ТИРИКА, ПОСТРОИЛА МОСТ В ПАМЯТЬ ОБ ААСТРИД, СВОЕЙ ДОЧЕРИ. ОНА БЫЛА ПРЕКРАСНЕЙШЕЙ ДЕВУШКОЙ В ХАДЕЛАНДЕ". ПРОФ . БУГГЕ ЧИТАЕТ: "САМАЯ ИСКУСНАЯ ДЕВУШКА СО СВОИМИ РУКАМИ".

Вскоре после этой встречи Сигрид вышла замуж за Свейна Раздвоенная Борода из Дании, возможно, с целью свершить свою месть Олафу. Сестра Свейна Тира, которую он выдал замуж против ее воли за вендского короля Бурислава, сбежала сразу после свадьбы и прибыла в Норвегию, умоляя Олафа о защите. Вполне возможно, что он встречался с ней раньше и был хорошо расположен к ней. Во всяком случае, он решил проблему, женившись

на ней (998), хотя ей было столько же лет, сколько Сигрид Надменной, и до этого у нее было два мужа.

После этого короткого перерыва, посвященного личным делам, Олаф снова вернулся к делу, которому посвятил свою жизнь. Вожди Хаалогаленда, которые помешали ему высадиться на берег, когда он прибыл, чтобы обратить их в свою веру, все еще оставались непокоренными; и теперь настало удобное время преподать им урок покорности. Особенно выделялись трое, а именно: Тор Хьорт, Эйвинд Кинрива и Хаарек из Тьотты, сын Эйвинда Скальд-Губителя, которые были вождями племенной аристократии этих регионов. Было достаточно естественно, что эти люди, которые черпали большую часть своего достоинства из своего духовенства и, как следствие, отождествляли себя со старой религией, были наиболее стойкими в своей приверженности вере, которая была основой их власти. Хаарек, происходивший от дочери Гарольда Прекрасноволосого, считал себя таким же великим человеком, как король Олаф, и он ни в коем случае не был расположен подчиняться, не испытав силы. Случилось так, что двое мужчин из Хаалогаленда, по имени Сигурд и Хаук, были схвачены королем и сбежали. Они, притворившись врагами короля, искали убежища у Хаарека и были им хорошо приняты. Однажды они предложили совершить морскую прогулку, на что их хозяин охотно согласился. Они взяли с собой в лодку провизию и пиво, подняли паруса и направились в Нидарос, где передали Хаарека во власть короля. Он упорно отказывался креститься, но, тем не менее, после непродолжительного заключения ему предоставили корабль и разрешили беспрепятственно вернуться домой. Однако с того дня Хаарек, хотя и не претендовал на дружбу, действовал как союзник короля. Он даже помог предать своего друга Эйвинда Кинриву в руки Олафа. Король предложил Эйвинду обычную альтернативу крещения или смерти, но с тем необычным результатом, что предпочтение было отдано последнему. Теперь Тор Хьорт остался один; он вступил в союз с Раудом Сильным, который имел репутацию волшебника, и устроил очередную битву, в которой потерпел поражение от короля. Рауд сбежал на своем флотском корабле-драконе, в то время как Тора преследовал Олаф, который пустил по его следу собаку по кличке Виже, сказав:

ИНСТРУМЕНТ НЕИЗВЕСТНОГО НАЗНАЧЕНИЯ, ВОЗМОЖНО, ПАРА ВЕСОВ, НАЙДЕН В СИЛЬГЬОРДЕ, округ БРАТСБЕРГ.

"Видж, поймай оленя".[\[A\]](#)

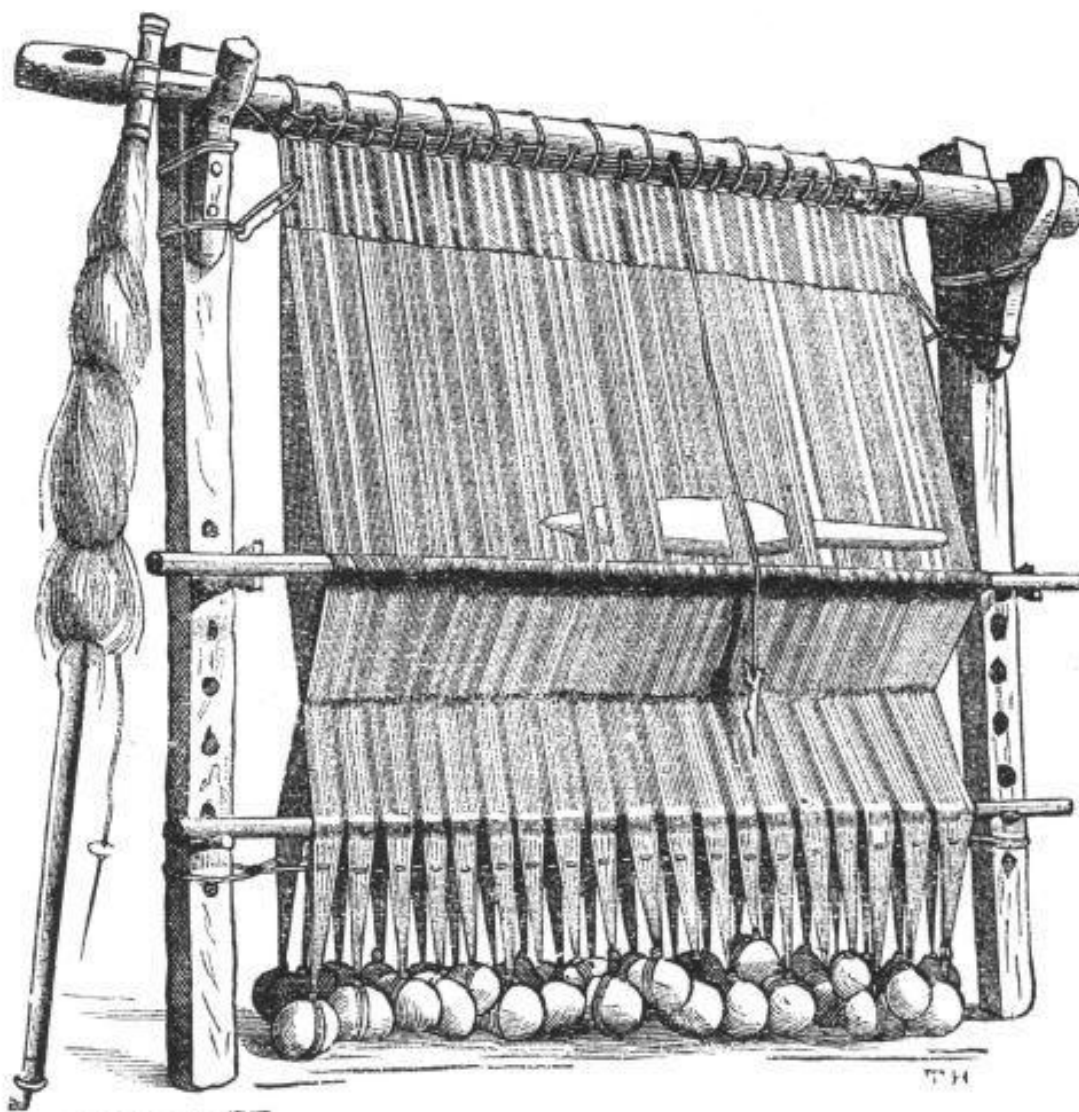
[\[A\]](#) Хьорт означает олень.

Собака действительно настигла Тора, и король зарубил его собственными руками. Олаф тщетно пытался выйти на след Рауда, но погода была такой ужасной, что он не рискнул выйти в море. Через некоторое время он начал подозревать, что это сам Рауд своим колдовством вызвал стихию; и после того, как он несколько дней и ночей ждал перемены погоды, он позвал епископа Сигурда к себе и спросил его совета. Рассказывают, что епископ поднял распятие, окруженное зажженными свечами, на носу королевского корабля "Журавль" и сам встал рядом с ним, облаченный в священнические одежды, молясь и проливая святую воду. Мгновенно шторм вокруг "Журавля" утих, хотя он все еще дико ревел под небесами, и дым от разбивающихся волн стеной стоял по обе стороны. Теперь мужчины взялись за весла и поплыли к острову, где жил Рауд, "Журавль" шел впереди, а другие корабли следовали по гладкой воде в кильватере. Рауд был застигнут врасплох, когда спал, и, поскольку он по-прежнему отказывался стать христианином, его пытали до самой смерти. Согласно легенде, король запихнул себе в горло гадюку, и она прорезала ему бок, убив его своим ядом.

В этой истории много такого, что, очевидно, носит легендарный характер. Но есть одно обстоятельство, которое делает само приключение по существу правдивым, а именно: подробное описание корабля Рауда "Змей", который захватил король и который позже фигурирует в битве при Сволдере. Кому-то может неохота верить, что человек, столь галантный и благородный, каким в других случаях проявлял себя Олаф Трюггвессон, мог быть виновен в жестокости, которая здесь ему приписывается. Этот случай, однако, не единичный. Эйвинду Кинриве, когда он отказался креститься, по приказу короля положили на живот горящие угли, и он скончался в ужасных пытках. Фанатизм Олафа привел его к мысли, что он заслуживает скорее похвалы, чем порицания за то, что таким образом наказал

врагов Бога. Действительно, вероятно, что человек более благородного склада и более щепетильный в выборе средств никогда бы не добился даже номинальной христианизации Норвегии. На самом деле, так велико было рвение Олафа и так единственна его цель, что он подчинил все остальные заботы этой единственной великой цели, мысль о которой наполняла его благородным энтузиазмом.

Еще до того, как он заручился преданностью выжившего вождя Хаалогаленда, Хаарека из Тьотты, который со всеми своими домочадцами принял христианскую веру, он отправил гонцов на Фарерские острова, Исландию и Гренландию и приказал тамошним вождям отказаться от своей старой религии. Зигмунд Брестесон, граф Фарерских островов, которого он призвал к себе, прибыл в Норвегию (999 г.) и принял крещение. Тангбранд, которого послали в Исландию проповедовать Евангелие, поначалу добился значительного успеха, крестив таких важных вождей, как Холл из Сайда, Гиссур Белый и великий юрист Ньяал с холма Бергтор. Драчливый священник, однако, вскоре попал в затруднительное положение из-за своей готовности обнажить меч, убил нескольких человек, был объявлен вне закона и вынужден покинуть остров. В Норвегии, где Олаф подарил ему церковь в Мостере, перед своим отъездом в Исландию он счел неудобным жить на свои доходы и, чтобы увеличить их, имел привычку совершать набеги на соседние графства, пополняя свои запасы за счет язычников. Эта склонность к вольнодумству привела короля в ярость, и миссионерская экспедиция Тангбранда в Исландию была предпринята в качестве наказания за его недостойное поведение. Однако это привело к гораздо большим результатам, чем могли ожидать ни Олаф, ни священник. Общественное мнение в Исландии после бегства Тангбранда с поразительной быстротой изменилось в пользу новой веры, которая была юридически принята на *Альтинге* в июне 1000 года нашей эры.

СТАРЫЙ ТКАЦКИЙ СТАНОК С ФАРЕРСКИХ ОСТРОВОВ.

Великое достижение Олафа как первого успешного пропагандиста христианства на норвежском троне окружило его имя ореолом, который ослепил его биографов и побудил их превозносить его выше всяких похвал. Несмотря на все это, фактом является то, что его современники, у многих из которых не было особых причин любить его, были не менее ослеплены его блестящей личностью, чем его биографы. Во-первых, его мужественная красота и сходство с Хоконом Добрым, о котором часто говорили, расположили людей в его пользу. Во-вторых, его природная доброта и обаятельные манеры привлекали каждого, кто соприкасался с ним. И последнее, но не менее важное: его выдающиеся способности в атлетических видах спорта и владении оружием вызывали всеобщее восхищение. Он мог, как рассказывает Снорре, одинаково хорошо стрелять правой и левой рукой; он мог играть тремя копьями одновременно, так что одно из них всегда было в воздухе; он мог бегать вперед и назад на веслах корабля, пока мужчины гребли. В повседневном общении он был приветлив и щедр, любил пошутить и легко переходил от смеха к гневу. В гневе он мог совершать поступки, о которых позже сожалел; и мы видели, как, воспламененный святым рвением, он совершал поступки, о которых ему следовало сожалеть, хотя нет никаких доказательств того, что он это делал. Его любовь к великолепию в одежде и окружении можно считать слабостью, но, тем не менее, это способствовало тому, что он завоевал расположение своего народа.

Несмотря на то, что Норвегия была окружена врагами со всех сторон, она мало пострадала от иностранных войн во время короткого правления Олафа Трюггвессона. Гудред, последний оставшийся в живых сын Эрика Кровавого Топора, совершил нападение на Викен летом 999 года, но был разбит и убит в отсутствие короля своими шуринами, Торгейром и Хирнингом. Гораздо более опасной для короля Олафа оказалась враждебность Сигрид Надменной, которая выжидала удобного случая, чтобы отомстить ему. Хотя он, должно быть, хорошо осознавал риски, он без колебаний воспользовался этой возможностью. Его королева Тира владела большими поместьями в Вендланде и Дании и была недовольна, потому что ее лишили доходов, которые они прежде приносили ей. Всякий раз, когда он заговаривал с ней, она умудрялась припомнить что-нибудь об этих поместьях и, взывая к его тщеславию, подталкивала его к войне с ее братом Свейном Раздвоенной Бородой, который лишил ее законного имущества. Когда эта тактика потерпела неудачу, она прибегла к молитвам и слезам, пока терпение ее мужа не иссякло. Хотя бы ради спокойствия в семье, экспедиция в Вендланд начала обсуждаться как приближающаяся возможность. Однажды в мартовское воскресенье — это было Вербное воскресенье — король встретил на улице человека, который продавал весенние овощи. Он купил пучок и принес его королеве, отметив, что эти овощи были крупными, учитывая ранний сезон. Королева, которая, как обычно, оплакивала свои поместья в Вендланде, презрительно оттолкнула овощи и, заливаясь слезами, воскликнула: "Мой отец, Гарольд Гормссон, преподнес мне большие дары, когда у меня в детстве появились первые зубы; он приехал сюда, в Норвегию, и завоевал ее; в то время как ты, из страха перед моим братом Свеном, не осмеливаешься проехать через Данию, чтобы вернуть мне то, что принадлежит мне и чего у меня позорно отняли".

На это король Олаф гневно ответил: "Я никогда не буду бояться твоего брата Свейна, и если мы встретимся, он погибнет".

Теперь по всем графствам страны был разослан призыв к вождям присоединиться к королю с таким количеством кораблей, какое требовалось от них по закону. Он сам только что закончил строительство корабля необычайных размеров и красоты под названием "Длинный змей", слава о котором распространилась по всем землям Севера. Это было 56 норвежских эллов, или около 112 футов от носа до кормы, имело 52 весла с каждой стороны и могло вместить 600 воинов. Команда состояла из отобранных мужчин, ни один из которых не должен был быть старше 60 и моложе 20 лет. Из этого правила было допущено только одно исключение - в случае с Эйнаром Эйндриссоном по фамилии Тамбарскелвер, которому было всего 18 лет, но он был самым искусным лучником во всей Норвегии. Из своего лука, называемого Тамб, от которого он получил свою фамилию, он мог пустить тупую стрелу в сырую бычью шкуру, в зависимости от древка.

Чтобы отличить "Длинного Змея" от корабля-дракона, который он отобрал у Рауда Сильного, Олаф назвал последний "Коротким змеем". Кроме того, у него было много других превосходных кораблей, и к нему присоединились его шурины, Эрлинг Скьяльгссон из Соле, Торгейр и Хирнинг, у каждого из которых была большая и прекрасно оснащенная галера.

Когда он направился на юг, в Вендланд, у него было около 60 боевых кораблей, помимо такого же количества небольших транспортов. Король Бурислав, несмотря на свой союз с Тайрой, принял его хорошо, возможно, из-за более ранних отношений через Гейру или из-за их общей враждебности к Свейну Раздвоенной Бороде в Дании. Вопрос о поместьях был улажен мирным путем, и Олаф, получив великолепный прием, приготовился отправиться домой. Тем временем распространился слух, что он находится в Вендланде, и его враги, чтобы собрать достаточно большие силы, чтобы уничтожить его, наняли графа Сигвальда, вождя йомсвикингов, чтобы задержать его и убаюкать ложной уверенностью. В этом

вероломный граф преуспел. Он завоевал доверие Олафа, отвергнув саму мысль о том, что Свейн Раздвоенная Борода когда-либо осмелится напасть на него; и, наконец, предложил сопровождать его в пути с его собственным флотом и провести через опасные воды вдоль побережья Вендии. Бесплезно было то, что жена Сигвальда, Аастрид, в ночь перед отъездом Олафа предостерегла его от своего мужа так открыто, как только осмелилась, и предложила послать за ним корабль в случае опасности. Странное увлечение связало его со своим ложным другом. По совету Сигвальда он даже разрешил части своего флота отправиться в путь заранее, поскольку проливы между островами были узкими. Предатель тем временем находился в постоянной связи с королем Свейном, по просьбе которого он согласился отделить Олафа от его основных сил и завести его в ловушку, которую приготовили для него враги. Кроме короля Свейна, там были граф Эрик, которому предстояло отомстить за смерть своего отца, графа Хокон, и король швеции Олаф, сын Сигрид Надменной. Все они стояли в засаде примерно с шестьюдесятью или семьюдесятью военными галерами за маленьким островом Свольдер, между островом Рюген и нынешней прусской провинцией Померания. Из своего укрытия они несколько дней тщетно высматривали норвежские корабли и начали терять терпение. Они сошли на берег со своими командами, чтобы скоротать время, и три командира стояли вместе, обводя взглядами горизонт, когда, к их радости, норвежский транспортный флот появился в поле зрения, расправляя паруса под попутным бризом.

День был погожий. Ярко светило солнце, и поверхность воды едва заметно колыбалась. Весело выделялись в море гордые корабли, один больше и красивее другого. Когда король Свейн увидел прекрасный корабль Эрлинга Скъяльгссона из Соле, он был уверен, что это, должно быть, "Длинный змей", хотя на носу у него не было головы дракона. - Сегодня Олаф Трюггвессон напуган, - сказал он, - потому что не осмеливается носить голову на своем драконе. - Этот корабль я хорошо знаю по его полосатым парусам, - сказал граф Эрик. - Он принадлежит не королю, а Эрлингу Скъяльгссону. Оставим это, ибо, если, как я полагаю, он сам находится на борту, для нас будет лучше, если он и его банда не окажутся среди тех, с кем нам предстоит сражаться сегодня.

По двое или по трое проходили большие корабли норвежских вождей, и каждый раз шведский и датский короли были уверены, что один из них должен быть "Длинным змеем". Вскоре стал виден флот Сигвальда из одиннадцати кораблей, который, получив сигналы от союзных принцев, внезапно повернул вокруг острова, к великому изумлению Торкилла Дирдилла, который вел королевский корабль "Журавль" прямо в кильватере. Король Свейн, при виде этой великолепной галеры, не мог больше сдерживаться и приказал своим людям подняться на борт, несмотря на предупреждение графа Эрика. Он даже намекнул, что последний был трусом, у которого не было амбиций отомстить за своего отца; на что граф ответил, что еще до захода солнца будет видно, кто больше рвется в бой, шведы и датчане или он и его люди.

Торкилл Дирдилл спустил паруса на "Журавле" и, с первого взгляда оценив ситуацию, решил дожидаться прибытия короля Олафа. Затем появился "Короткий Змей", отбрасывая золотые отблески на воду из своей сияющей драконьей головы; и король Свейн ликующе воскликнул: "Величественно понесет меня Змей этой ночью, и я буду управлять им".

Граф Эрик, которого недавняя насмешка короля Свейна задела, ответил: "Даже если бы у Олафа Трюггвессона не было корабля крупнее этого, Свейн со всей своей армией датчан не смог бы отвоевать его у него".

Когда, наконец, "Длинный Змей" поднял свой пылающий нос на фоне горизонта, пуская длинные лучи на солнце, три принца восхитились его красотой. Многие тоже дрожали от страха, когда видели приближающийся величественный корабль и плотные ряды отполированных щитов и мечей, сверкающих издалека.

"Этот великолепный корабль, - сказал граф Эрик, - подобает такому королю, как Олаф Триггвессон; ибо о нем можно с уверенностью сказать, что он выделяется среди всех других королей, как "Длинный змей" среди всех других кораблей".

Весь флот короля Олафа, за исключением одиннадцати кораблей, теперь скрылся из виду, и многие из его главных слуг советовали ему не сражаться с такими большими силами противника. Он не захотел прислушаться к их совету, но приказал связать корабли вместе и все подготовить к битве.

"Опустить паруса", - крикнул он громким голосом, который был отчетливо слышен над водами. - "Я еще никогда не бежал ни с одной битвы. Бог управляет моей жизнью. Я никогда не убегу; ибо он не царь, который избегает своих врагов из-за страха".

Теперь весь вражеский флот греб вперед из-за острова, и казалось, что море, насколько хватало глаз, было усеяно кораблями. Первым стал виден король Свейн со своими шестьюдесятью галерами.

- Что за вождь стоит прямо напротив нас? - спросил король Олаф.

"Это король Свейн с датской армией", - ответил один из его людей.

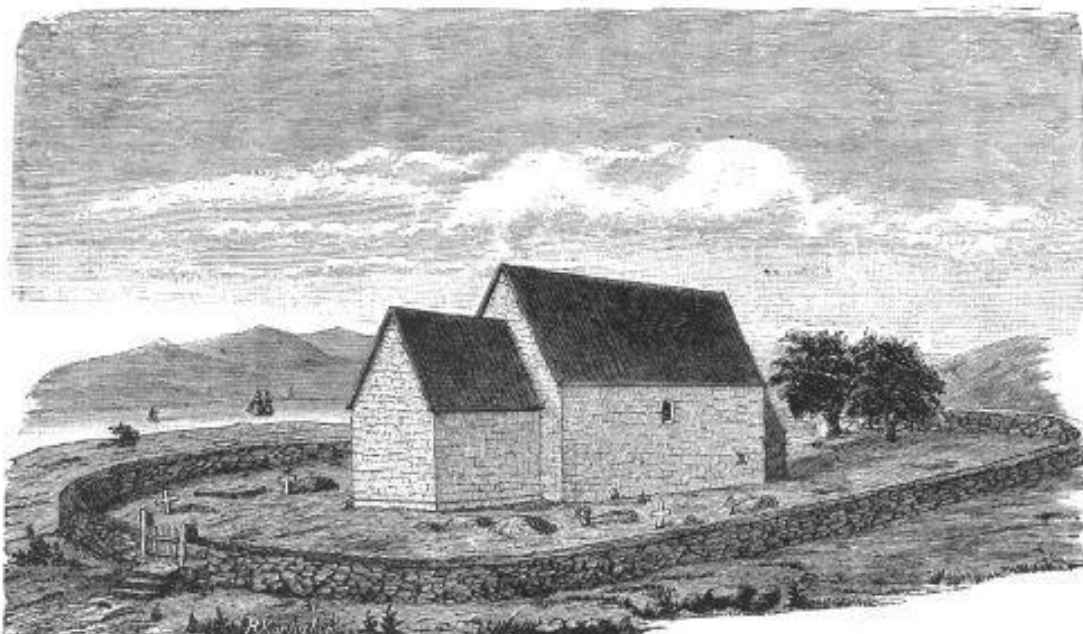
"Я их не боюсь", - сказал король. "Никогда еще датчане не побеждали норвежцев, и они не побьют нас сегодня. Но какому вождю принадлежат знамена там, справа?"

Ему сказали, что они принадлежали Олафу, королю шведов.

"Шведам, - сказал он, - было бы приятнее сидеть дома и вылизывать свои жертвенные чаши, [A] чем встретиться сегодня с оружием в руках на "Длинном Змее". Вряд ли я думаю, что нам нужно бояться этих коноедов. Но чьи это большие корабли слева от датчан?"

[A] Это задумано как насмешка над шведами, которые еще были язычниками.

"Это, - ответил его информатор, - граф Эрик, сын графа Хокона".

ЦЕРКОВЬ НА ОСТРОВЕ МОСТЕР (MOSTERÖ), ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ПОСТРОЕННАЯ ОЛАФОМ ТРЮГГВЕССОНОМ.

"От них мы можем ожидать тяжелого сражения; ибо, мне кажется, у ярла Эрика есть веские причины напасть на нас; и он и его люди такие же скандинавы, как и мы",

Пока король говорил, сопровождавшая его королева Тира поднялась на палубу. Увидев перед собой огромный вражеский флот и малочисленность войск своего мужа, она разрыдалась.

"Теперь ты не должен плакать, - сказал король Олаф, - ибо теперь ты действительно получил то, что тебе причиталось в Вендланде; и сегодня я намерен потребовать у твоего брата Свейна твой зуб в подарок, о котором ты так часто просил меня".

Король Свейн первым бросился в атаку, но после короткого и упорного боя был вынужден отступить. Одна из его галер была выведена из строя одна за другой, и произошла великая резня. Сам король Олаф стоял на королевской корме [\[A\]](#) "Длинного змея", где все могли видеть его, руководящего обороной и сражающегося копьями и стрелами. Его позолоченные шлем и щит сияли на солнце. Поверх доспехов на нем была короткая туника из алого шелка. В то время как датчане полностью отступали, шведы поспешили им на выручку, и теперь они некоторое время несли на себе основную тяжесть сражения. На каждого павшего шведа или датчанина находилось десять человек, готовых занять его место; в то время как норвежцам, окруженным со всех сторон вражескими кораблями, приходилось терпеть непрерывающийся ливень копий и стрел и шок от повторяющихся атак, которые приходилось отражать мечом в рукопашных схватках. Какими бы усталыми и измученными они ни были, они не могли дать себе передышки. Каждый человек, который падал или становился инвалидом от ран, оставлял брешь, которую невозможно было заполнить. И все же, несмотря на огромное численное превосходство своих противников, они бы одержали победу при Свольдере, если бы граф Эрик не начал разрушительную атаку на правом фланге, в то время как шведы и датчане атаковали центр. Фактически, последние снова в беспорядке отступали перед яростной храбростью людей короля Олафа, когда ярл Эрик подплыл к крайнему кораблю справа на своей большой галере "Железный таран" и предпринял

энергичную атаку. Здесь норвежец встретился с норвежцем, и все должны были решить цифры. Люди на королевском корабле отчаянно сражались, но были побеждены и прыгнули в море или спаслись на борту следующего корабля. Затем первая была брошена на произвол судьбы, и Эрик, в соответствии с хорошо продуманным планом, занялся следующей и еще одной. Наконец все корабли короля Олафа, кроме "Длинного змея", были пущены по течению, а их защитники перебиты. Затем перед "Железным тараном" освободилось место, и его с огромной силой погнали вперед, ударив "Длинного змея" в середину борта. Добрый корабль скрипел всеми своими балками, но так как ветра почти не было, большого ущерба нанесено не было. Эйнар Тамбарскелвер, стоявший перед мачтой на "Длинном змее", увидел графа Эрика, стоявшего на носу "Железного тарана", прикрытого множеством щитов. Он натянул лук и пустил стрелу, просвистевшую у него над головой, а в следующее мгновение другую, которая пролетела между рукой графа и его телом. Граф, повернувшись к лучнику Финну Эйвиндссону, сказал: "Пристрели того высокого мужчину на передней палубе".

[A] *Левтинген* - приподнятая палуба в корме старой военной галеры, очень похожая на королевскую корму французских и испанских военных кораблей XIII века.

Финн прицелился в Эйнара как раз в тот момент, когда тот натягивал лук для третьего выстрела в графа; стрела попала в тетиву посередине, и та с громким треском сломалась.

- Что это там сломалось? - спросил Олаф.

- Норвегию из твоих рук, мой король! - воскликнул Эйнар.

- Надеюсь, брешь не была такой уж большой, - ответил король. - Возьми мой лук и стреляй из него.

Он бросил свой собственный лук лучнику, который схватил его, согнул вдвое и отбросил назад. "Королевский лук слишком слаб", - сказал он.

Граф Эрик теперь готовился к последней атаке и не сомневался в ее результате.

Люди короля Олафа оказались в отчаянном положении, выбраться из которого было невозможно. Король метал свои копья, по два за раз, со своего поста на юте, и многие люди были пронзены его острыми стрелами. В то же время он наблюдал за боем на передней палубе, куда граф как раз направлял свою атаку, и ему казалось, что его люди не продвинулись ни на шаг.

- Неужели вы так слабо владеете своими мечами, - воскликнул он, - раз они так плохо кусаются?

"Нет, - ответил воин, - но наши мечи затупились и сломались".

Затем король поспешил на носовую палубу, где стоял большой сундук с оружием. Он открыл его и достал охапки блестящих, острых мечей, которые бросил своим людям. Когда он наклонился, кровь потекла по его рукам из-под доспехов. Тогда его люди узнали, что он ранен, но тогда было не время залечивать чьи-либо раны. Люди графа рвались вперед, и уставшие норвежцы падали кучами, не в силах больше сдерживать их. Стрелы сыпались густым дождем вокруг короля, и было очевидно, что он не мог долго продержаться. Он был виден всем, потому что не делал попыток спрятаться или укрыться. Один из его доверенных людей, Кольбьерн Сталларе, увидев опасность, выскочил на ют и встал рядом с ним. Часто отмечали его сходство с королем; более того, он был того же роста и так же одет. Шквал

метательных снарядов теперь был направлен против обоих, и, когда они подняли свои щиты, их густо окаймили стрелы. Лязг оружия, стоны умирающих и свист летящих снарядов наполнили воздух. Король опустил свой щит и посмотрел на корабль. В живых осталось всего восемь человек, не считая его самого и Кольбьерна. Он поднял щит над головой и прыгнул за борт. Кольбьерн последовал его примеру, но был схвачен людьми графа, которые приняли его за короля. В том, что последний утонул, не может быть никаких разумных сомнений, хотя существует нежно хранимая легенда, согласно которой он доплыл до галеры, которую Аастрид, жена графа Сигвальда, послала ему на выручку. Согласно этой истории, он совершил паломничество в Рим и долго жил отшельником в Святой Земле.

Королю Олафу Трюггвессону было тридцать шесть лет, когда он умер (1000 г.). Королева Тира, которая с полным основанием считала себя ответственной за его смерть, была безутешна. Когда после битвы она поднялась на палубу и увидела причиненные ею разрушения, то разразилась рыданиями. Граф Эрик был тронут ее горем и ласково поговорил с ней, заверив, что, если она вернется в Норвегию, ей будет оказана честь, которая причитается ей как вдове столь великого короля. Она поблагодарила его за предложение, но сказала, что у нее не хватило духу пережить своего господина. На девятый день после битвы она умерла.

ГЛАВА XII.

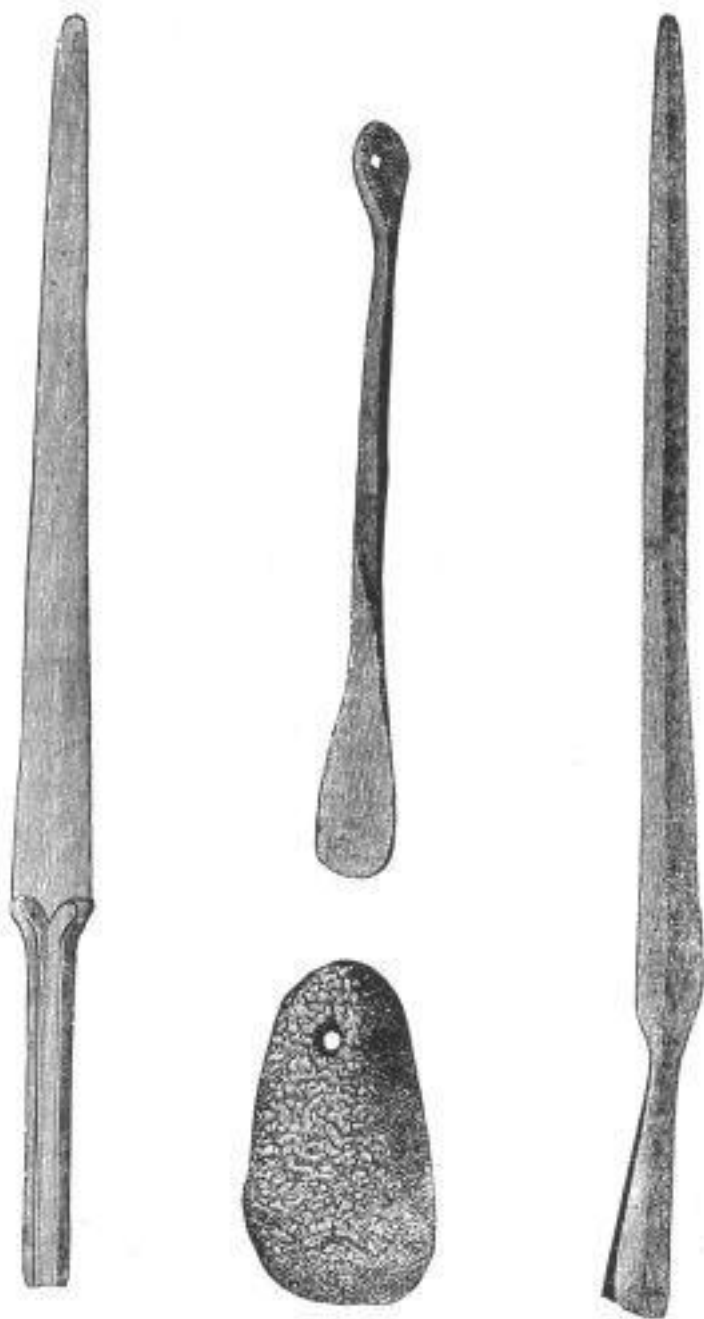
ГРАФЫ ЭРИК И СВЕЙН ХААКОНССОНЫ (1000-1015). ОТКРЫТИЕ ВИНЛАНДА.

После смерти короля Олафа в Сволдере союзные принцы разделили его королевство между собой. Графу Эрику были переданы все графства вдоль западного побережья от Финмарка до Линдеснесса,^[A] за исключением семи, которые были переданы королю Швеции Олафу. Все графства от Линдеснесса, включая Агдер, до границы со Швецией, за исключением Ранрике, перешли во владение Свейна Раздвоенной Бороды. Ранрике (который сейчас является частью Швеции) был передан шведскому королю, который снова передал его, как и другие свои владения в Норвегии, в феодальное владение своему шурина, графу Свейну, брату графа Эрика, при условии, что он будет выплачивать половину королевских доходов своему феодальному сюзерену и предоставит в его распоряжение определенное количество войск на случай войны. На аналогичных условиях граф Эрик получил восточные графства Раумарике и Вингульмарк в качестве феода от Свейна Раздвоенной Бороды.

^[A] Линдеснесс - самая южная точка Норвегии.

Хотя граф Эрик был способным человеком и обладал многими благородными качествами, ему так и не удалось утвердить свою власть над Норвегией, как это удалось его отцу, графу Хокону; а граф Свейн мог похвастаться еще меньшим авторитетом, чем его брат. В Опландии все еще жили полунезависимые короли из рода Гарольда Прекрасноволосого; а в Рогаланде шурина Олафа Трюггвессона, Эрлинг Скьяльгссон из Соле, отказался признавать верховенство либо графов, либо королей, которых они представляли. Он окружил себя двором, который по великолепию не уступал двору графов, если не превосходил его. Девяносто воинов составляли его повседневную прислугу, а когда требовал случай, он держал 240 или больше. Тридцать рабов он держал для ежедневного обслуживания, не считая большого числа тех, кто обрабатывал его земли. Он был хорошим хозяином, побуждая их к бережливости. Он требовал от каждого определенного количества труда и давал ему участок земли для обработки. Когда требуемая задача была выполнена, время раба принадлежало ему, и он был волен использовать его в своих интересах. Продукты своей земли он продавал своему хозяину по рыночным ценам и таким образом получал возможность купить себе свободу в течение одного, двух или трех лет. Над своими вольноотпущенниками Эрлинг продолжал осуществлять надзор, нанимая их за плату или в виде долей в рыболовстве, при освобождении земель от лесов или в других отраслях промышленности.

Упорно цепляясь за авторитет, которым наделил его Олаф Триггвессон, Эрлинг не мог избежать столкновения с авторитетом графов. Он взимал налог на землю с крестьян Рогаланда, и, поскольку граф Эрик сделал то же самое, бедным землевладельцам пришлось платить двойной налог, если только они не были готовы оказать сопротивление.

ЧЕЛНОКИ ИЗ ЖЕЛЕЗА И КИТОВОГО УСА; И ГИРИ ДЛЯ ТКАЦКОГО СТАНКА.

Но и граф, и Эрлинг были слишком могущественны, чтобы пойти на такой шаг. Действительно, странно, что Эрик, с его большими связями за границей, должен был терпеть неповиновение этого маленького властелина, не пытаясь каким-либо образом подорвать его власть. Это правда, у Эрлинга было большое количество могущественных родственников и сторонников во многих прибрежных графствах, и он смог бы оказать сильное сопротивление. Но едва ли можно поверить, что он смог бы выстоять против графа Эрика, если бы последний всерьез решил наказать его. На самом деле граф Эрик, хотя его ранние годы прошли в суматохе войны, по сути своей был склонен к примирению. Он был могучим воином, когда долг или дипломатическая необходимость заставляли его сражаться; но он не решался обнажить свой меч, за исключением крайней необходимости. Ему не повезло, что в силу своего рождения и обстоятельств, приведших его к власти, он представлял эпоху и режим, которым было суждено уйти в прошлое. Это была так называемая "героическая" эпоха, то

есть эпоха бурного индивидуализма, противостоящего современной концепции государства. Очевидно, что Эрик не испытывал симпатии к феодализму, установленному завоеваниями Гарольда Прекрасноволосого; вероятно, он не понимал прогрессивной идеи, которая возвысила амбиции короля Гарольда и сделала его сознательным или бессознательным проводником прогрессирующей цивилизации. Достаточным доказательством этого является утверждение, что Эрик позволил зависимым от Норвегии, Оркнейским и Шетландским островам отделиться от родины и не предпринимал никаких попыток заставить их вернуться к своей верности. В его семье не было вдохновляющей традиции, как в семье Гарольда Светловолосого, требовавшей великого и объединенного королевства; напротив, это была местная сепаратистская традиция, отождествлявшая его с величием и славой особой местности. Чтобы полностью следовать этой традиции, графы Эрик и Свейн должны были оставаться язычниками, какими был их отец до них. Похоже, они действительно осознавали определенную непоследовательность в принятии христианства, поскольку не предприняли ни малейшей попытки утвердить свою веру в своих отношениях с народом или остановить возврат к язычеству, которое стало очень распространенным во время их правления.

Вполне в соответствии с общим реакционным характером правительства графов было возрождение круизов викингов, частота которых во времена правления Олафа Трюггвессона уменьшалась. Граф Эрик сам в юности был доблестным викингом и, вероятно, не видел ничего плохого в беззаботной и хищнической жизни, в которой древнегерманское язычество находило свое наиболее характерное выражение. Большой импульс этому образу жизни, должно быть, придали неоднократные экспедиции Свейна Раздвоенной Бороды в Англию, в которых участвовало большое количество скандинавов. Не имеет большого значения, были ли агрессоры номинально христианами; их действия были проявлением старого племенного языческого духа, который не уважал никаких прав, кроме права силы.

Было естественно, что графы, если они рассчитывали сделать свои владения постоянными, должны были стремиться расширить свои связи за пределы Тренделага. Сила правительства в те дни во многом зависела от поддержки, которую оно получало среди вождей или племенной аристократии, чьи настроения обычно отражали крестьяне. Поэтому было необходимо каким-то образом примирить покойных сторонников Олафа Трюггвессона, чье влияние на общественное мнение можно было использовать с пользой. Возможно, именно какие-то подобные соображения удержали эрла Эрика от нападения на Эрлинга Скъяльгссона. Очевидно, что предложения, которые он делал Эйнару Тамбарскелверу, преследовали ту же цель. Мы видели, как молодой лучник был на волосок от того, чтобы закончить дни графа в Сволдере, тем самым вызвав восхищение Эрика своим мастерством и храбростью. После битвы граф, со свойственным ему великодушием, сохранил ему жизнь и всячески старался заручиться его дружбой. Он женил его на своей сестре, благородной Берглиот, и дал ему большие поместья, так что ни один вождь в Тренделаге не мог соперничать с ним по могуществу.

По отношению к своему брату Свейну граф Эрик вел себя с тем же великодушием, которое он проявлял ко всем, кто имел на него права. Свейн был недоволен из-за неравенства в их положениях; он правил более чем одной третью территории страны как вассал шведского короля, в то время как Эрик владел двумя третями как независимый суверен. Эти жалобы повторялись со все возрастающей настойчивостью, пока Эрик не решил покинуть правительство. Он созвал вождей и самых могущественных крестьян страны и отрекся от престола (1015) в пользу своего сына Хокона и своего брата Свейна, между которыми он разделил свою долю земли поровну. Поскольку Хокон еще не достиг совершеннолетия, Эйнар Тамбарскелвер был назначен его опекуном. Осенью 1015 года граф Эрик отплыл в

Англию и помог Кнуту Могущественному в покорении этой страны. Позже к нему присоединился его сын Хокон, который был изгнан из Норвегии Олафом Харольдссоном и был вынужден поклясться, что никогда не возобновит своих притязаний на королевство. Граф Эрик умер в Англии от последствий хирургической операции в 1023 или 1024 году. Перед своим изгнанием графы Свейн и Хокон заключили мир с Эрлингом Скьяльгссоном, подтвердив за ним владение феодами, которые он получил от Олафа Трюггвессона, охватывающими все прибрежные графства от Согне-фиорда до Линдеснесса. Чтобы укрепить их дружбу, граф Свейн выдал свою дочь Сигрид[A] замуж за сына Эрлинга, Аслака.

[A] По-другому ее зовут Сигрид и Гунхильд.

Именно во времена правления графов североамериканский континент впервые посетили скандинавы. Исландец по имени Бьярне Херюльфссон во время путешествия в Гренландию (986 г.) сбился с курса и, плывя на север, обнаружил слева от себя неизвестную землю. Он пришел к выводу, что это не могла быть Гренландия, поскольку там не было ледников, а только низкие, поросшие лесом возвышенности, плавно спускающиеся к океану. По прибытии в Гренландию Бьярне рассказал о новой стране, которую он увидел, но был сильно высмеян за то, что не сошел на берег и не исследовал ее. Однако его история произвела большое впечатление на предприимчивого Лейфа, сына Эрика Рыжего. Он купил корабль Бьярне и с командой из тридцати пяти человек отплыл к неизвестному берегу на Западе (1000). Первая земля, которую он увидел, была справа от него, когда он плыл на юг. Она была покрыта ледниками и на ней не было травы. Он назвал это место Хеллуландом, потому что у подножия ледников оно представляло собой одно плоское пространство.[A] Должно быть, это был настоящий лабродор. Продолжая свой путь на юг, Лейф прибыл в страну, густо поросшую лесом, с длинными ровными пляжами. Он назвал это место Маркленд (Лесная местность), и предполагается, что это была Новая Шотландия. При сильном северо-восточном ветре он значительно продвинулся вперед и после еще одного дня плавания добрался до острова, где река впадала в море. Из-за отлива он не мог высадиться на берег, но матросам так не терпелось осмотреть местность, что они прыгнули за борт и вброд добрались до берега. Утверждение о том, что солнце взошло в этом регионе в самый короткий день в году, в половине восьмого и зашло в половине пятого, указывает на широту 41 ° 24' 10"; Лейф, соответственно, должен был приземлиться где-то в окрестностях Кейп-Кода или Фолл-Ривер, штат Массачусетс. Он обнаружил, что эта местность обладает многими преимуществами. Зима была настолько мягкой, что скоту не требовался постоянный корм. Реки изобиловали лососем, а леса - дичью. Немец по имени Тюркер пришел в такой восторг от открытия винограда, что перешел на свой родной язык, и команда предположила, что он был пьян. Лейф и его люди поставили несколько шалашей и провели зиму на новой земле, которую они называли Винланд, но следующей весной отплыли в Гренландию.

[A] Хеллев в переводе с норвежского означает большой плоский камень.

Из приведенного здесь описания очевидно, что либо произошла какая-то ошибка в отношении широты, либо климат Новой Англии, должно быть, стал суровее за последние девять столетий. В наши дни в районе Кейп-Кода едва ли можно было оставить крупный рогатый скот на открытом воздухе. Ни один из отборных сортов винограда также не растет в диком виде в холодных ветрах, которые сейчас бушуют на побережье Массачусетса; а терпкий лисий виноград, похоже, едва ли мог вызвать энтузиазм даже в груди немца.

Вторая экспедиция в Винланд была предпринята в 1006 году исландцем Торфинном Карлсевне и его женой Гудрид. Среди их последователей, которых насчитывалось 160, были

сын Эрика Рыжего Торвальд и его дочь Фрейдис. Это была первая экспедиция, предпринятая с целью колонизации страны. Поэтому был уведен скот и сделаны приготовления к постоянному поселению. Торфинн без труда нашел хижины, оставленные Лейфом, и сам пополнил их число. Станный народ, которого скандинавы называли *скраеллингами*, приплыл к ним на легких лодках из кожи и предложил меха в обмен на одежду, украшения и оружие. Карлсевне, однако, отказалась продать им оружие; и когда во время переговоров из леса вышел бык и заревел, Скраеллинги испугались и поспешили прочь. С этого времени они стали враждебно относиться к поселенцам и неоднократно нападали на них, убив нескольких человек из их числа. Это постоянное состояние незащищенности привело выживших в уныние, и после трехлетнего пребывания в Винланде они вернулись в Гренландию.

ГЛАВА XIII.

ОЛАФ СВЯТОЙ (1016-1030).

Мы видели, что христианство не получило распространения в Норвегии во время мягкого и вялого правления графов. Олаф Трюггвессон, при всем его рвении и энергии, не смог за короткий срок в пять лет искоренить язычество из сердец скандинавов; и после его смерти многие из тех, кого он вынудил принять христианское имя, вернулись к своим прежним обычаям. Только после того, как король Олаф Гарольдссон своей жизнью, а еще больше своей смертью, захватил воображение скандинавов в плен, христианство прочно утвердилось на этой земле.

Олаф был сыном Гарольда Гренске и внуком Бьерна Купца, который был убит своим братом, Эриком Кровавым топором. Соответственно, это была новая ветвь рода Гарольда Прекрасноволосого, которая вместе с ним взойшла на трон. Его отец, как мы видели, был сожжен заживо Сигрид Надменной, за которой он имел наглость ухаживать, несмотря на то, что у него была жена по имени Ааста, которая в то время ожидала родов. Олаф родился в доме своего деда по материнской линии и провел детство с Сигурдом Сиром, королем Рингерике, за которого вышла замуж его мать. Сигурд Сир был внуком Сигурда Великана, сыном Гарольда Прекрасноволосого и Снефрид, и, соответственно, имел такие же права на трон, как и правивший тогда Олаф Трюггвессон. Однако он был тихим и неприхотливым человеком, который довольствовался выращиванием урожая и присмотром за своими большими поместьями, не утруждая себя амбициозными проектами. Во время младенчества своего пасынка Сигурд Сир принимал у себя дома Олафа Трюггвессона и был склонен им принять христианство. Говорят, что король Олаф по этому случаю выступил спонсором при крещении своего тезки и родственника.

Однажды, когда Олафу Харальдссону было десять лет, отчим упросил его пойти и оседлать для него лошадь. Олаф пошел в конюшню, надел седло на большого козла и подвел его к

двери, где в ожидании стоял Сигурд. Когда его спросили о значении этой шутки, он ответил, что козел был достаточно хорош для Сигурда, который походил на других королей примерно так же, как козел походил на боевого коня.

В своих играх Олаф был вспыльчивым и властным, гордился своим происхождением и был полон решимости превзойти всех. В возрасте двенадцати лет он отправился в плавание викингов и сильно отличился своей доблестью и отвагой. Он опустошал побережья Швеции, чтобы отомстить за смерть своего отца, и во время похода в Англию помогал сыновьям Этельреда в борьбе с датчанами (1008). Эта дикая, бродячая жизнь с ее постоянными превратностями закалила его характер, дала ему богатый опыт общения с людьми и развила врожденную способность к лидерству. Отъезд графа Эрика из Норвегии в 1015 году дал ему желанную возможность заявить о своих притязаниях на трон, и он, не теряя времени, отправился в страну своего рождения. Однако он действовал в этом вопросе со свойственной ему осторожностью. Зная, что отношение людей к нему должно было определить его действия, он не хотел связывать себя обязательствами, не убедившись заранее в шансах на успех. Поэтому он оставил свои военные галеры в Англии и переплыл Северное море на двух торговых судах. Когда он выходил на берег, его нога поскользнулась, и он упал на берег.

"Вот, я упал", - воскликнул он, испугавшись, вероятно, дурного предзнаменования.

"Нет, - ответил один из его людей, - ты ступил ногой на землю Норвегии".

Он плыл на юг вдоль побережья, никто не знал его и не подозревал о его поручении. Однажды, когда он сидел в своей палатке на берегу и строгал рукоять копья, вошел крестьянин и пристально посмотрел на него.

"Кто ты?" - спросил он.

- Я торговец, - сказал Олаф.

"Вполне вероятно, - возразил крестьянин, - ты купец; но я знаю глаза Олафа Трюггвессона и верю, что ты скоро встретишься с ярлом Хоконом и одержишь великую победу".

"Если это правда, как ты говоришь, - ответил принц, - ты можешь прийти ко мне и воспользоваться моей победой".

Проницательность плана Олафа избегать любых воинственных проявлений была продемонстрирована в этом выпуске. В проливе Саудунг ему удалось захватить в плен молодого графа Хокон, который, не думая об опасности, плыл на одном корабле и с небольшой свитой. Когда Олаф увидел его, он поразился его красоте. Графу было всего семнадцать лет, он был высок и хорошо сложен. Его волосы золотыми локонами падали на плечи и блестели, как шелк. На голове у него была золотая повязка.

- То, что говорят о тебе и твоей расе, правда, - сказал Олаф. - Ты действительно очень красива. Но теперь удача покинула тебя.

"Я не вижу никаких признаков того, что удача покинула нас, - гордо ответил юноша, - даже если такое может случиться. Всегда бывает так, что иногда побеждает один, а иногда другой. Я сам молод и неопытен, и я не ожидал нарушения мира, и поэтому не мог ничего предпринять в защиту. В другой раз, возможно, у меня получится лучше".

- Но разве ты не понимаешь, - возразил Олаф, - что с этого момента не может быть и речи ни о победе, ни о поражении в твоем случае?

- Все зависит от вас, - бесстрашно ответил граф.

- Что ты будешь делать, если я позволю тебе уйти невредимым?

- Дай мне знать, чего ты требуешь.

- Только то, что ты покинешь страну и откажешься от своего господства над ней. И, более того, ты должен поклясться, что никогда не будешь воевать против меня".

У графа не было выбора, и он согласился на эти условия и немедленно отплыл к своему дяде, королю Кнуту, в Англию.

Прежде чем вступить в бой с графом Свейном, Олаф счел целесообразным прислушаться к настроениям населения и заручиться поддержкой среди могущественных крестьян и вождей. С этой целью он навестил своего отчима, Сигурда Сира, в Рингерике и спросил его совета. История о том, как его приняла мать Ааста, которую подробно пересказывает Снорре, полна ярких деталей и проливает яркий свет на обычаи и манеры той эпохи. Когда слух о приближении ее сына дошел до Аасты, она встала и приготовилась оказать ему подобающий прием. Она приказала четырем служанкам задрапировать стены тканью, а также накрыть скамейки. Были расставлены столы, и на них было в изобилии еды и пива. В спешном порядке были разосланы гонцы, чтобы пригласить гостей издалека и вблизи; и каждого попросили явиться в своей лучшей одежде; а тем, у кого не было хорошей одежды, была выдана подходящая одежда. Король Сигурд, как обычно, был в поле, руководя своими работниками. Был как раз разгар жатвы, и каждый час был дорог. На нем была синяя туника из грубой ткани, синие бриджи, высокие ботинки, серый плащ и широкополая серая шляпа. В руке он держал посох с позолоченным серебряным набалдашником. Когда посланцы его жены принесли ему весть о возвращении пасынка, ему, вероятно, не понравилось, что его прервали. Еще меньше ему понравилось предостережение, которое они преподнесли ему от ее имени, о том, чтобы он проявил себя в этом случае как истинный потомок Гарольда Прекрасноволосого. Он произнес небольшую речь на местах, в которой из всех сил скрывал свое дурное настроение. Затем он сел и сменил свою повседневную одежду на великолепный наряд, который прислала ему Ааста. Пока рабочие стояли вокруг и глазели, он натянул шелковую тунику, бриджи в тон и кордовские сапоги с золотыми шпорами. К его чреслам был пристегнут меч прекрасной работы, на голову надет позолоченный шлем, а на плечи наброшен алый плащ. Одетый таким образом и сопровождаемый свитой из тридцати слуг, он выступил навстречу своему пасынку. Проезжая по полям, он увидел Олафа и его обоз из 120 воинов, приближающихся с другой стороны. Они прошли во двор с развевающимся знаменем, и там Сигурд приветствовал вернувшегося викинга и пригласил его домой. Мать поцеловала его, пригласила оставаться с ней столько, сколько он пожелает, и предоставила все, что у нее было — землю, людей и деньги — в его распоряжение.

На семейном совете, который состоялся после окончания приветственного пира, Сигурд Сир пообещал Олаву свою помощь и использовать свое влияние в его пользу. С другой стороны, он предостерег его от осторожности и отговорил меряться силами с графом Свейном до тех пор, пока у него не наберется достаточное количество сторонников. В конце концов, он не стал сомневаться в своем успехе.

"Толпа, - сказал он, - всегда любит перемены. Так оно и оказалось, когда появился Олаф Триггвессон. Все полюбили его, хотя, конечно, он недолго наслаждался своим королевством".

На это гордая Ааста ответила, что предпочла бы, чтобы ее сын умер молодым после короткой и славной карьеры, как Олаф Трюггвессон, чем умереть старым после долгой и бездеятельной карьеры, как Сигурд Сир.

Среди королей мелких уделов, которые жили как богатые землевладельцы в разных частях Опландии, было много потомков Гарольда Светловолосого. Всех этих Сигурд Сир созвал на совещание, ознакомил их с замыслом Олафа и умолял помочь в его осуществлении. Один из них, по имени Ререк, отказался, заявив, что народу и королям уделов обычно тем лучше, чем дальше находится повелитель. Короли Дании и Швеции, от имени которых правили графы, были очень хорошими правителями, потому что находились слишком далеко, чтобы натворить много бед. Поэтому Ререк был склонен оставить "достаточно хорошо" в покое и посоветовал остальным поступить так же. Его брат Ринг высказался совсем в другом духе.

"Я бы хотел еще раз увидеть нашу расу у руля страны", - сказал он. * * * "если наш родственник Олаф станет правителем королевства, то лучше всего достанется тому человеку, который больше всего претендует на его дружбу".

Другие короли уделов придерживались того же мнения, и все заверили своих сородичей в поддержке. Народ был немедленно созван на *дело*, на котором Олаф красноречиво подтвердил свое право на трон и был провозглашен королем. Взамен он пообещал, согласно древнему обычаю, править в соответствии с законами и защищать землю от внешних врагов. Великое множество воинов устремилось вперед, чтобы записаться под его знамена, и его последователей стало так много, что они причиняли ему неудобства. Ибо продовольствия не было в избытке, и изъятие припасов из страны могло легко оттолкнуть людей. Опять же, если он хотел удивить эрла Свейна, который в то время находился в гостях у Штайнкера в Тренделаге, важно было привлекать как можно меньше внимания и выбирать малолюдные маршруты через горы и дикую местность. Тем не менее, ему удалось проникнуть в Оркдейл [A] примерно с 360 людьми и побудить армию из 900 крестьян, которую послал против него Эйнар Тамбарскелвер, присягнуть ему на верность. Граф Свейн, услышав об этой катастрофе, бежал на юг, во Фростен, и только благодаря хитрости избежал попадания в руки своего преследователя. Теперь трандерсы были вызваны на встречу с Олавом в *тинг*е и вынуждены признать его своим королем (1015). Но они сделали это неохотно, будучи сильно привязаны к расе графов Хлейд. Многие из самых могущественных вождей, среди них Эйнар Тамбарскелвер, не присутствовали на *мероприятии*, предпочитая вести общее дело с графом.

[A] Оркдейл является частью Тренделага.

Несмотря на ненадежность своего положения, король Олаф решил отпраздновать Рождество в Нидаросе, городе, основанном Олафом Трюггвессоном и позже известном как Дронтхайм. Графы, мало заботясь о торговле, довели эту факторию до разорения, и от ее бывшего процветания почти ничего не осталось. Олаф, как всегда подчеркивая здесь свою роль законного наследника своего великого родственника, начал ремонтировать полуразрушенные дома и, насколько мог, привел в порядок свою свиту. Однако он мог бы избавить себя от лишних хлопот, ибо не успел он перевезти свое добро с кораблей, как граф Свейн и Эйнар Тамбарскелвер напали на него ночью с 2400 солдатами и положили бы конец его карьере, если бы часовые в последний момент не предупредили его о надвигающейся опасности. Он бежал на юг, в Опландию, где его снова хорошо принял отчим. Теперь его единственной целью было собрать армию, достаточно большую, чтобы сокрушить своего соперника. Популярность и влияние Сигурда Сира сослужили ему хорошую службу, и многие вожди, которые до сих пор держались в стороне, были склонены присоединиться к нему.

Среди них был Кетиль Теленок Безымянный. Остаток зимы был занят строительством кораблей и добычей ресурсов для решающей кампании. Именно в это время была построена большая галера "Карлсховед" (Голова Чурла), нос которой был украшен человеческой головой, вырезанной самим королем. Весной, как только растаял лед, он отплыл из Фолден-фьорда примерно с двадцатью кораблями и от 1500 до 2000 человек.

Тем временем граф Свейн напряг все свои силы, чтобы справиться с возникшей чрезвычайной ситуацией. С помощью Эрлинга Скьяльгссона из Соле и Эйнара Тамбарскелвера он собрал флот из сорока пяти хорошо оснащенных кораблей, на которых находилось около 3000 воинов. С этим грозным войском он встретился с Олафом в Несье, мысе на побережье Вестфолда. Было Вербное воскресенье (25 марта 1016 г.), и, согласно легенде, Олаф отправил гонца к графу с просьбой заключить перемирие до следующего дня. Граф, однако, который не испытывал угрызений совести из-за праздника, отклонил просьбу, и битва началась. Как это было принято в морских сражениях, корабли были связаны друг с другом веревками, "Голова Чурла" занимала центр, а суда поменьше - крайние крылья. На борту королевского корабля находилось 120 отборных мужчин, все они были облачены в кольчужные доспехи и с французскими шлемами на головах. Их щиты были белыми, с красными, синими или позолоченными крестами; кресты тех же цветов украшали и их шлемы. Король приказал своим людям сначала появиться и действовать в обороне, приберегая свои копья до тех пор, пока враг не выбросит свои. Эта стратагема оказалась эффективной, ибо, когда боевые порядки короля обрушились на боевые порядки графа, он был встречен градом метательных снарядов. Его люди, однако, изо всех сил старались защитить себя, тем самым удваивая воинский пыл своих противников, которые воображали, что боятся. Затем, когда копий и стрел на стороне графа стало не хватать, яростная атака короля не встретила должного сопротивления. Олаф воспользовался секундной неожиданностью, чтобы подойти к кораблю графа и вступить с ним в ближний бой. Бой там был долгим и ожесточенным, и люди падали кучами с обеих сторон. Наконец люди графа Свейна начали колебаться, и один за другим корабли были освобождены и приготовлены к бегству. Но люди Олафа крепко держали их лодочными крюками, пока Свейн не приказал обрубить нос; даже таким образом он не спасся бы, если бы его шурин Эйнар Тамбарскелвер не бросил ему на борт якорь и с помощью привязанной к нему веревки не вытащил его с линии боя. Несмотря на все это, ему удалось отвести свои корабли дальше во фьорд, и какое-то время казалось, что новая атака неминуема. Сигурд Сир убеждал Олафа не упускать возможности полностью уничтожить Эрлинга Скьяльгссона и Эйнара Тамбарскелвера.

"Ибо, - сказал он, - я хорошо предвижу, что ты с твоим характером и честолюбием едва ли когда-нибудь дойдешь до того, что сможешь доверять тем магнатам, которые привыкли бросать вызов вождям".

Прежде чем Олаф успел ответить, флот графа внезапно рассеялся, и возможность уничтожить вождей была упущена. Первым поступком короля после битвы было преклонить колени на берегу и поблагодарить Бога за победу.

Граф Свейн, хотя у него все еще было много сторонников и достаточно ресурсов для продолжения борьбы, отплыл на восток, в Швецию, где был хорошо принят своим шурином, шведским королем Олафом. Похоже, он замыслил новую кампанию против Норвегии, и шведский король поощрял его отомстить за свое поражение. Однако вместо этого следующим летом он предпринял военный поход в Россию, вероятно, для пополнения своей казны, по дороге заболел и умер (1016).

Олаф воспользовался отсутствием графа, чтобы добиться присяги на верность от прибрежных крестьян; однако по какой-то причине он не решился напасть на Эрлинга Скъяльгссона и прошел мимо провинций, которыми тот владел, не высаживаясь. Он вернулся в Нидарос, восстановил разрушенный "королевский зал" и церковь Святого Климента. Из своего пребывания за границей он извлек урок относительно преимуществ торговых сношений и поощрял купцов и ремесленников селиться в возрожденном городе. Он мало верил в добрую волю тредеров, и поэтому ему нравилось окружать себя людьми, свободными от местных уз и традиций. Однако смерть графа Свейна, как только слух о ней достиг Норвегии, изменила ситуацию. Трандерсы, не имея теперь собственного вождя, начали посылать королю дружеские послания и различными способами добиваться его расположения. Вскоре он почувствовал себя в безопасности, созывая вождей и крестьян встретиться с ним на *мероприятии*, и его официальное признание королем последовало во всех графствах Тренделага. Но следует помнить, что четыре из этих графств, помимо прилегающих провинций Нордмер, Раумсдейл и Сэндмер, после битвы при Свольдере были пожалованы королю Швеции, от имени которого ими управлял граф Свейн. Поэтому великий гнев охватил короля швеции Олафа, когда он услышал, что трендерцы присягнули на верность "Олафу Большому". Это было прозвище, которым он наградил своего противника из-за его дородности и дородного телосложения. Он никогда не мог обращаться к нему иначе, как с ругательствами и оскорбительными выражениями. Однако его угрозы и оскорбления не вызвали никакого отклика, и в конце концов он решил послать отряд сборщиков налогов в свои бывшие провинции. Тщетно выпрашивая налог, они добились аудиенции у короля Олафа, который приказал им отправиться домой и пригласить короля Швеции встретиться с ним на границе между двумя странами. "Тогда, - сказал он, - он может, если захочет, прийти к соглашению со мной при условии, что каждый сохранит королевство, на которое дает ему право по рождению".

Двенадцать сборщиков налогов, осмелившихся ослушаться его приказа, были схвачены и повешены. Такое оскорбление шведский король не мог оставить неотомщенным, и Олаф приготовился принять его. Он построил грубую крепость на мысе, выступающем в реку Гломмен, недалеко от водопада Сарпен. В связи с этими укреплениями он основал город под названием Борг или Сарпсборг, построил "королевский зал" и предложил защиту торговцам, которые приезжали туда поселиться. Ожидаемое вторжение из Швеции, естественно, должно было быть направлено через этот район, и поэтому место для нового города было выбрано главным образом из-за его стратегической ценности. Однако некоторое время король Швеции не предпринимал никаких решительных действий, удовлетворившись тем, что в отместку убил сборщиков налогов Олафа в Емтеланде. Дело в том, что вражда была чисто личной между двумя королями, в то время как их подданные, не имея зла друг на друга, желали мира. Друга короля и маршала Бьерна Сталларе убедили выступить от имени народа, и в конце концов ему было поручено отправиться послом Олафа в Швецию, предложив мир на уже названных условиях. Но это посольство было сопряжено с большой опасностью, поскольку Олаф Шведский в своей ярости даже не позволил упоминать имя своего врага в его присутствии. Поэтому Бьерн заранее послал своего друга, исландца Хьялте Скеггессона, подготовить ему дорогу, а сам остался с Рагнвальдом, графом Вестергетланда, который женился на сестре Олафа Трюггвессона. Приемным отцом Рагнвальда был могущественный крестьянин Торгни Торниссон, представитель закона.^[A] Заручившись дружбой графа, Бьерн соответственно обеспечил себе защиту на случай, если король попытается применить к нему насилие. На великом зимнем *празднике* в Упсале, где присутствовал король, он внезапно выступил из толпы народа и сказал громким голосом, так что все могли его слышать: "Король Олаф посылает меня сюда, чтобы предложить королю Швеции мир и границу, которая с древних времен была между Норвегией и Швецией".

[A] *Лага-мадр* не юрист в современном понимании, а скорее разновидность судьи. Эта должность имела в Швеции несколько иное значение, чем то, которое она приобрела в Норвегии, когда была введена там королем Сверре.

Когда Швед Олаф услышал имя короля Олафа, он сначала предположил, что говоривший имеет в виду себя; но когда он начал видеть связь, он встал и в сильном гневе крикнул, чтобы говоривший замолчал, поскольку подобные речи недопустимы. Затем Бьерн сел; но тут же встал ярл Рагнвальд и сказал, что его народ сильно пострадал от прекращения торговых сношений с Норвегией и все они придерживаются мнения, что король должен принять предложение Олафа Большого и, в качестве гарантии мира, выдать за него замуж свою дочь Ингегерд. Король, услышав это, гневно заявил, что и слышать не желает о мире; он назвал графа предателем, заслуживающим изгнания из страны, и отругал его за то, что он женился на женщине, которая сочувствовала врагам короля. В надежде, что теперь дело будет закрыто, он вернулся на свое место. Затем поднялся представитель закона Торгни. Он был очень высокого роста, седовласый и широкогрудый, а его борода водопадом ниспадала до пояса. В тот момент, когда он поднялся на ноги, люди ринулись вперед с большим шумом и бряцанием оружия. "Короли Швеции сейчас совсем не такие, - начал Тороньи, - какими они были в прежние времена. Торгни, мой дед, помнил Эрика Эймундссона и рассказывал о нем, что, когда тот был в свои лучшие годы, он каждое лето отправлялся на войну в разные страны и покорил Финляндию, карелию, Эстонию, Курляндию и многие другие восточные земли. Люди еще могут видеть земляные работы и другие великие предприятия, за которые он брался; и все же он был не слишком горд, чтобы слушать людей, которым было что сказать ему. Торгни, мой отец, долгое время служил у короля Бьерна и знал его манеру поведения. Во времена Бьерна королевство было очень могущественным и не понесло никаких потерь; с ним было очень легко ладить своим друзьям. Я сам помню короля Эрика Победоносного, и я был с ним во многих войнах. Он увеличил владения шведов и храбро защищал их. Он тоже принимал от нас добрые советы. Но этот король, который у нас сейчас есть, не позволит никому говорить с ним, если только он не будет говорить то, что ему нравится. На этом он настаивает изо всех сил; но он терпит потерю провинций из-за недостатка живости и предприимчивости. Он хочет завоевать королевство Норвегия — чего до сих пор не желал ни один шведский король, — и это вызывает у многих беспокойство. Теперь мы, крестьяне, желаем, чтобы ты, король Олаф, заключил мир с Олавом Большим, королем Норвегии, и выдал за него замуж свою дочь Ингегерд. * * * Если ты не согласишься на это, тогда мы нападём на тебя и убьём, и больше не потерпим от тебя нарушения мира и закона. Так поступали наши предки в незапамятные времена. Они сбросили пятерых королей в болото во время *твари*, потому что они были слишком раздуты гордыней — точно так же, как и ты. Скажи нам сейчас, в этот час, какое из этих условий ты выберешь".

Крестьяне громким бряцанием оружия выразили свое одобрение этому чувству; и король, охваченный благоговейным страхом, встал и сказал, что он уступит и позволит крестьянам поступать по-своему в этом вопросе. Таким образом, условия мира были приняты, и было назначено время свадьбы. Бьерн и его люди вернулись в Норвегию и получили ценные подарки от короля Олафа за успешное выполнение трудной миссии. Однако, к несчастью, шведский король, как только опасность была устранена, начал пересматривать свое обещание; и ему, без сомнения, доставило удовлетворение известие о затруднительном положении своего врага, когда, напрасно подождав свою невесту на границе, он вернулся в Сарпсборг (1018). Ему и в голову не приходило, что его собственные подданные, потребовавшие прекращения военных действий, могут возмутиться его недостойной выходкой; и он был одновременно удивлен и встревожен, когда вспыхнуло восстание, которое едва не стоило ему короны. Ему снова пришлось пойти на уступки, пообещать

заклучить мир с королем Норвегии и принять своего двенадцатилетнего сына Анунда Якоба в качестве соправителя. Король Норвегии Олаф тем временем вопреки воле ее отца женился на Аастрид, младшей сестре Ингегерд. По Конгельскому миру (1019), где два короля наконец встретились, этот брак был признан королем Швеции, и были установлены дружественные отношения. Провинция Емтеланд осталась во владении норвежского короля Олафа.

Это первый случай, когда Норвегия, как единое королевство, ведет переговоры с иностранной державой. Короли Швеции и Дании, заявлявшие о своем происхождении от Рагнара Лодброка и через него от богов, до сих пор никогда не признавали потомков Гарольда Прекрасноволосого правителями объединенного королевства и равными себе по достоинству. Норвегия была для них просто совокупностью небольших, разрозненных общин, которые, однажды объединившись, поспешили снова распасться на части и в разное время признавали верховенство королей Швеции и Дании. Поэтому нежелание шведского короля выдавать свою дочь замуж за Олафа Гарольдссона вполне понятно.

Олаф Гарольдссон, несомненно, был первым королем со времен Гарольда Светловолосого, у которого было сколько-нибудь четкое представление о национальном единстве. Возможно, эта мысль присутствовала в голове Олафа Трюгвессона, но он умер слишком рано, чтобы воплотить ее в жизнь. Олаф Харольдссон, с другой стороны, намеренно взялся за дело, чтобы объединить всю Норвегию под крестом Христовым. С 300 вооруженными людьми он путешествовал от удела к уделу и сурово наказывал тех, кто тайно или открыто приносил жертвы старым богам или предавался каким-либо языческим обрядам. Некоторые были объявлены вне закона, а их имущество конфисковано, другие были искалечены, а некоторые повешены или обезглавлены. Беглецы распространили слух о жестокости короля, и тревога и негодование наполнили умы всех, кто еще был предан вере Аса. Пять королей графств Опландии, все из которых присягнули Олафу, организовали заговор под руководством короля Ререка с целью его убийства. Но Кетиль Теленок из Рингнеса пронюхал об их намерениях и поспешил с вестью к Олаву, который ночью переправился через озеро Мьесен, застал заговорщиков врасплох и взял их в плен. Ререк был ослеплен, Гудреду, королю Хаделанда и Рамарике, отрезали язык, и остальные были наказаны с такой же суровостью. Смерть Сигурда Сирского (1018) вызвала Олафа в Рингерики, где он провел несколько дней, улаживая дела своей овдовевшей матери. У Аасты было трое сыновей от Сигурда Сирского — Гутторм, Хальфдан и Гарольд. Их она привела в зал, чтобы познакомить со сводным братом, королем. Рассказывают, что Олаф поставил Гутторма и Хальфдана к себе на колени и состроил им такое свирепое лицо, что они испугались и убежали. Затем он взял младшего мальчика, Гарольда, и уставился на него с тем же суровым выражением лица. Мальчик, вместо того чтобы убежать, сделал такое же суровое лицо, как у короля, и уставился на него в ответ. Олаф, чтобы испытать его еще больше, дернул его за волосы; но Гарольд, ничуть не смутившись, в ответ дернул короля за бороду. На следующий день Олаф и Ааста стояли и смотрели, как играют мальчики. Гутторм и Хафдан построили амбары и конюшни, а также сделали фигурки, изображающие коров и овец; в то время как Гарольд собрал на пруду целую флотилию щепок и стружек и с удовольствием наблюдал, как их уносит ветер. Король спросил его, что они должны были символизировать.

"Военные корабли", - ответил мальчик.

- Не удивлюсь, родич, - сказал Олаф, - если когда-нибудь ты будешь командовать военными кораблями.

Теперь вызвали Гутторма и спросили, чего он желает больше всего.

"Земля", - ответил он.

"Сколько?" - спросил король.

"Я бы хотел, - сказал мальчик, - каждое лето сеять столько, чтобы покрыть мыс, который там вдаётся в воду".

Мыс включал в себя десять крупных ферм.

- Там могло бы вырасти много зерна, - заметил король.

Хальфдан заявил, что больше всего на свете ему хотелось бы иметь коров, и их было бы так много, чтобы в водопое они покрывали берега мыса Гутторма.

- Но чего же ты хочешь, Гарольд? - спросил Олаф, поворачиваясь к младшему мальчику.

"Мужчины", [A] ответил Гарольд.

[A] Используемое слово - *hus-karler*, то есть домашние, слуги. Мальчик хотел сказать, что хотел бы иметь под своим командованием людей.

- Сколько? - спросил я.

- Так много, что они за один прием съели бы весь скот моего брата Хафдана.

- Ну вот, мама, - смеясь, сказал Олаф, поворачиваясь к Аасте, - ты воспитываешь короля.

Это пророчество подтвердилось, ибо Гарольд Сигурдссон стал королем Норвегии.

Из Рингерики Олаф направился на юг, в Тунсберг, где намеревался отпраздновать Пасху. Он взял с собой слепого короля Ререка и, казалось, был склонен по доброте душевной заставить его забыть о своей тяжелой участи. Он дал ему слуг, деньги и место за столом рядом со своим собственным. Но Ререк не мог забыть, что он из рода Гарольда Прекрасноволосого и что когда-то он был королем. Долгое время он скрывал свои чувства, притворяясь беспечным и веселым, в то время как в глубине души вынашивал планы мести. Сначала он убедил своего слугу Свейна покуситься на жизнь короля. Но когда в критический момент король пристально посмотрел на него, Свейн побледнел, упал к ногам Олафа и стал умолять о прощении. С того времени Ререку больше не разрешалось сидеть за королевским столом; но с ним по-прежнему хорошо обращались, хотя ему приходилось подчиняться компании двух хранителей, которые были возложены на него ответственность за его действия. Он убил их с помощью своих друзей и предпринял тщетную попытку вернуть себе свободу. Но даже после того, как он был возвращен, король не отомстил ему. В День Вознесения 1018 года Олаф присутствовал на мессе, и Ререк сопровождал его. Когда Олаф опустился на колени, слепой положил руки ему на плечи и сказал: "Сегодня на тебе горностаи, родственник". "Да, - сказал король, - ибо сегодня мы отмечаем великий праздник в память о вознесении Христа с земли на небеса".

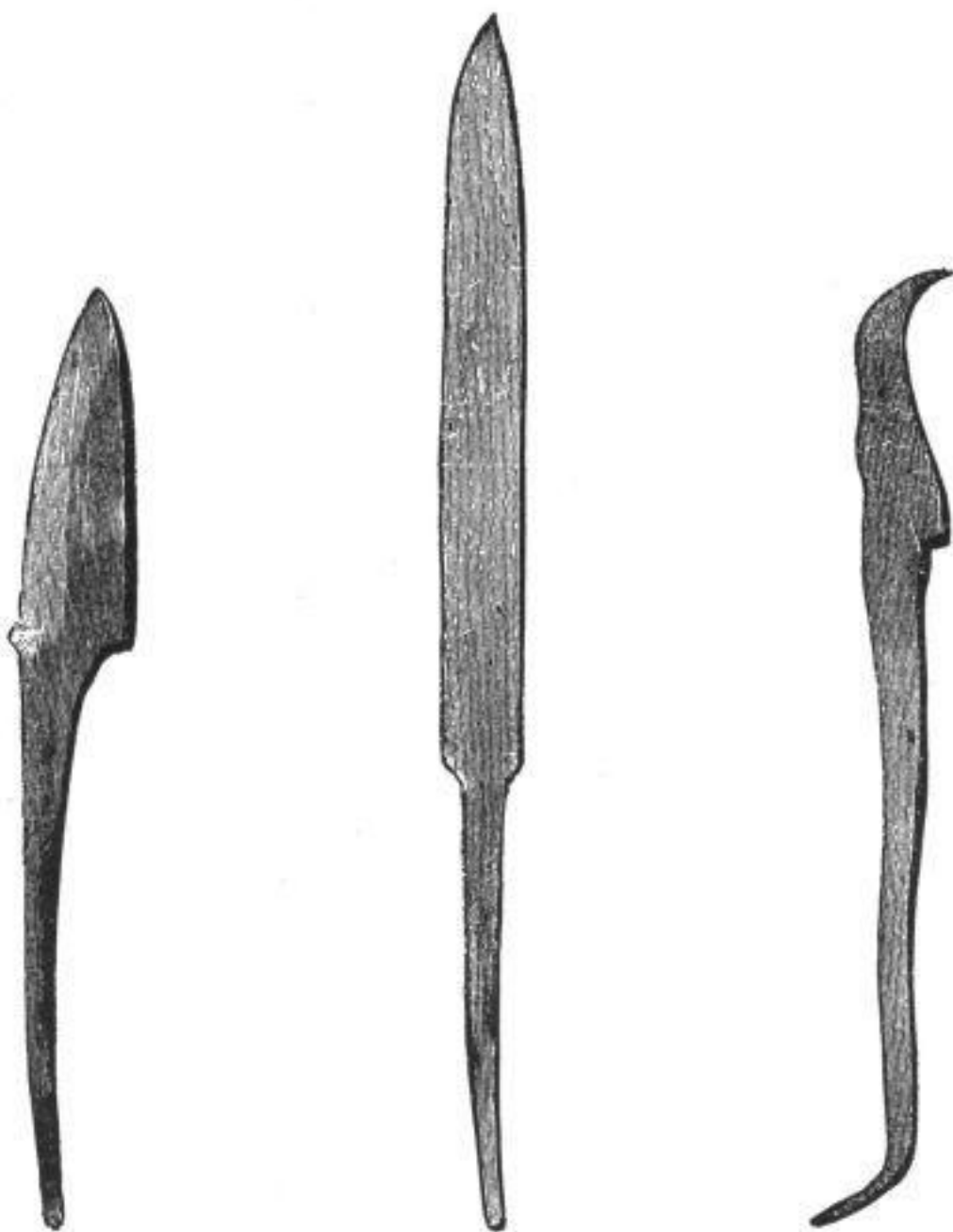
"Вы так много рассказываете мне о Христе, - сказал Ререк, - чего я не понимаю и поэтому не могу вспомнить; хотя, конечно, в древние времена могло происходить много невероятных вещей".

Когда началась месса, Олаф встал, поднял руки над головой и поклонился алтарю так, что его плащ упал с плеч. Стремительный, как молния, Ререк прыгнул вперед и сделал выпад

кинжалом в то место, где только что стоял король. Плащ был разорван надвое, но наклон тела короля вперед спас его. Ререк сделал второй выпад, но Олаф к этому времени бросился на пол и был вне его досягаемости.

- Бежишь ли ты теперь, Олаф Большой, - крикнул Ререк, - от меня, слепого?

Он положил руку на плечо короля просто для того, чтобы почувствовать, одет ли тот в доспехи. Теперь потенциальный убийца был схвачен, но, хотя многие уговаривали его, Олаф отказался предать его смерти. Будучи, однако, вынужден защищаться от его махинаций, он отправил Ререка в Исландию, где несколько лет спустя тот умер. Все короли уделов теперь утратили свою власть, и впервые в истории Норвегии никто не имел королевского титула во всей стране, кроме короля. Именно как представители узкого местного патриотизма, который разделяло большое количество людей, эти люди были грозны, и объединить все разрозненные племена в одну нацию было бы невозможно, не сломив сначала их могущество. Но, как уже отмечалось, о том, чтобы сломить их власть, пока вера аса была национальной религией, не могло быть и речи; потому что старые племенные вожди включали в себя также жрецов, и наследственное достоинство местных царей-жрецов таким образом, было освящено всеми религиозными, а также политическими традициями племени. Таким образом, рвение короля Олафа к христианизации страны имело как политический, так и религиозный аспект; и не было простым совпадением, что он направил свою энергию одновременно против старых богов и людей, которые извлекали главную выгоду из их поклонения. В течение мирных лет с 1020 по 1026 год он с неослабевающим рвением посвятил себя этой задаче искоренения всех остатков язычества и приведения законов и институтов страны в соответствие с религией Христа. Это была благородная задача, и, если не принимать во внимание определенную склонность к насилию, которая была в духе эпохи, она была выполнена благородно. Выполнить ее полностью было бы сверхчеловеческим трудом. Идеалы и чувства людей, выражением которых являются их институты, радикально не меняются в течение одного или двух поколений. Есть следы постепенной смены настроений, еще до правления Олафа Харольдссона, в пользу более мягких и миролюбивых идеалов. Честь приобреталась не только кровавыми деяниями, но и человек мог справедливым и благородным поведением, и особенно знанием закона, добиться для себя уважаемого положения, даже если ему не хотелось обнажать меч. Случаи такого рода, однако, редки, и делать из них общие выводы было бы рискованно. Война была занятием скандинавов, и их богами были боги войны. Жизнь, полная военных подвигов, а после смерти почетная слава - все это его научили считать самыми достойными объектами устремлений. На аскетизм и смирение он смотрел с жалостливым презрением, а величие самоотверженного страдания, явленного во Христе, едва ли могло понравиться ему. Бог, согласившийся быть убитым своими врагами, должно быть, казался ему совершенно непостижимым существом, чья слабость разительно контрастировала с величием громоподобного Тора. Радости Валгаллы, *валькирии* с рожками медовухи, ежедневный рацион из свинины, бодрящий шум нескончаемых сражений и славное общение с ушедшими героями соответствовали представлениям о счастье, которые воспитывали в нем жизнь и тренировки; в то время как христианские небеса с их перспективой бесконечной хвалы в обществе святых, у которых не было вкуса к битвам или жажды почестей, по сравнению с ними должны были казаться невыразимо унылыми. Рассказывают об одном фризском вожде, который собирался креститься, что он внезапно повернулся к священнику и спросил его, где были его храбрые предки, умершие некрещеными.

ЖЕЛЕЗНЫЕ НОЖИ, НАЙДЕННЫЕ В ХЕДЕМАРКЕНЕ И ХАДЕЛАНДЕ.

"Они в аду", - ответил священник.

"Тогда, - сказал вождь, сбрасывая с себя крестильную рясу и выходя из воды, - я предпочту оказаться в аду с Одином и моими предками, которые были храбрыми и благородными людьми, чем на небесах с трусливыми христианами и лысоголовыми монахами".

Таким образом, будет видно, что возврат к язычеству, последовавший за смертью Олафа Трюггвессона, был тем, чего можно было ожидать; и общая реакция против новой веры, установившаяся во время правления графов, также была вполне естественной. Таким образом, Олафу Гарольдссону пришлось в значительной степени заново выполнять работу своего родственника, и он делал это с такой энергией, что, в конце концов, принудил умирающую веру Аса и племенных магнатов, основавших на ней свою власть, вступить в смертельную схватку, в которой он сам пал, в то время как религия Христа восстала из его могилы победителем.

Король Олаф от природы был хорошо подготовлен для своей миссии. У него было крепкое телосложение, негибкая воля и огромная выносливость. В самом его телосложении и облике было что-то такое, что указывало на то, что с ним шутки плохи. Не юношеский энтузиазм Олафа Трюггвессона вдохновлял его на меры по распространению веры; скорее, твердая, упрямая решимость выполнить задачу, моральная и политическая важность которой произвела на него сильное впечатление. Нам не нужно подвергать сомнению его искренность, потому что, служа Богу, он также служил самому себе. Все его привычки и поступки, кажется, показывают, что по убеждениям и темпераменту он был религиозным человеком. Но фанатиком он не был; и легенды, которые в более поздние времена сложились вокруг его имени, приписывая ему чрезмерное рвение, исказили его образ. Он был, несмотря на свою более позднюю святость, волевым, амбициозным и житейски мудрым человеком; дальновидным в своих планах, деловым в своих методах, неумолимым в своей ненависти, безжалостным в своих наказаниях. И все же, как мы видели по его обращению с Ререком, он ни в коем случае не был лишен жалости и мог, когда требовал случай, проявить великодушие.

Его суровость, о которой говорится в сагах, никогда не была беспричинной, но была пропорциональна тяжести проступка. Разбойников, воры и викинги, которые грабили в пределах страны, он наказывал смертью, независимо от того, были ли они высокого или низкого происхождения; потому что искоренение старого хищнического духа с его междоусобицами было первым условием создания единой нации.

На вид король Олаф был среднего роста, широкоплеч, с широкой шеей, румяным лицом и склонностью к полноте. Он носил густую рыжую бороду, а его глаза были пронзительными и очень блестящими. Несмотря на свою дородность, он был быстр в движениях и отличался активными привычками. Он хорошо разбирался в людях и был непоколебим в своей дружбе с теми, кто верно служил ему. Он избрал епископа Гримкеля, англичанина, хотя, вероятно, и норвежской крови, для разработки христианского закона и пересмотра предыдущего законодательства таким образом, чтобы привести его в соответствие с учением Христа. Хотя сам он не был ученым, он ценил богословские познания и проявлял большую благосклонность к священникам, которых привез из Англии для наставления народа. Такое наставление действительно было необходимо, ибо во время путешествий, которые король предпринимал вдоль и поперек страны с целью "выяснить состояние христианства", он сделал самые обескураживающие открытия. Во время своего пребывания в Нидаросе он убедился, что трандерцы, несмотря на их утверждения об обратном, имели обыкновение отмечать старые языческие праздники и приносить жертвы Одину и Фрею ради хорошего урожая. Вождь Эльве из Эгге, который дважды обманул короля относительно обычаев крестьян и сам участвовал в них, был убит, а множество других, виновных в том же, были убиты, искалечены или объявлены вне закона, а их поместья конфискованы. В Гулдбрандсдейле крестьянам хватило смелости послать против короля восемьсот вооруженных людей под предводительством Альфа, сына Дейла-Гулдбранда, первого вождя в долине. Однако едва началась битва, как крестьяне обратились в бегство, и Дейл-Гулдбранд пригласил Олафа обсудить с ними *дело* о смене веры. На просьбу короля, чтобы жители Гулдбрандсдейла уверовали в единого Бога и приняли крещение, Дейл-Гулдбранд ответил:

"Мы не знаем, о ком ты говоришь; ибо ты называешь его богом, которого не можешь видеть ни ты, ни кто-либо другой. Я не могу просить помощи у того, кого не вижу или не знаю. Тогда у нас есть совсем другой бог, на которого мы можем смотреть каждый день. Причина, по которой он сегодня не выходит на улицу, заключается в том, что идет такой сильный дождь."

Но я осмелюсь сказать, что когда вы увидите его, вы будете напуганы, нет, просто в ужасе от его мощи. Но если есть хоть капля правды в том, что ты говоришь, что твой Бог так могуществен, то пусть он устроит так, чтобы завтра у нас была облачная погода, но без дождя".

На следующее утро все повторилось, и небо было затянуто тучами, но ни капли дождя не упало. Король приказал, чтобы мессу отслужил епископ Сигурд, который проповедовал крестьянам о чудесах, сотворенных Христом, когда он был на земле. На третий день люди снова пришли к *вещи*, на этот раз неся огромное изображение бога Тора, которое они поместили на лужайке. Погода по-прежнему была пасмурной, но без дождя. Из толпы крестьян поднялся Дейл-Гульдбранд и сказал:

"Где теперь твой бог, царь? Теперь он носит довольно низкую бородку на подбородке, и мне кажется, что ты уже не такой смелый, каким был вчера, как и рогатый человек рядом с тобой, которого называют епископом. Ибо теперь пришел наш бог, который правит всем сущим, и он смотрит на вас своими свирепыми глазами. Теперь я вижу, что вы полны страха и едва осмеливаетесь взглянуть ему в глаза. Поэтому откажись от своего безумия и верь в нашего бога, который держит твою судьбу в своих руках".

На это король ответил:

"О многом ты говорил нам сегодня и удивляешься, что не можешь увидеть нашего Бога. Но я думаю, что он скоро придет к нам. Ты хочешь напугать нас своим богом, который глух и слеп и не может спасти ни себя, ни других; который не может сдвинуться с места, пока его не понесут. Теперь у меня есть предчувствие, что его скоро постигнет горе. Ибо, смотри! Посмотри на восток! Туда идет наш Бог с большим светом"

Как раз в этот момент солнце пробилось сквозь тучи, и все крестьяне повернулись к востоку. Но тотчас же Кольбьерн Сильный по знаку короля ударил идола своей дубиной, так что он разлетелся на множество кусков. Оттуда выпрыгивали крысы размером с кошку, змеи и ящерицы, разжиревшие на деликатесах, которыми ежедневно кормили бога. Ужасный ужас охватил крестьян, когда они увидели, что содержал в себе их бог. Они бежали к реке; но Олаф, который предвидел это, просверлил дыры в их лодках, так что они не могли плавать на них. Совершенно подавленные духом, они были вынуждены вернуться на *вещь*-луг, где король обратился к ним со следующими словами: * * * "Теперь вы видите, какая сила была в вашем боге, которому вы приносили серебро и золото, хлеб и мясо, и который наслаждался всем этим. Это были мыши и змеи, гадюки и жабы. * * * Возьмите теперь ваше золото и украшения, которые разбросаны по земле, и отнесите их домой своим женам, но не вешайте их больше на бревна и камни. Теперь я дам вам на выбор две вещи. Либо ты примешь христианскую веру, либо будешь сражаться со мной сегодня. Победит тот, кому бог, в которого мы верим, даст победу".

Крестьяне были не в настроении сражаться, и поэтому, потерпев поражение от своего бога, заявили о своей вере во Христа и были крещены королевским епископом. Священники остались обучать их, и Дейл-Гулдбранд построил первую церковь в Гулдбрандсдейле.

После того, как той же твердой рукой было покончено с язычеством в Хедемаркене и Раумарике, Олаф устроил великое дело в Эйдсволде, где был провозглашен и принят закон Эйдсивии для всех Опландов. В его намерения входило пересмотреть законы всех судебных округов в том же духе, и он, естественно, обратил свое внимание на графства западного побережья, которые находились под юрисдикцией закона Гула-тинга. Но эти графства были частью феода Эрлинга Скьяльгссона, который простирался от Линдеснесса до Согне-

фьорда. Мало веря в дружбу Эрлинга, в которой он ранее был ему уверен, Олаф приготовился отправиться с большим войском через свои графства; и поскольку в северных графствах частично погиб урожай, он запретил любой вывоз зерна из районов, которые намеревался пересечь. Это была всего лишь мера самозащиты, и, хотя ее действие было угнетающим, она не была вызвана никакими недружественными мотивами. Племянник Эрлинга, молодой вождь Асбьерн Сигурдссон из Хаалогаланда, несмотря на запрет, при попустительстве своего дяди, купил солод и зерно у рабов последнего, и в результате королевский управляющий Торе Сель отобрал у него груз в Агвальдснесе. В обмен на это он убил управляющего в присутствии короля, был схвачен и приговорен к смертной казни, но насильно освобожден своим дядей. Разгневанный такой беспримерной дерзостью, король был близок к тому, чтобы немедленно отомстить Эрлингу, но позволил епископу Сигурду убедить себя заключить мир при условии, что Асбьерн сдастся на его милость. Однако второй приговор был, по понятиям тех дней, более суровым, чем первый. Олаф потребовал от молодого вождя, чтобы тот оказал услугу человеку, которого он убил. Любая личная служба, даже при короле, считалась унижительной и недостойной свободного человека. Королевскими управляющими обычно были люди низкого происхождения; иногда даже рабы или сыновья раб. Для человека знатного происхождения занять место такого фаворита было бы равносильно принятию знака рабства. Поэтому Асбьерн нарушил свое обещание, полагаясь на Эрлинга Скьяльгссона и брата своего отца, могущественного Торе Хунда из Бьярко, которые защитят его от мести короля. В этом, однако, он допустил просчет. Однажды, когда он плыл на своем прекрасном корабле вдоль побережья, мимо него прошел другой корабль, с которого было брошено копье, пронзившее его насквозь. Это копье было брошено другом короля. Мать Асбьерна, Сигрид, устроила пышную поминальную трапезу по своему сыну и преподнесла каждому из гостей подарки в память о нем. Только Тор Хунд из Бьярко не получил подарка. Но когда пришло время отправляться, Сигрид проводила его до корабля и дала ему копье, исписанное странными рунами.

- Это было копье, - сказала она, - которым пронзили моего сына Асбьерна. Оно все еще липкое от его крови. * * * Это был бы храбрый поступок, если бы ты расстался с этим копьем так мудро, что оно вонзилось в сердце Олафа Большого, и я объявляю тебя ничтожеством перед всеми людьми, если ты не отомстишь за Асбьерна.

Тор Ханд вспомнил об этом предписании шесть лет спустя, в битве при Стиклестаде.

Теперь уже не могло быть и речи о мире между Олафом и расой Эрлинга Скьяльгссона. Решающий конфликт был неизбежен, и каждая сторона начала готовиться к полному разгрому другой. Король Англии и Дании Кнут Могущественный воспользовался таким положением вещей и подкупам и обещаниями побудил недовольных вождей по всей стране объединиться в восстании против короля-тирана. Тайные гонцы от Кнута были отправлены с подарками почти ко всем главам племенной аристократии, и тех из них, кто отправлялся в Англию, ожидал самый дружелюбный прием. Двое сыновей Эрлинга Скьяльгссона, навестившие Кнута в Лондоне, были совершенно ослеплены великолепием и дружелюбием английского короля. Таким образом, зрело восстание, первой целью Кнута было наказать Олафа за его дерзость, отказавшуюся рассмотреть его притязания на Норвегию, которые в посольстве (1024 г.) он угрожал привести в исполнение. Во-вторых, это хорошо соответствовало его амбициозной мечте объединить Англию и три скандинавские страны в одну великую монархию, которая на севере могла бы уравновесить немецкую и французскую мощь на юге.

Олаф недолго оставался в неведении о махинациях короля Кнута и немедленно принял меры, чтобы защитить себя. Зимой (1025-1026) он провел в Сарпсборге, а не, как обычно, в

Нидаросе, поскольку узнал, что Кнут находится в Дании и намеревается вторгнуться в Норвегию. Викин, будучи ближайшей к Дании провинцией и ранее принадлежавшей датским королям, естественно, подвергся бы первому нападению. Чтобы еще больше укрепиться, он заключил союз со своим шурином, шведским королем Анундом Якобом, убедив его в вероятности того, что следующим придет его черед, в случае если Кнут завладеет Норвегией. Когда Кнут услышал об этом, он тоже отправил посольство к Анунду Якобу, чтобы завоевать его дружбу или, по крайней мере, обеспечить его нейтралитет. Послы подкрепили свои доводы великолепными подарками, и король Анунд, без сомнения, испытывал сильное искушение выслушать их. Сначала они поставили на стол два золотых подсвечника.

"Это очень красивая игрушка, - сказал Анунд, - но я не стану ради нее порывать с Олафом".

Перед ним поставили золотое блюдо редкой работы, усыпанное драгоценными камнями. Он с тоской смотрел на него, но в конце концов воскликнул: "Это великолепное сокровище, но я не продам короля Олафа ни за какое блюдо".

Представитель посольства, горячо защищавший своего хозяина, наконец вытащил два великолепных кольца.

- Король Кнут очень проницателен, - воскликнул Анунд, - ибо он знает, что я хотел бы заполучить сокровища и что я мало знаком с придворными обычаями. Но короля Олафа я знаю с детства и научился любить его так сильно, что теперь не могу его бросить.

Возможно, именно эта непоколебимая позиция Анунда Якоба отбила у Кнута охоту вести открытую войну против Олафа. Во всяком случае, он отправился (1026) в Рим как паломник, а не как завоеватель Норвегии. Тем временем его шурином, граф Ульф, [\[A\]](#) возглавил восстание против него в Дании и вступил в союз с Олафом Харольдссоном и Анундом Якобом. Оба сочли это удобной возможностью нанести удар по угрожающей мощи Кнута и собрали флот, с помощью которого разорили побережья Халланда и Скаане. Они даже в некоторых местах созывали людей на *мероприятие* и принимали их почтение. Эти вести достигли Кнута, который быстро вернулся из своего паломничества и был на волосок от того, чтобы захватить в плен двух королей, которые не подозревали, что он был рядом. Корабли Кнута настолько превосходили их как по размеру, количеству, так и по оснащению, что было бы безумием оставаться и ждать сражения. Поэтому Олаф и Анунд поспешили вдоль побережья Скаане к шведской территории, преследуемые Кнутом по горячим следам. Они остановились в Хельге-аа, короткой реке, соединяющей ряд озер, недалеко от того места, где тогда проходила граница между Швецией и Данией. Олаф поспешил запрудить реку там, где она вытекала из озера, и наполнил русло массой деревьев и других препятствий. Ближе к вечеру Кнут приплыл в гавань и обнаружил, что она пуста. Союзники расположились со своим флотом за пределами гавани, очевидно, готовые к битве. Однако было уже слишком поздно начинать бой, и Кнут оставил часть своего флота снаружи наблюдать за ними. Ночью была отдана команда прорвать дамбу, и огромный поток воды хлынул на датский и английский флоты, которые сорвались со своих якорных стоянок и в беспорядке поплыли в море. Утонуло значительное количество людей, но корабли, хотя и были сильно повреждены, не потерпели крушения. Замешательство оказалось, в целом, меньшим, чем ожидалось, и ярл Ульф, увидев, что есть шанс на спасение Кнута, снова стал предателем и отправился ему на выручку. Шведы и скандинавы, поняв, что датский король с таким приростом сил стал слишком грозным, отплыли, не предпринимая нападения (1027). Кнут, вместо того чтобы преследовать их дальше, отплыл обратно в Англию, но в следующем году вернулся со значительно увеличенными силами. С помощью своей обширной системы взяток он

успешно заручился дружбой недовольных норвежских вождей и поэтому без колебаний направился в Нидарос, где был провозглашен королем Норвегии. Он назначил своего племянника графа Хокон, сына графа Эрика, регентом в его отсутствие.

[A] Ульф Ярл, предок длинной линии датских королей, был внуком Тиры, сестры Свейна Раздвоенной Бороды, от ее первого мужа, шведского принца Стирбьерна. Соответственно, через свою бабушку он был потомком Горма Старого и Рагнара Лодброка.

Теперь Олафу действительно ничего не оставалось, как покинуть страну. Однако он решил предпринять последнее усилие, чтобы выжить, и поплыл с несколькими кораблями и таким количеством людей, которые остались ему верны, вдоль побережья, надеясь, что ему все же удастся собрать достаточные силы, чтобы изгнать ярла Хокон. Когда Эрлинг Скъяльгссон услышал о его приближении, он созвал свои домашние войска и укомплектовал свой флот. Однако король, у которого не было никакого желания сражаться с Эрлингом, уже проскользнул мимо, но продвинулся не дальше, чем на то расстояние, на которое его можно было легко догнать. Эрлинг, соответственно, пустился в погоню, но позволил себе хитростью отделиться от своих основных сил и после героической битвы потерял всех своих людей и был взят в плен Олафом. Когда он стоял один среди груды убитых, его седые локоны рассыпались по плечам, король позвал его:

- Сегодня ты обращаешь свое лицо прямо против нас, Эрлинг. - Орлы сражаются лицом к лицу, - ответил Эрлинг. - Ты дашь мне мир?

Олаф, после некоторого раздумья, заявил, что так и сделает; но, поразмыслив, наполовину раскаялся в своей великодушии. Он взял свой топор и нежно почесал старику щеку, сказав: "Нужно что-то сделать, чтобы отметить предателя своего короля".

Один из людей короля, стоявший рядом, внезапно поднял свой топор и размозжил череп Эрлингу, сказав:

- Так отмечают изменника своему королю.

Так умер самый могущественный вождь во всей Норвегии. Ни один представитель племенной аристократии, ни до, ни после, никогда не обладал такой властью, как Эрлинг Скъяльгссон.

Олаф продолжил свое путешествие на север, в Сендмере, где его покинуло большое количество его последователей, в то время как при известии о смерти Эрлинга враги преграждали ему путь, куда бы он ни повернул. Он увидел, что его последняя надежда исчезла, и с несколькими друзьями бежал через Вальдален, через горы, в Швецию, где оставил жену и дочь. Оттуда он отправился в Россию (1029), где был тепло встречен своим шурином, королем Ярославом, который женился на Ингегерд, сестре Анунда Якоба.

Норвегия теперь была провинцией иностранной державы. Сепаратистские тенденции старых племенных магнатов восторжествовали над национальной идеей, представленной королем Олавом. Именно они, а не король Кнут, чтобы удовлетворить свою собственную жажду власти, разрушили национальное единство. Чтобы обеспечить свою независимость, каждый в своем уделе, они пожертвовали национальной независимостью. Было естественно, что Кнут, который основывал свое господство на их поддержке, пошел им на большие уступки. Он польстил Эйнару Тамбарскелверу, намекнув, что, если бы граф Хаакон не был его племянником, он сделал бы Эйнара регентом Норвегии. Калфа Арнессона, самого могущественного вождя среди местных жителей, он вызвал в Англию и заверил его, что тот также подходит на место графа. Ибо граф Хокон, по его словам, был слишком добросовестен,

чтобы нарушить свою клятву Олафу Гарольдссону, на случай, если последний вернется и попытается вернуть свое королевство. Возможно, он и вправду испытывал смутное недоверие к графу, поскольку под незначительным предлогом вызвал его в Англию и отправил в экспедицию, характер которой не совсем ясен. Однако из этой экспедиции граф Хокон так и не вернулся, и сообщалось, что он утонул в море вместе со всеми своими людьми. Бьерн Сталларе, друг Олафа, поспешил в Россию с этим известием и нашел своего старого хозяина при дворе короля Ярослава. Олаф спросил его о новостях из дома и о том, как его друзья сдержали свою клятву верности.

"Что-то хорошо, а что-то плохо", - ответил Бьерн и бросился к ногам короля, обнимая его колени. - "Все во власти Бога и в твоей власти, король. Я получил деньги от людей Кнута и присягнул ему на верность; но теперь я последую за тобой и не покину тебя, пока мы оба живы".

"Мало кто остался верен мне в Норвегии, - печально сказал король, - когда такие люди, как ты, были сбиты с пути истинного. * * *"

Поначалу он не был готов принять приглашение Бьерна вернуться в свое королевство. За время вынужденного бездействия в его голове наполовину созрело решение стать монахом и отправиться в паломничество в Святую Землю. Предложение Ярослава принять российскую провинцию в качестве феода он отклонил. Религиозные размышления занимали у него много времени, и он приобрел репутацию святого человека. В таком настроении у него было видение, в котором он увидел Олафа Трюгвессона, который приказал ему вернуться в Норвегию и завоевать ее или умереть. Теперь он больше не мог колебаться. Во многом вопреки советам Ярослава и Ингегерд, он отправился в Норвегию, оставив своего маленького сына Магнуса при русском дворе. В Швеции он получил разрешение от короля Анунда набрать всех рекрутов, каких только мог; но в то время как он принимал разбойников и изгоев, если они только хотели креститься, у него хватало мужества отвергать большие группы храбрецов, которые отказывались отречься от язычества.

СВЯТОЙ ОЛАФ, ИЗ АНТЕПЕНДИУМА АЛТАРЯ В СОБОРЕ ДРОНТХАЙМ. ПЕРЕВЕЗЕН В КОПЕНГАГЕН В 1691 ГОДУ.

Традиция с мельчайшей точностью сохранила ряд эпизодов продвижения короля Олафа через Швецию к роковому полю Вердален. Его фигура излучает меланхолическое сияние, подобное заходящему солнцу, когда он возвращается с евангелием Христа к своему народу, который отверг его. Сначала епископ Сигурд вышел ему навстречу и решительно отговорил его от въезда в его королевство. Но он не слушал никаких возражений. Он прокладывал свой путь через леса и дикие места; жизнерадостный среди величайших трудностей, ободряющий свой народ и никогда не выказывающий, за исключением единственного случая, дурного предчувствия, которое бросало тень на его душу. Когда он пересек горы между Норвегией и Швецией и впервые увидел землю, на которой родился, с ее реками, горами и солнечными долинами, он натянул поводья своей лошади и сел, погружившись в раздумья, созерцать прекрасное зрелище. Глубокая печаль отразилась на его лице. Наконец епископ вывел его из задумчивости, спросив, о чем он думает.

"Странные вещи, - ответил король, - с некоторых пор проходят мимо меня. Мне казалось, что я смотрю не только на Дронхейм, но и на всю Норвегию; и чем дольше длилось видение, тем шире оно становилось, пока я не обозрел весь мир, как сушу, так и океан. Тогда мне показалось, что я узнал все места, где я когда-либо бывал раньше; так же ясно я видел места, где никогда раньше не был; более того, о некоторых из них я даже никогда не слышал— как обитаемые, так и необитаемые, насколько простирается мир".

Затем рассказывается, что епископ, слезая с лошади и обнимая ногу короля, сказал: "Это святой человек, за которым мы следуем".

Среди немногих знатных норвежцев, присоединившихся к Олаву до того, как он пересек границу, был его сводный брат Гарольд, сын Сигурда Сирского. Ему было всего пятнадцать лет, но он был крупным для своего возраста. Он привел под свои знамена 720 человек. Когда за день до битвы была собрана вся армия короля, выяснилось, что она насчитывает 4100 человек; но 500 из них были отосланы, потому что они были язычниками, и многие из них, без сомнения, присоединились к вражеской армии. Король проснулся рано утром в день битвы, позвал поэта Тормода Кольбруна-Скальда и попросил его спеть для него. Тормод встал и звонким голосом запел древний Бьяркемааль, который разнесся над лесами и полями. Армия проснулась и построилась в боевой порядок на высотах Стиклестад в Вердалене; вдалеке было видно приближающуюся крестьянскую армию численностью в 10 000 человек. С боевым кличем: "Вперед, люди Христа, крестоносцы, люди короля!" Воины Олафа бросились вниз по склонам холмов, и крестьянская армия бросилась им навстречу с криком: "Вперед, вперед, крестьяне!" Бой долгое время был нерешительным, хотя люди короля, благодаря преимуществу своего положения, одержали верх в первой атаке. Крестьяне, однако, сражались с упрямой решимостью, и чем дольше бушевала битва, тем больше становилось их численного превосходства. Ряды Олафа дрогнули и поредели. Затем, с отчаянной храбростью, король вырвался из окружавшей его крепости и, сопровождаемый небольшим отрядом преданных людей, бросился в атаку на переднюю часть крестьянского войска. Один за другим его люди падали вокруг него, и снова и снова погибал его знаменосец. Тяжело раненный, он стоял, прислонившись к валуну, когда Тор Ханд прыгнул вперед и вонзил свое копье ему в живот. В следующее мгновение Калф Арнессон нанес ему удар поперек горла, что стало непосредственной причиной его смерти, хотя копье Тора Ханда уже нанесло ему смертельную рану. Затем, как гласит летопись, солнце стало кроваво-красным, и странный красный отблеск распространился по ландшафту. Тьма опустилась на сражающиеся войска, и солнце почернело. Великий ужас овладел крестьянами, которые увидели в затмении [\[A\]](#) свидетельство гнева Бога Олафа.

[\[A\]](#) Это затмение, продолжающееся с 1 часа 31' дня до 4 часов 58' дня 31 августа 1030 года, определенно устанавливает дату битвы. В Вердалене это было тотально.

Со смертью короля битва фактически завершилась. Поле боя осталось за крестьянами. Раненые воины обеих сторон ползали среди деревьев и камней, и некоторые добрались до хижины, где женщина-хирург промывала и перевязывала их раны. Сюда же пришел Тормод Кольбруна-Скальд, чей левый бок был пронзен стрелой. Он сел на скамейку, и человек из крестьянской армии, стоявший рядом, сказал ему: "Почему ты такой бледный? Ты тяжело ранен?" Он ответил стихами, что получил рану от датского оружия — насмешливый намек на союз крестьян с датским королем. Женщина, не зная, насколько серьезна его травма, попросила его выйти и набрать охапку дров. Когда он вернулся, то был бледен, как привидение. Она попросила показать ему рану и с помощью щипцов попыталась вытащить стрелу, древко которой было отломано. Но ее попытки были тщетны. Тогда скальд снял со

своей руки тяжелое золотое кольцо, которое король подарил ему за его песню, и протянул его ей.

СВЯТОЙ ОЛАФ И ТРОЛЛЬДЫ. С ФРЕСКИ В ЦЕРКВИ ТЕГЕЛЬСМОРА В АПЛЕНДЕ.

- Это от хорошего человека, - сказал он. - Король Олаф подарил мне это сегодня утром.

Взяв щипцы, он зажал ими наконечник стрелы и вытащил его. К зазубринам прилипли кусочки плоти и красно-белые волокна. Он посмотрел на них мгновение и сказал: " Король хорошо накормил нас, потому что я все еще растолстел от сердечных корешков"; затем упал навзничь и умер.

Тело короля было найдено крестьянином по имени Торгильс, который перед битвой пообещал Олаву похоронить его, если он падет. Как сообщает более поздняя традиция, многие чудеса были сотворены кровью короля и простым прикосновением его безжизненной руки. Бесчисленные истории рассказывались о его чудесных способностях как при жизни, так и после смерти, и легенды, приписывающие ему работу Громоподобного Тора, пышно обрамляли его имя. Он убил троллей, которых раздражал звон его церковных колоколов, и обратил их в камень. Святой Олаф с огненно-рыжей бородой стал не только национальным святым, но и национальным героем. Трагические обстоятельства его смерти, равно как и его доблестный труд на благо дела Христова, глубоко запечатали память о нем в сердцах людей.

ГЛАВА XIV.

СВЕЙН АЛЬФИФАССОН (1030-1035).

Король Кнут со своими обширными владениями не мог уделять много времени управлению Норвегией. Поэтому вместо него королем Норвегии был провозглашен его сын Свейн. Матерью Свейна, сопровождавшей его в новое королевство, была Эльгифа, дочь олдермена из Нортгемптона. Скандинавы, однако, называли ее Альфифой, а ее сына Свейном Альфифассоном. Соответственно, именно этого добились вожди своим восстанием — открыто подчиняться любовнице иностранного короля и мальчику, который был и мог быть не чем иным, как орудием в ее руках. Это было унижение, с которым они плохо могли смириться. Если бы Альфифа имела хоть малейшее представление о народе, которым она взялась управлять, она, возможно, на какое-то время удержала бы своего сына на троне; но когда она приступила к переделке скандинавского законодательства в феодальном духе, она нанесла удар по тем самым людям, которые были опорой ее власти. Чего хотели вожди, так это местной независимости — права управлять своими делами при как можно меньшем вмешательстве. Они надеялись получить эту свободу при короле, который был слишком далеко, чтобы беспокоить их. Но теперь пришел Свейн, а с ним несколько датчан, которые стали очень важными персонами, и убедили короля изменить норвежские законы, чтобы привести их в большее соответствие с законами Дании. Затем было постановлено, что никто не должен иметь права покидать страну без разрешения короля и что конфискация имущества должна быть наказанием за нарушение. Убийство человека также должно было караться конфискацией. Точно так же наследство, доставшееся человеку, объявленному вне закона, должно поступать в королевскую казну. Корабли, рыбные промыслы, пастбища, более того, даже камни крестьянского очага были обложены налогами, и была введена система поборов, которая оскорбляла дух свободных людей. Даже рождественские подарки,

которые крестьяне должны были преподносить королю, были установлены законом. Главной целью правительства, по-видимому, был перевод денег из карманов народа в карманы короля. Утверждалось даже, хотя закона на этот счет не существовало, что во время правления Свейна показаний одного датчанина было достаточно, чтобы признать недействительными показания десяти норвежцев.

Центральным принципом этого законодательства была феодальная идея о том, что вся земля принадлежит королю и что владельцы, как его арендаторы, должны платить за узуфрукт. Это было то же самое присвоение королем всех аллодиальных прав, с которым впервые столкнулись во время правления Гарольда Прекрасноволосого.

Альфифа, которую народ считал автором одиозных постановлений, возможно, и принимала в них участие, но гораздо меньшее, чем предполагалось в народе. Без сомнения, это был Кнут, который намеревался сокрушить мятежный и живой дух норвежских вождей, чем он сам воспользовался, а Свейн и Альфифа были всего лишь его агентами.

При таких обстоятельствах было вполне естественно, что вожди начали раскаиваться в своем восстании против короля Олафа. Эйнар Тамбарскелвер, который гордился своим отсутствием в битве при Стиклестаде, был особенно активен в пробуждении сожаления среди трендерцев по поводу его смерти и негодования по поводу правления датчан. Он послал за епископом Гримкелем, который жил в изгнании в Швеции, и согласовал с ним план действий. Епископ послал за крестьянином Торгильсом, который показал место, где он похоронил короля. От короля Свейна было получено разрешение перевезти тело в Нидарос, где оно было помещено в великолепный саркофаг и погребено под алтарем в церкви Святого Климента (август 1031 года). Хотя с момента первого захоронения прошло почти год, утверждалось, что на теле не было никаких следов разложения и что волосы и ногти выросли. Эйнар и епископ, во всяком случае, поощряли подобные сообщения, и их становилось все больше, а мельчайшие убедительные детали становились все мельче. Теперь Гримкель объявил Олафа святым, а Свейн и Альфифа, хотя и выдвигали много возражений, больше не осмеливались заявлять о своей неверии. 29 июля было выделено для празднования его мученической кончины. Впервые в своей истории скандинавы почувствовали себя единой нацией, объединенной в своем негодовании против своих иностранных правителей, а также в своем сожалении и почитании короля-мученика.

Если Свейн и Альфифа знали о чувствах, с которыми к ним относились, они предпочли проигнорировать это. Однако они не были готовы к открытому неповиновению, и события 1033 года, должно быть, застали их врасплох. В тот год молодой человек, называющий себя Трюггвэ и называющий себя сыном Олафа Трюггвессона и его жены Гайды, прибыл из Англии или Ирландии с отрядом воинов и заявил права на норвежский трон в качестве своего наследства. Свейн призвал вождей помочь ему наказать самозванца, но Эйнар Тамбарскелвер, Калф Арнессон и многие другие магнаты отказались последовать за ним. Вместе с теми, кто все еще признавал его власть, король отплыл на юг и разбил Трюггве в короткой битве в Согнесунне. По возвращении он и Альфифа встретились с Трендерами в *thing* и выслушали их жалобы, но не смогли удовлетворить их. Тогда Эйнар Тамбарскелвер сказал вслух и на слух многих: "Я не был другом короля Олафа; но трендерсы показали себя бедными торговцами, когда продали своего короля и приобрели вместо него кобылу с ее жеребенком. Король не может говорить, а его мать желает только плохого и имеет власть сделать это".

Альфифа поднялась, чтобы заговорить, но ее никто не услышал. Эйнар Тамбарскелвер открыто насмехался над ней, и это чувство было настолько враждебным, что она не

осмелилась сделать ему выговор. Чувство незащищенности овладело королем, и он со всей своей семьей покинул Тренделаг и поселился в южной части страны. Его власть практически прекратилась, хотя номинально он все еще оставался королем. В 1034 году Эйнар Тамбарскелвер, Кальф Арнессон и несколько других вождей отправились в Россию и пригласили Магнуса, единственного сына короля Олафа, вернуться с ними и стать королем Норвегии. Они попросили и получили у него прощение за свою враждебность к его отцу и поклялись быть верными ему и защищать его от всякого зла. Магнус, которому тогда было десять лет, сопровождал их обратно на родину и был с восторгом принят в Эре-тинге, где был провозглашен королем. Свейн и Альфифа предпринимали тщетные попытки собрать армию, но поскольку никто не внял их призывам, были вынуждены бежать в Данию. Здесь Свейн умер в 1036 году. Поскольку его отец, Кнут, умер в 1035 году, его сводный брат, Хартакнут, стал наследником его притязаний на Норвегию и, как мы увидим, вскоре принял меры для их осуществления.

ГЛАВА XV.

МАГНУС ДОБРЫЙ (1035-1047).

МАГНУС ОЛАФССОН был незаконнорожденным ребенком, его мать Альфхильд была, по одним сведениям, англичанкой высокого происхождения, по другим - прачкой королевы. Когда он родился, он был таким маленьким и слабым, что казалось, он не проживет и нескольких часов. Это было посреди ночи, и никто не осмеливался разбудить короля.

Поэтому был назван его друг Сигват Скальд, и он взял на себя ответственность назвать ребенка Магнусом в честь Карла Великого, германского императора. Затем был найден священник, который крестил его. Когда король услышал об этом происшествии, он очень разгневался и пожурил скальда. В его семье не было никого по имени Магнус, и, возможно, он даже подозревал, что Сигват допустил ошибку, выбрав латинскую фамилию императора, а не его настоящее имя Карл. Именно при таких неблагоприятных обстоятельствах родился мальчик, который стал наследником королевства святого Олафа и той любви, которую раскаявшийся народ расточал в память о нем. Ему не было и одиннадцати лет, когда его провозгласили королем навечере, но он был уже взрослым и умным. В первые годы своего правления он позволил себе руководствоваться советами Эйнара Тамбарскелвера и Кальфа Арнессона; но вскоре обрел достаточную независимость суждений, чтобы отстаивать собственную волю.

Прошло совсем немного времени после провозглашения Магнуса королем, когда Хартакнут приготовился вторгнуться в Норвегию. Магнус, которому не терпелось наказать род Кнута за их коварные заговоры против его отца, также вел военные приготовления, очевидно, с намерением вторгнуться в Данию. Имели ли место какие-либо реальные боевые действия, неизвестно. Не исключено, что произошла какая-то незначительная стычка; но прежде чем разыгралось какое-либо решающее сражение, вожди обеих стран вмешались и убедили двух молодых воюющих сторон заключить мир. На встрече на островах Бренн, в устье реки Гета-Эльв, было заключено соглашение, в соответствии с которым каждый назначал другого своим наследником и преемницей, в случае его смерти, без потомства (1038). Это действительно могло показаться маловероятным, но на самом деле это произошло четыре года спустя (1042), когда Хартакнут умер, и Магнус был, без сопротивления, провозглашен королем Дании *втингов* Выборге и получил преданность народа. Таким образом, Норвегия и Дания впервые объединились, и потомки Гарольда Прекрасноволосого были признаны датской ветвью рода Рагнара Лодброка равными себе, как они уже были признаны ветвью, управляющей Швецией.

Магнус, должно быть, понимал, что этим признанием он обязан святости своего отца, и не упускал возможности продемонстрировать свое почтение к его памяти. Он приступил к возведению церкви в Нидаросе, которая должна была носить имя святого Олафа, и изготовил для него новый саркофаг, украшенный золотом, серебром и драгоценными камнями. Было вполне естественно, что он получал удовольствие от общества тех, кто был ближе всего к его отцу и стоял рядом с ним в Стиклестаде. Но враждебность, вызванная битвой и событиями, которые к ней привели, в какой-то мере все же существовала; и одна сторона начала раздувать тлеющие угли недоверия в сознании короля и подстрекает его к мести другой. Каким бы молодым ни был Магнус, вряд ли стоит удивляться, что он позволил этому злому совету повлиять на себя. Несмотря на амнистию, которую он объявил в России тем, кто поднял оружие против Святого Олафа, теперь он начал с особой суровостью наказывать всех лидеров восстания. В частности, именно Трандерсам пришлось принять на себя основную тяжесть его гнева, потому что именно они выступили заодно с Кнутом и первыми отправили святого короля в изгнание. Калф Арнессон был одним из первых, кто почувствовал перемену в характере короля Магнуса. Между ним и Эйнаром Тамбарскелвером рано возникла ревность, оба они называли короля своим приемным сыном и гордились тем, что пользовались его доверием. Говорят, однажды Кальф сел на место Эйнара рядом с королем, после чего Эйнар сел на плечо Кальфа и сказал:

"Старому быку подобает быть загнанным раньше теленка".

На вечеринке в поместье Хауг, что в Вердалене, король высказал Эйнару желание посетить поле, где пал его отец.

"Я не могу сообщить вам ничего об этом, - ответил Эйнар, - поскольку меня при этом не было. Но пусть Кальф поедет с вами. Он может сообщить вам все подробности.

"Тогда ты пойдешь со мной, Калф", - сказал король; и Калф, хотя и с большой неохотой, был вынужден последовать за мной.

Когда они добрались до поля битвы, король спешил и попросил показать место, где его отец получил смертельную рану.

- Он лежал здесь, - сказал Кальф, указывая копьем.

"Где же ты тогда стоял, Кальф?" - спросил Магнус.

"Здесь, где я сейчас стою".

- Тогда твой топор вполне мог бы достать его! - воскликнул король, сильно покраснев.

"Мой топор не достал его", - ответил Калф, вскочил на коня и ускакал прочь. Он уже отдал приказ подготовить свой корабль, погрузив все его движимое имущество. И как только он добрался до дома, он вышел в море и поплыл к Оркнейским островам. Огромные владения, которые он оставил после себя, были конфискованы Магнусом.

Тор Хунд избежал наказания, совершив паломничество в Иерусалим, из которого так и не вернулся. Хаарек из Тьотты был убит с согласия короля личным врагом, а многие другие были лишены своего скота и подвергались иным издевательствам. Отвратительные законы, изданные Свеном Альфифассоном, не были отменены; и король действовал так, как если бы он считал себя хозяином имущества, жизни и свободы каждого. Но скандинавы не привыкли терпеть произвол своих королей. Общее недовольство распространилось по стране и грозило перерасти в открытое восстание. В Согне крестьяне уже были вооружены, а в Тренделаге состоялся многолюдный митинг, на котором прозвучало самое ожесточенное осуждение короля. К счастью, однако, среди присутствующих были те, кто все еще был доброжелательно расположен к Магнусу, и они решили дать ему понять, что чувствуют к нему люди. Затем возник вопрос о том, кто должен был взять на себя эту опасную миссию, поскольку Магнус был вспыльчив и, более того, решил образцово наказать непокорных Согнингов. Его друзья решили предоставить воле случая решать. Они бросили жребий, и жребий пал на Сигвата Скальда, который в песне под названием "Песнь искренности" серьезно отчитал короля за его необдуманную резкость, предупредил его о последствиях и напомнил ему о его обязанностях перед народом, который по собственной воле сделал его своим королем. Песня произвела глубокое впечатление на Магнуса, и с того дня он стал другим человеком. Он отказался от всех планов мести, стал мягким и всепрощающим и управлял страной в соответствии с законом. Его доброта и обаяние манер сделали его теперь настолько популярным, что похвал ему было мало. Люди называли его Магнусом Добрым.

МАГНУС ДОБРЫЙ И КАЛЬФ АРНЕССОН В СТИКЛЕСТАДЕ.

Когда Магнус в 1042 году стал королем Дании, его амбиции привели его как наследника Хартакнута, также заявить о своих притязаниях на корону Англии. Эдуард Исповедник, призванный на трон после смерти Хартакнута, был по чести обязан проигнорировать такое заявление; но это вынудило его держать флот в готовности отразить ожидаемое норвежское вторжение. Нет никаких сомнений в том, что Магнус предпринял бы попытку свергнуть его, если бы события в Дании не приняли такой оборот, который вынудил его на время отказаться от всякой мысли о завоевании. Среди датчан, поклявшихся в верности Магнусу и пытавшихся завоевать его расположение, был Свейн Эстридссон, сын ярла Ульфа и Эстрид, сестры Кнута Могучего. Он был как по отцовской, так и по материнской линии потомком Рагнара Лодброка и поэтому имел больше прав на датский трон, чем король Норвегии. Свейн был похож на своего отца Ульфа, проницательного интригана, красноречивого и красивого лицом, но лживого и вероломного. Он громко заявлял о своей преданности Магнусу и преуспел в завоевании его доверия. Вопреки советам своих друзей, Магнус сделал его своим вассалом и назначил графом, дав ему те же владения, что были до него у его отца. Его особой обязанностью должно было стать защищать Ютландию от вендов и саксов. Когда состоялась церемония посвящения, Эйнар Тамбарскелвер крикнул королю: "Слишком великий граф, приемный сын, слишком великий граф!" на что король сердито ответил: "Ты не веришь, что я разбираюсь в людях. Я не знаю, что вы имеете в виду, считая некоторых графов слишком великими, а некоторых вообще ничем."

Едва Свейн скрылся из виду Магнуса, как поспешил оправдать опасения Эйнара. Вернув себе владения своего отца и власть, которую они ему дали, он созвал датских вождей на *тинг* в Выборге и был провозглашен королем Дании. Магнус, разгневанный его предательством, выступил с большим флотом, чтобы наказать его; но Свейн сбежал сначала в Швецию, а затем в вендские провинции вдоль Балтийского моря. Поэтому Магнусу не было оказано никакого сопротивления, и после того, как он наказал многих, кто признал Свейна королем, он направился в Йомсборг, который также восстал против его власти. Он ворвался в старое гнездо викингов и разрушил его, убил и рассеял его обитателей. Тем временем огромная армия вендов, среди вождей которой был сам Свейн Эстридссон, хлынула через Слесвик и встретила Магнуса при Лирскогс-Хит (1043), где, несмотря на свое численное превосходство, потерпела сокрушительное поражение. Рассказывают, что поле битвы было покрыто 10 000 трупов. Победа, которая была в значительной степени заслугой личной

храбрости короля Магнуса, принесла ему большой авторитет и, более того, остановила волну славянской миграции на Север. Если бы вены тогда закрепились в Ютландии, Дания, вероятно, сегодня была бы славянской страной, и вся судьба скандинавского Севера изменилась бы. Магнус расположился на зимовку в Слесвике; но не успел он распустить часть своей армии, как Свейн снова был при оружии и потерпел поражение от Магнуса в двух морских сражениях при Аросе и Хелгенессе. Весной 1044 года, когда Магнусу было двадцать лет, он вернулся в Норвегию. Слава о нем распространилась по Северу, ибо столь великих свершений едва ли кому-либо из его племени удавалось достичь в столь раннем возрасте. Несмотря на свой вспыльчивый характер, он был горячо любим всем своим народом, потому что при всей своей горячности он был честен, великодушен и благороден. О нем рассказывают приятную историю, которая проливает много света на его характер.

В охране Магнуса был высокородный исландец по имени Торстейн, сын Сайдхолла. Как и большинство его соотечественников, он не подчинялся дисциплине и оскорбил короля, отправившись в Дублин без его разрешения. В обмен на это он был объявлен вне закона; но, полагаясь на своих друзей и семейные связи, он вернулся в Норвегию, не обращая внимания на приговор вне закона. Он привез с собой несколько прекрасных племенных лошадей и преподнес их в подарок Эйнару Тамбарскелверу, чье влияние на короля, как было известно, было велико. Эйнар отказался от них, но его сын Эйндрайд, не зная об отказе своего отца, принял их с радостью. Он даже пригласил Торстейна погостить у него зимой и набрался смелости пригласить его с собой на королевский святочный пир. Однако отец убедил его вернуться домой вместе с преступником до того, как его увидит король. На четвертый день после Рождества Эйнар, сидевший рядом с Магнусом, рискнул замолвить словечко за Торстейна, на что король ответил:

- Давай поговорим о чем-нибудь другом, ибо я не хотел бы по своей воле сердить тебя.

Четыре дня спустя Эйнар снова упомянул о Ледяномпосадочном модуле, но король совершенно дружелюбно отклонил эту тему. Затем Эйнар подождал пять дней и еще раз попросил прощения у исландца.

- Не будем говорить об этом, - сказал Магнус с некоторым раздражением. - Я не понимаю, как ты можешь защищать человека, который вызвал мой гнев.

"Это скорее дело рук моего сына Эйндрайда, чем моих, - ответил Эйнар. - Но я подумал, что моя молитва за одного человека будет иметь для тебя некоторый вес; ведь мы во всем делали и будем продолжать делать то, что укрепит твою честь. * * * Я, милорд, окажусь в тяжелом положении, если вы не примете денежного выкупа от моего сына за Торстейна вместо того, чтобы сражаться с ним. Ибо я не могу заставить свое сердце поднять оружие против тебя. Но вот что я скажу: я не думаю, что вы помните, как я отправился на поиски вас на восток, в Россию, стал вашим приемным отцом и с тех пор поддерживал и укреплял ваше королевство, рано или поздно задумываясь о том, как я мог бы возвысить вашу честь. Теперь я покину эту землю и больше не буду помогать тебе. Но найдутся те, кто скажет, что ты от всего этого ничего не выиграешь".

С этими словами Эйнар в гневе вскочил со своего места и направился к двери. Но король встал, поспешил за ним и обвил руками его шею.

- Вернись, мой дорогой приемный отец, - воскликнул он. - ничто, что бы это ни было, никогда не сможет разрушить нашу дружбу. Оставь этого человека в покое, как тебе будет угодно.

Когда Магнус пробыл королем девять лет, его дядя Гарольд Сигурдссон, сын Сигурда Сира и Аасты, приехал в Норвегию и потребовал половину королевства. Гарольд, как мы видели, в возрасте пятнадцати лет сражался при Стиклестаде и был тяжело ранен. После выздоровления он отправился в Россию, где в течение нескольких лет командовал Ярославом, а оттуда отправился в Константинополь, где стал капитаном варягов, иностранной гвардии, содержавшейся греческими императорами. Это был мужчина гигантского телосложения, со светлым лицом, с длинными светлыми волосами и властным взглядом, выдававшим расу, из которой он происходил. Согласно сагам, он произвел сенсацию в Константинополе одним своим появлением, а его остроумие, сила и безрассудная храбрость открыли ему блестящую карьеру. Как вождь варягов, он участвовал во многих походах против сарацин в Азии и на Сицилии и накопил огромные сокровища. То, что между ним и греческим главнокомандующим Георгиосом Маниакесом должен был существовать некоторый антагонизм, очевидно из анекдотов, сохранившихся в сагах, все из которых приписывают Гарольду славу за все победы и выражают презрение, с которым скандинавы относились к самой возвышенной личности южных народов. То, что значение Гарольда в этих кампаниях было преувеличено его скандинавскими последователями, которым авторы саг были обязаны своими рассказами, вполне естественно; но даже если допустить преувеличения, очевидно, что он сделал себе громкое имя и был достаточно могуществен, чтобы бросить вызов, когда был к тому расположен, греческому военачальнику. Однако он предпочел, если верить саге, перехитрить Маниакеса, а не открыто сопротивляться ему.

МРАМОРНЫЙ ЛЕВ С ПИРЕЯ, ПЕРЕВЕЗЕННЫЙ В 1687 ГОДУ В ВЕНЕЦИЮ, ГДЕ ОН СЕЙЧАС СТОИТ У ВХОДА В АРСЕНАЛ. РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ, ВЫРЕЗАННАЯ КАКИМ-ТО ВАРЯГОМ, ТЕПЕРЬ НАПОЛОВИНУ СТЕРЛАСЬ И НЕРАЗБОРЧИВА.

Приключения Гарольда на Сицилии, где он изобретал хитроумные уловки для захвата городов; его любовные приключения с Марией, родственницей императрицы Зои, ревность последней и попытка погубить его, его заключение в тюрьму, схватка со змеем, бегство, месть императору и т.д. - все это типично и, следовательно, более или менее подозрительно. У многих германских героев, как скандинавских, так и немецких, [\[A\]](#) были приключения подобного рода, когда они посещали Восток, и было любопытное единообразие в судьбах, которые выпали на их долю, как в любви, так и на войне. Чтобы сделать сходство полным, Гарольд отправился в погоню за славой и богатством именно для того, чтобы стать достойным Элизабет или Эллисиф, дочери Ярослава; и он не преминул заявить на нее права по возвращении и привезти ее с собой в страну своих отцов. Он встретил своего племянника, короля Магнуса, в Дании, когда тот плыл через Пролив вдоль побережья Скаане. Его

корабль, на котором он перевозил свои сокровища, был самым великолепным из всех, когда-либо виденных на Севере, и производил сенсацию везде, где появлялся. Магнус, когда увидел прекрасную галеру, послал людей на борт, чтобы выяснить, откуда она взялась и кому принадлежит. Очень высокий и красивый мужчина с изысканными манерами выступил вперед и сказал, что он посол Гарольда Сигурдссона, дяди короля Магнуса, и его поручение состоит в том, чтобы узнать, как король примет своего господина. В ответ на это великодушный Магнус прислал сообщение, что примет своего дядю с распростертыми объятиями, поскольку ожидает найти в таком родственнике, как он, сильного друга и сторонника. Высоким мужчиной был не кто иной, как сам Гарольд. Затем была назначена встреча, и два родственника остались очень довольны друг другом. Однако нашелся один, кто был недоволен, и это был Эйнар Тамбарскелвер. Он предвидел, что произойдет, и когда Гарольд вскоре предъявил свои права на половину королевства, он едва смог сдержать свой гнев. Тем не менее король, который был самым непосредственным образом обеспокоен этим требованием, мягко ответил, что он не будет поспешно отклонять просьбу своего родственника, но будет руководствоваться мнением своих советников. Теперь у Эйнара, как у самого важного, спросили совета, и он встал, сказав, что если король Магнус собирается уступить Гарольду половину королевства Норвегия, то будет только справедливо, если Гарольд поделится своими сокровищами с Магнусом. Это предложение не понравилось Гарольду; по его словам, он не бросался в опасности и не собирал богатства для того, чтобы обогатить людей своего племянника.

[A] Немецкие рассказы "Херцог Эрнст" и "Хугдитрих", и особенно "Король Ротер", имеют много общего с сагами Гарольда Сигурдссона.

- Но, - уместно возразил Эйнар, - ты был далеко, Гарольд, когда мы отвоевали землю у племени Кнута, и теперь у нас нет желания делить ее между вождями. До сих пор мы служили только одному королю одновременно, и так будет продолжаться до тех пор, пока король Магнус жив и правит страной. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помешать тебе получить какую-либо долю в королевстве".

Другие консультанты согласились с тем, что это суждение было здравым, и высказались в том же духе. Это было началом ожесточенной вражды между Гарольдом Сигурдссоном и Эйнаром Тамбарскелвером, которая привела к стольким печальным событиям в ближайшем будущем. Гарольд, который за свою победоносную карьеру не привык к отказам, был сильно возмущен отношением к нему своего племянника и, чтобы примирить его, заключил союз со Свеном Эстридссоном. С его огромным богатством ему не составило труда собрать значительные силы, с которыми в компании Свейна он напал на Данию, с безжалостной жестокостью разорив Зеланд и Фюн. Но как только он узнал, что Магнус приближается со своим флотом, он отделился от своего союзника и поспешно вернулся в Норвегию. Чтобы оправдать это нарушение доверия, он распустил слух, что Свейн пытался убить его. Какой-то человек действительно глубокой ночью переплыл с корабля Свейна на корабль Гарольда и прокрался в каюту последнего. Но Гарольд, притворившись, что ожидает покушения на свою жизнь, подложил ему в кровать бревно, тщательно прикрыв его простыней. Убийца, крадучись по полу, вонзил свой топор в бревно и скрылся. На следующее утро Гарольд показал своим людям бревно с все еще торчащим в нем топором и, осудив неверность Свейна, отплыл в Норвегию. Было, однако, подозрение, что он сам организовал все это дело.

По прибытии в Норвегию Гарольд разыскал своих старых друзей и родичей в Рингерике, предложив им большие награды, если они признают его королем. Но, отчасти из-за всеобщей любви к Магнусу, отчасти из-за страха перед последствиями, вожди держались в стороне от нового претендента и препятствовали его устремлениям. В Гулдбрандсдейле он

встретил лучший прием, и ему удалось собрать группу партизан, готовых разделить его судьбу. Здесь он созвал народ на *мероприятие*, где его двоюродный брат Тор из Стейга, пятнадцатилетний юноша, провозгласил его королем. Как только Магнус услышал о деяниях своего дяди, он отплыл в Викин. Здесь битва казалась неизбежной, поскольку Гарольд и его люди направлялись на юг, чтобы напасть на короля. Магнус, однако, неохотно воевал против брата своего отца, и после некоторых переговоров было решено, что оба родственника должны быть королями, править вместе и поровну делить доходы от налогов и королевских поместий (1046). Норвегия, соответственно, не была разделена на равные части, каждая с отдельным королем, но королевское достоинство было разделено между двумя королями, которые оба осуществляли власть над всей землей. Это был, как показало будущее, самый катастрофический прецедент, который, однако, первым установил сам Гарольд Светловолосый.

В обмен на уступку своего племянника Гарольд согласился поделиться с ним своим богатством, которое, как говорят, было очень велико, что позволило Магнусу с большей энергией вести войну со Свеном Эстридссоном. Дружба между двумя королями, однако, была недолгой. Не только их интересы во многих вопросах противоречили друг другу, но и их характеры были таковы, что вызывали антагонизм. Жадность Гарольда к деньгам, его вымогательство у крестьян, и его ревнивое отстаивание всех прав, которыми Магнус по собственной воле наделил его, должно быть, вызвали в уме последнего много горьких размышлений. И все же, со своей врожденной щедростью и терпимостью, Магнус отказывался верить многочисленным жалобам, которые доходили до его ушей. Он так не любил ссориться, что, когда позволяло его достоинство, скорее игнорировал оскорбление, чем возмущался им. С другой стороны, складывается впечатление, что Гарольд предвидел, что столь натянутые отношения не могут продолжаться долго, и, возможно, даже желал положить им конец. Для его властного темперамента было обидно терпеть какие-либо ограничения в осуществлении власти.

Известно много случаев, связанных с его спорами с Магнусом и его людьми. Так, однажды Эйнар Тамбарскелвер, чтобы убедить своего приемного сына в ненадежности Гарольда, отправился на *мероприятие*, которое тот созвал, и стал свидетелем происходящего. Эйнар был в позолоченном шлеме, и его сопровождали шестьдесят вооруженных людей. Гарольд, раздраженный его присутствием, превзошел самого себя в строгости своих требований к крестьянам и вызвал большое негодование. Старый крестьянин по имени Токе поднялся и сказал: "Теперь я жил и носил имя крестьянина при правлении нескольких королей, но я предположил, что, когда у нас был один король, который с полным правом принял королевство и был провозглашен в *Эре-тинге*, согласно совету вождей и с согласия народа, а позже пришел человек, требующий имени и власти короля, что именно первый, а не второй, имеет наибольшую власть над нами, его *господами*. Поэтому мой совет вам, крестьяне, дожидаться решения короля Магнуса в отношении требований и вымогательств короля Гарольда и продолжать во всем оказывать честь королю Магнусу".

Когда старик закончил, Эйнар Тамбарскелвер встал и поблагодарил его и всех крестьян за их дружеское расположение к королю Магнусу. Это было больше, чем мог вынести король Гарольд. Он вскочил и гневно воскликнул: "Ты теперь надменно носишь свой шлем, Эйнар, и всегда выставляешь себя моим противником. Счастлив будет тот день, когда твой шлем будет опущен. Поскольку сейчас ты на голову выше других, тогда ты будешь на голову ниже".

Разногласия более или менее серьезного характера между самими королями происходили часто, и обычно благоразумие и самообладание Магнуса предотвращали открытый разрыв. Не сохранилось никаких записей о войне, которую они вместе вели против Свейна

Эстридссона. Следует сделать вывод, что большее число датчан приняло сторону Магнуса против Свейна и что никакого сколько-нибудь значимого сражения не было. Рассказывают, что однажды, когда норвежский флот находился совсем близко под землей, из леса выехал всадник в великолепных доспехах и начал демонстрировать свое искусство верховой езды, к великому восхищению норвежских воинов. Позабавив их таким образом некоторое время, он подъехал к кромке воды и крикнул: "Я предатель короля Магнуса, но и король Гарольд для меня тоже; между этими королями огромная разница".

В этот момент на палубу вышел король Магнус и узнал Свейна. Но Свейн пришпорил коня и исчез среди деревьев. Никто не пытался преследовать его.

"Свейн Ульфссон - хороший человек, - сказал Магнус, - и если бы у него было столько же людей, сколько у него смелости и бесстрашия, он одержал бы больше побед".

Именно горечь, которая терзала сердце Магнуса по отношению к своему дяде, заставила его снисходительно судить о Свейне. И мы увидим, как это чувство впоследствии повлияло на его поступок. Однажды он сошел на берег со многими своими людьми и проезжал верхом по окрестностям деревни Альстед в Силанде, когда его лошадь испугалась и сбросила его. Его ударили головой о пень, и он был оглушен, но позже, по-видимому, пришел в себя. Тем не менее, им овладело нездоровое чувство, и предчувствие смерти омрачило его разум. Приснившийся ему сон был скорее следствием, чем причиной его печального предчувствия. Ему казалось, что его отец, Святой Олаф, пришел к нему и дал ему выбор между двумя вещами, а именно: либо следовать за ним сейчас, либо жить долго и быть могущественнейшим из королей, но взвалить на его душу грех, который вряд ли, если вообще можно было простить.

"Выбери сам для меня, отец", - казалось, отвечал он.

- Тогда следуйте за мной, - сказал Святой Олаф.

Нетрудно догадаться, в чем заключался смертный грех. Едва ли стоит удивляться тому, что соблазн прибегнуть к насилию против своего обременительного соперника, должно быть, часто посещал Магнуса. То, что искушению удалось устоять, вызывает скорее удивление.

Прошло несколько дней, в течение которых Магнус обдумывал свой сон. Затем, однажды утром, он проснулся, сгорая от лихорадки. Эйнар Тамбарскелвер, стоявший у его постели, спросил, не болен ли он.

- Пока не очень болен, дорогой приемный отец, - ответил он.

"Это было бы печалью, которую мы никогда не смогли бы преодолеть, если бы потеряли тебя", - сказал Эйнар.

Магнус умолял перенести его из одной части корабля в другую, но снова передумал и пожелал, чтобы его отнесли туда, где он лежал в первый раз. Тогда Эйнар встревожился.

"Скажи теперь своим друзьям, милорд, то, что ближе всего твоему сердцу", - сказал он. - Дай нам добрый совет, ибо, возможно, наша беседа не будет долгой.

"Дорогой друг, - ответил король, - я боюсь, что эта болезнь скоро положит конец нашим отношениям".

Когда распространился слух, что король Магнус болен, Гарольд поднялся на борт его корабля и осведомился о его состоянии.

"Да, я действительно болен, родственник, - сказал король, - и я молюсь к тебе об одном: чтобы ты не выказал немилости к моим друзьям".

"Это всего лишь мой долг ради тебя, - ответил Гарольд, - но есть некоторые из них, которые кажутся вечно самодостаточными и не обращают на меня внимания".

"Что заставляет говорить о таких вещах сейчас?" - сказал Эйнар. "Что бы Гарольд ни обещал, он уже решил в уме, что будет делать".

Не хватало еще, чтобы Гарольд вступил в спор с умирающим королем по поводу датского трона, который Магнус предназначил Свейну Эстридссону, и золота, которое они поделили между собой, когда делили правительство. Раздав подарки и сувениры на память своим людям, король Магнус умер (1047) в возрасте двадцати четырех лет, после того как правил Норвегией двенадцать с половиной лет и Данией пять лет. Не успел он закрыть глаза, как Гарольд послал людей перехватить гонцов, отправленных к Свейну Эстридссону, чтобы сообщить ему о его наследовании датского престола.

О смерти короля Магнуса флоту было объявлено взрывом *мачт*,^[A] и в его случае действительно было правдой то, что его оплакивал весь народ.

^[A] Лоуры - это длинные альпийские рожки, сделанные из дерева, обтянутого берестой, или из металла. Они издают мощный звук.

НАВЕРШИЕ ИЗ ПОЗОЛОЧЕННОЙ БРОНЗЫ ЭПОХИ ВИКИНГОВ.

ГЛАВА XVI.

ГАРОЛЬД СИГУРДССОН ЖЕСТКИЙ ПРАВИТЕЛЬ (1047-1066).

Поскольку Магнус Добрый не оставил после себя сыновей, Гарольд Сигурдссон был единственным оставшимся потомком по мужской линии Гарольда Светловолосого и, следовательно, бесспорным наследником трона. Ибо, хотя монархия в Норвегии не с самых ранних времен была строго наследственной, постепенно получила признание идея, что земля принадлежит по аллодиальному праву потомкам мужского пола ее первого завоевателя. В очевидном, хотя и не реальном противоречии с этой идеей находился обычай провозглашать короля отдельно на *мероприятии* в каждом графстве и лично приносить ему присягу на верность при условии его обещания править в соответствии с законом и древними обычаями. Как мы видели, во многих случаях племенная аристократия никогда не проявляла столь слепой приверженности принципу наследования, чтобы отказаться от практики диктовки условий и, во многих случаях, принятия решения о выборе между различными претендентами на корону. Если бы не печальный прецедент, установленный Гарольдом Прекрасноволосым, согласно которому не один, а все сыновья короля, законные и незаконнорожденные, должны были унаследовать его трон, такое соотношение сил предотвратило бы произвольное использование его власти со стороны короля и, таким образом, в конечном итоге оказалось бы полезным. Фактически, великий принцип конституционной свободы связан с этим конфликтом интересов и естественным противодействием аристократии посягательствам короны. Ситуация в Норвегии, а также темперамент народа благоприятствовали постепенному и непрерывному развитию конституционной монархии, такой как английская, и если бы длительные гражданские войны, вызванные притязаниями соперничающих наследников престола, не истощили страну, четыреста лет политического вымирания не предшествовали бы возрождению нации в нынешнем столетии.

Гарольд Сигурдссон вскоре показал, что ценит преимущества своего положения единственного наследника как Гарольда Прекрасноволосого, так и Святого Олафа. Ибо святость святого Олафа придала новый блеск королевскому дому и значительно укрепила его влияние на народ. На самом деле, более поздние короли чаще ссылаются источником своей власти на свое наследство Святого Олафа, чем на наследство Гарольда Прекрасноволосого. Когда весть о смерти короля Магнуса распространилась по всему миру, его преемник собрал *вещи* вместе и заявил, что не намерен подчиняться решению своего покойного племянника оставить Данию Свейну Эстридссону. Дания принадлежала ему по праву наследования, и он намеревался немедленно отправиться в Выборг-*вещь* и провозгласить себя королем датчан. Это заявление не было хорошо воспринято друзьями короля Магнуса, и Эйнар Тамбарскелвер выразил их чувства, напомнив Гарольду, что его первым долгом было отвезти тело в Нидарос и похоронить его с подобающими почестями. Затем флот распался, и у Гарольда, у которого остались лишь небольшие силы, не было другого выбора, кроме как принять совет Эйнара. В Боргар-*тинге*, а позже в Оэре-*тинге*, согласно древнему обычаю, он был провозглашен королем, и никто не препятствовал его наследованию. Но крестьяне радостно не присягнули ему на верность, потому что хорошо знали его и не ожидали от него ничего хорошего. Свои идеи правления он перенял у южных народов, которые терпеливо переносили тиранию, потому что им не хватало чувства достоинства и крепкой мужественности Севера. У него действительно была более определенная политическая программа, чем у любого из его предшественников, но это была программа, которая не соответствовала гению свободного германского народа.

Первой целью Гарольда, к которой он стремился с неутомимым рвением на протяжении всего своего правления, было сокрушение власти племенной аристократии. Влияние, авторитет и спокойное неповиновение этих миниатюрных королей постоянно были занозой в его плоти. Его высокий рост и огромная физическая сила, равно как и легкость, с которой он до сих пор добивался всего, к чему стремился, внушили ему безграничную уверенность в себе и соответствующее презрение ко всем силам и интересам, противоположным его собственным. Безжалостность, с которой он осуществлял свои цели, нажила ему много врагов и обеспечила ему фамилию *Хаардрааде*, [A] т.е., жесткий правитель, тиран. Что позволяло ему сохранять столь суровую власть над народом, так ревниво охраняя его права, так это его превосходный интеллект. "Он был, - говорит Снорре, - чрезвычайно умен, так что все люди сходятся во мнении, что на Севере никогда не было более умного короля. Более того, он был превосходным фехтовальщиком, сильным и искусным в военном искусстве, и в целом человеком, который знал, как достичь своих целей".

[A] Гарольд упоминается в английской истории как Гарольд Надменный. Немецкие историки называют его *H. der Unbugsame* (Х. Несгибаемый).

Интересна в этой связи также его любовь к поэзии и умение ошпаривать. Рассказывают, что он полночи просидел со слепым исландским скальдом Стафом Катсоном и не мог уснуть до тех пор, пока Стаф не смог ему пересказать. Эта маленькая черта придает яркий оттенок его характеру и приближает его к нашему сочувствию и пониманию.

Эйнар Тамбарскелвер долгое время был лидером оппозиции Гарольду. Как зять графа Хокона, друг графа Эрика и приемный отец короля Магнуса, он занимал исключительное положение и пользовался большим уважением. Его личные качества также были таковы, что повышали уважение, с которым к нему относились. По природным дарованиям он полностью соответствовал королю Гарольду, а по властности и гордому самоутверждению мало в чем ему уступал. Более того, он хорошо разбирался в законах, и когда король, как это часто случалось, требовал от крестьян больше, чем имел на то право, Эйнар выступал в качестве народного представителя и пресекал произвольные поборы. Неудивительно, что Гарольд ненавидел его, но то, что король так долго воздерживался от приставаний к нему, является поразительной данью уважения, которым он пользовался. Но опрометчивость не входила в число недостатков Гарольда. Он был полностью способен предвидеть результаты своих действий. Пока что он чувствовал, что попытка избавиться от своего врага, который жил по законам войны и был готов к чрезвычайным ситуациям, сопряжена со слишком большим риском. Поэтому, стремясь ослабить свою власть, Гарольд сделал исландца Ульфа Успакссона своим вассалом и дал ему гораздо большие владения в Тренделаге, чем было у Эйнара. Опять же, чтобы сломить прочный фронт племенных магнатов в этой части страны и разделить их интересы, он женился на прекрасной Торе, сестре Эйстейна Орре из великой расы арнмодлингов. [A] В то время король не был разведен со своей первой женой, королевой Эллисиф, и поэтому предполагалось, что Тора была всего лишь его любовницей. Но маловероятно, что ее гордые родственники позволили бы ей занять такое положение, [B] и, похоже, титул королевы присваивался ей повсюду. Следовательно, невозможно избежать вывода, что у Гарольда были одновременно две законные жены.

[A] К этой семье принадлежали Финн Арнессон, сражавшийся на стороне Святого Олафа при Стиклестаде, и Кальф Арнессон, которого изгнал Магнус Добрый.

[B] См. Мунка: "История норвежских народов", ii., стр. 180.

Тенденция подчинять все остальные соображения политике, которую Гарольд проявил в своей женитьбе, была также заметна в его усилиях основать святое, конкурирующее со

святым Олафом, на юге страны. Наличие святилища национального святого в Тренделаге имело тенденцию усиливать естественное преобладание этой провинции над южными районами и усиливать зависть, которая в несовершенной объединенной национальности всегда распространена. Викин, который раньше принадлежал Дании, никогда не был тесно связан с королевством и расой Гарольда Прекрасноволосого; и Гарольд Сигурдссон справедливо рассудил, что местный святой из его собственной семьи достигнет двойной цели. Такой святой вскоре был найден в лице Халльварда, сына Вебьерна и двоюродного брата короля. Его история была не очень примечательной, и его мученическая смерть, даже со всеми ее легендарными приукрашиваниями, не была достаточной для канонизации. Но это хорошо послужило целям короля, и предписанные чудеса начали проявляться обычным образом в святилище святого Халльварда. Не ставя этот вопрос перед папой, "народ" затем провозгласил его святым, и король основал город Осло, вероятно, для того, чтобы приютить новое святилище (1051 или 1052). Место для города было выбрано очень удачно, в конце Фолден-фьорда, где сейчас находится Христиания, столица Норвегии.

Когда мы рассматриваем неугасимую энергию и мощь, с которыми король Гарольд осуществлял свои планы, как во внутренних, так и во внешних делах, мы не можем не составить себе высокого представления о его способностях. С другой стороны, была ли его деятельность направлена на благо его подданных, это другой вопрос. Безусловно, его длительная война с Данией имела катастрофические последствия как для него самого, так и для его народа. Его ежегодное летнее развлечение в течение некоторого времени состояло в том, чтобы нападать врасплох на незащищенные порты датского побережья и нападать на них с дикой жестокостью. Наконец, когда обе стороны устали от этого бесцельного разрушения, было решено, что Свейн Эстридссон встретится с Гарольдом в устье Гета-Эльва и что исход битвы должен решиться в отношении притязаний последнего на датский трон. Однако в назначенное время Свейн не появился, и Гарольд, напрасно прождав его, отплыл со своим флотом на юг, опустошая побережье Ютландии, сжигая великий город Хайдаби (Шлесвик) и увозя с собой множество высокородных женщин, а также огромную добычу (1049). Он был далек от мысли, что датчане будут его преследовать, и, соответственно, позволил своим кораблям рассеяться по пути домой. Встречный ветер и туманная погода задержали норвежцев, и однажды утром, когда они залегли под островом Лесе, они увидели внезапную вспышку сквозь туман, которая вызвала тревогу. Вызвали короля и спросили, что, по его мнению, это должно быть.

"Датский флот приближается к нам, - сказал он. - то, что сияет, - это золотые драконы головы, которые сверкают в лучах утреннего солнца".

О сопротивлении не могло быть и речи, и бегство тоже казалось безнадежным. Но присутствие духа короля не покинуло его. Он приказал матросам взяться за весла, но корабли, тяжелые и разбухшие от долгого пребывания в воде, продвигались мало, и, когда туман рассеялся, стало видно, что датский флот, насчитывающий несколько сотен галер, приближается к ним. Затем Гарольд приказал своим людям прибить яркую одежду и другие драгоценные вещи гвоздями к бревнам и выбросить их за борт. Датчане, которые не смогли устоять перед искушением остановиться и подобрать их, тем самым потеряли время, и Свейн упрекнул их в безрассудстве. Снова началась погоня, и Гарольду пришлось выбрасывать за борт солод, пиво и свинину, чтобы облегчить свои корабли. Тем не менее, Свейн все еще догонял его, и собственный корабль-дракон Гарольда, который был самым задним, находился под угрозой захвата. Затем, в полном отчаянии, он соорудил плоты из бочек и досок, посадил на них датских матрон и дев и спустил их в море. Один за другим с интервалами отправлялись эти плоты, и преследователи, видя, что их жены и дочери

протягивают к ним руки, взывая о спасении, а некоторые даже барахтаются в воде, не могли удержаться, чтобы не остановиться и не спасти их. Так Гарольд спасся, а Свейн проклял свое невезение. Тем не менее, когда он захватил несколько отставших на норвежских галерах, он отказался мстить им.

Во время более поздней экспедиции в Данию (1060) Гарольд снова продемонстрировал то же присутствие духа и смелую изобретательность. Он только что разбил Свейна в битве при Джурсаа и чувствовал себя в полной безопасности, войдя в длинный и узкий Лим-фьорд с целью грабежа. Но Свейн, услышав, что его противник попал в такую ловушку, поспешно собрал все силы, которыми мог командовать, и направился к Халсу, где фьорд настолько узок, что несколько кораблей могли легко вступить в бой с гораздо превосходящим числом. Гарольд, поняв, что его поймали, приказал плыть по фьорду до самого конца. Здесь узкий перешеек отделяет фьорд от Северного моря. С огромным трудом он теперь перетащил свои корабли через перешеек и весело поплыл на север, в то время как Свейн лежал, охраняя пустую клетку, из которой он сбежал. Однако, чтобы положить конец этой расточительной и убыточной войне, Гарольд предложил Свейну поставить свои королевства на кон в решающей битве в долине Гета.

Не совсем ясно, принял ли Свейн этот вызов, хотя есть вероятность, что он это сделал, поскольку в противном случае Гарольд вряд ли отправился бы в место, назначенное для битвы. Однако, как и в прошлый раз, он напрасно ждал врага и, отпустив большую часть своих сил, поплыл на ста восьмидесяти кораблях вдоль побережья Скаане, пока не прибыл в Нис-аа, где был застигнут врасплох Свейном с флотом из трехсот шестидесяти кораблей. Завязалась кровопролитная битва, длившаяся целую ночь (1062 год) и закончившаяся полным разгромом датчан. Победа была одержана во многом благодаря норвежскому вождю Хокону Иварссону, человеку, с которым Гарольд обошелся сурово, но который, тем не менее, в нужде короля пришел ему на помощь. Свейн тоже был обязан своей безопасностью Хаакону, на борту корабля которого он искал убежища и с помощью которого ему удалось спастись.

Какой бы великой ни была победа при Нис-аа, ее результаты, по мнению Гарольда, оказались незначительными. Было бы напрасно предполагать, что Свейн, пока у него была хоть какая-то сила сопротивления, откажется от своего трона; и даже если бы он был готов соблюдать такое соглашение, многочисленные грабительские экспедиции норвежцев вызвали такую ненависть к ним в Дании, что потребовалась бы оккупационная армия, чтобы удержать страну под их властью. Однако они были не менее, чем датчане, утомлены непрекращающимися военными действиями, и во многом против своей воли Гарольд был вынужден заключить мир в Гета-Эльве в 1064 году. Он признал Свейна королем Дании и пообещал больше не приставать к нему.

Чрезмерное бремя, которое Гарольд возложил на свой народ, чтобы получить средства для ведения этой войны, вызвало большое недовольство среди крестьян, и важные внутренние события, предшествовавшие миру, теперь потребуют нашего внимания. Во время ведения войны ничто так не раздражало короля, как придирчивая критика и противодействие вождей, и особенно их лидера Эйнара Тамбарскелвера. Эйнар со своими шестьюстами латниками, следовавшими за ним, куда бы он ни пошел, был олицетворением неповиновения королевской власти; и Гарольд, когда однажды увидел, как он высаживается на пристань в Нидаросе, выставляя напоказ свою власть, как говорят, воскликнул в стихах: "Здесь я должен увидеть надменного Эйнара с отрядом *гусар*, таким большим, что многие графы удовлетворились бы меньшим. Возможно, он думает сам взойти на трон; и он не

остановится, пока не лишит меня моего королевства, если только ему не придется сначала поцеловать тонкие губы топора".

Хотя это предположение, возможно, было необоснованным, совершенно очевидно, что Эйнар не упускал ни малейшей возможности проявить свою враждебность к королю. Однажды он разогнал собрание в присутствии Гарольда и со своей вооруженной свитой освободил осужденного вора, который когда-то состоял у него на службе. В другой раз он вынудил короля, угрожая нападением, отдать огромное сокровище, которое когда-то было найдено в земле, хотя по закону все имущество, приобретенное таким образом, переходило к королю. Эйнар, однако, утверждал, что некоторые руны на крышке сундука, содержащего сокровище, указывают на то, что оно принадлежало его тестю, графу Хокону, единственной выжившей наследницей которого была его жена Бергльот.

Короля вряд ли можно было винить за то, что он возмутился такой дерзости, но средство, которое он избрал, чтобы поквитаться со своим врагом, было недостойно его. Он случайно захватил в плен нескольких датчан, у которых была печать короля Свейна. Не исключено, что они были тайными эмиссарами датского короля, который, возможно, испробовал тактику своего дяди Кнута, чьи взятки когда-то оттолкнули норвежских вождей от Олафа Святого. Теперь Гарольду пришло в голову, что он мог бы использовать этих людей, чтобы проверить расположение вождей к нему и, что было особенно важно, получить справедливый повод для уничтожения тех, кто окажется предателями. Этот заговор был направлен именно против Эйнара Тамбарскелвера. Эти люди, якобы прибывшие от короля Свейна, привезли поддельные письма, полные лестных заверений, и крупную сумму денег, которую они предложили Эйнару в залог дружбы короля. Но он выдержал испытание. "Все известно, - сказал он, - что король Гарольд мне не друг, в то время как король Свейн часто отзывается обо мне по-доброму, и я хотел бы быть его другом. Но если он придет в Норвегию с армией, чтобы сразиться с королем Гарольдом и разграбить его королевство, я окажу ему любое сопротивление, какое в моих силах, и помогу королю Гарольду всеми силами, которые есть в моем распоряжении, защитить его королевство".

Когда датчане вернулись с этим посланием к королю Гарольду, он сказал:

"Следовало ожидать, что он ответит как человек чести, хотя и не из любви ко мне".

По этому случаю короля ждали и другие сюрпризы. Его друг и родственник, Тор из Стейга, который первым признал его права на королевство, принял взятку, и когда ему сообщили, что Гарольд собирается наказать его, он радостно вышел ему навстречу и вручил деньги, сказав: "Некоторое время назад в моем доме были несколько датчан, которые принесли мне дружеские письма и деньги от короля Свейна. Я принял эти деньги, потому что считал правильным, чтобы вы получили то, что иностранные короли использовали, чтобы украсть у вас вашу страну".

Это был настолько хитрый поступок, что вызвал у Гарольда, даже если он и видел его насквозь, невольное восхищение.

Третий человек, крестьянин по имени Хегне Лангбьернссон, к которому пришли эмиссары, дал им такой ответ:

- Я не думал, что король Свейн слышал обо мне, простом крестьянине, но мой ответ ему таков: если он придет в Норвегию с боевым щитом, ни один крестьянский сын не причинит ему большего вреда, чем я.

Когда об этом ответе доложили Гарольду, он был очень доволен и вскоре предложил Хегне в качестве награды за его верность титул вассала, который был высшим достоинством после титула графа. Но Хегне также был устойчив к этому искушению.

"Всю дружбу, которую вы проявляете ко мне, милорд, - сказал он, - я принимаю с благодарностью. Но титула вассала у меня не будет, ибо я хорошо знаю, как пойдут дела. Когда вассалы собирались вместе, они говорили: "Хегне займет самое низкое место, потому что он всего лишь крестьянин и, следовательно, самый низкий из вассалов". Мое достоинство тогда приносило бы мне не честь, а стыд. Гораздо большая честь называться крестьянином и слышать, как крестьяне говорят, когда они собираются вместе, что Хегне - самый главный среди них".

Именно это стойкое чувство независимости среди крестьян отличает норвежскую историю от истории любой другой страны, а Норвегию - от источника конституционных свобод в Европе. Именно на этой скале потерпел крушение феодализм в Норвегии, в то время как он триумфально плыл по течению истории в Швеции, Дании и всех других европейских странах.

Король Гарольд не мог не признать эту гордую честность, даже когда она проявлялась в его врагах. Он был более благосклонен даже к Эйнару Тамбарскелверу после того, как убедился в его лояльности. Чтобы положить конец всем разногласиям между ними, он пригласил старика на пир в королевский особняк в Нидаросе, отвел ему почетное место рядом с собой и развлекал его по-королевски. Рога были старательно осушены, и Эйнару, которому было почти восемьдесят лет, захотелось спать. Как назло, король как раз в это время рассказывал о своих приключениях в Константинополе и расценил сонливость своего гостя как знак неуважения. Он приказал одному из своих людей сыграть грубую шутку со спящим, в ответ на что Эйнар на следующий день приказал убить этого человека. Тогда старая вражда вспыхнула с новой силой, и Гарольд, устав от унижений, которые ему пришлось вытерпеть, решил избавиться от своего врага. Под предлогом желания заключить с ним мир, он пригласил его на встречу. Эйнар пришел со своим сыном Эйндрайдом и большой толпой последователей. Король, спрятав убийц в зале, прикрыл дымовое отверстие, чтобы не пропускать свет. Когда Эйнар вошел, оставив сына у двери снаружи, он выразил свое удивление темнотой.

- В королевском зале темно, - сказал он.

Убийцы немедленно набросились на него и зарубили.

- Остры клыки королевских гончих! - воскликнул он.

Эйндрайд, услышав голос своего отца, бросился защищать его, но был мгновенно окружен и убит. Через несколько минут король вышел из зала и приказал своим людям готовиться к атаке; но сторонники Эйнара стояли в нерешительности и не подавали никаких признаков преследования, когда он со своей охраной спустился к реке и поплыл к фьорду. Старая Бергльот, услышав о предательстве короля, бросилась бежать по улицам города, тщетно призывая народ отомстить за ее мужа и сына. Она прибыла в королевский особняк как раз вовремя, чтобы увидеть лодку Гарольда, скользящую вниз по реке. - Теперь нам не хватает моего родственника Хокона Иварссона, - воскликнула она, - потому что, если бы он стоял здесь, на склоне, убийца Эйнара не плыл бы вниз по реке.

Гарольд поступил мудро, сбежав после того, как вызвал гнев тредеров этим подлым поступком. Он отправился к своему родственнику по браку, Финну Арнессону, и убедил его использовать свое влияние, чтобы успокоить народ; в обмен на это он пообещал отозвать

своего брата Кальфа и вернуть ему его имущество и почести, которых его лишил король Магнус. Более того, Финн должен был отправиться с поручением к Хокону Иварссону и убедить его отказаться от мести за убийство своих сородичей и принять, как кровник, любую милость, которую мог оказать король. Финн успешно выполнил обе эти миссии; успокоил трандерсов и примирил Хаакона, который в качестве платы за мир потребовал руки Рагнхильд, дочери Магнуса Доброго. Тем не менее, король многое потерял в глазах народа, убив Эйнара. Само убийство они бы с готовностью простили; но нарушение веры они рассматривали как преступление, недостойное благородного воина. Пренебрежение Гарольдом к вере и чести привело к общему пренебрежению моральными обязательствами. По отношению к вероломному королю измена казалась простительной. Один за другим его вассалы, обнаружив его двуличие, отворачивались от него, покидали свою страну и отправлялись к датскому королю Свейну, который хорошо их принял. Первым, кто пошел этим путем, был Финн Арнессон; Кальф, его брат, был храбрым и способным человеком, и король Гарольд, казалось, после своего возвращения был благосклонно расположен к нему. Несмотря на все это, во время экспедиции в Данию он отправил его на берег с небольшим отрядом людей и приказал ему атаковать значительно превосходящие силы датчан, пообещав прийти к нему на помощь в случае необходимости. Кальф подчинился и был убит почти со всеми своими людьми. Затем, наконец, когда в этом не было необходимости, король высадился и совершил грабительское вторжение в страну. Позже он хвастался, что стал причиной смерти тринадцати человек, и Финн не ошибся, предположив, что его брат был одним из них. Он был так разгневан предательством короля, что не мог больше выносить встречи с ним лицом к лицу. Он отплыл со всем своим движимым имуществом в Данию, где король Свейн сделал его графом Халланда, провинции, которая сейчас принадлежит Швеции и граничит с норвежской провинцией Викин.

Подобный опыт с королем Гарольдом имел Хокон Иварссон. Он сватался к Рагнхильд, дочери короля Магнуса, но получил ответ, что она не выйдет замуж ни за кого ниже графа. Тогда Хокон умолял короля сделать его графом, но Гарольд ответил, что не желает иметь в своем королевстве больше одного графа одновременно. Полный гнева, Хаакон тогда отправился к королю Свейну; но в битве при Нис-аа снова присоединился к Гарольду и спас его от поражения. Свои обязательства по отношению к Свейну он также выполнил, спася его после битвы и отправив в целости и сохранности к своим друзьям. Слава, которую Хокон приобрел благодаря этим подвигам, не только не принесла ему благосклонности короля, но скорее возбудила его враждебность. Гарольд действительно убедил Рагнхильд выйти за него замуж и положительно пообещал сделать его графом; но после того, как свадьба состоялась, он под тем или иным предлогом отстранил его, а когда Хаакон потребовал от него ответа, дал ему категорический отказ. Его жена, ожидавшая иного результата, радостно воскликнула ему, когда он вернулся: "Добро пожаловать, мой граф". Он был вынужден рассказать ей о том, что произошло; и поскольку он не хотел, чтобы создавалось впечатление, что он завоевал ее ложным предлогом, он предложил ей развод и право сохранить все его имущество. Это было щедрое предложение, но Рагнхильд отказалась принять его. Тогда Хокон начал тайно распоряжаться своим имуществом в надежде сбежать из страны, не привлекая внимания короля. Гарольд, однако, пронюхал о его намерениях и ночью выступил с двумястами сорока людьми, чтобы убить его. Получив предупреждение от друга, он сбежал в Швецию, а оттуда в Данию. Свейн сделал его графом Халланда после смерти Финна Арнессона, а шведский король Стейнкиль подарил ему две большие провинции - Вестготланд и Вермел. Теперь Хокон обладал почти королевской властью, и он воспользовался своим положением, чтобы нанести как можно больший ущерб королю Гарольду. В Опландии он всегда был популярен, в то время как короля очень не любили за то, что он лишил крестьян определенных привилегий, дарованных им Олавом Святым. Таким

образом, Хаакон имел наглость взимать налоги в этой провинции, и когда прибыли королевские сборщики налогов, им сообщили, что ему не причитаются деньги, поскольку налоги были выплачены графу Хаакону. Но король Гарольд был не из тех, кто может выносить подобные оскорбления. Он собрал армию, вторгся в Швецию и разбил Хакона и вестготов; а опландеров он наказал с образцовой суровостью.

В 1066 году граф Тостиг, брат английского короля Гарольда Годвинсона, прибыл в Норвегию, чтобы заручиться помощью Гарольда Сигурдссона в попытке завоевать Англию. Он выполнял аналогичное поручение в Дании, но там добился небольшого успеха. Свейн Эстридссон заявил, что у него нет амбиций подражать деяниям своего дяди, Кнута Могучего, но он был бы вполне доволен, если бы смог сохранить и защитить свое собственное королевство. Гарольд Сигурдссон, который никогда не чурался авантюрных начинаний, более благосклонно отнесся к заявлениям графа и в сентябре 1066 года отплыл в Англию с самым большим флотом, который до того времени когда-либо покидал берега Норвегии. На борт поднялось около двадцати тысяч воинов, и с учетом контингента, который он потребовал от графов Оркнейских островов, и личного вклада графа Тости́га, все силы, должно быть, составили триста или триста пятьдесят кораблей и тридцать тысяч человек. Свою королеву Эллисиф и двух дочерей, Марию и Ингегерд, которых он привез с собой, он оставил на Оркнейских островах, а сам поплыл вдоль побережья Шотландии в Нортумберленд. В Фулфорде он был встречен армией под командованием графов Маркера и Эдвайна и одержал великую победу, после чего город Йорк капитулировал. Он разбил лагерь у Стэмфорд-Бриджа, примерно в семи милях от Йорка, но оставил около трети своей армии под командованием своего сына Олафа охранять корабли. Погода стояла теплая, и мужчины, не думая об опасности, не надели доспехов. Однако на "Стэмфорд Бридж" они были застигнуты врасплох большой армией во главе с Гарольдом Годвинсоном. Тостиг посоветовал поскорее возвращаться на корабли, но Гарольд Сигурдссон, будучи слишком гордым, чтобы повернуться спиной к какому-либо врагу, отдал приказ ждать атаки англичан. Пока армия выстраивалась в боевой порядок, к ним подъехали двадцать английских всадников, и один из них спросил, здесь ли граф Тостиг.

"Нельзя отрицать, что вы найдете его здесь", - ответил Тостиг.

"Мы приносим тебе привет от твоего брата Гарольда, - сказал англичанин, - что он предлагает тебе мир и Нортумберленд; более того, он не прочь даровать тебе треть своего королевства, если не сможет заручиться твоей дружбой ни на каких других условиях".

"По правде говоря, это другое предложение, чем презрение и борьба, которые были предложены мне прошлой осенью. * * * Предположим теперь, что я приму это предложение; что же тогда мой брат предложит королю Норвегии?"

"Он намекнул, какой большой кусок Англии он подарит королю Гарольду Сигурдсону; это пространство в семь футов, или настолько больше, насколько он выше других мужчин".

"Если это так, - возразил Тостиг, - тогда скажи назад и прикажи королю Гарольду начать битву".

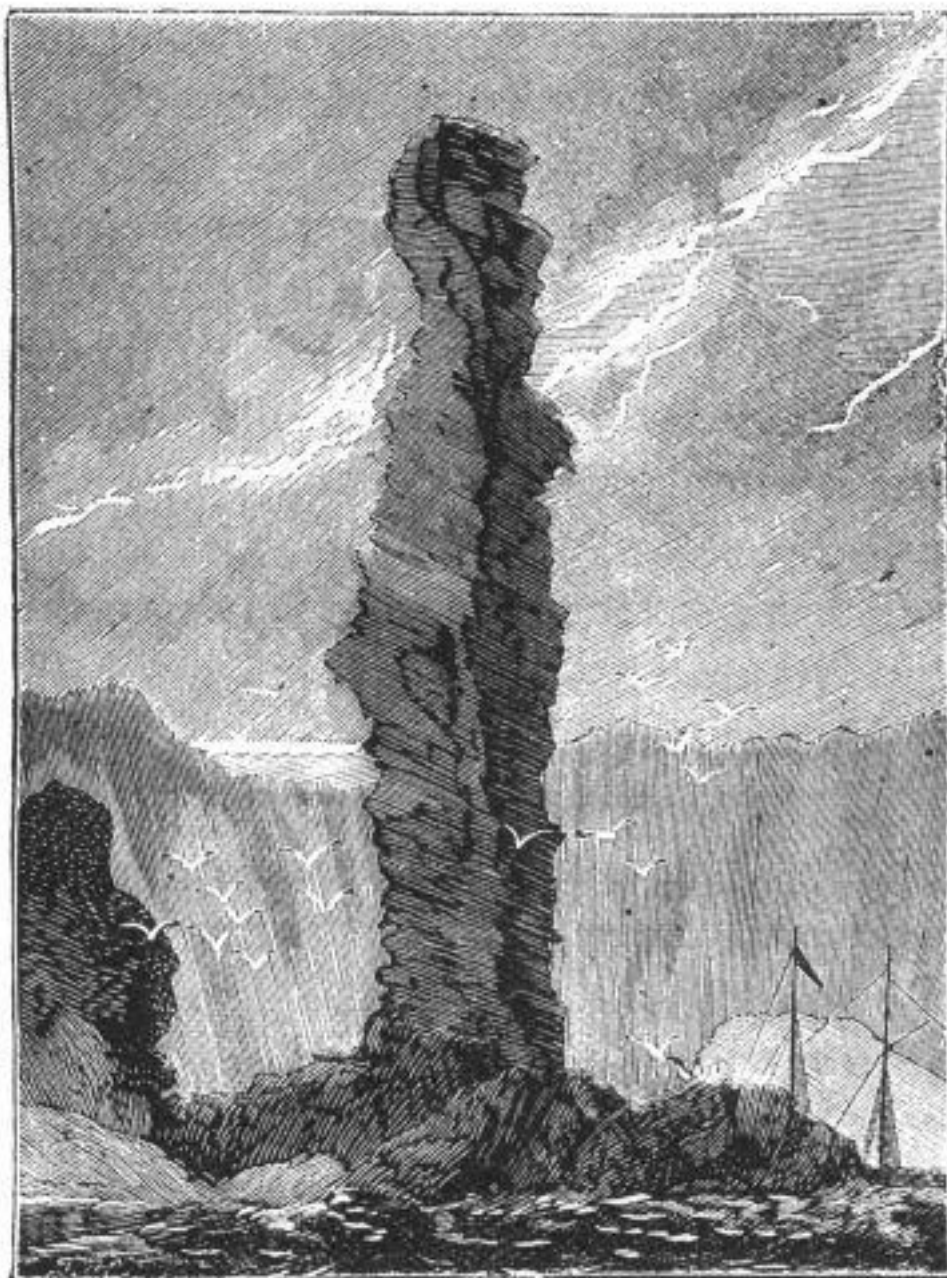
Гарольд Сигурдссон, который слушал этот разговор, спросил Тости́га, кто был представителем англичан.

- Это был мой брат, Гарольд Годвинсон собственной персоной, - ответил граф. "Слишком поздно я понял это", - сказал король Гарольд.

Английская кавалерия предприняла первый натиск, но была отбита. Решив, что их отступление указывает на всеобщее бегство, норвежцы бросились в погоню, таким образом нарушив свой боевой порядок, который король намеревался сохранить до прибытия ожидаемого подкрепления с кораблей. Король Гарольд сражался с *яростью берсерка*, бросаясь в гущу схватки и свирепо рубя вокруг себя. Ряды англичан дрогнули, и все свидетельствовало о победе скандинавов, когда горло короля было пронзено стрелой, и он, умирая, упал с лошади. Тостиг теперь принял командование, отказавшись от перемирия, предложенного его братом. Некоторое время он храбро сражался, и скандинавы, какими бы усталыми и ранеными они ни были, издали свой боевой клич и снова бросились вперед, горя желанием отомстить за своего короля. Затем Тостиг тоже был повержен, и широкое поле битвы покрылось телами убитых. Как раз в этот момент Эйстейн Орре, шурина короля Гарольда, прибыл с подкреплением, и завязался короткий и отчаянный бой, пока он тоже не пал. Под покровом сумерек небольшим остаткам великой армии удалось добраться до кораблей. Один человек, по имени Стиркаар Сталларе, оседлал лошадь и яростно помчался по полям, одетый в рубашку и шлем. В пылу боя с него сорвали одежду. Дул холодный ветер, который пробрал его до костей. По пути он встретил английского йомена, одетого в теплую куртку из овчины. Стиркаар спросил его, сколько он возьмет за эту одежду.

"Я не продам его тебе, - ответил йомен, - ибо по твоей речи я узнаю, что ты норвежец".

"Если это так, - сказал Стиркаар, - что ты тогда будешь делать?"

СТАРИК ИЗ ХОЯ, ЧТО НА ОРКНЕЙСКИХ ОСТРОВАХ.

- Я убью тебя, но, к несчастью, у меня нет оружия, которое могло бы мне помочь.

"Что ж, раз ты видишь, что не можешь убить меня, - возразил норвежец, - позволь мне попробовать, если я не смогу убить тебя".

И, подняв меч, он отрубил йомену голову и скрылся, прихватив его куртку.

В течение многих лет после этой битвы кучи человеческих костей были разбросаны по полям, потому что никто не остался, чтобы похоронить мертвых. Высадка Вильгельма Завоевателя (29 сентября) вызвала Гарольда Годвинсона в Гастингс, где были утрачены плоды победы на "Стэмфорд Бридж".

Олаф Харольдссон, сын Харольда Сигурдссона, сначала взял курс на Оркнейские острова, где тем временем умерла его сводная сестра Мария. Там он оставался зиму и весну, а следующим летом вместе с королевой Эллисиф и своей сестрой Ингегерд отплыл в

Норвегию. Из всего великолепного флота, с которым отплыл его отец, вернулись только двадцать четыре корабля.

Королю Гарольду был пятьдесят один год, когда он пал. Несмотря на недовольство вождей, за время его правления Норвегия добилась больших успехов в направлении урегулирования внутреннего положения. Племена спланивались в народ. В каждой ветви управления чувствовалась сильная рука короля. Его войны, хотя и были в некотором смысле катастрофическими, в целом способствовали тому, что Норвегия заняла безопасное место среди наций. Долгая полемика, которую он вел по церковным вопросам с архиепископом Бременским Адальбертом, закончилась его победой, и, хотя официального решения принято не было, норвежская церковь на некоторое время перестала признавать верховенство Бременского престола. Если бы король Гарольд был настолько благороден, насколько это было в его силах, он оставил бы после себя более великое имя.

ГЛАВА XVII.

ОЛАФ ТИХИЙ (КИРРЕ) (1066-1093) И МАГНУС ГАРОЛЬДССОН (1066-1069).

Вернувшись в Норвегию, Олаф Харольдссон обнаружил, что правительство находится у его старшего брата Магнуса, который уже был признан королем до смерти его отца. После некоторых переговоров было решено, что два брата разделят королевство между собой — Магнус получит большую часть на севере и западе, а Олаф довольствовался Викином. Если это разделение было основано на равных аллодиальных правах братьев, то оно было явно несправедливым. Но Олаф, не желая ссориться, принял это, насколько нам известно, без протеста.

Поход на Англию в значительной степени истощил ресурсы страны, и Свейн Эстридссон из Дании решил, что теперь представилась благоприятная возможность отомстить за обиды, которые он понес от рук короля Гарольда. Затем братья массово собрали войска со всей страны, но Свейну удалось привлечь к ответственности Олафа с его подразделением флота у берегов Халланда (1067), прежде чем к нему присоединился Магнус. Сражение, должно быть, было нерешительным, поскольку обе стороны заявили о победе. Насколько вообще возможно, что Олаф пострадал больше, поскольку он первым предложил мир. Тем временем прибыл Магнус, и их союзные флоты были, по всей вероятности, равны флотам Свейна или превосходили их. Как бы то ни было, Свейн внезапно утратил желание продолжать войну; и в Конгхелле (1068 г.) был заключен мир, по итогам которого был произведен обмен заверениями в дружбе и доброй воле. Говорят, что Олаф сыграл свою роль в переговорах с твердостью и бесстрашием, которые внушили Свейну уважение. В качестве первого результата встречи были заключены два брака, а именно: один между вдовой Гарольда Жесткого, Эллисиф, и королем Свейном, а другой между Олафом и дочерью Свейна, Ингрид.

Неизвестно, присутствовал ли Магнус при заключении мира в Конгхелле. Если так, то слабое здоровье, должно быть, помешало ему вести какие-либо дела, поскольку в связи с договором упоминается только имя Олафа. В течение следующего года все государственные дела также перешли к Олафу, ибо Магнус лежал больной в Нидаросе и, наконец, умер весной 1069 года. У него остался один сын, Хаакон, который был всего лишь младенцем и воспитывался Тором из Стейга. Никто не предъявлял никаких претензий на королевство от его имени, и таким образом Олаф стал королем всей страны.

За исключением небольшого всплеска военного азарта в первые годы после его восшествия на престол, двадцатисемилетнее правление Олафа Гарольдссона не представляет собой ни одного воинственного события. Его сага — это сага о мире, долгая и достойная летопись достижений на службе цивилизации. Ключевой чертой его характера была благоразумная умеренность. Он был религиозен, но не фанатичен; набожный, но не фанатичный. Покладистый по темпераменту, но не пренебрегающий никакими обязанностями, жизнерадостный, но не веселый, спокойный, но не ленивый, он действительно является уникальной, но не менее привлекательной фигурой среди воинственных потомков Гарольда Светловолосого. Он тем более примечателен, что его ведущие черты характера так разительно контрастируют с преобладающим типом мужчин его эпохи. Безмятежность души сияет в тех его высказываниях, которые саги сочли нужным сохранить. Похоже, что в подобном высказывании есть сознательное убеждение, опередившее свой век:

- Почему бы мне не радоваться, раз я сижу здесь с вами на пиру, посвященном моему родственнику святому Олафу, и вижу радость и свободу среди моих подданных? Во времена моего отца этот народ жил в большом принуждении и страхе. Тогда большинство из них спрятали свое золото и сокровища, но теперь я вижу, как на каждом сияют украшения, которыми он обладает. Ваша свобода и радость - мой праздник и мое наслаждение".

Фамилия *Kirre*, то есть спокойный, безмятежный, которую дал ему народ, независимо от того, подразумевалось это изначально как комплимент или нет, со временем стала почетным отличием; ибо в течение последовавшего столетия раздоров и кровопролития все смотрели на его бескровное правление как на золотой век мира.^[A] Как более поздний автор^[B] говорит: "Он был в благоволении как у Бога, так и у людей; он придавал большое значение миру и безмятежности; пусть каждый человек сохранит то, что принадлежало ему". владеть и подавлять только то, что было злом. * * * Тогда были превосходные урожаи и многообразное великолепие, так что Норвегия никогда со времен Гарольда Прекрасноволосого не была в таком процветающем состоянии, как в его дни. Все люди горячо любили его, ибо ради их удобства он уступал многое из того, на чем Гарольд настаивал с суровостью и к чему принуждал со всей строгостью. Он был щедр на золото, серебро и хорошие украшения, но привязан только к земле; причиной этого был его интеллект, ибо он видел, что это было для благополучия королевства".

^[A] См. Munch, ii., стр. 430.

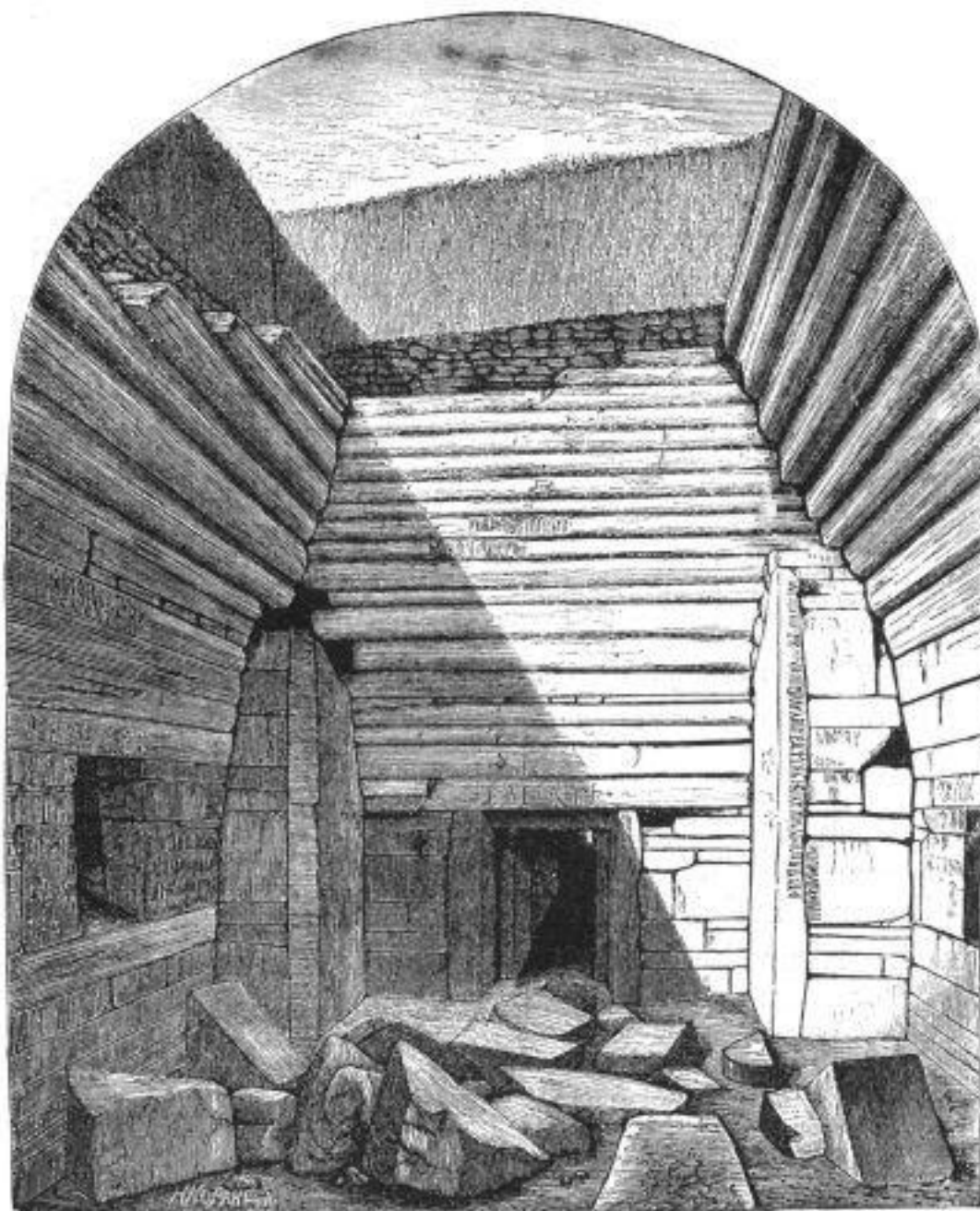
^[B] Тьодрек Мунк, глава 29. Цитируется по истории норвежского народа Мунка.

История об Олафе Тихом занимает всего несколько страниц в сагах, в то время как история его отца и сына, великих воинов, занимает много места. Работа по уничтожению человеческих жизней, в ходе которой совершались последние, больше нравилась воинственному историку королей Норвегии, чем спокойная деятельность по сохранению жизни и облегчению ее недугов, которой Олаф посвящал всю свою энергию. То немногое, что Снорре говорит о нем, действительно, исключительно в его похвалу, и весьма вероятно, что в те дни не было никого, кто думал бы о пении песен или иным образом сохранял другие

подвиги, кроме подвигов меча. Скальд, воспевавший Олафа, поэтому остановился главным образом на его участии в безрассудной экспедиции своего отца в Англию и его битве со Свеном Эстридссоном.

Естественно, что человек с характером Олафа не испытывал особой симпатии к духу викингов, который все же в определенной степени преобладал; и хотя мы не знаем, что он сделал, чтобы воспрепятствовать круизам викингов, мы слышали, что эта форма пиратства стала намного реже во время его правления. Одним из обстоятельств, которое, должно быть, обескураживало викингов, был значительно возросший риск, которому они подвергались, из-за консолидации и возросшей мощи государств, на которые они обычно нападали. Англия при Вильгельме Завоевателе больше не была подходящим местом стоянки для норвежских пиратов, и Франция, Испания и Германия аналогичным образом приняли меры по защите своих берегов, что сильно мешало летним развлечениям норвежских вождей. Путешествие в Ирландию, конечно, все еще предлагало некоторые стимулы в плане добычи рабов; но на шведском и русском побережьях Балтийского моря местные племена оказались способными учениками викингов и начали грабить за свой счет, что уменьшило шансы норвежцев на прибыль. Мы охотно поверили бы, что влияние христианства могло также сыграть активную роль в отлучении людей от их хищнических привычек, если бы последовавший за этим длительный карнавал кровопролития, казалось, не доказал обратного. Материальные соображения, о которых только что говорилось, были, очевидно, более весомыми; хотя в случае с королем, который сам подавал пример преданности мирным промыслам, нет сомнений в том, что его религия повлияла на его жизнь, укрепив невоинственную сторону его характера. Он проявлял свою искренность как христианин не только своей любовью к священникам, в облачении которых он часто помогал им облачаться, но, в частности, своими усилиями изменить и подавить все, что, по его мнению, противоречило духу религии Христа. Таким образом, он был первым королем Норвегии, который попытался положить конец крепостному праву. Он издал закон, по которому каждое графство в королевстве должно ежегодно освобождать по одному рабу. Однако его первой целью при отдаче этого приказа было привлечь граждан в свои города и тем самым поощрить торговлю и мирные занятия. Многие из рабов были ремесленниками, и большое количество тех, кто попал в плен в качестве военнопленных, были людьми умными и предприимчивыми.

Даже до правления Олафа Тихого торговля переживала периоды процветания. Викинги часто были не только пиратами, но и торговцами и покупали за деньги или товары то, чего не могли взять мечом. С другой стороны, купцы, которые не были викингами, всегда должны были иметь под рукой меч, чтобы защищать свои грузы. Таким образом, очень резкого различия между кастой воинов и кастой торговцев не существовало, и мы обнаруживаем, что великие вожди, более того, даже сами короли, занимались торговлей и не стыдились прибыли, которую они получали от торговой предприимчивости. Так, мы слышим, что Олаф Святой на одно плавание заключил партнерство с купцом Гудлейком Гердске, а Гарольд Суровый правитель превратил торговлю с финнами в королевскую монополию, которую он раздал своим подчиненным. Значительный бартерный обмен товарами происходил между Норвегией и Данией, Швецией и Англией, и по мере того, как пиратство приходило в упадок, а драгоценные металлы вошли во всеобщее употребление, торговые отношения стали более регулярными. Эти первые признаки более упорядоченной социальной организации начали проявляться во времена правления Олафа Тихого, и именно благодаря этому факту мы так много слышим о развитии торговли и процветании городов. Город Бьоргвин (ныне Берген) был основан им (1070-1075) и очень скоро стал важным торговым центром.

ИНТЕРЬЕР ОРХАУГЕНА, ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОГО ЖИЛИЩА НА ОРКНЕЙСКИХ ОСТРОВАХ.

Пока их занятием была война, а промышленные занятия оставались рабам, от скандинавов нельзя было ожидать особого чувства домашнего уюта. И дело в том, что до времен Олафа Тихого даже самые богатые из них жили примитивно, на грубой пище и в грубом окружении. В их домах была всего одна комната с закрытыми нишами вдоль стен для кроватей. Полom служила голая земля, плотно утрамбованная и покрытая соломой, а посередине ее горели костры, от которых по комнате разлетались клубы дыма и искры. В крыше было большое отверстие для выхода дыма, а также для поступления света. Потолков здесь не было, но покрытые копотью стропила, с которых часто свисали рыболовные снасти, шкуры и предметы одежды, тянулись от стены к стене. Рядом с карнизом в крыше были квадратные отверстия, закрытые ставнями. По обе стороны от камина стояли столы и скамейки, которые тянулись вдоль всего зала. В середине каждой из двух скамеек, тянувшихся вдоль стен, находилось более искусно вырезанное сиденье с высокими столбиками, называемое высоким сиденьем. Высокое кресло у северной стены, обращенное на юг, принадлежало

хозяину дома; то, что у южной стены, предназначалось для высоких гостей. В домах вождей стены были украшены оружием тонкой работы и драпировками из цветной ткани. Помимо основного жилища (*скали*), здесь было несколько домиков поменьше, таких как баня, кухня, женская беседка, комната для прислуги, а иногда и гостевой дом. Среди хозяйственных построек самыми важными были склад, амбар и коровники. Из этого видно, что ферма зажиточного крестьянина, должно быть, имела вид небольшой деревни.

В эти устройства Олаф внес определенные изменения, все они были направлены на повышение комфорта. Во-первых, он перенес камин из середины пола в угол и соорудил дымоход для выхода дыма. Таким образом, стало возможным делать полы из камня или дерева, и это нововведение последовало незамедлительно. В стенах были прорезаны окна, снабженные стеклянными панелями или полупрозрачными мембранами. Были сделаны потолки, позволяющие поддерживать в помещении более равномерную температуру, и постепенно несколько комнат были собраны под одной крышей. Высокое кресло магистра было перенесено на поперечную скамью у западной (?) стены; а в королевском зале оно было установлено на возвышении, предназначенном для короля, королевы и знатных особ. В то время как в прежние времена пирующие довольствовались светом от камина, Олаф ввел свечи и подсвечники и поставил перед королевским столом столько подносчиков, сколько присутствовало лиц княжеской крови. Придворные были назначены прислуживать гостям; и членам *хирда*, или двора, которые исполняли эту должность, был присвоен более высокий ранг, чем остальным.

Эти нововведения, несомненно, были отходом от старой демократической простоты. В связи с придворными потребовались более щедрые расходы, и мы обнаруживаем, что Олаф увеличил число придворных (*хирдменниров*) с 60, которые до сих пор были законным числом, до 120. Более сложный церемониал был прямым следствием большей роскоши, и искусственные различия в ранге были более подчеркнуты, чем раньше. Ровное добродушие и мягкость короля в значительной степени скрывали истинный смысл всего этого и мешали людям увидеть в этом какой-либо вред. На самом деле, скандинавы в те дни любили великолепие, и при всем их неистовом чувстве независимости их очень привлекали блеск и показуха. Великолепие дома Олафа, как правило, увеличивало его популярность, поскольку он не возлагал на людей большого бремени, чтобы покрыть свои возросшие расходы.

Мы слышали, что Олаф Тихий был ревностным христианином и проявлял горячий интерес к моральному благополучию своего народа. С целью смягчения их нравов и предотвращения кровавых разборок, которые в то время могли нарушить общественное общение, он учредил клубы или ассоциации, которые подчинялись жестким правилам. Эти клубы или гильдии, как их называли, сначала собирались в домах своих членов, но постепенно, по мере роста благосостояния, построили отдельные клубные дома или даже церкви в честь своих святых покровителей. Святой Олаф был их любимым покровителем, но гильдии также создавались под покровительством других святых. Духовенство осуществляло надзор за прихожанами, и усиленно настаивалось на мирном и примирительном поведении. Оружие в залах гильдии было запрещено, и все споры должны были разрешаться, когда у обеих сторон было время остыть. Чтобы предотвратить драки, ограничивая поведение буйнопомешанных, были допущены женщины с хорошей репутацией, и собрания открывались краткими религиозными церемониями. Поначалу единственными целями собраний были социальные; но по мере того, как гильдии становились все более могущественными, было невозможно помешать им принять полополитический характер. Законы обязывали членов организации к взаимной защите и часто к мести за смерть друг друга. Они могли бы стать опасными для

государства, если бы король и его главные советники сами не были членами и, таким образом, не могли контролировать их действия.

Гильдии ремесленников, которые в позднее средневековье начинают приобретать политическое значение, развились из этих социальных гильдий, которые, однако, с самого начала не ограничивались людьми одного ремесла или профессии.

Мы очень мало слышим о племенных вождях во время правления Олафа, вероятно, потому, что многие из самых выдающихся из них пали на "Стэмфорд Бридж", а популярность короля делала это нецелесообразным для тех, кто остался выступать против него. Один из немногих людей, чьи деяния описаны, - Скуле, сын графа Тостига, которого Олаф привез с собой из Англии после смерти своего отца. В 1069 году Скуле был отправлен с миссией к Вильгельму Завоевателю с целью вернуть тело Гарольда Жесткого Правителя в Норвегию, и выполнил это к удовлетворению короля. Он был предком короля Инге Баардссон и зачатого интригана Скуле, который тщетно стремился к трону.

Олаф Тихий умер в своем поместье Хокби в Ранрике 22 сентября 1093 года. Его тело было доставлено в Нидарос и погребено в Церкви Христа, которую он сам построил.

ГЛАВА XVIII.

МАГНУС БЭРФУТ (1093-1103) И ХОКОН МАГНУССОН (1093-1095).

Когда весть о смерти короля Олафа распространилась по всему миру, жители Викена признали его сына Магнуса королем, в то время как трендерцы поспешили провозгласить его племянника Хокона Магнуссона. Соответственно, страна была еще раз разделена; две трети, включая Тренделаг, Опланды и все северные графства, принадлежали Хокону, и около трети - Магнусу. Последний вряд ли был готов найти соперника на трон в лице своего двоюродного брата, который за все время долгого правления своего отца не подавал никаких признаков того, что лелеет подобные амбиции. Только незнание с его стороны намерений Хокона может объяснить его отъезд в авантюрную экспедицию в Шотландию. В нем жил беспокойный, воинственный дух его деда, и он был раздражен ограничениями, которые налагала на него мирная политика отца. Теперь, когда он был свободен, он мог позволить себе больше не терять времени на безделье. Поэтому, как только у него развязались руки, он пустился в погоню за славой; помог шотландскому королю Дональду Бейну в его войне против Эдгара Этелинга и его брата, детей Малькольма; отстоял (по-видимому, суспехом) свои права на шотландские острова, которые во время правления Гарольда Жесткого стали независимыми; помог ирландскому королю Мюркертаху в борьбе против графа Гудреда Меранаха; и, наконец, вернувшись домой летом 1094 года, обнаружил, что две трети его королевства находятся в руках короля. руки соперника. Он отплыл прямо в Нидарос на семи кораблях и поселился в новом королевском особняке, решив заставить тредеров ощутить всю тяжесть его гнева. Хокон и его приемный отец, Тор из Стейга, тоже поспешили в город и поселились в старом королевском особняке. Отношения между двумя сторонами были напряженными, и каждый день люди ожидали вспышки боевых действий. В конце концов Хокон начал переговоры со своим двоюродным братом, предлагая разделить с ним королевство поровну; но Магнус отверг его предложения, отказавшись признать его право на какую-либо долю в правительстве. Внезапно, посреди ночи (февраль 1095 г.), Магнус приказал развести по всему городу большие костры, и люди Хокона, ожидая нападения, схватились за оружие и выбежали на улицы. Однако никакого нападения предпринято не было, и обе стороны покинули город без каких-либо враждебных столкновений. Хокон, пересекая гору Довре на снегоступах, заболел и умер.

Можно было бы предположить, что у Трандерсов больше не было предлога упорствовать в своем противостоянии Магнусу. Но, очевидно, они оба ненавидели его и боялись, что он сурово накажет их за поддержку, которую они оказали его двоюродному брату. Поэтому они прислушались к совету Тора из Стейга, который потребовал от них присяги претенденту по имени Свейн, датчанину по происхождению, не состоящему в родстве с королевским домом Норвегии. Повстанцы нашли много сторонников в Опландии, среди которых вассал Эгиль Ааслакссон. Под предводительством Тора и Свейна они отправились в путь, разоряя и грабя Нордмор и Тренделаг. Они предоставили крестьянам выбор: либо присоединиться к ним, либо позволить сжечь их дома у них над головами; и многие предпочли первое второму. Вассал и преданный друг Магнуса, Сигурд Шерстяной Шнурок (Ульстренг), разослал призыв к войне, но его силы, которых было совершенно недостаточно, были наголову разбиты повстанцами. Он бежал к Магнусу, который немедленно бросился в погоню, захватил Тора Стейга и Эгиля и повесил их. Многие другие, участвовавшие в восстании, были убиты или лишены своего имущества; и в качестве наказания для тредеров были вновь введены в действие законы Свейна Альфифассона.

Теперь Магнус был бесспорным хозяином всей Норвегии и с большой энергией посвящал себя поддержанию порядка, верша безжалостное правосудие над злодеями. Однако бесславно сидеть дома, наказывая мятежников и мародеров, было не в его вкусе. Он ненавидел мир так же сильно, как его отец любил его. Поэтому без какой-либо особой провокации он решил нанести второй визит в Шотландию и Ирландию с целью надежного установления своего владычества на этих землях. Похоже, что он также вынашивал план вторжения в Англию и мести за смерть своего деда на "Стэмфорд Бридж". Хокон Паульссон, сын графа Пола Оркнейского, приехавший в Норвегию, поощрял его честолюбие, надеясь сам каким-то образом извлечь из этого выгоду. С флотом из 160 кораблей и более чем 14 000 человек воинственный король отплыл весной 1098 года на Оркнейские острова, а оттуда на Гебридские острова, где он действовал с безжалостной жестокостью. Он завоевал также английские острова Мэн и Англси и приложил огромные усилия для колонизации последнего острова. Летом 1099 года он вернулся в Норвегию, но умудрился в течение года ввязаться в многообещающую ссору с королем Швеции Инге, на одну из провинций которой (Дальсланд) он претендовал под надуманным предлогом. Он одержал великую победу над шведами при Фуксерне и оставил гарнизон из 360 человек в крепости, которую построил на острове в озере Венер. Но зимой король Инге вынудил этот гарнизон сдаться на унижительных условиях; и Магнус, чтобы отомстить за этот позор, вторгся в Швецию во второй раз и потерпел поражение недалеко от Тролльхеттана. Тогда он был близок к тому, чтобы расстаться с жизнью, но был спасен Агмундом Скофтессоном, который поменялся с ним плащами и, отойдя на видное место от других беглецов, увлек преследователей за собой. Такого рода война была, конечно, пустой тратой жизней и сокровищ, и при посредничестве датского короля Эрика Эйгода в Конгхелле (1100) был заключен мир. Магнус должен был жениться на дочери короля Инге Маргарет, которая должна была получить спорную провинцию в качестве своего приданого. Брак, однако, не принес результатов, и после смерти Магнуса Дальсланд снова стал частью Швеции. Королеву Маргариту, поскольку она была несущей мир, скандинавы называли *Фридкулла, то есть* миротворец.

Нельзя было ожидать, что Магнус успокоится на той славе, которую он теперь приобрел, и обратит свои мысли к поискам мира. Его чувства на этот счет хорошо выражены в его высказывании: "Король должен скорее стремиться к славе, чем к долгой жизни". В своем стремлении найти предлог для войны он в конце концов, как рассказывают, послал пару своих башмаков королю Мюркертаху в Ирландию с просьбой нести их на плечах в Рождество в присутствии норвежских послов в знак того, что он признал Магнуса своим сюзереном. Ирландцы были сильно разгневаны этим требованием; но Мюркертах, который кое-что знал о стиле ведения войны Магнусом, заявил, что он не только понесет башмаки, но и съест их, чем примет еще один визит короля Норвегии. Это смирение, однако, не спасло его от страшного посещения. Магнус решил завоевать Ирландию и немедленно отплыл (1102 г.) на запад с большим флотом. Побывав на Оркнейских островах, он высадился на Мане, где его сын Сигурд был провозглашен королем и женат на девятилетней дочери Мюркертаха, Биадмуин. Некоторое время он с переменным успехом сражался в Ольстере, номинально находясь в союзе с Мюркертахом, хотя есть все основания полагать, что последний лишь выжидал случая уничтожить его. Такой шанс наконец представился, когда Магнус ждал на побережье Ольстера обещанное ему стадо крупного рогатого скота. Он сошел на берег с небольшой частью своего отряда в болотистой местности и внезапно был окружен ирландцами, которые спрятались в подлеске и которые, благодаря своему знанию местности, имели большое преимущество. Здесь Магнус пал в героическом бою, и остатки его армии поспешили вернуться в Норвегию.

На момент смерти Магнусу было всего тридцать лет. Он был высоким и хорошо сложенным мужчиной с тонкими чертами лица и властной внешностью. Его фамилия Босиком или Bareleg была дана ему потому, что после возвращения из своей первой шотландской кампании он принял костюм горца, надев килты вместо брюк.

ГЛАВА XIX

ЭЙСТЕЙН (1103-1122), СИГУРД КРЕСТОНОСЕЦ (1103-1130) И ОЛАФ МАГНУССОН (1103-1115).

В соответствии с установившимся обычаем трое сыновей Магнуса Босоногого были провозглашены королями, и земля была разделена между ними. Существует, однако, вероятность того, что это разделение относилось главным образом к королевским поместьям, от которых короли получали свой основной доход, но не предполагало разделения самой страны на отдельные королевства. На момент провозглашения Эйстейну было четырнадцать лет, Сигурду - тринадцать, а Олафу - три или четыре. Все они были незаконнорожденными, но были признаны своим отцом. В то время по всей Европе было большое волнение из-за крестовых походов. Короли, рыцари и даже дети в своем стремлении спасти свои души пренебрегали здравым смыслом и, полагаясь на

сверхъестественную помощь, без должной подготовки пускались в авантурные предприятия. Этот великий религиозный энтузиазм не достиг Севера до тех пор, пока его сила частично не иссякла. Некоторые из мужчин, посетивших Иерусалим, вернулись домой, но, по-видимому, религиозные этапы войны против неверующих мало затронули их. Они скорее говорили о шансах на мирскую славу и завоеваниях, которые представлял крестовый поход, и пробудили во многих своих соотечественниках желание завоевать как небесную, так и земную славу экспедицией в Святую Землю. Общим желанием было, чтобы экспедицией командовал один из принцев, и Сигурд, унаследовавший дух своего отца, охотно согласился. Чтобы должным образом обустроить себя, ему нужны были деньги, а их он не мог получить без доброй воли людей. У него хватило мудрости понять, что успех его предприятия может быть лучше обеспечен уступкой, чем вымогательством, и поэтому он раз и навсегда отменил деспотические законы Свена Альфифассона и приобрел тем самым большую популярность. Эйстейн энергично помогал своему брату в снаряжении, и осенью 1107 года Сигурд отплыл с флотом из шестидесяти больших кораблей и десяти тысяч человек. Сначала он нанес дружественный визит в Англию, где был с большим почетом принят королем Генрихом I. Оттуда он взял курс на Испанию, где пережил множество приключений, сражался с маврами и уничтожил пиратское гнездо на острове Форментера. В Италии он был великолепно принят сыном Роберта Жискара, герцогом Рожером, который гордился своим норвежским происхождением и приветствовал короля Норвегии как родственника. Он даже (если верить рассказу саги) признал Сигурда своим сюзереном и согласился получить королевский титул из его рук. Однако вскоре после этого герцог Рожер умер, и у него не было возможности утвердить свое новое достоинство. Только в августе 1110 года Сигурд достиг Святой Земли. Он высадился в Иоппии, где его встретил король Балдуин, который сопровождал его в Иерусалим и показал ему гроб Господень и все места, связанные с жизнью и смертью Спасителя. Патриарх Иерусалимский подарил Сигурду лубок истинного креста, который должен был храниться в святилище святого Олафа, при условии, что король по возвращении наложит десятину на поддержку церкви. Прежде чем отправиться домой, Сигурд помогал Болдуину и графу Бертрону Трипольскому при осадах Сидона и Акрона и получил свою долю добычи. Затем он отправился в Константинополь, где император Алексей устроил в его честь игры, и его развлечения отличались таким пышным великолепием, какого скандинавы никогда не видели. Однако Сигурд запретил им высказывать удивление всему, что они видели, чтобы греки не решили, что они варвары, непривычные к роскоши. В июле 1111 года король вернулся в Норвегию после трех с половиной лет отсутствия. Отныне он получил фамилию Крестоносец (Джорсалфар).

Жажда славы, одушевлявшая Сигурда, разительно контрастировала с мирным духом, который жил в его брате Эйстейне. На первого снизошло неугомонное честолюбие Магнуса Босоногого, в то время как второй унаследовал вкус своего деда Олафа Тихого к созиданию и спокойную радость от добрых дел. В то время как Сигурд бороздил моря и сушу в поисках славы, Эйстейн тихо сидел дома, строя церкви, поощряя торговлю и промышленность и совершенствуя законы. Исключительно силой убеждения, подарков и взывания к их личным интересам он завоевал расположение жителей шведской провинции Емтеланд, которая во времена правления Хокона Доброго принадлежала Норвегии. Зная важность рыболовства как источника национального богатства, он приказал построить в Ваагене палатки для размещения рыбаков, а также церковь и дом священника для их духовного благополучия. В Агденессе, где потерпело крушение много кораблей, он устроил искусственную гавань, построив молы. В качестве путеводителя для моряков вдоль опасного побережья он расставлял морские знаки и примитивные маяки в форме костров, которые зажигались с наступлением темноты на определенных скалах и мысах. Для приюта паломников к святилищу святого Олафа и других путешественников он построил таверны на горе Довре,

переход через которую до сих пор был опасен из-за снега и отсутствия дорог. Среди многих церквей, возведенных им, были церковь апостолов и Святого Михаила в Бергене, Святого Николая в Нидаросе и богатый бенедиктинский монастырь Мункелив.

При всей своей преданности войне и склонности к насилию скандинавы не могли не любить этого мудрого и миролюбивого короля, чьей постоянной заботой было их благополучие. О том, что их старые воинственные идеалы были вытеснены более мягкими и благородными, свидетельствует их преданность двум своим непримиримым королям, Олафу Тихому и Эйстейну Магнуссону. Из этих двоих Эйстейн был более выдающимся с точки зрения интеллекта и силы характера. Похоже, он проводил свою политику созидания, а не разрушения, не только из-за склонности к темпераменту, но и из-за трезвой убежденности. В этом отношении показательна его любовь к изучению права и то значение, которое он придавал правовым знаниям. Здравым смыслом и умеренностью, которыми отличался его дед, он также обладал в заметной степени, помимо той же мягкости и обаяния манер. Внешне он был похож на большинство представителей своей расы, крупный и красивый; у него были голубые глаза, светлые вьющиеся волосы и достойная осанка.

Едва ли можно было ожидать, что два брата, столь враждебные по характеру, как Сигурд и Эйстейн, смогут избежать столкновения. Сигурд чувствовал себя светским человеком, проявившим себя блестяще в чужих краях, а на Эйстейна смотрел как на домоседа, который не мог похвастаться подобным опытом. Он едва ли оценил тот факт, что его брат, хотя и чинил препятствия на его пути, сердечно принял его по возвращении и охотно поделился с ним своей властью. Ему было непостижимо, что такой тихий человек, как Эйстейн, не имевший великих подвигов, которыми можно было бы похвастаться, должен пользоваться таким же уважением, как он сам. Прежде всего, это было то, что Эйстейн настаивал на законных методах во всех отношениях между подданным и королем, что казалось Сигурду вмешательством в его власть и, следовательно, раздражало его. Вскоре из-за этого источника возникли серьезные разногласия. Однажды, когда Сигурд был в Тренделаге, он оскорбил прекрасную Сигрид, жену вассала Ивара Флайодского, после того как отправил последнего в опасную экспедицию в Ирландию. Брат этой Сигрид, Сигурд Ранессон, возмутился, и король в отместку обвинил его в растрате при торговле финнами, которые были переданы ему Магнусом Босойнойгой. В своей нужде он обратился к королю Эйстейну, который, услышав эту историю, пообещал ему свою помощь. Трижды Сигурд Ранессон был вызван ко двору королем Сигурдом, но каждый раз превосходное знание закона Эйстейном спасало его. Юридическая процедура, которая подробно зафиксирована, полна интереса и свидетельствует о замечательном развитии социальной организации, учитывая время. Однако в конце концов Эйштейну пришлось не только взять на себя ведение дела, но и стать стороной в судебном процессе вместо своего клиента. Король Сигурд был сильно разгневан, и Сигурд Ранессон, чтобы избежать кровопролития, поздно вечером поднялся на борт корабля своего врага, упал перед ним на колени и сказал: "Я не хочу, мой господин король, чтобы ты и твой брат враждовали из-за меня. * * * Лучше я отдам себя и свою голову в руки твоей власти и милосердия, * * * ибо я скорее умру, чем стану причиной вражды между тобой и королем Эйстейном."

Король, после долгого размышления, ответил: "Воистину, ты благородный человек, Сигурд, и ты выбрал путь, который будет лучшим для всех нас. Знай, что * * * я твердо решил завтра отправиться в Айлеволдс со всеми своими людьми и сразиться с королем Эйстейном."

Теперь он вынес решение, что его противник должен заплатить пятнадцать марок золотом, которые должны быть разделены между тремя королями, но поскольку Эйстейн и Олаф оба

отказались принять свою долю денег, Сигурд, не желая уступать в щедрости, также отказался от своих притязаний.

Хотя теперь угрозы войны не было, отношения между братьями все еще были далеки от сердечных. Вскоре возник новый источник разногласий, в которых, как обычно, был виноват Сигурд. До него дошел слух, что Эйстейн очень любил девушку по имени Боргхильд, дочь могущественного крестьянина Олафа из Даля; что он любил сидеть рядом с ней и разговаривать, и что его пристрастие к ее обществу стало причиной скандальных слухов. Боргхильд, чтобы доказать свою невиновность, наступила на раскаленные лемехи плуга и выдержала испытание. Сигурд, видя, что появилась возможность отплатить своему брату за защиту Сигурда Ранессона, похитил Боргхильд и сделал ее своей любовницей. Она стала матерью Магнуса, который на короткое время стал королем после смерти своего отца. Эйстейн принял это дело близко к сердцу, но не предпринял никаких усилий, чтобы отомстить за причиненное ему зло. Однако то, что он чувствовал себя обиженным из-за этого, было достаточно естественно, и однажды это чувство вспыхнуло совершенно неожиданно; хотя, конечно, никаких намеков на настоящую обиду сделано не было.

Случилось однажды зимой, что два короля пировали вместе в одном из поместий Эйстейна. Люди короля Сигурда, отражая дух своего господина, вели себя высокомерно по отношению к людям короля Эйстейна и любили возвеличивать одного брата за счет другого. Эйштейну было подано много жалоб, но он отказался принимать их к сведению. Натянутые отношения между двумя сторонами, однако, испортили настроение за столом, и мужчины угрюмо сидели над своими чашками и чувствовали себя не в своей тарелке. Затем Эйстайн, возможно, с более глубокой целью, чем кажущаяся, предложил так называемую "оценку человека", или сравнение достоинств, которое в те дни было любимым развлечением в обществе. Следует отметить, что этикет тогда не запрещал мужчине хвастаться своими собственными поступками и достижениями. Напротив, со времен язычества сохранился обычай откровенно подчеркивать свои заслуги и, когда того требовал случай, обрушивать на противника оглушительные залпы брани.

"Помнишь ли ты, - начал Сигурд в ответ на вызов своего брата, - как я победил тебя в борьбе, хотя ты был на год старше меня?"

"Я помню также, - ответил Эйстейн, - что ты уступал мне в ловкости".

Шаг за шагом они теперь проходили детство и юность, сравнивая мастерство друг друга в плавании, конькобежном спорте, стрельбе, лыжном беге и во внешности. Наконец, Сигурд коснулся главного вопроса, о котором шла речь, когда он сказал:

"Общепризнано, что кампания, которую я предпринял в чужих землях, была вполне достойна вождя, в то время как ты сидела дома в своей стране, как дочь своего отца".

"* * * Мне кажется, я также помню, - возразил Эйстейн, - что это я снаряжал тебя из дома для той кампании, как сделал бы это с дочерью".

"Но я ездил в Святую Землю и в Африку, но там я не видел тебя. Я выиграл восемь битв. Тебя не было ни в одной из них. Я ходил ко гробу Христову; там я не видел тебя. Я пошел к реке Иордан той же дорогой, по которой ушел наш Господь, и переплыл ее; но я не увидел тебя там. Я завязал для тебя узел в подлеске на берегу реки, и он все еще ждет, когда ты его развяжешь. Я завоевал город Сидон вместе с королем Иерусалима, без твоей помощи и совета".

ХИТТЕРДАЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЫ.

Эйстейн невозмутимо выслушал этот длинный список подвигов своего брата и, наконец, ответил: "Я действительно слышал, что ты участвовал в нескольких сражениях за границей, и то, что я могу противопоставить таким подвигам, - это всего лишь мелочи. На севере, в Ваагене, я поставил палатки для рыбаков, чтобы бедняки могли найти кров и зарабатывать себе на жизнь. Я приказал построить церковь, назначил священника и выделил землю для поддержки церкви. * * * Те, кому это понравится, наверняка помнят, что Эйстейн был королем Норвегии. * * * По ту сторону горы Довре было много путешествий. Там люди лежали на камнях и терпели лишения. Я построил гостиницу и одарил ее. Путешественники, которые сейчас пожинают плоды этого, будут помнить короля Эйстейна. В Агденессе было опасное побережье и не было гавани, так что корабли часто терпели крушение. Там я построил гавань, где есть отличная якорная стоянка для всех кораблей. * * * Я также построил там церковь и нанес морские знаки на высокие горы. * * * Все эти вещи теперь служат рыбакам и торговцам, которые перевозят продукты своей страны с места на место, и они, извлекая из них выгоду, будут помнить меня. * * * Жителей Йеменландии я подчинил этому царству не насилием, а мягкими словами и разумными переговорами. * * * Все эти вещи, возможно, не имеют большого значения, но я не верю, что они приносят меньше пользы моей стране и народу и принесут моей душе меньше пользы, чем твоей, если ты отправишь мавров к

дьяволу и отправишь их кубарем в ад. * * * Теперь, что касается узла, который ты завязал для меня, то, мне кажется, я мог бы завязать для тебя такой узел, что ты никогда бы не стал королем Норвегии, когда ты вернулся из своего похода и приплыл сюда всего на одном корабле. Пусть теперь разумные люди рассудят, какое преимущество ты имеешь передо мной, и знай, вы, кичливые хвастуны, что в Норвегии еще есть люди, которые осмеливаются считать себя равными тебе".

На этом "измерение людей" закончилось, и оба короля были очень разгневаны.

Зафиксировано несколько других случаев, которые показывают, что ревность Сигурда к своему брату в конце концов привела бы к нарушению мира, если бы смерть внезапно не положила конец их общению. Эйстейн умер в возрасте тридцати трех лет 29 августа 1122 года. Младший брат, Олаф, умер (1115 г.), не достигнув совершеннолетия, и, соответственно, Сигурд был единственным правителем страны. Теперь он был свободен от ограничений, которые налагал на него миролюбивый нрав Эйстейна, и вскоре воспользовался своей свободой, чтобы совершить крестовый поход в шведскую провинцию Смааланд, где все еще сохранялось язычество (1123). Он напал на город Кальмар, из-за чего война была названа Кальмарской войной. Неизвестно, удалось ли ему обратить язычников; также не зафиксированы какие-либо другие результаты крестового похода. После его возвращения из этого похода его постигло великое бедствие. Рассказывают, что однажды, когда он принимал ванну, он крикнул, что в ванне есть рыба, и забегал вокруг, пытаясь ее поймать. Это был первый симптом безумия, омрачившего оставшиеся годы его жизни. Часто он подолгу оставался в здравом уме, но временами сидел и размышлял, дико закатив глаза, или впадал в пароксизмы гнева. Однажды, в день Пятидесятницы, когда на него нашло безумие, он взял драгоценную книгу, [A] которую он привез с собой из Константинополя, и, мрачно глядя на королеву Мальмфриду, сидевшую рядом с ним, сказал: "Как много вещей может измениться за жизнь человека! Когда я вернулся в свою страну, у меня были две вещи, которые казались мне самыми ценными, — эта книга и королева. Теперь одна кажется еще более бесполезной, чем другая. Королева не знает, насколько она отвратительна, потому что из ее головы торчит козий рог. * * * А эта книга ни на что не годна".

[A] Кодекс, написанный золотыми буквами, содержащий, вероятно, часть Библии.

Затем он встал, отвесил королеве пощечину и швырнул книгу в огонь. Но в то же мгновение молодой свечник по имени Оттар Биртинг прыгнул вперед, выхватил книгу из пламени и бесстрашно предстал перед королем. "Сейчас все по-другому, мой господин, - сказал он, - по сравнению с тем временем, когда ты с помпой и великолепием отплыл в Норвегию, и все твои друзья с радостью поспешили встретить тебя. * * * Теперь для нас настали дни скорби; ибо на этот славный праздник пришли многие из твоих друзей, но они не могут радоваться из-за твоего печального состояния. А теперь будьте так добры, милостивый государь, принять этот совет. Порадуй своей кротостью сначала королеву, которую ты так жестоко оскорбил, а затем всех своих вождей, своих воинов, своих друзей и слуг".

-Как смеешь ты, уродливый сын низкородного арендатора, давать мне советы? - воскликнул король, вскакивая и обнажая меч.

Все гости ожидали, что в следующий момент голова Оттара покатится по полу. Но Оттар стоял, спокойно глядя в лицо королю, и не двигался с места. Затем Сигурд внезапно остановил его руку, и меч мягко опустился ему на плечо. Он упрекнул своих вассалов за то, что они не протестовали против его безумных поступков, и поблагодарил юношу за его мужество.

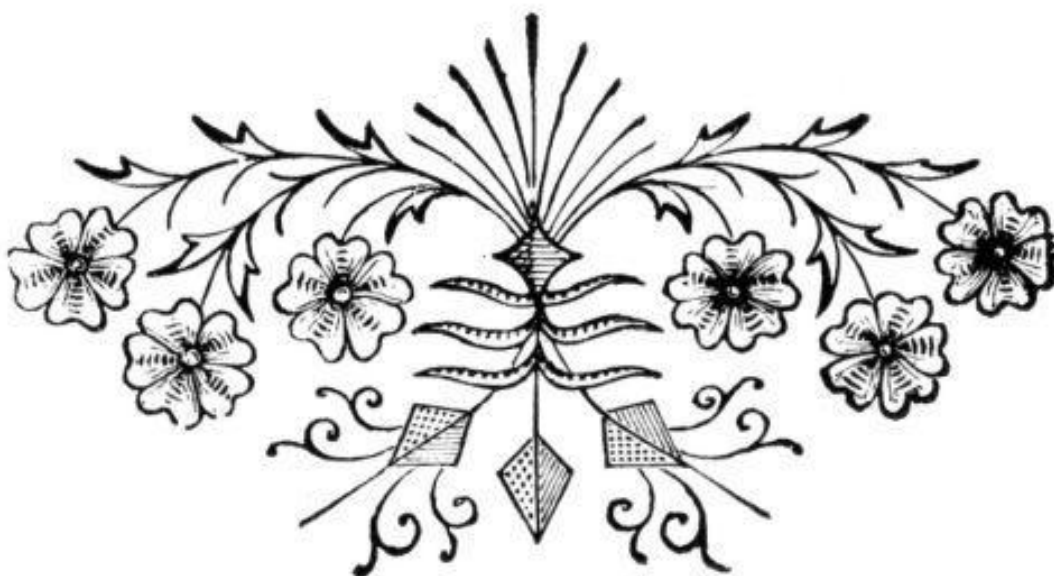
"Итак, иди, Оттар, - закончил он, - и займи свое место среди вассалов. Ты больше не будешь ни у кого прислуживать".

Оттар Биртинг стал в последующие годы человеком с большой известностью и авторитетом.

Возможно, именно из-за нездоровья своего рассудка Сигурд в последние годы своей жизни совершил поступок, который, каким бы великодушным он ни казался, вряд ли был политически оправдан. В 1129 году молодой ирландец по имени Гарольд Гилкрест прибыл в Норвегию и заявил, что он сын Магнуса Босоногого. Было известно, что у короля Магнуса была любовница в Ирландии, и, как говорят, во время своей последней битвы он продекламировал стих об ирландской девушке, которую любил больше всех на свете. Поэтому вполне вероятно, что Гарольд Гилкрест был или, по крайней мере, считал себя наследником норвежского престола. Он отправился к королю Сигурду, который выслушал его историю и позволил ему доказать правдивость своего заявления, подвергнув его испытанию огнем. Он прошел по раскаленным лемехам и успешно выдержал испытание. Именно священники отвечали за такие испытания, и считалось, что результат находится в их власти. Гарольд Гилкрест, или Гилле, как его называли норвежцы, теперь был признан королем своим братом при условии, что он не будет предъявлять никаких претензий к правительству, пока Сигурд или его сын Магнус живы. Однако королю было нелегко добиться для длинношеего, тонконового и долговязого ирландца уважения, которое полагалось члену королевской семьи. Во-первых, внешний вид Гарольда был против него, а во-вторых, он заикался и едва мог выразиться по-норвежски. Сын короля, Магнус, ненавидел его и высмеивал, и среди вассалов было много тех, кто считал его беспринципным авантюристом. За несколько лет до своей смерти Сигурд изгнал королеву Мальмфриду, пренебрегши предупреждением епископа Магне, и женился на красивой и высокородной женщине по имени Сесилия. Он недолго пережил этот брак. Многие из его друзей убеждали его, ради блага его души, расторгнуть его. Но очарование, которое испытывала к нему Сесилия, было так велико, что ему была невыносима мысль о том, что он может потерять ее. Наконец, когда он заболел, она сама предложила ему расстаться.

- Я не знал, что ты тоже презираешь меня, как и все остальные, - печально ответил он. Его лицо побавровело, и он отвернулся от нее. Теперь его болезнь обострилась, и 26 марта 1130 года он скончался в возрасте сорока лет. Рассеянность подорвала его здоровье, а безумие надолго сделало его непригодным для государственных забот. Несмотря на все это, кажется, что его имя окружено ореолом, отчасти из-за его ранней известности, а отчасти из-за хороших урожаев и коммерческого процветания, которые царили во время его правления. Народу он казался величественной фигурой и, несмотря на свои большие недостатки, до мозга костей королем. Что, возможно, больше, чем что-либо другое, способствовало тому, чтобы память о нем полюбилась последующим поколениям, так это злые времена, которые обрушились на страну после его смерти. Казалось, у него самого было предчувствие этого, когда он сказал:

"Вам плохо, норвежцы, потому что у вас сумасшедший король; и все же я думаю, что вскоре вы будете готовы отдать красное золото, чтобы вашим королем был я, а не Гарольд или Магнус; ибо первый жесток, а второй лишен разума".

ГЛАВА XX.

МАГНУС СЛЕПОЙ (1130-1135) И ГАРОЛЬД ГИЛЛЕ (1130-1136).

Когда до него дошла весть о смерти отца, Магнус поспешил созвать *дело* в Осло и провозгласил себя королем всей страны. Гарольд, который ждал этой возможности нарушить свою клятву, сделал то же самое в Тунсберге; только предварительно он удовлетворился половиной королевства. Магнус, естественно, отказался признать его притязания, и вскоре народ разделился на две партии, одна из которых встала на сторону Магнуса, в то время как другая поддержала Гарольда.

По складу характера они оба были одинаково непригодны для руководства нацией. Магнус был грубым, скупым и высокомерным гулякой, пристрастившимся к выпивке и неспособным ни на какие благородные порывы. Гарольд был слабым и колеблющимся человеком, веселым, либеральным и покладистым, в котором преобладали ирландские черты. Он был податлив, как воск, в руках вассалов, которым он доверил все государственные заботы, в то время как сам воспринимал королевское достоинство как простую привилегию жить на широкую ногу, носить хорошую одежду и пользоваться определенными почестями в повседневном общении. Племенные магнаты, которые долгое время были лишены власти, которую они считали своим долгом, поэтому были привлечены к нему, в то время как Магнус отталкивал их своей надменностью и алчностью.

В течение трех лет два соперника сохраняли мир; но на четвертую зиму после их восшествия на престол Магнус начал собирать войска и напал на Гарольда при Фирилейве (1134) в Викене, одержав великую победу. Он был так обрадован своим успехом, что, вопреки совету вассалов, распустил свою армию и уехал в Берген, где вел разгульную жизнь, не обращая внимания на передвижения Гарольда. Последний тем временем нашел убежище в Дании и получил в феодальное владение провинцию Халланд. Вскоре он собрал достаточные силы, чтобы вторгнуться в Норвегию, и, направляясь на север, в Берген, приобрел много сторонников в прибрежных графствах. Магнус, когда услышал о его приближении, совершенно потерял голову, отверг совет своего друга Сигурда Сигурдссона и удовлетворился тем, что разбросал по городу что-то вроде острых железных "крючьев для ног", которые в конце концов только ранили его собственных людей, и запер гавань железными цепями, с помощью которых он предотвратил свой собственный побег, когда вскоре после этого город перешел в руки его врага. Тогда большинство его людей покинули его, в то время как он сам со своим верным другом Иваром Ассерссоном оставался на своем корабле, пока его не взяли на абордаж люди Гарольда.

Вряд ли Гарольду Гиллу можно в оправдание сказать, что друзья побудили его совершить злодеяние, в котором он теперь был виновен. Он не удовлетворился тем, что выколол Магнусу глаза, но отрезал ему одну из ног и подверг другому, еще более отвратительному увечью. Ивара Ассерссона, который поразительно походил на короля Магнуса, спросили, хотел бы он теперь походить на него; и храбрец непоколебимо ответил, что хотел бы, после чего он тоже был ослеплен. Несчастный Магнус теперь был одет в монашеское одеяние и заперт в монастыре Нидархольм. Епископ Рейнальд, которого подозревали в хранении королевских сокровищ, был повешен за то, что не раскрыл место их хранения.

Эти злодеяния недолго оставались неотмщенными. Летом 1136 года в Норвегию приехал человек по имени Сигурд, который также утверждал, что он сын Магнуса Босоногого. Сигурд был человеком большого ума, храбрости и честолюбия; и, по крайней мере, в этом отношении он был гораздо более достойным претендентом, чем слабый, порочный Гарольд Гилле. Он вел очень полную приключений жизнь, сыграл важную роль во вражде между графами Оркнейских островов, посетил Рим и Святую Землю и искупался в Иордане. Способности Гарольда Жесткого Правителя и неугомонный и предприимчивый дух Магнуса Бэрфута, казалось, соединились в нем. Говорят, что его мать, дочь Торы Саксен, хранила от него тайну его отцовства, пока он не вырос, потому что у Магнуса Бэрфута был ребенок от ее сестры, и поэтому чувство стыда заставляло ее молчать. В детстве у Сигурда был неуправляемый нрав, и чтобы укротить его необузданность, приемный отец дал ему образование и посвятил в лоно церкви. Поэтому, когда он, наконец, справился со следами, его называли Сигурдом Слембеденом, *то есть* Плохим Священником.

По возвращении в Норвегию в 1136 году Сигурд отправился к Гарольду Гилле, предварительно получив охранную грамоту, и сообщил о своем происхождении. Теперь у Гарольда появился шанс отплатить за великодушие, которое проявил к нему Сигурд Крестоносец, когда приехал бедным и никому не известным юношей из Ирландии и провозгласил себя наследником норвежского престола. Но, хотя Сигурд Слембедень мог привести, по-видимому, удовлетворительные доказательства истинности своего утверждения, Гарольд, возможно, из-за этого еще больше боялся его. Его советники среди вассалов, которые теперь правили без ограничений, от имени короля, имели основания опасаться такого человека, как Сигурд, который быстро осуществит их притязания. Поэтому они посоветовали королю избавиться от нового претендента на трон честным или подлым путем. Под предлогом наказания за предполагаемое участие в убийстве Гарольд предпринял

попытку схватить его; но Сигурд спасся вплавь и отплатил королю за нарушение веры, убив его в доме его любовницы, дочери Торы Гутторм. Затем он созвал жителей Бергена и, стоя на своем корабле, признал факт убийства и попросил их сделать его своим королем. Однако, вопреки его ожиданиям, против него поднялось сильное негодование, и вассалы искусно раздували волнения, пока ему больше не стало безопасно оставаться в городе. "Если ты сын короля Магнуса, - сказали горожане, - тогда ты убил своего брата". И они немедленно объявили вне закона цареубийцу и всех его сторонников. Сигурд поспешно бежал на север на своих кораблях и прибыл в Нордхордланд. Гарольду Гилле было тридцать два года, когда он был убит. Он был одним из самых недостойных королей, когда-либо позоривших норвежский трон. Незадолго до его смерти (1136 г.) венеды под предводительством своего князя Ратибора разграбили и сожгли цветущий город Конгхелле, который Сигурд Крестоносец расширил и украсил.

ГЛАВА XXI.

СЫНОВЬЯ ГАРОЛЬДА ГИЛЛЕ (1137-1161).

Королева Ингерид, вдова Гарольда Гилле, воспользовалась всеобщим негодованием против Сигурда Слембедена, чтобы провозгласить королем своего собственного двухлетнего сына Инге. Она также отправила быстрый корабль в Нидарос с просьбой к трандерсам присягнуть сыну короля Гарольда, Сигурду, которому исполнилось пять лет. Могущественные вассалы, которым это соглашение было в высшей степени по душе, поспешили добиться признания двух мальчиков по всей стране.

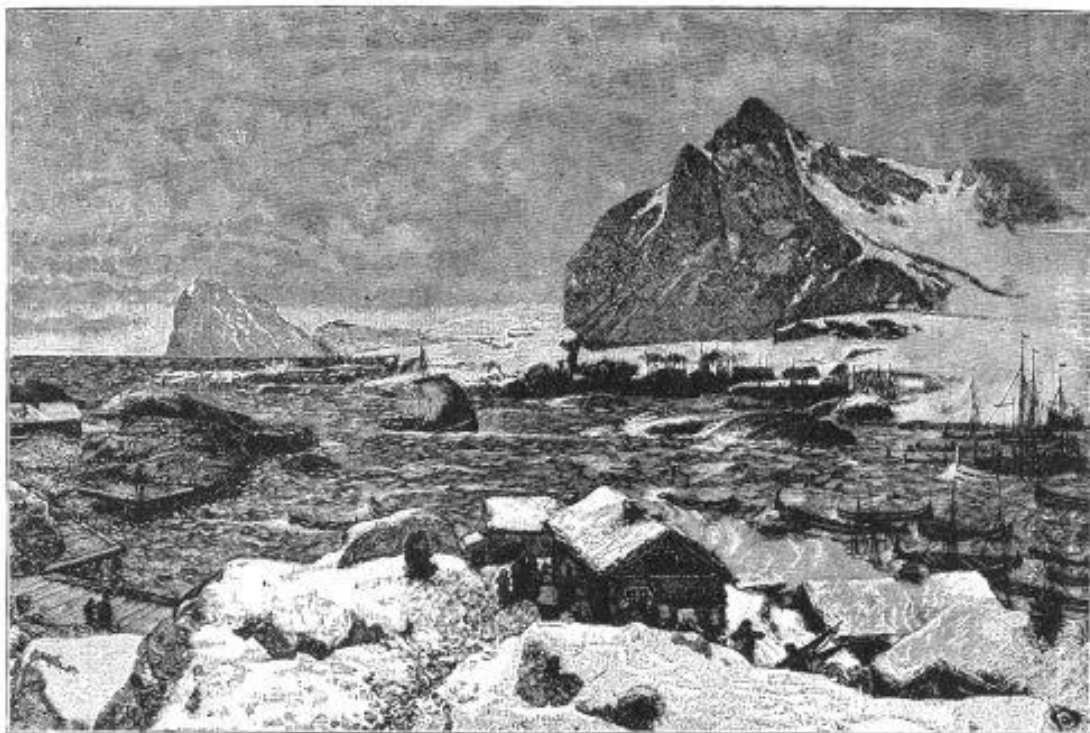
Таким образом, шансы Сигурда Слембеденья стать королем были очень невелики. Но, надеясь возродить негодование против Гарольда Гилле и тем самым смягчить свое собственное оскорбление, он забрал слепого и искалеченного Магнуса, сына Сигурда Крестоносца, из монастыря и попытался сплотить вокруг него своих старых друзей и последователей. В этом он добился некоторого успеха, но меньшего, чем ожидал. Поэтому он отплыл на Гебридские острова с целью увеличения своих сил, оставив Магнуса во главе с Бьерном Эгильссоном и Гуннаром из Гимсе. Однако до возвращения Сигурда Магнус подвергся нападению в Минне, в Опландах, со стороны опекуна короля Инге, Тьосатульфа Олессона, и потерпел поражение в кровопролитной битве (1137). Джостульф, то ли чтобы подбодрить своих людей, то ли потому, что боялся доверить его кому-либо еще, носил двухлетнего короля на поясе во время битвы, в то время как сам сражался мечом и копьем, и смертоносные снаряды дождем падали вокруг него. Бедный мальчик, которому не по силам были такие лишения, вскоре начал проявлять последствия своего преждевременного военного опыта. На его спине вырос горб, а одна из ног отсохла. Поэтому он получил прозвище "Крук-Бэк".

Магнус Слепой бежал после битвы в Швецию, где убедил графа Чарльза Сунессона из Вестергетланда прийти к нему на помощь; но снова был сокрушительно разбит при Крокаскогене Тостульфом Олессоном (1137). Маленького короля Инге снова несли под плащом его опекуна, и он слышал, хотя и едва ли без страха, лязг оружия и яростный шум битвы. На этот раз Магнус бежал в Данию и преуспел в том, чтобы убедить короля Эрика Эмуна отплыть в Норвегию с флотом из 240 кораблей. Однако скандинавы так хорошо защищали свое побережье, что датский король долгое время не решался высадиться на берег. Наконец он сжег город Осло, но сразу же после этого подвергся нападению короля Инге и его вассала Амунде Гюрдссона при Хорнборесунне, и весь его огромный флот был разбит. Сигурд Слембедень тем временем вернулся с Гебридских островов и плавал по Балтике, сражаясь на манер викингов с вендскими пиратами, а иногда совершая набеги на побережье Норвегии и причиняя вред друзьям молодых королей. Вскоре к нему присоединился Магнус, и они были встречены флотом королей Сигурда и Инге при Хольменграа (1139). Битва велась с большой яростью с обеих сторон, пока внезапно все датчане не обратились в бегство, оставив своих союзников в беде. Надеясь спасти слепого Магнуса, Рейдар Грьотгардссон поднял его с кровати, на которой он лежал, и попытался перенести на борт другого корабля. Но копье пронзило обоих сзади, и они упали, умирая. Магнус воскликнул, почувствовав сталь в своих жизненно важных органах: "Это произошло на семь лет позже".

Сигурд Слембедень прыгнул за борт и спасся бы, если бы его не предал один из его собственных людей. Вассалы казнили его с помощью самых ужасных пыток. Его били бичеванием до тех пор, пока его кожа не свисала клочьями; затем его кости были раздроблены камнями; и, наконец, он был повешен. Его удивительная стойкость во время агонии восхищала даже его палачей. Он говорил совершенно естественным голосом, и ни один мускул на его лице не выдавал того, что он перенес. Несколько раз он падал в обморок, но когда приходил в себя, то был спокоен и непоколебим. Никогда еще человек не встречал более ужасную смерть с таким героическим хладнокровием. Сигурд Слембедень обладал качествами великого короля, и если бы Сигурд Крестоносец воссел на трон, когда выдвигал свои претензии, вместо ирландца Гарольда Гилкриста, история Норвегии приняла бы другой оборот, и его имя могло бы стать одним из великих на ее страницах. Многие, как друзья, так и враги, говорили после его смерти, что "не было человека, более способного во всех вещах, чем Сигурд * * *, но он родился под несчастливой звездой".

Теперь на несколько лет в стране воцарился мир; главным образом потому, что короли были слишком малы, чтобы устраивать серьезные ссоры. Однако в 1142 году из Шотландии прибыл Эйстейн, третий сын Гарольда Гилле, и потребовал свою долю королевства. Он был значительно старше остальных, и, должно быть, его отец часто упоминал о нем при жизни, поскольку никому и в голову не приходило оспаривать его притязания, и не требовалось никаких доказательств относительно его происхождения. Это был темноволосый, тучный и несколько ленивый юноша, до крайности скупой и лишенный всякой личной привлекательности. Прошло некоторое время, прежде чем он оказал какое-либо влияние на дела страны, и поэтому мы оставим его до тех пор, пока его ссоры с братьями не потребуют нашего внимания.

Первой причиной раздора в королевской семье стал брак вдовствующей королевы Ингерид с вышеупомянутым вассалом Оттаром Биртингом. Таким образом, король Инге перешел под опеку своего отчима, что вызвало зависть других подданных. Особенно негодовал король Сигурд, потому что Оттар до сих пор был одним из его самых могущественных приверженцев, а теперь он привязался к судьбе Инге. В разгар этой суматохи Оттар Биртинг был внезапно убит, и всем стало ясно, что причиной его смерти был король Сигурд. Многие другие обстоятельства сговорились сделать Сигурда непопулярным, и его личные качества действительно были таковы, что отталкивали всех, кто вступал с ним в контакт. Именно его безнравственность оттолкнула его друзей. Когда ему было всего пятнадцать лет, у него родился сын по имени Хокон, матерью которого была хорошенькая служанка. Позже появилось много претендентов, которые называли его своим отцом. Внешне он больше походил на норвежца, чем его братья, — светловолосый, голубоглазый, высокого роста и большой силы. Однако его красоту портила пара уродливых толстых губ, от которых он получил фамилию Рот (Mund).

ДЕРЕВНЯ ЛОФОТЕНСКИЕ ОСТРОВА В СЕЗОН РЫБАЛКИ.

Он ненавидел своего брата Инге, популярность которого вызывала у него беспокойство; и поскольку Эйстейн разделял это чувство, он обратился к последнему и начал с ним переговоры с целью свергнуть Инге с трона. Вскоре они пришли к согласию и, возможно, осуществили бы свой план, если бы верный друг Инге, Грегориус Дагссон, занявший место Оттара Биртинга в качестве его опекуна и советника, не пронюхал об их замысле. Поэтому, когда король Сигурд прибыл в Берген, он обнаружил, что Инге готова принять его; и он удовлетворился убийством одного из своих воинов и угрозой "превратить золотой шлем Грегориуса в пыль", но отрицал, что между ним и Эйстейном существовало какое-либо соглашение в ущерб Инге. Однако ни Инге, ни Грегориус не поверили его заверениям, и после многих препирательств и враждебных действий с обеих сторон Грегориус получил разрешение Инге напасть на своего брата. Затем Сигурд был застигнут врасплох в своем доме и убит (1155) после того, как тщетно молил о пощаде. Рассказывают, что мужчины, чьих жен он оскорбил, бросились на него, жажда мести, и пронзили его насквозь своими мечами. Ему тогда был всего двадцать один год. Эйстейн, который знал, что следующим придет его очередь, в спешке собрал столько людей, сколько смог склонить присоединиться к нему, чтобы отомстить Грегориусу. Но Грегориус узнал о его приближении вовремя, чтобы сбежать со всеми своими людьми. Однако его родовое поместье Братсберг было сожжено Эйштейном, а его скот истреблен. Затем превосходные верфи Инге, построенные Эйстейном I., были преданы огню, и война между двумя королями казалась неизбежной, когда Эйстейн, видя превосходящую силу своего брата, предложил заключить мир. Он согласился выплатить Инге 360 марок серебром, треть из которых должна была быть передана Грегориусу в качестве компенсации за разрушение Братсберга. Этот штраф, однако, он не заплатил и, раскаиваясь в своем покладистом поведении, посылал Инге враждебные послания, обвиняя его в нарушении веры. Наконец, когда они обменивались подобными любезностями около года, они встретились с враждебными флотами близ Форса в Ранафилке (1157 г.) и приготовились к битве. Однако большая часть войск Эйстейна покинула его, не оставив иного выбора, кроме бегства. Он был схвачен своим шурином Саймоном Скаальпом, который, позволив ему прослушать мессу, хладнокровно убил его. Существует легенда, что на том месте, где он был убит, бил источник с целебной силой, и были некоторые, кто считал его святым.

Теперь Инге была владычицей всего королевства, хотя благородный и способный Грегориус Дагссон руководил правительством и был фактическим правителем. Этих двоих связывала теплая дружба, основанная не только на общности интересов, но и на настоящей привязанности. Плохое здоровье Инге, которое не позволяло ему действовать во время многих серьезных кризисов его жизни, делало его зависимым от своего проницательного и решительного советника, а Грегориус, который был на высоте своей ответственности, неусыпно следил за врагами короля и в то же время с мудрой умеренностью пользовался властью, которая была передана в его руки. Естественно, что у человека, занимающего такое положение, было много недоброжелателей. Были, конечно, и те, кто завидовал ему за то место, которое он занимал в доверии короля. Так, великий вождь Эрлинг Скакке (Кособокий), женившийся на дочери Сигурда Крестоносца Кристине, считал, что он имеет право на первое место среди вассалов страны. Эрлинг вел свое происхождение от могущественного Хорда-Кааре (жившего во времена правления Хальфдана Смуглого и Гарольда Светловолосого) и, таким образом, состоял в родстве с Эрлингом Скьяльгссоном из Соле, сыгравшим столь важную роль во времена Олафа Трюгвессона и Олафа Святого. Он совершил крестовый поход и сражался с сарацинами в Средиземном море, но получил рану в шею, из-за которой был вынужден склонить голову набок. Его богатство и слава сделали его теперь заметной фигурой в стране, и было очевидно, что к какой бы партии он ни примкнул, это могло бы привести к перевесу. Эрлинг действительно сам осознавал этот факт

и по этой причине некоторое время воздерживался от принятия на себя каких-либо обязательств. Считалось, что он благосклонно относился к королю Инге и оказывал ему обычные знаки внимания, но есть признаки того, что Инге ему не доверяла. В любом случае, у него не было намерения покупать безоговорочную приверженность Эрлинга единственной ценой, которой ее можно было купить, а именно увольнением Грегориуса.

Таково было положение дел, когда после смерти короля Эйстейна остатки его партии и партии Сигурда Уста сплотились вокруг десятилетнего сына последнего, Хокона, и потребовали для него третью часть королевства. В ответ Инге объявила вне закона своего племянника и всех его приверженцев. Грегориус в то время находился в Конгхелле, занятый защитой границы от мятежных приверженцев Хокона, нашедших убежище в Швеции, и Эрлинг Скакке воспользовался его отсутствием, чтобы обратиться к королю. Хотя отношения между двумя вассалами постоянно становились все более напряженными, общая опасность, которой они подвергались со стороны партии Хокона, заставила их отложить военные действия. Наконец между последним и королем Инге произошла решающая битва при Конгхелле (1159), и Хокон потерпел поражение. Присутствовали и Эрлинг, и Грегориус, и во многом их доблести была обязана победа. Теперь требовалась очень незначительная провокация, чтобы привести их к столкновению, и этому способствовала ссора между их людьми, которая вскоре переросла во всеобщую драку и переросла бы в сражение, если бы король Инге лично не вмешался. Тем временем Хокон, собравший под своими знаменами разбойников, преступников и всякого рода авантюристов, начал опустошать пограничные графства Викена, и присутствие Грегориуса снова было необходимо, чтобы поддерживать его в порядке. Он совершил нападение на поместье Халдора Бриньюльфссона, шурина Грегориуса, и сестра последнего, Сигрид, была вынуждена бежать в ночной рубашке из горящего дома, неся на руках своего пятилетнего сына. За это бессмысленное разрушение Грегориус решил отомстить, но во время преследования банды разбойников Хокона он слишком далеко зашел по ненадежному льду Бевье-Аа, провалился и, пытаясь выбраться на берег, был убит стрелой (1161). Король Инге разрыдался, как ребенок, когда услышал о смерти своего друга, и поклялся либо отомстить за него, либо умереть при попытке это сделать. Не прошло и месяца, как он был атакован бандой Хокона в Осло и вступил в кровавую битву на льду Фолден-фьорда. Здесь он пал, отчаянно защищаясь, после того, как был покинут королем Гебридских островов Гудредом, который своей изменой решил исход битвы в пользу Хокона (1161).

Инге Горбун была единственной из сыновей Гарольда Гилле, кто был благородным человеком. Несмотря на свою физическую слабость, он обладал мужеством и отвагой, а также сильным чувством преданности тем, кто хорошо ему служил. Ему было всего двадцать пять лет, когда он умер.

Именно во время его правления, но при жизни его братьев, кардинал Николас Брейкспир был послан папой Евгением III в Норвегию (1152 г.) для улаживания церковных дел в стране. Он учредил архиепископскую кафедру в Нидаросе, под юрисдикцию которой были включены Норвегия и все ее зависимости среди Шотландских островов, помимо Исландии, Гренландии, Фарерских островов и острова Мэн. Первым архиепископом он назначил, в соответствии с пожеланиями короля Инге, епископа Ставангера Джона Биргерссона. Епископство Хамар на озере Мьесен также обязано своим основанием визиту кардинала. Николас Брейкспир позже стал папой римским под именем Адриан IV. и всегда проявлял живой интерес к благополучию Церкви в Норвегии.

ГЛАВА XXII.

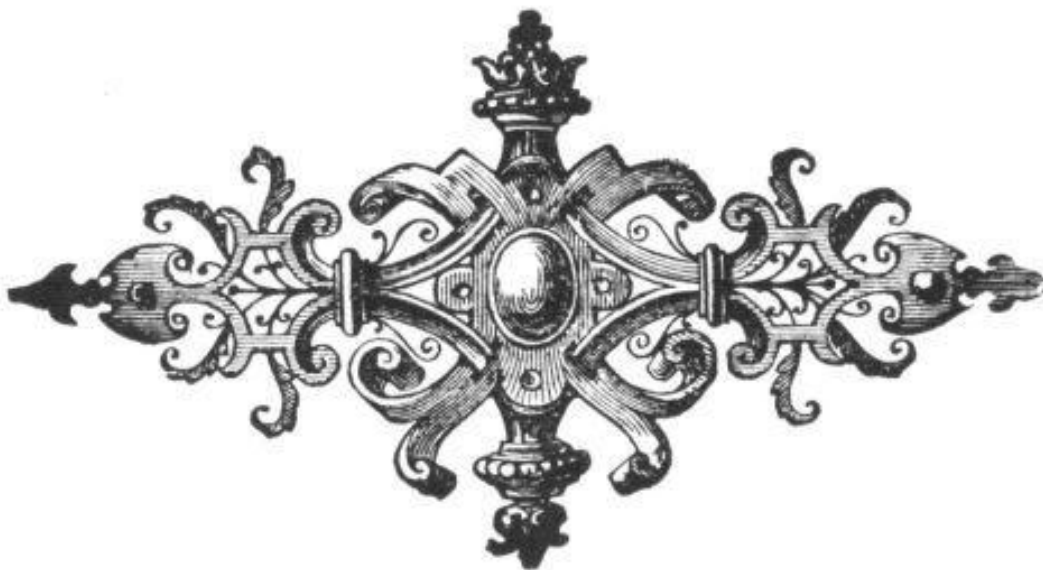
ХОКОН ШИРОКОПЛЕЧИЙ, (1161-1162).

Хокон Сигурдссон, не теряя времени, провозгласил себя королем всей Норвегии, хотя предварительно обошелся без церемонии официального провозглашения в *Эре-тинге*. Поскольку он был всего лишь четырнадцатилетним мальчиком, его действия, конечно же, диктовали его советники. Он был орудием в руках нескольких амбициозных вассалов, которые поставили на карту свое состояние в надежде на его возвышение. С целью распределения прибыльных должностей между своими приверженцами он созвал тайное собрание в церкви Святого Халльварда в Осло. Поскольку для Эрлинга Скакке было очень важно знать, что эти люди чувствовали по отношению к нему, его жена Кристина подкупила священника, у которого хранились ключи от церкви, чтобы тот спрятал одного из ее друзей там, где он мог слышать происходящее. Затем она отправила гонца к своему мужу, приказав ему ни при каких обстоятельствах не доверять Хаакону или его окружению. Но Эрлинг был слишком заметной личностью, чтобы ему позволили сохранить нейтралитет; а поскольку он не мог выступить в защиту Хаакона, он был вынужден выступить против него. Затем он предложил, хотя и вряд ли добросовестно, сделать ребенка, Николаса Симонссона, сына Симона Скаальпа и дочери Гарольда Гилле Марии, главой оппозиции и провозгласить его королем. Были, однако, серьезные возражения против этого курса; и после долгих консультаций Эрлинг позволил уговорить себя сделать то, что было его намерением с самого начала, а именно провозгласить своего собственного сына Магнусом. Магнус, конечно, не был королевского происхождения, но в его жилах текла королевская кровь, поскольку он был внуком Сигурда Крестоносца. Хитроумными маневрами Эрлингу удалось сплотить большую

часть сторонников короля Инге вокруг своего сына, которому было всего пять лет, и заставить вассалов присягнуть ему на верность. Затем в Бергене было созвано *дело*, и Магнус был официально признан королем (1161).

Теперь земля была разделена между двумя сносно сбалансированными партиями, и только меч мог решить, какой из них должно принадлежать правительство. Однако после крупного поражения в Осло партия Инге в значительной степени утратила свой престиж, и Эрлинг чувствовал, что для обеспечения ее господства необходима иностранная помощь. Поэтому он отплыл со своим сыном и большим количеством знатных людей в Данию и получил обещание помощи от короля Вальдемара Великого при условии передачи ему большей части Викена. Хаакон воспользовался его отсутствием, чтобы завладеть флотом, принадлежавшим Инге, и провозгласить себя королем в *Эре-тинге*. Своего друга Сигурда из Рейра он возвел в ярлово достоинство и поручил ему присматривать за Эрлингом, чье возвращение из Дании ожидалось. Эрлинг, однако, был проницательным человеком, который сделал то, чего от него меньше всего ожидали. Он действительно вернулся из Дании, но необычным путем. Он переправился из Скагена в Ютландии в Агдер, а оттуда направился на север, в Берген, где убил или иным образом наказал многих, кто присягнул Хаакону. Затем, еще до того, как ярл Сигурд узнал о его прибытии, он напал на Хокон в Тунсберге и избил его. Добившись этого и добившись признания своего сына в Викене, Агдере, Рогаланде и Хердаланде, он вернулся в Берген, где провел зиму. Хокон, нашедший самую сильную поддержку в Тренделаге, отправился на зимние квартиры в Нидарос.

Это был всего лишь вопрос времени, когда два короля-соперника или люди, которые их представляли, встретятся в финальном поединке. Поэтому, как только лед тронулся, начались приготовления с размахом. Хитрость Эрлинга снова сослужила ему хорошую службу, поскольку с помощью хитрости ему удалось застать Хакон врасплох в Секкене, в Сендмере, и полностью уничтожить его (1162). Бедный мальчик, которому было всего пятнадцать лет, перепрыгнул со своего корабля на борт ближайшего и неожиданно оказался среди врагов. Он рассказал матросам, кто он такой, и сдался на их милость. Битва практически подошла к концу; но когда Эрлинг обнаружил, что люди, которым сдался Хаакон, полны решимости сохранить ему жизнь, он предпринял новую атаку и провел ее так, что в суматохе мальчик-король был убит. От своего бывшего кандидата на трон, Николаса Симонссона, которого он насильно похитил из Бергена, он также ухитрился избавиться в том же сражении, и нет никаких сомнений в том, что он был ответственен за его смерть. Хокон Сигурдссон был королем Норвегии около года и трех месяцев. Он был крупным для своего возраста, и из-за тонкой талии и ширины плеч его прозвали Хаакон Широкоплечий (*Пастуший*).

ГЛАВА XXIII.

МАГНУС ЭРЛИНГССОН (1162-1184).

Эрлинг Скакке фактически расчистил своему сыну путь к трону, убив всех потомков королевского дома, до которых смог дотянуться. Однако оставался еще один несомненный сын Сигурда Мауса, которого он не заполучил в свою власть, помимо нескольких, чьи притязания еще не были озвучены. Вражда между партией Эрлинга и партией Хокона была действительно настолько велика, что о примирении не могло быть и речи, и поэтому последний воспользовался возможностью сплотиться вокруг короля, чье королевское происхождение не подвергалось сомнению. Этим новым претендентом был мальчик по имени Сигурд Маркусфостре (приемный сын Марка), вероятно, десяти или двенадцати лет от роду, которого воспитывал Маркус из Скога, друг и родственник ярла Сигурда Рейрского. Другой магнат, много путешествовавший Эйндрайд Молодой, перешел на сторону Сигурда, и большое количество гордых и предприимчивых людей, которые не могли мириться с верховенством Эрлинга, присоединились к новой партии. Однако крестьяне, которые до сих пор мало страдали от междоусобиц королей, теперь начали находить эти бродячие банды беспокойными, особенно когда они вносили подати и добывали пропитание везде, куда бы ни шли. Эрлинг воспользовался этим обстоятельством, чтобы возбудить их негодование против "партии Сигурда", как ее называли, и вскоре ему удалось вынудить враждебных

вождей дать сражение при Ри, недалеко от Тунсберга. Здесь пал ярл Сигурд, а Эйндрайд Молодой, Маркус Скогский и мальчик-король Сигурд были схвачены и казнены.

Хотя теперь не осталось ни одного грозного претендента, Эрлинг, чьими амбициями было не что иное, как основание новой династии, не чувствовал себя в безопасности, обладая властью. Трандерсы, которые были сторонниками Сигурда Уста, все же в глубине души были преданы партии, которая его представляла, и датский король Вальдемар был разгневан, потому что Эрлинг не сдержал своего обещания относительно передачи Викена. Чтобы обезопасить себя от непредвиденных обстоятельств, вытекающих из этой ситуации, Эрлинг считал необходимым поискать новых союзников, и выбор, который он сделал, был чрезвычайно мудрым.

Архиепископом Нидароса в то время был способный и властный Эйстейн Эрлендссон, происходивший из могущественной семьи Тренделагов, и поэтому, помимо своего епископского сана, был человеком большого влияния. Он разделял политические симпатии общины, в которой жил, и поэтому был больше расположен стать врагом Эрлинга, чем его другом. Однако мудрому вождю удалось умиловить его и заключить с ним союз для взаимной выгоды. Результатом их переговоров стало то, что в Бергене было созвано большое собрание, на котором Норвегия была объявлена наследием и собственностью святого Олафа, а епископы, как его представители, получили право отвергнуть любого законного наследника престола, если они сочтут его недостойным. Духовные и светские магнаты должны были после смерти короля выбирать среди его наследников того, кто должен был стать его преемником, причем презумпция всегда была в пользу старшего сына, рожденного в законном браке, если только он не был признан недостойным. В случае разногласий выбор должен был быть сделан большинством голосов, но только в той мере, в какой архиепископ и другие епископы давали свое согласие. Если король не оставлял наследников, которых одобряли магнаты, они были вольны избрать любого, кого считали способным защищать "право Бога и законы страны".

Очевидно, что светские и клерикальные магнаты здесь объединились для отнятия короны, и в обмен на уступки, на которые пошел Эрлинг, как номинальный представитель последнего, архиепископ короновал Магнуса в Бергене (1164 г.), тем самым, по мнению многих, восполнив недостаток его титула. Он пользовался дружбой Церкви, которая имела возможность влиять на людей в его пользу. Поэтому он мог без страха предвкушать встречу с датским королем, который готовился насильственно завладеть провинцией, которая была ему обещана. Чтобы проверить чувства народа к Магнусу, Вальдемар отправил тайных гонцов с подарками и дружескими приветствиями многим видным тредерам, некоторые из которых письменно обязались присоединиться к нему в случае его вторжения в Норвегию. Однако их письма попали в руки Эрлинга, и нарушители были сурово наказаны. Некоторые были убиты, другие объявлены вне закона, и снова третьи были приговорены к выплате огромных штрафов. Когда король Вальдемар, наконец, в 1165 году, отплыл с большим флотом в Норвегию, он получил совсем не тот прием, какого ожидал. Число недовольных, готовых оказать ему почести, было очень мало по сравнению с числом тех, кто был готов сразиться с ним. Поэтому он вернулся в Данию, не дожидаясь прибытия Эрлинга. Говорят, что он страдал от нехватки провизии и был нездоров для гарри в провинции, которую он надеялся вскоре передать под свою корону.

Прежде чем Эрлинг успел нанести ответный визит, в Опландах организовалась банда повстанцев под предводительством Олафа Гульдбрандссона, внука по материнской линии короля Эйстейна I, брата Сигурда Крестоносца. Этот новый претендент попытался объединить недовольных вождей под своим знаменем. Его приверженцев называли

Бандитами (Hettesveiner), а сам он получил прозвище Невезучий (Ugæva), потому что был близок к тому, чтобы захватить Эрлинга на ферме Риджекель, к северу от озера Ойерен, но потерпел неудачу по несчастливой случайности (1166). Затем бандиты некоторое время влачили жалкое существование в лесах и полях, ибо страх перед Эрлингом был так велик, что мало кто из тех, кому было что терять, осмеливался объединиться с ними. Он, вероятно, без промедления положил бы им конец, если бы военные действия с Данией не потребовали его внимания. Как раз тогда наступил благоприятный момент для нападения на королевство Вальдемара, поскольку сам он отсутствовал в Вендланде, а его родственник Бурис Хенрикссон, владевший большей частью Ютландии, пообещал сотрудничать со скандинавами и даже захватить и убить короля по его возвращении. Соответственно, Эрлинг отплыл со своим флотом в Данию и разбил датчан при Джурсаа; но решительное поведение епископа Абсалона помешало ему извлечь какую-либо выгоду из своей победы. Второй поход Вальдемара в Норвегию был таким же нерешительным, как и первый, и, наконец, когда обе стороны устали от бесцельной войны, был заключен мир (1171) при условии, что Эрлинг будет править Викеном как вассал Вальдемара и примет от него титул графа. Вероятно, что Эрлинг после своего возвращения лишь частично ознакомил с условиями этого мира; ибо национальное чувство к этому времени начало заявлять о себе в Норвегии; и едва ли правдоподобно, что жители Викена, которые совсем недавно проявляли свою враждебность к датскому королю, теперь добровольно согласились стать его подданными. На самом деле Эрлинг сделал это для того, чтобы утвердить свою собственную власть и власть своего сына за счет целостности и независимости своей страны. Но в этом отношении он всего лишь следовал традициям своего класса. Норвежская аристократия обычно (хотя было много почетных исключений) считала свою собственную независимость и власть более важными, чем независимость и могущество своей страны. Это был не первый случай, когда племенные магнаты променяли веру и честь на личную выгоду. В прежние времена, когда Норвегия была всего лишь разрозненной агломерацией племен, которые ощущали свое родство с датчанами и шведами сильнее, чем собственную географическую изоляцию, такое поведение часто было простительным. Но во времена Эрлинга Скакке скандинавы были нацией, совершенно отличной от своих соседей, и уступка такой плодородной провинции, как Викен, дала датчанам плацдарм на полуострове и означала в будущем, как Эрлинг был достаточно проницателен, чтобы понимать, бесконечные осложнения, войны и возможную потерю независимости.

ПЛОТ ЗАТОНУЛ В ВЕСТФЬОРДЕ, МЕЖДУ ЛОФОТЕНСКИМИ И ВЕСТЕРААЛЕНСКИМИ ОСТРОВАМИ.

Умиротворив таким образом своих внешних врагов, Эрлинг приступил к задаче истребления внутренних. Олафа Невезучего он уже победил до завершения переговоров в двух битвах (при Стангере и при Даве, 1168 год) и уничтожил его отряд. Олаф бежал в Данию, где и умер (1169). Однако оставалось несколько претендентов, имевших такое же право на трон, как и Магнус Эрлингссон; и Эрлинг решил не ждать, пока они станут опасными, прежде чем избавиться от их присутствия. Дочь Сигурда Мауса, Сесилию, он отправил в Вермеланд и сделал ее любовницей человека по имени Фольквид Законник. Своего собственного пасынка Гарольда, незаконнорожденного сына его жены Кристины и, соответственно, внука Сигурда Крестоносца, он обезглавил, несмотря на молитвы и протесты короля Магнуса. Такого рода милосердие, сопряженное с будущей опасностью, он, по его словам, не понимал.

"Если я оставлю его в живых, - сказал он своему сыну, - они все захотят, чтобы он стал их королем, а ты поцеловал лезвие топора".

Однако, несмотря на все его предосторожности, был один отпрыск королевского дома, самый опасный из всех, который ускользнул от его внимания. В то время на Фарерских островах жил юноша по имени Сверре Сигурдссон, и история Норвегии на следующие тридцать лет - это в основном его история. Но прежде чем он вышел на сцену, самозванец по имени Эйстейн Мейла (Маленькая Девочка), который выдавал себя за сына Эйстейна, сына Гарольда Гилле, устроил небольшой переполох и собрал вокруг себя остатки мятежной партии. Он пытался получить помощь в Швеции и был хорошо принят графом Биргером в Гетланде, который женился на дочери Гарольда Гилле Бригиде. Однако он не мог выстоять против власти Эрлинга и был вынужден скитаться со своим отрядом по горам и дикой местности, грабя, чтобы не умереть с голоду. Из-за этого его люди приобрели дурную славу, и из-за их ветхого вида и привычки использовать бересту для обуви крестьяне насмешливо называли их *Birkebeiner*, то есть Берестоногие. Однако дисциплина, связанная с лишениями и опасностями, которую навязала им их нелегкая жизнь, сослужила им хорошую

службу; и хотя их было немного, они были, как на собственном опыте убедился Эрлинг, не тем врагом, которого стоило презирать. Как бы часто он ни побеждал их, они никогда не оставались побежденными. С удивительным бесстрашием и выносливостью они собирались после каждого поражения и снова сражались, когда была возможность сразиться. Многие из них, несомненно, были немногим лучше разбойников с большой дороги, и относиться к ним как к политической партии было бы экстравагантным комплиментом. Их главной политической целью долгое время было сохранить тело и душу вместе. Однако постепенно их отряд пополнился политическими противниками и даже людьми высокого происхождения, которые поссорились с Эрлингом или которым нужно было отомстить за смерть родственников. Летом 1176 года они были достаточно многочисленны, чтобы напасть врасплох на город Нидарос и провозгласить своего вождя Эйстейна Мейлу королем на Оретинге; но на следующий год удача покинула их, и в битве при Ри, близ Тунсберга, они потерпели сокрушительное поражение от короля Магнуса, а Эйстейн Мейла был убит (1177). Затем группа распалась, и о Birchlegs, возможно, никогда бы больше не услышали, если бы их судьба не была отождествлена с судьбой великого человека — Сверре Сигурдссона.

Сверре родился на Фарерских островах. Его мать Гунхильд, согласно легенде, была кухаркой на службе короля Сигурда Уста. Она не была особенно красива, но сообразительна и интеллигентна. Король умолял ее убить своего ребенка, как только он родится; и, не желая слушать такое предложение, она бежала на корабле на Фарерские острова, где поступила на службу дояркой к епископу Матиасу. Здесь она родила сына, которого назвала Сверре. Следующей весной из Норвегии приехал кузнец по имени Унас, и она заподозрила его в том, что он был послан королем убить ее ребенка. Поэтому она спрятала его в пещере, которая до сих пор называется пещерой Сверре. Унас, однако, последовал за ней и обнаружил, где спрятан ребенок, но пообещал не причинять ему вреда, если она выйдет за него замуж. Она согласилась, хотя и неохотно, и вернулась с ним в Норвегию. К тому времени Сигурд Маус был мертв, и ей нечего было бояться. Когда мальчику исполнилось пять лет, он вернулся на Фарерские острова вместе с матерью и отчимом. Брат последнего, Роу, был назначен епископом после смерти Матиаса, и Унас не был равнодушен к преимуществам жизни по соседству, где у него был такой влиятельный родственник. Сверре вырос в убеждении, что он сын Унаса, и епископ Роу, который проникся к нему симпатией из-за его незаурядного ума, начал готовить его к священству. Его амбиции, как он сам утверждает, тогда не простирались дальше епископства или, возможно, кардинальской шапки. Но когда он был рукоположен в сан *диакона* (что является одной из низших степеней священства), его мать разрыдалась, и на его вопрос, почему она недовольна оказанной ему честью, она ответила: "Это всего лишь ничтожная честь по сравнению с той, которая по праву принадлежит тебе. Ты сын не того, о ком ты думаешь, а короля Норвегии Сигурда. Я скрывал это от тебя до тех пор, пока ты не достигнешь зрелого возраста".

С того дня душевное спокойствие Сверре исчезло. Великие мысли металась в его душе, и его жизнь казалась бедной и бессмысленной. Честолюбие не давало ему спать по ночам, а радужные перспективы будущих достижений манили его издалека.

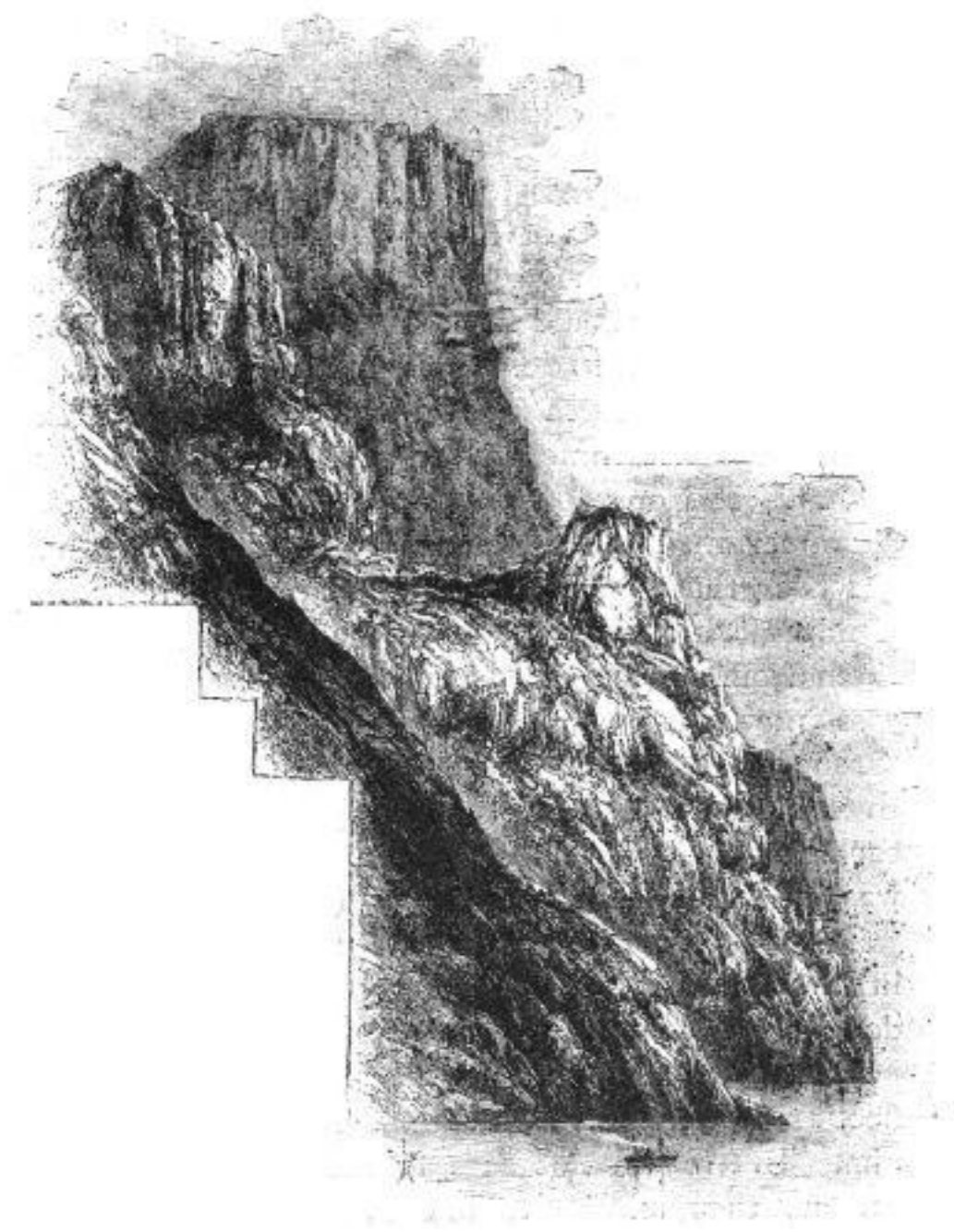
"Если я рожден для короны, - сказал он своей матери, - то я буду стремиться завоевать ее, чего бы мне это ни стоило. Без этого жизнь для меня больше не приносит радости, и поэтому я поставлю на это жизнь".

Не обращая внимания на предупреждения епископа, он отплыл в Норвегию и, не раскрывая, кто он такой, потратил некоторое время на изучение чувств народа к королю Магнусу. Это в высшей степени характерно для Сверре. Он не совершал прыжков в темноте, но тщательно рассчитал силу врага, с которым ему предстояло сразиться. Однако то, что он узнал, было

далеко не обнадеживающим. Казалось, повсюду люди были преданы королю Магнусу и вполне довольны его правлением. Сверре также познакомился с Эрлингом Скакке, тщательно изучил его и поговорил с его воинами, которые сочли священника с Фарерских островов забавным парнем и свободно пересказывали ему все сплетни королевского двора. Выходить на ристалище одному и без гроша в кармане против такой грозной силы, как эта, казалось безумием. Сверре был слишком проницателен, чтобы не понимать, что такое предприятие безнадежно. В то же время он был не прочь вернуться после своей мечты о королевской власти к своему малоизвестному священству на унылых островах в Северном море. Он знал, что граф Биргер в Швеции женат на сестре Сигурда Мауса, и в тщетной надежде пересек границу, рассказал графу о своем происхождении и умолял его о помощи. Граф, похоже, не снискавший славы благодаря своему союзу с Эйстейном Мейлой, не принял просьбу Сверре благосклонно, подозревая, что он был послан Эрлингом, чтобы поиздеваться над ним. Затем Сверре отправился к своей сводной сестре Сесилии, которая была любовницей Фолькvida Законника, и встретил здесь лучший прием. Слух о том, что в Швеции появился сын Сигурда Мауса, тем временем распространился за границей и достиг остатков группы "Березовая нога". Они поспешили найти Сверре и попросили его стать их вождем; но Сверре, видя, в каком они состоянии, отказался. Он произнес перед ними небольшую речь, в которой заметил, что единственное, что у него с ними общего, - это бедность; и в заключение посоветовал им выбрать своим вождем одного из сыновей графа Биргера, которые, как и он сам, были потомками Гарольда Гилле. Берестеноги последовали этому совету, но не получили никакого поощрения от графа.

Он сказал им, возможно, не без юмора, что Сверре - их человек, и посоветовал им, в случае если он будет упорствовать в своем отказе, пригрозить ему смертью. Соответственно, они вернулись к Сверре, и на этот раз он поддался их уговорам. Тогда ему, должно быть, было двадцать четыре или двадцать пять лет. И вот так, с двумя пустыми руками и семьюдесятью оборванными и плохо вооруженными людьми, он начал борьбу за корону Норвегии. Он отправился из Вермеланда на юг, в Викен, и по пути вокруг него собралось так много людей, что к тому времени, когда он прибыл в Саурбигд, у него было 420 человек. Они провозгласили его, несмотря на его протест, королем и прикоснулись к его мечу в знак верности. Но когда он запретил им грабить крестьян, большинство стало недовольным и покинуло его. Чтобы проверить их, он приказал им возвращаться в Вермеланд, но к тому времени, когда он добрался до Эйдскога, его группа сократилась до первоначальных семидесяти человек. Теперь Сверре оказался перед серьезной дилеммой. Он объявил себя претендентом на трон, тем самым сделав себя честной добычей для любого, кто мог его убить. А вести войну против короля Магнуса и Эрлинга Скакке с семьюдесятью людьми было слишком абсурдно, чтобы об этом можно было думать. В отчаянии он отправил гонцов в Телемарк, где, как он слышал, несколько Берестеногих искали убежища после битвы при Ри, и где, как говорили, было много недовольных королем Магнусом. Где бы он ни появлялся, крестьяне встречали его враждебными демонстрациями, и многие желали заслужить благодарность графа Эрлинга, уничтожив беглого священника и его банду разбойников. Но именно в этих отчаянных ситуациях проявились чудесные ресурсы разума Сверре. Хотя ему часто приходилось питаться корой и замороженными ягодами, которые выкапывали из-под снега, мужество никогда его не подводило. Хотя во время его путешествий по непроходимой горной глуши его люди падали замертво вокруг него от холода и голода, а ему приходилось прикрываться щитом и позволять засыпать себя снегом, он сохранял мужество в груди и упрекал тех, кто говорил о самоубийстве. О нем рассказывают, что во время своего похода из Швеции в Нидарос он подошел к большому горному озеру, которое необходимо было пересечь. Были построены плоты, но люди были так измотаны, что им потребовалось немало времени, чтобы свалить бревна. Один за другим плоты были спущены на воду и

переправлены на веслах. Сам Сверре поднялся на борт последним, но он был уже так тяжело загружен, что вода доходила ему выше лодыжек. Однако остался один человек, полумертвый от усталости. Он подполз к кромке воды и умолял короля взять его с собой, так как в противном случае он должен погибнуть. Берестяные громко заворчали, но Сверре приказал им причалить и поднять человека на борт. Затем плот погрузился еще глубже, и король стоял по колено в ледяной воде. Некоторое время казалось, что они пойдут ко дну. Но Сверре ничуть не изменился в лице. Наконец они добрались до дальнего берега, где огромная сосна упала в воду. Мужчины, стремясь к безопасности, вскарабкались на дерево, и Сверре последним покинул плот, который, как только его нога сошла с него, затонул. Этот инцидент был расценен Берестяными как чудо и укрепил их веру в миссию Сверре.

ХОРНЕЛЕН; УТЕС НА ОСТРОВЕ БРЕМАНГЕРЛАНД В УСТЬЕ НОРД-ФЬОРДА.

Наконец, после невероятных трудностей, в начале июня 1177 года Сверре прибыл к цели своего путешествия. Тогда у него было 120 человек, но, к счастью, его сообщение Телемарку принесло ему подкрепление еще в восемьдесят человек. С их помощью он совершал самые удивительные маневры — уклонялся от отряда в тысячу четыреста человек, который послали против него партизаны Эрлинга. Он с легкостью предвидел, что предпримут его враги, в то время как они никогда не могли составить ни малейшего представления о том, что он намеревался сделать. Поэтому крестьянская армия рассеялась в поисках его и была легко разбита отдельными отрядами. Кажется невероятным, что со своими 200 или 250 воинами он мог победить в шесть или семь раз превосходящее их число, и объяснение этому кроется в том, что многие трендерцы тайне симпатизировали ему, хотя страх перед Эрлингом удерживал их от открытой поддержки его дела. Успех придавал Берестеногам смелости, и они радостной толпой устремились в *Эре-тинг*, куда Сверре созвал по двенадцать представителей от каждого из восьми графств Тренделага. Здесь он был провозглашен королем Норвегии (1177).

Радость Берестеногих, однако, была немного преждевременной. Эрлинг Скакке ни в коем случае не был мертв, и едва он услышал о действиях Сверре в Тренделаге, как собрал большой флот и отплыл на север, чтобы свести с ним счеты. Сверре не хотелось встречаться с безжалостным графом именно сейчас, и поэтому он снова искал убежища в горах. В течение двух лет он вел, по большей части, жизнь, которой не позавидовала бы ни одна собака: то спускаясь в долины в экспедициях за добычей пищи, то снова удаляясь в дикую местность и терпя невыразимые лишения. Иногда голод заставлял его разыгрывать шутки над крестьянами, заставляя их врасплох в качестве незваного гостя на святочных пирах, усаживаясь со своими Берестеногими за банкетные столы и поглощая их праздничную еду. В целом, его невзгоды не были лишены юмора. Подобно Робину Гуду и его Веселым людям, он испытывал жалость к малым и часто вершил своего рода грубое правосудие по отношению к великим. Его имя было проклято от одного конца королевства до другого; как он сам заметил, многие считали его воплощением дьявола. Медсестры пугали непослушных детей угрозой, что Сверре придет и заберет их, и девочки, когда они стряхивали мокрую одежду на берегу реки, никогда не переставали желать, чтобы голова Сверре оказалась под молотком. В то же время определенное восхищение силой этого человека и его неустрашимым духом вряд ли могло не затронуть тех, кто непосредственно не пострадал от его грабежей. Его многочисленные сражения и партизанские стычки с королем Магнусом и его вассалами, его вторая и безуспешная попытка захватить Нидарос и его стычки с крестьянами не могут быть здесь описаны подробно, хотя сага, которая была подготовлена под его собственным руководством, позволяет нам проследить все его передвижения с приемлемой точностью. Только в июне 1179 года он участвовал в битве, которая дала решающий поворот в его будущем. Затем он внезапно спустился из Голдейла на Эрлинга, который пировал в Нидаросе.

"Если бы это было правдой", - сказал граф, когда ему доложили о приближении Берестеногов. - "Тогда они получают по заслугам, но, если уж на то пошло, мы можем спать спокойно этой ночью, поскольку мне сказали, что они уже ушли в горы, и Сверре не рискнет напасть на нас, когда мы будем наблюдать за ним, как делаем сейчас".

Соответственно, он велел своим людям ложиться спать; и они сделали это в таком состоянии, что разбудить их было нелегко. Когда Сверре, который, как обычно, был хорошо информирован, собрался атаковать, он обратился к своим людям следующим образом:

"Теперь необходимо сражаться хорошо и храбро; ибо должна быть одержана прекрасная победа. Я скажу тебе, чего ты можешь сейчас добиться своей храбростью. Тот, кто сможет

правдивыми свидетелями доказать, что он убил вассала, сам станет вассалом; и каждый получит титул и достоинство человека, который пал от его руки".

Берестеногам не требовалось дальнейшего поощрения. Хотя они были плохо вооружены, они ворвались по склонам холмов в город. Одного парня, который мчался вперед с деревянной дубинкой в руке, спросили, что он сделал со своим оружием.

- Они внизу, в городе, - ответил он. - пока что люди графа их поймали.

Теперь была поднята тревога, и сбитые с толку и отяжелевшие от сна воины графа высыпали на улицы. Король Магнус тоже присутствовал, но смятение было настолько велико, что ему было очень трудно собрать своих сторонников.

Многие вожди советовали Эрлингу бежать на своих кораблях и скрыться.

"Я не отрицаю, - ответил он, - что это могло бы показаться лучшим решением; но я не могу вынести мысли, что этот дьявольский священник Сверре поставит себя на место моего сына".

Поэтому он отступил за город, в Кальвскиндет, и там ожидал нападения; но хотя его силы были намного больше, чем у Сверре, он не смог устоять против яростного натиска Берестеногих. После короткой обороны граф был убит, и бегство стало всеобщим. Король Магнус, увидев обращенное к небу окровавленное лицо своего отца, приостановил полет, наклонился и поцеловал его.

"Мы встретимся снова, отец мой, в день радости", - сказал он и неохотно поспешил прочь.

Велика была радость среди Берестеногих, когда стало известно, что ярл Эрлинг мертв. Сверре, который редко упускал возможность произнести речь и который, более того, был должным образом подготовлен для проведения похорон, произнес надгробную речь над своим павшим врагом. Он вывел мораль из жизни графа и сказал кое-что, что, без сомнения, было правдой. Но по мере того, как он продолжал, он все больше и больше проявлял свою едкую иронию и, возможно, был менее великодушен, чем мог бы позволить себе, в своих суждениях о мертвом вожде.

С этого времени Сверре одержал верх, и хотя война продолжалась еще несколько лет, она изменила свой характер. Это больше не было борьбой между законом и порядком с одной стороны и горсткой объявленных вне закона авантюристов с другой. Это была скорее гражданская война между двумя хорошо подобранными партиями. Лично Магнус действительно не мог сравниться со Сверре, но как представитель старого порядка вещей — монархии, черпающей свою власть и поддержку из племенной аристократии,^[A] — он был неплохим противником. Со Сверре и его Берестеногими возник низший слой общества — грубая и голодная демократия, — требующая своей доли жизненных благ, которые до сих пор были ей недоступны. Заслуга Сверре в том, что он знал, как дисциплинировать эти свирепые и жадные элементы и заставить их подчиниться закону и порядку. Хотя перед битвой при Кальвскиндете он поощрял их алчность, предлагая каждому почести и достоинства человека, которого он убил, он хорошо позаботился о том, чтобы после победы держать эту алчность в рамках. Он сдержал свои обещания, возвысил людей низкого звания до высоких постов, вознаградил за верность и доблесть и произвел революцию в обществе в демократическом духе. Но, учитывая время, в которое он жил, и полноту своей победы, он проявил замечательную умеренность. Он имел в виду, что новый порядок вещей, который он основал, должен быть прочным, и вместо того, чтобы выпустить своих победоносных Берестолопых охотиться на государство, он возложил на них поддержание закона и порядка,

возложил на них ответственность и наказал их, если они превысили свои полномочия. Он мог сделать это без риска, потому что его люди любили его и восхищались им так же сильно, как и боялись. Его власть над ними была полной. Он разделил с ними тяжелые дни, смело прошел через опасности и невзгоды и испытал их мужественность.

[A] Мунк: История норвежского народа, iii., 107. Sars: Udsigt over den Norske Historie, ii., cap. iv.

Между ними возникли тесные товарищеские отношения и привязанность, которые, однако, не исключали авторитета с одной стороны и уважения и послушания - с другой.

О том, сколько Магнус потерял в битве при Кальвскиндете, свидетельствует тот факт, что его приверженцы теперь получают партийное название и опускаются до положения, ранее занимаемого их противниками. Их называли "Геклунгами", потому что о них рассказывали, что однажды они ограбили нищенку, деньги которой были завернуты в плащ (*гекль*).

"Березоногий" из укоризненного прозвища превратился в почетное прозвище, которым ветераны Сверре немало гордились.[A]

[A] Мунк: iii., 106.

Магнус провел год после своего поражения в основном в Бергене, где у него было много приверженцев, оттуда отправился в Викин и приложил все усилия, чтобы собрать армию, с помощью которой можно было уничтожить своих врагов. Должно быть, он добился значительного успеха, потому что, когда он двинулся на север, в Нидарос, у него было войско, гораздо более многочисленное, чем то, которое мог собрать Сверре. Тем не менее он потерпел позорное поражение при Илевольдсе (1180), близ Нидароса, и был вынужден сломя голову бежать в Берген. Туда Сверре последовал за ним и чуть не попал в ловушку одного из последователей Магнуса, Джона Кутицы, который пришел с армией крестьян, чтобы убить этого "жреца дьявола". Однако жрец дьявола, как обычно, оказался слишком умен для геклунгов и отправил их в полет, как только поднял свой меч. Магнус тем временем искал убежища в Дании, где король Вальдемар хорошо принял его, и это королевство стало базой операций против Сверре. Не прошло много времени, прежде чем геклунги снова двинулись на север с тридцатью двумя кораблями и были на волосок от того, чтобы покончить со Сверре в проливе Сальте; но, как обычно, он выскользнул из ловушки благодаря смелой уловке. Вскоре после этого Магнус настиг Берестеногих при Норднессе (1181 г.), недалеко от Бергена, и на этот раз Сверре, стремившийся не потерять свой престиж, решил остаться и дать сражение, хотя его флот был лишь вдвое меньше, чем у его врагов. Берестеноги, как правило, были плохими моряками и никогда не сражались на море так хорошо, как на суше. Геклунги предприняли яростную атаку и постепенно получили некоторое преимущество, когда Сверре выступил вперед там, где битва была самой жаркой, поднял руки к небу и громким, чистым голосом запел латинский гимн "Alma chorus domini". Вражеские снаряды градом били вокруг него, но, хотя у него не было щита, он остался невредимым. Как раз в этот момент Магнус, разгоряченный воинственным рвением, бросился вперед и уже собирался взойти на борт одного из вражеских кораблей, когда получил сквозную рану в запястье. Боль заставила его резко остановиться, и при этом он поскользнулся на окровавленной палубе и упал навзничь. Берестеноги издали оглушительный победный клич, а брат короля Орм (сводный брат сыновей Гарольда Гилле), услышав, что король убит, воскликнул: "Тогда судьба королевства решена".

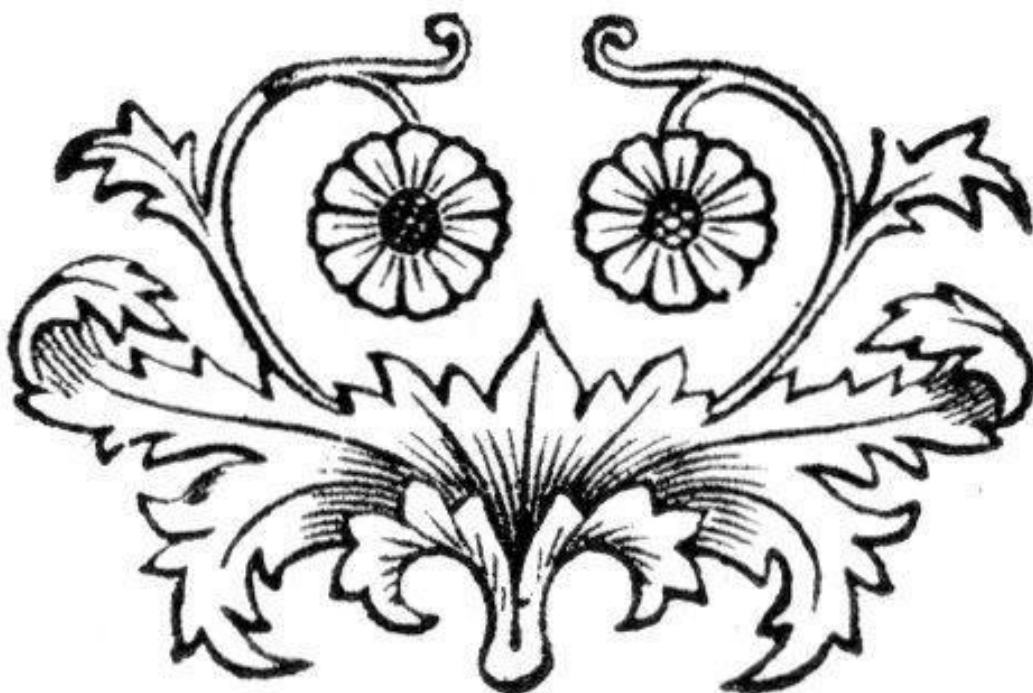
Мгновенно он перерезал канаты, удерживавшие корабли вместе, и, разорвав боевой порядок, бежал так быстро, как только мог. Магнус, вскочив на ноги, тщетно взывал к своим людям, что он жив, и умолял их не убегать от победы. Но вскоре замешательство стало

всеобщим, и Сверре, который быстро воспользовался этим, захватывал корабль за кораблем и обращал остальных в позорное бегство.

Война продолжалась еще три года, и судьба ее менялась. На самом деле, всякий раз, когда Магнус возвращался из Дании, где он пребывал в перерывах между своими поражениями, он казался таким же грозным, как всегда, и ему было нетрудно собрать армию под своими знаменами. Поэтому Сверре, чтобы положить конец междоусобному конфликту, истощавшему ресурсы страны, предложил разделить с ним королевство, а когда это предложение было отклонено, чтобы они правили поочередно сроком на три года каждый. Это благонамеренное предложение Магнус также отклонил, и после неоднократных бесед и бесплодных переговоров военные действия возобновились. Трижды в течение 1181 и 1182 годов хеклунги нападали на Нидарос, где располагалась штаб-квартира Берестоногих, и сражались с переменным успехом. В 1183 году Сверре снова перешел в наступление, застал Магнуса врасплох в Бергене и вынудил его бежать в Данию, бросив свой флот, сокровища и регалии короны. Архиепископ Эйстейн, который был одним из самых стойких сторонников Геклунгов, за несколько лет до этого бежал в Англию и надеялся навредить Сверре, объявив его вне церкви. Сверре, однако, несколько не был обеспокоен запретом, в то время как архиепископ был сильно обеспокоен потерей своего престола. Понимая, что шансы Магнуса на восстановление своей власти уменьшаются, коварный прелат начал переговоры с отлученным от церкви королем и принял его обратно в лоно Церкви при условии восстановления в его достоинствах.

Последняя попытка вернуть то, что он потерял, была предпринята Магнусом летом 1184 года. Затем он отплыл на север, в Берген, с флотом из двадцати шести кораблей и примерно тремя тысячами двухсот человек. Он узнал, что Сверре приплыл в Норефьорд (узкий рукав Согнефьорда) с несколькими кораблями и небольшим отрядом людей, чтобы наказать согнингов, которые убили его префекта Ивара Дарре. Сверре, как правило, нелегко было застать врасплох. Но в данном случае у него не было ни малейшего подозрения об опасности, пока он не увидел галеры геклунгов, направляющиеся прямо на него. О побеге не могло быть и речи. Он был окружен со всех сторон. Хеклунги, видя, что у него всего четырнадцать кораблей и что его силы едва ли превышают половину их собственных, были склонны возблагодарить Бога за то, что он наконец предал их врагов в их руки. Но иногда иметь в своих руках таких врагов, как Берестоногие, - сомнительное благо. Как бы то ни было, как только началась битва, Магнус начал сомневаться в том, кто были захватчики, а кто пленники. Берестоноги сражались героически, и геклунги пали в большом количестве, и многие прыгнули в море. Среди последних был король Магнус. Была полночь, когда кровавая работа подошла к концу, и к тому времени погибло две тысячи человек. Все корабли геклунгов и большая добыча попали в руки Сверре. Когда наступило утро, сквозь прозрачные воды Согнефьорда можно было разглядеть распростертые на дне трупы убитых вождей, в то время как вокруг них плавали рыбы. Труп короля Магнуса нашли только через два дня после битвы, а затем перевезли в Берген, где он был похоронен с большой торжественностью.

В битве при Норефьорде рядом с королем пал цвет скандинавской аристократии. Среди убитых были сын короля Инге Гарольд, брат короля Орма и его сын Ивар Стейг, а также большое количество гордых вождей. Они возлагали свои надежды на короля Магнуса, и с его смертью их владычеству пришел конец. С приходом к власти Сверре Сигурдссона начинается новая эпоха в истории Норвегии.

ГЛАВА XXIV.

СВЕРРЕ СИГУРДССОН (1182-1202).

Это был опасный прецедент, созданный Сверре, когда, не имея никаких других доказательств своего королевского происхождения, кроме его собственного утверждения, он взошел на трон Норвегии. Таким образом, перед любым честолюбивым авантюристом, искусным во лжи и владении оружием, открывалась перспектива завладеть короной на острие меча. Сам факт того, что в умах многих существовали сомнения относительно происхождения Сверре, сам по себе был деморализующим. Это разрушило те узы верности, которые до сих пор связывали народ с потомками Гарольда Прекрасноволосого, и облегчило беспринципным претендентам возможность перспективой добычи склонить людей к восстанию. Таким образом, мы видим, что во время правления Сверре и его непосредственных преемников в разных частях страны появляется обильный урожай претендентов и мятежных банд, которые после более или менее длительного существования были уничтожены официальной властью.

То, что Сверре в какой-то мере должен был быть благодарен самому себе за такое положение вещей, он, должно быть, хорошо осознавал; и частота, с которой он настаивал на своей миссии по освобождению Норвегии от незаконного влияния сына Эрлинга Скакке, показывает, насколько он беспокоился, чтобы такая же мысль не пришла в голову другим. Даже при том, что он был сыном Сигурда Уста (что, действительно, вероятно), он должен был видеть, что народ не испытывал никаких трудностей из-за мягкого применения Магнусом своей власти, в то время как войны, которые прямо или косвенно были развязаны королевству его собственным претендентом на власть, потрясли его до глубины души. Поэтому в роли освободителя Сверре едва ли был искренен, и некоторая ненадежность его положения, проистекавшая, возможно, из внутренних сомнений, заставляла его временами выглядеть с меньшим достоинством, чем мы могли бы ожидать от человека его гения и могущества. Таким образом, когда в 1181 году человек по имени Эрик, чье происхождение, кажется, окутано мраком, получил разрешение путем испытания доказать, что он сын Сигурда Мауса, Сверре настоял на том, чтобы включить в свою клятву слова "и брат Сверре", тем самым получив, так сказать, тайное доказательство своего собственного происхождения от королевского дома. Эрик, однако, возражал против принятия на себя этой двойной ответственности, но ему удалось доказать истинность своего утверждения в отношении самого себя. С тех пор его звали Эрик Кингссон, но он поклялся себе никогда не претендовать на корону. Сверре дал ему первое командование войсками своего двора, а позже сделал графом Викена.

Первым стремлением Сверре, после того как он стал единоличным правителем страны, было укрепить фундамент своего трона. О союзе с аристократией, которая до сих пор обладала наибольшим влиянием, не могло быть и речи, во-первых, потому, что магнаты были сторонниками Магнуса, а во-вторых, потому, что для Берестеногих, которым Сверре был обязан своей властью, такой союз был бы отвратителен. Поэтому он решил прекратить искать поддержки своей королевской власти среди того же класса, из которого вышли его берестопалые, а именно арендаторов, мелких фермеров и, в целом, среди низших слоев населения. Эти люди до сих пор находились во власти вождей, и хотя в интересах последних было не причинять им вреда или жестоко обращаться с ними, их положение было зависимым и нищенским. Они были практически вне поля зрения закона, потому что, если кто-то из их начальников причинял им зло, у них не хватало средств и влияния, чтобы преследовать его по делу. Чтобы улучшить положение этих скромных людей и тем самым заручиться их дружбой, Сверре назначил новый класс офицеров, так называемых блюстителей закона, задачей которых должно было стать обеспечение справедливости для угнетенных с небольшими затратами и без промедления. Как сказал один из первых назначенных представителей закона, Гуннар Грьонбак из Тренделага: "Король Сверре, когда он давал мне эту должность, повелел мне вершить правосудие среди дачников, а не среди вождей". Таким образом, законники были судьями, которые, опираясь на авторитет короны, защищали интересы малых как в их взаимных ссорах, так и в их ссорах с великими. Очевидно, что их назначение было хитрым поступком со стороны Сверре.

Другим классом должностных лиц, которые, хотя и не были впервые назначены Сверре, имели более определенные функции и обязанности, возложенные на них им самим, были префекты (*syslu-madr*^[A]). Они не были, в отличие от вассалов, королевскими вассалами, которые владели землей в феоде и осуществляли независимую власть, но были слугами короля и представителями его власти.^[B] Они собирали королевские доходы в своих округах и следили за интересами короны. Таким образом, они лишили вассалов их основных функций и значительной доли их доходов. Таким образом, назначение этих префектов было наиболее эффективной мерой, направленной на ослабление влияния аристократии. Сверре

не собирався делиться своей властью с этими надменными магнатами, многие из которых без колебаний обменивали провинции и вступали в союзы с иностранными принцами против их собственного короля. Он хотел, чтобы корона была достаточно сильной, чтобы обуздать эту неуправляемую стихию и с помощью малого помешать великому вырасти над его головой. С большой проницательностью государственного деятеля он приступил к этой работе, которая так или иначе поглощала его время и энергию на протяжении всего его правления.

[A] Вигфуссон переводит *syslu-madr*, "префект, судебный пристав, королевский наместник"; но он также переводит *гьялд-керу* и *ар-мадр* словами *steward*, и в данном случае правильно. Единственный известный мне английский термин для обозначения должностного лица, функции которого приблизительно соответствуют функциям *syslu-madr*, - это префект, поскольку сейчас эта должность существует во Франции. Однако даже этот термин несовершенен.

[B] Мунк, iii., 108.

Видя, что король намеревается лишить их древних привилегий, остатки партии вассалов начали подыскивать нового претендента, которого они могли бы выставить против Сверре. Такой человек вскоре был найден в лице монаха по имени Джон, который выдавал себя за сына короля Инге Горбуна. Хотя его история была явно лживой, вокруг него собралась значительная группа, получившая название "Кувлунги" или "Каулмены". Не все бывшие приверженцы Магнуса каким-либо образом присоединились к этой группе, но все же их было достаточно, чтобы сделать ее грозной. Теперь начались обычные разбои вдоль побережья, нападения на Берген и Нидарос, нерешительные бои и внезапные отступления, случайные победы и большая часть разрушительной партизанской войны. Существовало подозрение, что архиепископ Эйстейн, ненавидевший Сверре, был той силой, которая поддерживала кувлунгов в движении, и было очевидно, что он втайне благоволил им. Архиепископ, однако, умер в 1188 году, заключив, как утверждал Сверре, мир с ним на смертном одре. Вскоре после этого банда повстанцев была разгромлена в Бергене (1188), а их лидер убит.

Если Сверре ожидал, что будет спокойно наслаждаться своей властью, он, должно быть, к этому времени уже не был обманут. Он действительно посеял ветер и пожал смерч. Как только кувлунги исчезли с дороги, вождь Саймон Каарессон организовал новую банду под названием Варбелги (Волчьи шкуры), которая подобрала претендента в лице ребенка по имени Викар. Этот мальчик, которому было всего несколько лет, родился в Дании и предположительно был сыном короля Магнуса Эрлингссона. Но обман был слишком откровенным, чтобы вызвать доверие, и Варбельги пришли к бесславному концу в Бристейне, недалеко от Тунсберга (1190), где были убиты и маленький Викар, и Симон Каарессон. Восстание к этому времени стало настолько популярным, что любой правдоподобный самозванец, решивший пойти на риск, мог рассчитывать приобрести значительное число приверженцев. Многие, кто был не в состоянии смириться с новым порядком вещей, предпочли поставить все на отчаянный шанс, чем безропотно подчиниться условиям амнистии Сверре. Следовательно, не имело большого значения, кто возглавлял восстание; мятежный дух, витавший повсюду, несомненно, находил выражение и никогда не испытывал недостатка в лидере. Преемников Варбелгов называли Ойескеггами (островитяне), потому что их отряд был набран в основном с Оркнейских островов, где граф Гарольд благоволил к ним. Их вождями были Халлькель Йонссон, шурином короля Магнуса, Сигурд Ярлссон, незаконнорожденный сын Эрлинга Скакке, и Олаф, шурином графа Гарольда Оркнейского. Все они номинально подчинились Сверре и получили от него множество

милостей. Более того, даже после того, как они раскрыли свой заговор, Олаф продолжал действовать как друг короля и сидеть за его столом. Сверре, однако, не был обманут своим двуличием. Однажды, когда они разговаривали, король сказал: "Ты, Олаф, должен был быть верен мне".

- Почему вы так говорите, милорд? - спросил Олаф.

Король, вместо прямого ответа, взмахнул ножом в воздухе и сказал: "Последователи наших врагов сейчас кишат вокруг нас".

Услышав это, предатель встревожился и быстро покинул зал. Снаружи он встретил своего приемного сына Сигурда, который, как говорили, был сыном короля Магнуса, а позже был выдвинут Ойескеггами на роль претендента.

"Там мы чудом избежали ловушки, приемный сын", - сказал он, взял мальчика за руку и поспешил прочь. Он немедленно отплыл на Шетландские острова, где мог без помех обдумать свои планы. Летом 1193 года он появился вместе с Халлькелем и Сигурдом Ярлссонами и большой группой повстанцев в Викене, где удел за уделом покорялись им без сопротивления. Вероятно, в то время в Викене не было королевских войск, и жители, которые раньше были сторонниками короля Магнуса, в последнее время не прониклись каким-либо глубоким чувством преданности Сверре. Когда провизии стало не хватать, вожди повстанцев поднялись на борт своих кораблей и начали грабить суда в Поясах. Таким образом, они приобрели такое большое количество товаров и денег, что стали известны как "Златоногие" (*Гуллбайнеры*). Осенью 1193 года они отплыли на север, полные мужества, надеясь вскоре покончить со Сверре, вокруг которого, как считалось, было мало людей. Они встретили его во Флорсваге, недалеко от Бергена, и приготовились к битве. Его силы составляли около тысячи двухсот человек, в то время как у Ойескеггов было две тысячи. Поскольку сражаться было уже слишком поздно, когда флоты впервые приблизились друг к другу, Сверре отправился в город с несколькими сторонниками, чтобы получить подкрепление. На обратном пути ему пришло в голову, что было бы неплохо нанести визит повстанцам. В маленькой лодке он тайком, под покровом темноты, подплыл к кораблю, где вожди держали военный совет, и имел удовольствие послушать, как Халлькель Йонссон излагает весь план сражения. Он принял соответствующие меры и своими хорошо рассчитанными маневрами расстроил их планы. Однако битва была кровопролитной и жестоко подтасованной. Какое-то время Берестеногам казалось, что дело плохо, но прибытие девяноста хорошо вооруженных людей из города решило исход дня в пользу Сверре. Король ойескеггов прыгнул за борт, но был пронзен копьем, когда плыл к берегу. Все вожди повстанцев, кроме Сигурда Ярлссона, и почти все мужчины были убиты (1194).

Пока Сверре таким образом неумоимо занимался подавлением восстания, ему предстояла еще одна борьба, которая еще больше требовала от него бдительности и энергии. Церковь не склонна смотреть с благосклонностью на того, кто покидает ее, даже ради трона, и тот факт, что король был допущен к низшей ступени священства, не только не примирил священников с его властью, но и настроил их враждебно по отношению к нему. Однако, несмотря на это, нет никаких сомнений в том, что он мог бы купить их дружбу, пойдя на соответствующие уступки. Если бы он был готов ратифицировать соглашение между архиепископом Эйштейном и Эрлингом Скакке, унаследовать свою корону в феоде Святого Олафа, что было всего лишь другим названием иерархии, и предоставить епископам право требовать аналогичных условий от своих преемников, его прежнее дьяконство не стало бы препятствием для получения поддержки Церкви. Однако Сверре слишком хорошо знал дух священства, чтобы отважиться на такие уступки. Его политика заключалась в том, чтобы

сделать монархию достаточно сильной, чтобы подавить непокорный дух аристократии и обеспечить мир и безопасность народу. Церковь с самого начала выступала против него и тайно или открыто помогала каждой банде повстанцев, которые стремились свергнуть его правительство. Неудивительно, что, помимо всех прочих соображений, он не был благосклонно расположен к Церкви.

Когда архиепископ Эйстейн умер, заключив притворный мир с королем, епископ Ставангера Эрик был избран его преемником. Говорят, что Эйстейн на смертном одре заручился неохотным согласием Сверре на этот выбор. Как бы то ни было, Эрик был избран, и не успел он согреться в своем кресле, как проявил свое расположение к королю. Не посоветовавшись со Сверре, он назначил своим преемником епископа Ставангера одного из своих злейших врагов, Николаса Арнессона, сводного брата короля Инге Горбуна. Сверре, естественно, возразил, во-первых, потому, что Николас никогда не подчинялся приказам, во-вторых, потому, что его избрание состоялось незаконным образом, поскольку король не присутствовал. Несмотря на все это, в конце концов он согласился отказаться от своих возражений, потому что его королева Маргарет (сестра шведского короля Кнута Эрикссона) вступилась за Николая. Последний, который был мастером интриги, своей скромностью и лестью снискал расположение королевы, и даже Сверре, который обычно хорошо разбирался в людях, колебался в своем недоверии к нему. Однако вскоре у него открылись глаза. Как только Николай получил свою инвеституру, он снова присоединился к рядам врагов короля, объединившись с архиепископом, который неустанно спорил со Сверре по поводу предполагаемых прерогатив его должности. Во-первых, он хотел, чтобы штрафы и епитимьи, выплачиваемые церкви в Тренделаге, были рассчитаны в соответствии с фактическим весом в серебре, а не в монете королевства, которая стоила лишь половину своей номинальной стоимости. Во-вторых, он хотел оставить за собой и своими коллегами-епископами право назначать всех священнослужителей, и, в-третьих, он претендовал на привилегию окружать себя чем-то вроде церковного суда и держать у себя на службе от девяноста до ста латников, хотя закон позволял ему иметь только тридцать. Чтобы уладить эти вопросы, Сверре вызвал архиепископа в Фроста-вещь, и, зачитав ему закон, вынес решение против него. Полный гнева, надменный прелат покинул страну, ища убежища у архиепископа Абсалона в Дании, который радушно принял его. Здесь он составил письмо папе римскому, в котором горько жаловался на узурпацию власти королем и ущемление прав Церкви. Папа в ответ наложил на Сверре запрет и освободил своих подданных от присяги на верность. Однако еще до того, как булла достигла Норвегии, Сверре убедил епископов, оставшихся в стране, короновать его в Бергене (29 июня 1194 года). Даже епископ Николай, которого недавно перевели из Ставангера в Осло, принял участие в этой церемонии, хотя, вероятно, и во многом против своей воли. Сверре сначала рассматривал папскую буллу как простую мошенническую выдумку архиепископов Эрика и Абсалона, но о том, что он был далек от того, чтобы верить в это, свидетельствует тот факт, что он отправил послов в Рим, чтобы предъявить встречные обвинения против архиепископа и объяснить причины разногласий со своей точки зрения. Насколько нам известно, эти послы ничего не добились, и по пути домой они скоростно скончались в Дании (1197 г.), вероятно, будучи отравленными. Вскоре после этого Сверре опубликовал фальсифицированную папскую буллу, в которой запрет был отменен. Не исключено, что он сам был ответственен за эту фальсификацию. Для него это был вопрос "быть или не быть", и он достаточно долго был связан с Церковью, чтобы знать, как успокоить свою совесть в таком вопросе. Более того, вряд ли кто-то другой совершил бы мошенничество в его пользу.

Видя, что они не могут уничтожить Сверре только духовным оружием, его враги снова прибегли к мечу, и на этот раз случай сыграл им на руку самым удивительным образом.

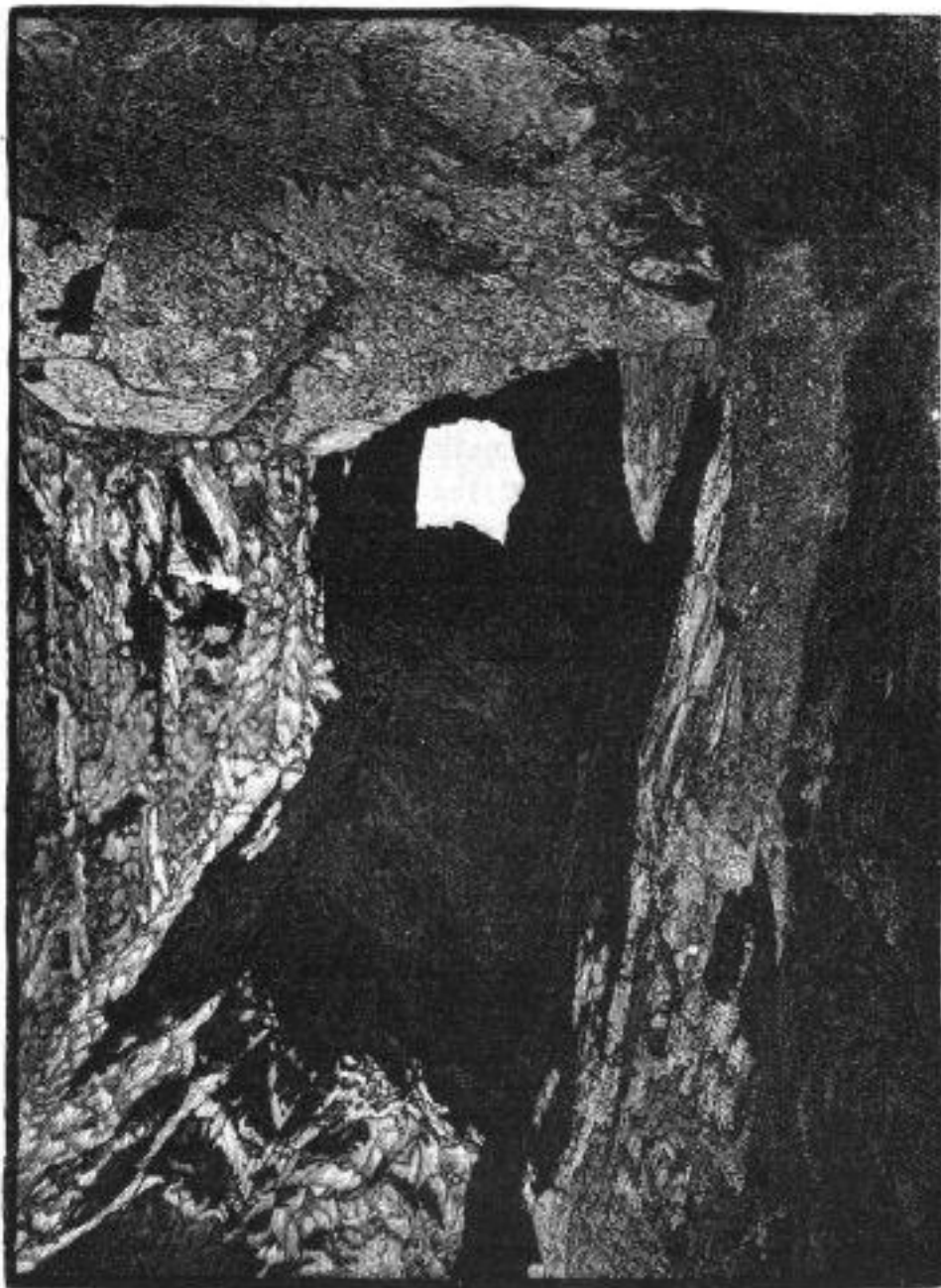
Византийский император Алексей отправил в 1195 году норвежца по имени Рейдар Посланник (*Сендеманд*) в Норвегию, чтобы нанять для него 200 наемников, и Сверре, хотя и придерживался мнения, что у Норвегии нет лишних войск, был убежден разрешить эмиссару императора вербовать тех, кто пожелает следовать за ним. Рейдар без промедления приступил к работе и собрал значительные силы, но тем временем епископ Николас обратился к нему и убедил вступить в союз с целью свержения правительства Сверре. После самого Николаса самым важным человеком в лиге был Сигурд Ярлссон, сын Эрлинга Скакке и бывший вождь Ойескеггов. Мальчик по имени Инге, предположительно сын короля Магнуса Эрлингссона, был их кандидатом на трон. Группа получила название *Bagler*, то есть *Crookmen*, в честь *бэгалла*, мошенника или сотрудника *bishop*. Из-за прихода наемников Рейдара они стали гораздо более грозными, чем любая из прежних банд, поднявших восстание против Сверре. В первом сражении, которое король вел с ними, у них было не менее 125 кораблей и 5000 человек. Эта встреча, состоявшаяся в проливе Сальте, в Викене (1196), была нерешительной, хотя, по-видимому, баглеры добились некоторого преимущества. Как бы то ни было, Сверре не осмелился оставаться в Викене, а направился на север, в Нидарос, оставив повстанцев хозяевами всех южных провинций. Они пользовались здесь симпатией населения и без труда добились провозглашения самозванца Инге королем в Боргар-тинге. Сверре тем временем набрал войска в северных провинциях и летом 1197 года напал на повстанцев в Осло, где они потерпели сокрушительное поражение. Здесь его благоразумное предвидение и стратегическое мастерство обеспечили ему блестящий успех, в то время как Николас показал себя трусливым хвастуном, лишенным полководческих способностей. Он пытался убедить своих людей, что мечи Берестоногих не кусаются, потому что они находятся под запретом, и когда эта ложь была эффективно опровергнута, епископ одним из первых бросился наутек.

- Теперь скажи во весь опор, мой господин, - крикнул ему один из Бэглеров. - Наши люди остро нуждаются в вашей помощи и наставлении, ибо, как мне кажется, мечи Берестоногих кусаются довольно хорошо.

"Нет, давайте уедем отсюда как можно быстрее", - ответил Николас. - "Пока дьявол на свободе".

После битвы прелат послал священника к Сверре с предложениями мира; но последний, зная вероломный характер своего врага, отказался вести с ним переговоры, пока тот не явится лично. Он пообещал ему охранную грамоту, утверждая, что у него есть другие способы прославиться, кроме убийства такого человека, как он. Николас ничего не ответил на это предложение; но вместо того, чтобы предстать перед королем, поспешил со своими людьми по суше в Нидарос, напал на город, сжег флот Сверре, стоявший во фьорде, и осадил блокпост, который в конце концов пал из-за измены его командира Торстейна Кугада. Это было серьезным ударом для короля и поставило его в последующем состязании в крайне невыгодное положение. Встречаться с мятежниками в море на небольших кораблях, которые теперь были предоставлены ему, было опасно, как ясно показала битва при Торсберге, недалеко от устья Дронтхайм-фьорда, в следующем году (1198). Берестоногие потерпели здесь поражение, несмотря на их великолепную храбрость, и многие из самых верных друзей и приверженцев короля были убиты. Сверре поспешил оттуда в Берген, где вождь баглеров, Сигурд Ярлссон, тем временем бушевал огнем и мечом. Он сжег те корабли Сверре, которые нашел в гавани, а также дома Берестоногих в городе, и теперь осадил блокпост, где находилась королева Маргарита со всем своим двором. Поскольку этот грубый форт был построен из дерева, его первым намерением было поджечь его, и он начал с этой целью складывать дрова для огромного костра у самых стен. Сигурду Боргарклетту, коменданту

форта, удалось поджечь кучу дров, прежде чем она стала достаточно большой, чтобы причинить какой-либо вред. Баглеры снова начали складывать дрова, но осажденные снова обрушили на них горящие бочки со смолой и прогнали их. После многих бесплодных попыток Сигурд Ярлссон отказался от плана поджога блокауза.

ТОРГХЕТТЕН, ЗНАМЕНИТЫЙ ОСТРОВ С ЕСТЕСТВЕННЫМ ТУННЕЛЕМ В СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛЕ.

Однако неприятности Сигурду Боргарклетту доставляли не только его враги снаружи. Королева при виде пожара пришла в неистовство и настояла на капитуляции; и все ее женщины окружили храброго командира, слезно умоляя его не подвергать их сожжению заживо. Друг Сверре по имени Аура-Поль, чьему попечению была особенно доверена королева, опасался, что причитания женщин могут оказать обескураживающее действие на гарнизон, и, чтобы избавить командира от их назойливости, он убедил их войти в комнату над воротами, которая использовалась как тюрьма, и там дожидаться завершения переговоров с

Баглерами. На это они с готовностью согласились и тут же были заперты, получив полное разрешение вопить сколько душе угодно. Когда, однако, опасность от пожара миновала, Аура-Пол пошел к королеве и спросил ее, что бы она дала ему, если бы он смог убедить Баглеров уйти. Она предложила ему большую сумму денег, после чего он попросил одолжить у нее печать. Теперь он сел и написал письмо от имени королевы двум священникам в городе, призывая их использовать все, что в их силах, чтобы задержать врага, поскольку король прибудет с большим войском на следующий день и обязательно покончит с ними. Это сообщение он отправил через маленького мальчика, которого сумели поймать Баглеры, и после обыска ему пришлось отдать письмо. Сигурд Ярлссон, не подозревая обмана, поспешил прочь так быстро, как только мог, не наказав, однако, двух священников, которые, хотя и заявляли о дружбе с ним, все же поддерживали связь с королевой. Берестоногие расценили это как забавную шутку, ибо священники, как и большинство представителей их ордена, были врагами короля. Но чтобы завершить эту комедию ошибок, Сверре действительно, к удивлению своих друзей, прибыл в назначенный в письме день. Тем не менее, повезло, что Сигурд Ярлссон пустился наутек, поскольку основные силы баглеров преследовали короля на юг, и если бы две дивизии сошлись в Бергене, Сверре вряд ли смог бы выстоять против них самостоятельно.

Лето 1198 года, которое стало известно в народе как лето Бергена, прошло во враждебных армиях в последнем городе и его окрестностях, и там были почти непрерывные стычки, не считая нескольких ожесточенных боев. Битва при Джонволдсе завершилась в пользу Берестоногих, но не была достаточно решающей, чтобы уничтожить силу сопротивления Баглеров.

Лето прошло, но ни одна из сторон не получила решающего преимущества. Тогда епископ Николай, отчаявшись уничтожить берестоногих до тех пор, пока у них есть город, на который они могут опираться, решил лишить их этого убежища. Соответственно, он поджег город и сжег большую его часть. У Берестоногих было достаточно работы по спасению блокауза, и они могли оказать лишь незначительную помощь горожанам в их усилиях ограничить распространение пожара. Сомнительно, однако, что бэглеры что-то выиграли от этого неоправданного разрушения, поскольку жители Бергена, многие из которых были благосклонно настроены к ним, с этого дня стали их врагами. Сверре действительно был вынужден покинуть свою позицию, оставив, однако, гарнизон в блокаузе. Но Бэглеры едва ли извлекли выгоду из его отъезда, так как в окрестных краях не хватало провизии, и нужда вынудила их переселиться. Затем епископ Николай отплыл на север, в Нордмере и Хаалогаланд, где не встретил сопротивления; и дезертирство из рядов Берестоногих увеличивало его армию до тех пор, пока сама ее численность не привела его в замешательство. Как ни странно, в это самое время, когда состояние короля было на исходе, предатель Торстейн Кугад, сдавший блокауз в Нидаросе, вернулся к нему. Он бросился к ногам Сверре, обнял его колени и воскликнул:

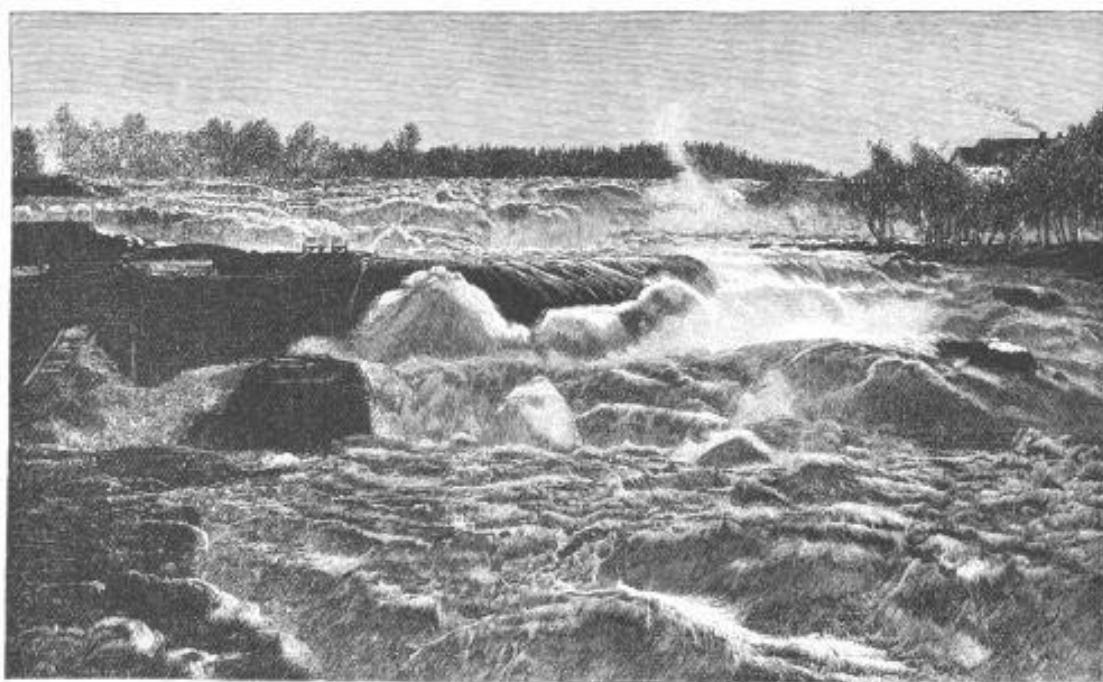
"Сейчас я счастлива, милорд, что я так близко от вас, что могу прикоснуться к вам. * * * Дорогой мой господь, прими меня и позволь мне никогда больше не расставаться с тобой".

Хотя его бывшие товарищи требовали его смерти, Сверре полностью помиловал его. Отчаянное положение короля действительно было достаточной гарантией искренности раскаяния Торстейна. Вся страна, за пределами Тренделага, теперь была в руках повстанцев. Королевский флот был сожжен, и даже многие ветераны Берестенога дезертировали. Затем, в качестве последнего сокрушительного удара, последовала булла папы Иннокентия III,

наложившая на страну интердикт, запрещающий совершение публичных богослужений и отправление таинств во всех тех частях королевства, которые все еще оставались верными Сверре. Если бы наместник Христа удовлетворился тем, что обрушил на короля молнию божественного гнева, он, возможно, добился бы его уничтожения. Но папа, обнаружив, что булла его предшественника оказалась практически неэффективной, на этот раз поставил своей целью повлиять на общественное сознание и привел ему определенные аргументы, которые показали, насколько полно он позволил врагам Сверре ввести себя в заблуждение. В своей булле он описал короля в манере, которая, должно быть, показалась абсурдной тем, кто его знал; он приписал ему преступления, которых, как всем было известно, он никогда не совершал; и тем самым разоблачил — не злобность Сверре, а его собственную склонность к ошибкам и пристрастность. Таким образом, король, вместо того чтобы безропотно подчиниться несправедливому приговору, счел себя вправе выступить в свою защиту. Он написал или распорядился, чтобы под его непосредственным руководством была написана полемическая брошюра, в которой он анализировал свое отношение к Церкви и умело защищал свое поведение. Поведение духовенства он подверг резкой критике, показал несостоятельность их позиции, как приверженцев баглеров, и разоблачил истинные мотивы их действий. Проницательность, способности и образованность автора проявляются на каждой странице, а ясность выражений и простые аргументы здравого смысла, кажется, раскрывают хорошо известную личность Сверре. Весьма вероятно, что это помешало многим покинуть его, которые в противном случае могли бы быть напуганы и дезертировать. Однако у разобщенного духовенства было больше возможностей достучаться до народа, чем у тех немногих, кто еще оставался верующим, и они использовали свои возможности, подстрекая крестьян к необоснованной, фанатичной враждебности к отлученному от церкви королю. Папа тем временем активно настраивал против себя иностранных врагов и написал самые срочные письма королям Швеции и Дании, призывая их заслужить благодарность Бога и его наместника, папы римского, уничтожив святотатственного монстра Сверре. К счастью, эти увещевания не возымели действия, поскольку у короля Дании Кнута было полно дел дома, а король Швеции Сверке был весьма благосклонно настроен к своему соседу.

В этом отчаянном положении проявилось истинное величие Сверре. Он привык сражаться с большими силами, и чувство опасности помогло ему пустить в ход всю свою энергию. С непоколебимой решимостью он принялся за работу, чтобы возместить свои потери и снова вооружиться для встречи со своими врагами. Его первой задачей было построить флот вместо того, который уничтожили Бэглеры, потому что без кораблей он оказался бы в их власти. Трендерцы, к которым он обратился за помощью, верно помогали ему, и к началу весны (1199 г.) у него было восемь больших галер, готовых к спуску на воду. Помимо этих, он ожидал увидеть ряд других, которые крестьяне строили для него по всему Тренделагу. Город Нидарос он укрепил большим новым блокадом и построил метательные машины, которые использовались для метания камней во врага. В начале июня баглеры появились во фьорде с большим флотом, и началась обычная перестрелка. Однако все их усилия захватить город были тщетны, и в битве при Стриндсе (июнь 1199 г.) их огромный флот, который ранее давал им преимущество над берестеногими, попал в руки Сверре. Битва была упорной, и обе стороны были доведены до воинственной ярости, которая отказывалась давать или принимать пощаду. Король, чья мягкость и гуманные чувства сделали его суровую решимость и мужество еще более достойными восхищения, наложил здесь пятно на свое честное имя. Он уступил настойчивости своих людей и позволил им отомстить пленникам за смерть своего родственника. Справедливо было бы приписать этот единственный акт жестокости сиюминутному брожению его крови и ненависти, которая бесконтрольно вспыхнула против виновников всех его несчастий.

После битвы при Стриндсе баглеры бежали на юг с теми немногими кораблями, которые у них остались, и были преследуемы Сверре, которому, однако, не удалось их настичь. Они нашли, как обычно, убежище в Дании, где продолжали замышлять пакости. Они чувствовали себя настолько превосходящими Сверре по силе и ресурсам, что им казалось лишь вопросом времени, когда они завладеют всей землей. Даже в Нидаросе, где король все еще был в состоянии постоять за себя, у повстанцев было много сочувствующих среди духовенства. После победы при Стриндсе Сверре отплыл на юг и остановился на зимовку в Осло. Баглеры воспользовались его отсутствием, чтобы посетить Нидарос, где они нерешительно сражались с армией из 1800 крестьян, которые взялись защищать город. Тем временем над головой Сверре разразилась буря, более грозная, чем любая из тех, которые он до сих пор переживал. Проповеди нелояльного духовенства начинали сказываться. Крестьяне Викена и Опландии подняли восстание и большими потоками хлынули в Осло с целью уничтожить отлученного от церкви короля. С трех разных направлений двинулись их армии, намереваясь соединиться близ города и своим значительно превосходящим численным составом сокрушить Сверре. У короля было тогда всего три тысячи человек, в то время как силы крестьян, по общему мнению, насчитывали сорок или пятьдесят тысяч. Сражаться с таким превосходством сил казалось бы простым безумием. Тем не менее он решил дорого продать свою жизнь. Никогда его гений не сиял так ярко, как в час опасности. Спокойно и уверенно он обратился к своим людям, назначив каждому командиру его задачу и увещевая своих Берестоногих быть храбрыми и уповать на Бога. Затем серией быстрых маневров он предотвратил соединение враждебных армий, оставив своих сыновей, Сигурда Лаварда и Хоконна, охранять его тыл, в то время как сам вступил в бой и разгромил две основные дивизии крестьянской армии. Силы под командованием Сигурда и Хааконна, насчитывавшие всего четыреста восемьдесят человек, тем временем были разбиты третьей дивизией численностью в две тысячи четыреста человек, и у короля было бы мало шансов спастись, если бы у крестьян хватило ума воспользоваться своим преимуществом. Вместо этого они начали кутежи в городе и даже воздержались от обстрела королевского флота, который был в их власти, потому что они считали его уже своим собственным. Однако, когда кровавая битва, разыгравшаяся на льду, подошла к концу, веселые крестьяне обнаружили свою ошибку. Сверре пришел не побежденным, а победителем. Затем снова началась суматоха сражения — схватка, бегство и преследование. Йоменам, какими бы крепкими парнями они ни были и не были непривычны к войне, не хватало дисциплины, и, прежде всего, им не хватало компетентного командира. Сверре гнался за ними так яростно, что им пришлось отбросить щиты и полагаться в безопасности только на свою скорость.

HÖNEFOSS.

Измученным Берестеногам теперь требовался отдых, и король приказал протрубить знаменитый *лоур* Андвейк и собрал вокруг себя войско. Из города принесли еду и питье, и голодные воины собирались подкрепиться, когда увидели, что беглецы из нескольких крестьянских армий объединились и возвращаются, чтобы еще раз испытать судьбу в битве. Повстанцы обнаружили, что при правильном плане атаки они все же достаточно опасны, чтобы уничтожить Берестеногих. Теперь их главной целью было убить Сверре, потому что они предполагали, что если бы он был мертв, сопротивление его отряда вскоре рухнуло бы. Хотя берестеногам и не хотелось снова вступать в бой, они храбро откликнулись на призыв своего короля. Они ворвались к замерзшему фьорду, где крестьяне выстраивались в боевую линию, и предприняли ожесточенную атаку. Сверре, по своему обыкновению, разъезжал среди них, был то впереди, то сзади и своим ясным взором руководил каждым маневром. Крестьяне, увидев его, закричали: "Заколи его, повали его на землю, убей его, выбей из-под него лошадь". И со всех сторон раздались хриплые крики: "Заколи его, убей его". Но в своем стремлении убить Сверре они пренебрегли соблюдением порядка. Их боевой порядок распался на серию диких и беспорядочных атак, слабые места которых Сверре не замедлил обнаружить. Берестеноги ворвались в их ряды и разгромили их с большой жестокостью. Вассал по имени Аале Халльвардссон, которого мятежники приняли за короля, потому что он был так же одет, пал после храброй защиты, и послышались ликующие крики, возвещавшие, что король убит. Берестеноги на мгновение оцепенели от ужаса и прекратили погоню. Но внезапно Сверре ринулся вперед на своем коне; воины радостно сплотились вокруг него, в *луре* протрубили для новой атаки, и во главе своих людей король снова бросился в атаку и сломил последнее сопротивление растерянных крестьян.

Это была величайшая победа, которую когда-либо одерживал Сверре, и в целом одно из самых экстраординарных сражений, когда-либо происходивших в Норвегии. Теперь крестьянам предстоял день отчета, и король заставил их ощутить на себе тяжелую руку своего гнева. Политику мягкости и амнистии они приняли бы за страх; только суровость могла внушить им уважение. Многие фермы были сожжены, а с тех, кто принимал участие в восстании, были взысканы большие денежные штрафы и провизия. Однако одного случая будет достаточно, чтобы показать, как мало души вложил Сверре в эту работу. Когда он

приближался к ферме, из леса выбежал маленький мальчик и жалобно умолял его не сжигать его дом.

- Нет, конечно, его пощадят, раз ты просишь, - мягко ответил Сверре. - и если бы крестьяне остались дома и попросили мира, ни одна ферма не была бы сожжена. Скажи им сейчас, что остальных пощадят".

Немедленно он отдал приказ своим людям воздержаться от дальнейших разрушений.

Героическая выносливость, проявленная Сверре в этой долгой и изнурительной борьбе, действительно, ослабила позиции баглеров, но ни в коем случае не лишила их мужества. Гражданская война, и особенно классовая война, такой, какой была эта, вызывает более ожесточенную ненависть и страсти, чем международные соревнования, и поэтому должна продолжаться до тех пор, пока та или иная сторона не будет полностью унижена или уничтожена. Норвежские магнаты, составлявшие костяк партии Баглеров, ненавидели Сверре не только потому, что считали его выскочкой и авантюристом, но и как разрушителя старого олигархического правительства, в котором они закрепили за собой львиную долю власти. Класс, столь прочно укоренившийся как в институтах, так и в традициях страны, не мог быть свергнут одним ударом; его также нельзя было смирить неудачами. Епископ Николай стал их лидером не в качестве священнослужителя, а как самый выдающийся представитель старой аристократии; и приверженность духовенства к партии Бейглера была не столько результатом личной симпатии к нему, сколько общей враждебности к королю-демократу, нивелирующему различия, защитнику черни. Эти гордые потомки великих исторических семейств Норвегии были одной крови с нормандской знатью Англии, и хотя они не жили в замках и не одевались в атлас и горностаи, все же ими двигал тот же дух. Они были готовы бороться за свои права, реальные или воображаемые, даже против собственного короля и страны.

Весной 1201 года Сверре созвал свежие войска со всегда верного Севера и снова отплыл на юг, оставив в Бергене гарнизон под командованием своего друга, крестьянина Дагфинна, и его зятя Эйнара по прозвищу Священник. Он узнал, что вождь баглеров, Рейдар Мессенджер, с примерно двумястами сорока людьми захватил блокпост в Тунсберге, и счел эту возможность благоприятной для уничтожения одного из своих самых опасных врагов. С этой целью он осадил блокауз, который, однако, благодаря своему расположению на горе, возвышающейся над городом, был почти неприступен. Его попытка взять его штурмом провалилась, и его различные хитроумные уловки также не увенчались успехом. После двадцатинедельной осады баглеры оказались в таком стесненном положении, что на рождественский ужин им пришлось есть вареные и нарезанные веревки, сделанные из моржовой и тюленьей кожи. Они не могли терпеть так долго; один за другим они начали дезертировать глубокой ночью, и вместо того, чтобы быть убитыми, как они ожидали, король принял их с добротой. Берестоногие громко ворчали на его снисходительность, но он сурово отчитал их, и им пришлось признать, что он был прав. Последним из всех прибыл Рейдар Мессенджер с небольшим отрядом, который остался с ним. Сверре не только пощадил его жизнь, но и отнесся к нему с величайшим уважением. Он предупредил Баглеров, чтобы они не наедались слишком обильно после долгого поста, и позаботился о тех из них, кто был болен. Многие, кто пренебрег его советом, умерли; в то время как другие тащились по жизни с подорванным здоровьем. Сам вождь тоже сильно страдал, хотя Сверре приложил все свои медицинские способности, чтобы вылечить его.

Непрекращающиеся тяготы войны и напряжение его энергии, с которыми они были связаны, тем временем подорвали силы короля, и через некоторое время он был вынужден слечь в

постель. Когда он покинул Тунсберг в январе или феврале 1202 года, ему постелили постель на приподнятой над палубой полутьме, а кровать вождя баглеров поставили рядом с ним. И там лежали бок о бок победитель и побежденная, глядя в зимнее небо и наблюдая за облаками, которые гнались друг за другом под продуваемым ветром сводом. Часто они приятно беседовали друг с другом, и каждый научился восхищаться замечательными качествами другого. Рейдар, который был крестоносцем, рассказал о своих приключениях и наблюдениях в Константинополе и Святой Земле; и дни для короля пролетели незаметно, пока он слушал занимательное повествование. По прибытии флота в Берген короля перевезли в королевский особняк, где ему постелили постель в большом зале. Когда он почувствовал, что его смерть близка, он позвал к себе нескольких своих доверенных друзей и торжественно объявил в их присутствии, что у него остался в живых только один сын, а именно Хаакон, и если кто-либо другой называет себя его сыном, то он мятежник и самозванец. Затем он приказал прочитать и запечатать письмо, которое продиктовал Хаакону, и поручил своим племянникам, Хаакону Галену и Питеру Стейперу, передать его ему в руки.

"Я желаю, - сказал он, - прежде чем получить великое помазание, быть вознесенным на свое высокое место и там ожидать жизни или смерти".

Когда причастие, несмотря на его отлучение от церкви, было совершено над ним, он продолжил: "Мое царствование принесло мне больше скорби, беспокойства и опасностей, чем покоя и удовольствия, и я думаю, что простая зависть побудила многих стать моими врагами, и пусть Бог теперь простит им этот грех и рассудит между ними, мной и во всем моем деле".

Король Сверре скончался 9 марта 1202 года. Он был гениальным величайшим королем, когда-либо правившим Норвегией. Яркий, ясный и решительный дух обитал в его маленьком теле. Его присутствие духа и удивительное изобилие ресурсов спасали его из самых отчаянных ситуаций. Твердость и мягкость замечательно сочетались в его характере. Дальновидная политика, основанная как на целесообразности, так и на убежденности, руководила его действиями с начала правления и до его конца. Он обладал способностью привязывать к себе людей, даже когда наказывал их и обуздывал их незаконные страсти. Хотя он не обладал красотой или великолепным физическим обликом более ранних королей Норвегии, он знал, как внушать уважение так же, как и любовь. Очарование его беседы и приветливость манер производили впечатление на каждого, кто вступал с ним в контакт. "Что особенно делает его личность интересной", - говорит Мунк,^[A] "это замечательное сочетание серьезности и юмора, которое, по-видимому, свойственно норвежскому национальному характеру и которое в его поведении было настолько поразительным, что его можно почти считать его воплощением".

^[A] Мунк, iii., 391.

Во многих отношениях он был намного старше своего возраста. Так, о нем рассказывают, что он не только не считал национальный порок, пьянство, приятной слабостью, хуже которой не было никого на свете, но искренне старался обуздать его и сурово наказывал тех, кто совершал излишества под воздействием алкоголя. Насколько ему позволяло его постоянное занятие войной, он поощрял торговлю и все промышленные занятия. К учености он относился с большим уважением; сам был хорошим знатоком латыни и сведущ в юриспруденции и проявлял большое усердие в обеспечении своим сыновьям наилучших образовательных преимуществ, которые давало время. Несмотря на трудности и опасности,

которым он постоянно подвергался, он дожил до пятидесяти лет — возраста, которого после смерти Гарольда Прекрасноволосого достиг только один король Норвегии.

ГЛАВА XXV.

ХОКОН СВЕРРЕССОН (1202-1204).

В своем предсмертном послании своему сыну Сверре посоветовал ему заключить мир с Церковью. Он предвидел, что интердикт, тяжело давивший на страну, будет становиться все более мощным оружием в руках баглеров и будет продолжать отдалять сердца людей от короля. Хокон, который лично не был вовлечен в полемику, мог, не теряя достоинства, делать попытки к примирению и мог, при необходимости, пойти на уступки. Епископы, однако, так устали от своего долгого изгнания и зависимости от иностранной щедрости, что с готовностью приняли его предложение мира и поспешили вернуться в свои епископства. Каковы были условия примирения, мы не знаем. Старый архиепископ Эрик, который теперь был слепым и дряхлым, был особенно рад вернуться домой, поскольку его покровитель, архиепископ Абсалон, недавно скончался, и его положение в Дании, как иждивенца короля, вряд ли можно было назвать приятным. Не успел он ступить на норвежскую землю, как объявил интердикт отмененным, даже не дожидаясь согласия папы римского — опрометчивость, за которую позже его упрекнул Иннокентий III. Однако папа, хотя ему, без сомнения, нравилось орудовать страшным оружием своего гнева, согласился с условиями мира и не мог найти никаких недостатков в отношении нового короля к Церкви. Дело в том, что Хокон Сверрессон был мягким и привлекательным персонажем, которому больше нравился мир, чем война. Весь народ, уставший от долгой и кровавой гражданской вражды, почувствовал влечение к нему и поспешил признать его. После своего провозглашения королем в Эре-тингеи отмены интердикта он стал бесспорным хозяином страны; и звезда Бэглеров, казалось, закатилась навсегда. Многие из их влиятельных вождей перешли на сторону Хокона, а их так называемый король Инге был убит на острове Мьесен своими же людьми и крестьянами. Епископ Николай временно сменил шлем на митру и вел себя тихо, насколько позволял его беспокойный интригующий ум. Рейдар Мессенджер после своей капитуляции при Тунсберге поклялся в верности Сверре и намеревался сохранить верность своему сыну. Таким образом, казалось, что, наконец, все опасности были устранены и что у молодого и популярного короля появилась перспектива долгого и счастливого правления. Затем, как вспышка молнии среди солнечного неба, грянуло бедствие, которое внезапно снова погрузило страну в войну и нищету.

Мы слышали, что Сверре женился на Маргарите, дочери шведского короля Эрика Святого. У него не было от нее сыновей, но была дочь Кристина. Два его сына, Сигурд Лавард, умерший раньше своего отца, и Хаакон, родились на Фарерских островах; их матерью была Астрид, дочь епископа Роу. Вполне вероятно, что Сверре был женат на ней, но говорят, что он не

привез ее в Норвегию, потому что она была ему неверна. Однако, согласно традиции, ее привез в Норвегию ее сын, который подарил ей большое поместье недалеко от Нидароса и относился к ней с вниманием и добротой. Этот поступок мачеха Хокон, вдовствующая королева Маргарет, расценила как оскорбление для нее и решила покинуть страну. Будучи страстной и властной женщиной, гордящейся своим происхождением и безжалостной в своей ненависти, она воображала, что ей не оказали должных почестей при дворе, и особенно ее обижало то, что король претендовал на превосходство перед ней. Не желая ссор, он сделал все возможное, чтобы умиротворить ее, но без особого успеха. Вдовствующая королева отправилась со своей дочерью в Осло, намереваясь оттуда отправиться в Швецию, где у нее были большие поместья. Король, хотя и не оспаривал ее права на отъезд, отказал ей в праве взять с собой его сводную сестру, чьим естественным опекуном он был; и послал своего двоюродного брата Питера Стейпера, чтобы убедить ее отказаться от своего решения. Королева, однако, оставалась непреклонной. Она не признавала, что Хокон имел какие-либо права на ее ребенка. Убедившись, что угрозы и уговоры бесполезны, Питер Стейпер предпринял хитрость. Он ворвался в комнату принцессы, когда ее мать принимала ванну, крича во весь голос, что в город приехали Бэглеры. Кристина в ужасе умоляла его спасти ее; тогда он схватил ее на руки, побежал с ней к причалам, вскочил на борт своего корабля и отплыл. Королева, как только услышала шум, выбежала на улицу и добралась до пристани как раз в тот момент, когда корабль снимался с якоря. Вне себя от гнева, она закричала вслед Берестоножкам: "Хотела бы я дожить до того дня, когда причиню вам такое же большое горе, какое вы сегодня причинили мне".

Многого из того, что она кричала, они больше не слышали, потому что ее голос все слабее доносился до них сквозь ветер, по мере того как расстояние увеличивалось. С того дня она возненавидела короля, хотя ни в коем случае не ясно, одобрял ли он жестокость Питера Стейпера. Обнаружив, что ее положение в Швеции менее приятное, чем она ожидала, вскоре ее вынудили вернуться в Норвегию, где она стала центром злонамеренных интриг. Среди ее сторонников был двоюродный брат короля, Хакон Гален, сын дочери Сигурда Мауса Сесилии и Фолькvida Законника, храброго и безрассудного юноши, который был по уши влюблен в племянницу королевы, госпожу Кристину.^[A] На него имели значительное влияние две женщины, обе из которых были главными заговорщицами, и у них возникло желание посадить его на трон вместо его двоюродного брата. Король Хокон, который, если бы подозревал о замысле своей мачехи, был бы настороже, предоставил ей теперь возможность осуществить свой злой замысел. Он пригласил ее и ее дочь на свой рождественский пир, предложив ей занять высокое место рядом с собой. Королева, столь далекая от того, чтобы примириться с этим предложением, яростно выпалила: "Я долго буду помнить, как я сидела на высоком троне с моим господином, королем Сверре, в канун Рождества. Передай мое приветствие королю Хаакону, и скажи ему, что я не буду занимать его высокое кресло сегодня ночью.

^[A] Не то же самое, что принцесса Кристина, дочь Сверре и Маргарет.

Король был огорчен таким отпором и отправил ей второе послание, умоляя ее, по крайней мере, позволить его сестре Кристине украсить его пир своим присутствием. Гонец добавил, что король был очень разгневан.

- Неужели он думает, - воскликнула Маргарет, - что я не помню, как из-за него у меня отняли мою дочь в Осло, и даже не напомнил мне об этом?

Однако, ко всеобщему удивлению, она начала одеваться к празднику, и вскоре мать и дочь вошли в банкетный зал, где их приняли с большим почетом.

Застолье было веселым, и в зале царило хорошее настроение. Однако ближе к вечеру следующего дня после Рождества король почувствовал недомогание, и по мере приближения ночи ему становилось все хуже. У него самого открылось кровотечение, но болезнь быстро прогрессировала, пока он не потерял сознание. Его тело посинело и ужасно распухло. В день Нового 1204 года он умер. Было очевидно, что он был отравлен, и вскоре распространился слух, что его убила королева. Хотя Хокон Гален делал все возможное, чтобы отвести от нее подозрения, поднялся всеобщий шум, что она должна доказать свою невиновность, держа в руках раскаленные утюги. Королева отказалась это сделать и, учитывая ее ранг, получила разрешение назначить замену, которая должна была пройти это испытание вместо нее. Однако этот заменитель, хотя и не выказал страха перед результатом, был признан сильно обожженным, и теперь распространилось мнение, что виновна королева. Возбуждение против нее было настолько велико, что Хакону Галену пришлось тайно увести ее из Нидароса и спрятать в доме одного из своих родственников за городом. Позже она сбежала в Швецию, где, вероятно, провела остаток своих дней в своих поместьях. И принцесса Кристина, и ее двоюродная сестра Кристина остались в Норвегии, причем последняя была любовницей Хокона Галена.

Смерть Хокона Сверрессона повергла страну в глубокую скорбь не только потому, что его любили лично, но и потому, что предполагалось, что он не оставил потомства.

Теперь у нового поколения претендентов появилась возможность сражаться за корону и снова посеять анархию и запустение на земле.

ГЛАВА XXVI.

ГУТТОРМ СИГУРДССОН (1204) И ИНГЕ БААРДССОН (1204-1217).

Законным наследником престола после смерти Хокона стал его племянник Гутторм Сигурдссон, сын его брата Сигурда Лаварда. Несмотря на его нежный возраст, Берестеноги поспешили избрать его, понимая, что Хокон Гален, носящий титул графа, должен возглавить правительство. Были, однако, некоторые из Берестеногих, которые были недовольны таким порядком, отчасти потому, что они завидовали Хокону Галену, отчасти потому, что чувствовали, что в такие смутные времена нужен король, который должен быть чем-то большим, чем имя или фигура-руководитель. Баглеры, как ни странно, тоже чувствовали себя не в своей тарелке, потому что боялись, что после устранения сдерживающего влияния Хокона Сверрессона вожди Берестеногих дадут волю своим страстям алчности и мщения. Поэтому наполовину в целях самообороны они реорганизовали свой отряд под предводительством самозванца, называющего себя Эрлингом Стоунволлом (Стейнвеггом), который выдавал себя за сына короля Магнуса Эрлингссона. Претендент с таким именем во время правления Сверре произвел небольшой переполох и был заключен шведским королем Кнудом в башню, откуда он сбежал с помощью веревки, сделанной из его постельного белья. Вербка, однако, оказалась слишком короткой, и, падая на землю, Эрлинг сломал бедро. Во время бегства его настигли люди Сверре и, по всей вероятности, убили. Тем не менее, в те дни требовалась скорее смелость, чем доказательство королевского происхождения, чтобы фигурировать в качестве претендента; и второй Эрлинг Стоунуолл, хотя, вероятно, поначалу в него мало кто поверил, вскоре обзавелся значительным количеством последователей. Бесполезно было возражать епископу Николасу и выдвигать на пост вождя своего собственного племянника Филиппа, внука королевы Гарольда Гилле Ингерид. Когда Эрлинг потребовал права доказать свое рождение испытанием огнем, епископ прямо сказал ему, что результат в его руках. При таких обстоятельствах самозванец счел более выгодным заключить соглашение с епископом и получить от него заверения в том, что испытание пройдет успешно. Эрлинг, со своей стороны, пообещал, когда станет королем, сделать Филиппа своим графом, и в других отношениях удовлетворил требования прелата. Последний тем временем, переговорив со своими крестьянами, убедился, что кандидатура Филиппа была воспринята с большой немилостью, поскольку в нем не было и не притворялось ни капли королевской крови. Крестьяне наотрез отказались признать его и пригрозили восстанием в случае его избрания. Поэтому епископу было выгодно сохранить верность Эрлингу. Соответственно, испытание проходило с большой торжественностью в присутствии датского короля Вальдемара Победоносного и оказалось успешным. Затем Эрлинг был провозглашен королем и получил в подарок от Вальдемара флот из тридцати прекрасных кораблей. Взамен он признал его своим феодальным сюзереном и дал ему заложников. Таким образом, партия магнатов была верна своим традициям, принесла патриотизм в жертву частным интересам. С помощью могущественного датского короля у партии действительно была хорошая перспектива сокрушить обескураженных и разобщенных берестеногов, которые как раз в это время получили новый удар в связи со смертью своего новоизбранного короля. Кристина, любовница Хокона Галена, не могла допустить, чтобы такое незначительное препятствие, как жизнь ребенка, встало между ней и целью ее желаний. Если бы Гутторм был мертв, у ее возлюбленного было бы больше шансов стать его преемником, поскольку он по материнской линии был внуком Сигурда Мауса. Следовательно, смерть Гутторма не была простой случайностью, причем со всеми симптомами отравления. Он сказал, что "шведка" посадила его к себе на колени и ласково гладила по всему телу. Вскоре после этого он почувствовал, как в его плоть вонзаются иглы, и вскоре скончался в страшных мучениях. Хотя вина

Кристины была очевидна, ее любовник все же обладал достаточным влиянием, чтобы замять это дело; и чтобы предоставить ей все преимущества своей защиты, он вскоре после этого женился на ней. Теперь в Нидаросе было созвано собрание для избрания нового короля. Граф Хокон, который был любимцем армии, казалось, имел все шансы в свою пользу; и Берестеноги, вероятно, выбрали бы его, если бы архиепископ Эрик не воспротивился ему из-за его отношения к Кристине. Таким образом, чувство вины победило свою собственную цель. Обсуждалось несколько кандидатов, некоторые из которых были связаны со Сверре только по материнской линии и, следовательно, не имели кровного родства с королевским домом. Самым выдающимся среди них был Петер Штайпер, у которого было дополнительное преимущество в том, что он женился на дочери короля Магнуса Эрлингссона. После долгих обсуждений вожди, наконец, решили оставить выбор за крестьянами, которые тогда были бы уверены, что поддержат короля, которого они сами избрали. Согласно этому, крестьян вызвали в Эре-вещь, где они присвоили королевское достоинство Инге Баардссон, младшему сводному брату Хокона Галена и, как и он, по материнской линии, внуку Сигурда Мауса. Как только Баглеры услышали, что Берестеногие выбрали нового короля, они отправились из Тунсберга на север, чтобы испытать его характер. Однако осторожность епископа Николая возобладала над советами более воинственных вождей, и после нескольких незначительных боев в Бергене и его окрестностях повстанцы ушли в Данию, где у них всегда было надежное убежище. Король Инге и граф Хаакон, таким образом, не встретили сопротивления, когда посетили Викен, и крестьяне, хотя подавляющее большинство из них сочувствовало баглерам, без колебаний присягнули им на верность. На самом деле, длительная война оказывала деморализующее влияние на людей, и ее варварские последствия стали проявляться во многих отношениях. Чтобы спасти свои жизни, йомены были вынуждены изображать дружбу с каждым самозванцем, который приходил со своим отрядом, и клясться ему в верности или убегать в леса, оставляя свои фермы на растерзание мародерам. Даже кровные узы, которые были исключительно сильны среди скандинавов, начали игнорироваться, поскольку члены одной семьи из-за расхождения интересов были вынуждены присоединяться к разным партиям. Не было редкостью, когда брат воевал против брата, а отец против сына. Так, о Баглере рассказывается, что во время нападения на Нидарос в 1206 году он яростно преследовал Берестеногого, которого в конце концов убил. Когда он склонился над умирающим, чтобы лишить его рук и одежды, он обнаружил, что это был его собственный брат. Такое положение вещей привело к большой небрежности во всех моральных обязательствах. Короли и вожди нарушали свои слова; враги, сдавшиеся под обещание помилования, были безжалостно уничтожены; убийства и грабежи заполнили страну.

При таких обстоятельствах для молодого и неопытного Инге не было большой привилегией носить корону, которая просто назначала награду за его голову. Весной 1206 года, когда он был в Нидаросе, празднуя свадьбу своей сестры, баглеры напали на него ночью и убили большое количество его людей. Сам король спасся по чистой случайности, бросился в реку и, полураздетый, поплыл по ледяной воде к кораблю и некоторое время цеплялся за якорный канат. Скорее мертвый, чем живой, он добрался до берега и, вероятно, погиб бы от холода, если бы Берестеногий Рейдульф, который тоже спасался бегством, не нашел его, не завернул в свой плащ и не отнес на спине в безопасное место. И все же Инге так и не удалось преодолеть последствия этой ужасной ночи. Он стал угрюмым и унылым и так и не вернул себе былую беззаботность. Дело было не только в том, что он чувствовал себя дискредитированным как вождь из-за позора, вызванного тем, что его враги застали врасплох во сне пьяного в доме его любовницы; его здоровье тоже перенесло потрясение, от которого оно медленно восстанавливалось.

По возвращении из Нидароса Баглеры нанесли визит в Берген, где они рассчитывали заставить сдаться гарнизон Берчлега, находившийся в блокаде, голодом. Но здесь они не рассчитывали на свое войско. Граф Хаакон, хотя и не присутствовал при нападении на своего брата в Нидаросе, почувствовал побуждение отомстить за это. Поэтому он отплыл на юг с небольшим флотом и примерно семьюстами людьми, настиг мятежников в Бергене и нанес им жестокое поражение. Таким образом, слепо преследуя партизанское преимущество, Баглеры и Берестеног продолжали убивать друг друга, забыв, что все они были норвежцами, которые, в конце концов, пострадают от опустошения и истощения их общей страны. Год за годом они продолжали нападать друг на друга в Нидаросе, Бергене, Тунсберге и Осло, сжигая корабли друг друга и грабя сокровища друг друга; но они, казалось, избегали решающей битвы, которая дала бы подавляющее преимущество той или иной стороне, тем самым обеспечив мир на земле. Смерть Эрлинга Стоунуолла в 1207 году позволила епископу Николасу осуществить свое желание сделать своего племянника Филиппа Симонссона королем баглеров. Но Филипп не внес никаких изменений в политику своего предшественника, упорствуя в том же бесцельном мародерстве, которое едва ли можно было назвать войной. Стороны были, в деле, настолько равны, что казалось безнадежным для одной уничтожить другую, по этой причине политическая ставка в борьбе была почти упущена из виду, в то время как сиюминутная выгода все же служила мотивом для продолжения вооруженной борьбы.

Именно в то время, когда в стране бушевала анархия и царило уныние, внезапно, подобно звезде из глубины ночи, вспыхнула надежда. Было хорошо известно, что король Хокон Сверрессон во время своего визита в Сарпсборг в 1203 году влюбился в прекрасную Ингу из Вартейга, и также ходили слухи, что она ответила ему взаимностью. Вскоре после смерти Хаакона она родила сына, и хотя считалось само собой разумеющимся, что король был его отцом, дело замяли, чтобы Баглеры, которые были хозяевами в Викене, не услышали, что у трона родился наследник. Священник Тронд, в доме которого Инга родила мальчика, крестил его и дал ему имя Хаакон в честь его отца, но посоветовал хранить все в строжайшей тайне и не позволять никому, кроме его ближайших родственников, знать о существовании ребенка. Однако такую тайну сохранить трудно, и через некоторое время священник посвятил Эрленда из Хусебю, человека с хорошей репутацией и друга дома Сверре, в свою тайну. Эрленд радовался, что род короля Сверре не вымер, но находил положение мальчика посреди земель врагов опасным. Поэтому он убедил Трон отправиться с его матерью к королю Инге и сам предложил перевезти их через горы. Мальчику Хаакону было тогда (декабрь 1205 г.) около полутора лет. Должно быть, надвигалась какая-то неминуемая опасность, которая побудила священника, после столь долгого ожидания, выбрать самое суровое время года для путешествия по бездорожью, покрытой снегом пустыне. Двое друзей отправились на север со своей драгоценной подопечной и после бесконечных трудностей прибыли в Нидарос, где их хорошо принял король Инге. Теперь мальчик некоторое время жил со своей матерью при дворе, и к нему хорошо относились. Старые Берестоногие часто приходили навестить его, игриво брали его между собой и тянули за руки и ноги, чтобы он быстрее рос. Ибо им не терпелось снова служить королю старой королевской расы. Хокон Гален тоже очень привязался к своему юному родственнику, хотя те, кто заботился о благополучии мальчика, без сомнения, со страхом смотрели на его проявления любви. Тем не менее, похоже, что граф был на самом деле искренен и, возможно, был тронут самой беспомощностью мальчика защитить его. Казалось, доброе Провидение наблюдало за ним, ибо, хотя он жил в эпицентре интриг и заговоров соперничающих вождей, каждый из которых, должно быть, видел в нем своего самого опасного соперника, его жизнь была сохранена, и он невредимым избежал многих опасностей. Даже баглеры воздержались от убийства его, когда в 1206 году он попал к ним в руки при сдаче блокады в Бергене.

Возможно, небезопасно предполагать, что в нем проявилось полудетекучее сознание того, что с этим мальчиком связано будущее Норвегии, что от него зависит избавление страны от бедствий гражданской войны. Более вероятно, что его красота и манера побеждать привлекали как друзей, так и врагов, в то время как, с другой стороны, любовь Берестоногих была его лучшей защитой, потому что она убедила его недоброжелателей в том, что беда быстро постигнет любого, кто осмелится причинить ему вред.

О множестве мелких побед и поражений, осад и капитуляций, бегств и преследований, которыми были заполнены 1206 и 1207 годы без какого-либо решающего преимущества ни одной из сторон, нет необходимости подробно говорить. Они представляли собой череду бесплодных действий, приведших к гибели людей и растрате ресурсов земли, не принесших никому долговременной пользы. При таких обстоятельствах нет ничего странного в том, что и Берестолап, и Бейглеры начали страстно желать примирения. Даже такому непримиримому приверженцу, как епископ Николай, стало очевидно, что продолжение войны будет означать взаимное уничтожение и что призом за победу станут опустошенная земля и обращенный в варваров народ. Король Инге тоже смертельно устал от бесцельных военных действий, и даже его драчливый брат, Хакон Гален, был не прочь выслушать предложения о мире. Новый архиепископ Тор выступил посредником между сторонами и использовал свое влияние и красноречие, чтобы добиться от обеих необходимых уступок. Наконец, когда условия были хорошо поняты обеими сторонами, в Хвитингсоэ (1208) состоялась встреча вождей Берестоногих и баглеров, на которой Филипп Симонссон, король баглеров, присягнул на верность Инге и стал ее графом. Взамен он получил Викен и Опланды в качестве феода и был женат на дочери Сверре, Кристине.

Восстановление мира не приветствовалось как единоеблаго многими из тех, кто потерял свое имущество в результате войны и мог надеяться только обогатиться теми же средствами. Другие так долго носили оружие, что утратили всякую склонность к мирному труду. Многие из них, независимо от партий, отправились в старомодную экспедицию викингов на Оркнейские острова, Гебриды и Мэн, разоренные и разграбленные, и вынудили графов этих островов еще раз признать верховенство короны Норвегии. Несмотря на эту услугу, которую они оказали королю, по возвращении они подверглись суровому порицанию и были вынуждены епископами отдать свою добычу Церкви.

Последние годы правления короля Инге были омрачены его натянутыми отношениями с графом Хоконом. Последний, чувствуя свое превосходство над Инге во всех качествах, присущих королю, не мог примириться со своим подчиненным положением. Он начал интриговать за спиной своего брата и в частном порядке выяснял мнение видных крестьян и вождей относительно его притязаний. От многих он получил благоприятный ответ, и заговор был близок к успеху, когда он был неожиданно обнаружен королем. Инге, которая полностью доверяла своему старшему брату, была скорее шокирована, чем разгневана доказательством его предательства. Он созвал всех своих людей *на собрание* и призвал их поддержать его, заявив, что он не потерпит никакого другого короля в своей стране, пока тот жив. Эта речь вызвала всеобщее одобрение и вынудила Хокона впредь плести свои заговоры в еще большей тайне. Был ли он зачинщиком покушения на жизнь короля, которое было совершено годом позже, неизвестно, но то, что либо он, либо его жена Кристина были каким-то образом замешаны в этом, очевидно из нежелания короля судить потенциального убийцу или понести наказание. Когда его брат, Скуле Баардссон, призвал его подать пример этому негодяю, он пообещал провести расследование, сослать преступника и т.д., Но поскольку ничего не было сделано, Скуле потерял терпение и убил его под свою ответственность.

В целом, именно похвальный дух Инге побудил его избежать открытого разрыва с графом Хоконом, даже ценой личных жертв. Он знал ужасы гражданской войны и не взял бы на себя ответственность за нарушение мира, пока это было в его силах предотвратить. Тот факт, что у него было слабое здоровье и что существовал шанс, что Хаакон может стать его преемником, возможно, также не склонял его к дискредитации последнего в глазах людей. Среди сторонников Хокона был архиепископ Тор, главным образом благодаря вмешательству которого король и граф в 1212 году заключили соглашение, в соответствии с которым незаконнорожденные дети должны были быть исключены из наследования, и трон должен был унаследовать тот из братьев, который переживет другого. Это соглашение, которое было провозглашено в Эре-тинге одобрено епископами и магнатами страны, было направлено главным образом против молодого принца Хаакона Хааконссона, который, хотя и был прямым потомком по мужской линии старого королевского дома, был незаконнорожденным. Он исключил также, по той же причине, сына Инге Гутторма и передал право наследования Хаакону Галену и его законному сыну Кнуту. Но, заключая этот договор, они недооценили силу чувства, которое связывало ветеранов Сверре с мальчиком Хоконом. Один из них, Хельге Хвассе, который имел обыкновение часто навещать принца и играть с ним, очень разгневался, когда услышал об этом соглашении. Когда Хаакон подбежал к нему, чтобы порезвиться, как обычно, он грубо оттолкнул его и велел убираться. Мальчик, непривычный к такому обращению, укоризненно посмотрел на него и спросил, почему он сердится.

"Убирайся! - крикнул Хельге. - Сегодня у тебя отняли наследство твоего отца, и ты мне больше не нужен".

"Где это было сделано и кто это сделал?" - спросил Хаакон.

- Это было сделано в Эре-тинге, и те, кто это сделал, были два брата, король Инге и граф Хокон.

"Не сердись на меня, моя родная Хельге, - сказал мальчик, - и не беспокойся об этом; их суждение не может быть обоснованным, поскольку моего опекуна не было рядом, чтобы ответить за меня".

"Кто же тогда твой опекун?" - спросила Хельге.

- Мои хранители - Бог, Святая Дева и Святой Олаф, - торжественно воскликнул Хаакон. - Я поручил им свое дело, и они будут охранять мои интересы как при разделе страны, так и во всем моем благосостоянии.

Тронутый до глубины души, ветеран схватил мальчика на руки и поцеловал его.

- Спасибо за эти слова, мой принц, - сказал он. - такие слова лучше произнести вслух, чем не сказать.

ХААКОН ХААКОНССОН И ХЕЛЬГЕ ХВАССЕ.

Когда Кристине сообщили об этом происшествии, она отругала Хокона и с тех пор обращалась с ним сурово. Но она не осмеливалась показать свое дурное расположение к нему в присутствии мужа. Ибо граф, хотя и без зазрения совести преграждал мальчику путь к трону, все же был привязан к нему и не допустил бы, чтобы ему причинили вред. Поразительное развитие Хокона забавляло его, как и всех его людей. Сохранилось несколько анекдотов о его забавных высказываниях и поступках. Поэтому, когда однажды погода была такой холодной, что хлеб нельзя было намазать маслом, маленький принц взял кусочек хлеба и обмакнул его в масло, сказав: "Давай привяжем масло к хлебу, Березоножки".

Это высказывание вошло в поговорку в лагере Берестоногих.

Снисходительность короля к своему брату в вопросе престолонаследия не успокоила, а, скорее, разожгла честолюбие последнего. Путем непрекращающихся интриг ему удалось разжечь крестьянское восстание в Тренделаге, которое, однако, было подавлено без серьезных человеческих жертв. Вскоре после этого подвига он заболел и умер в Бергене в 1214 году в возрасте тридцати восьми лет. Его жена, зная, что у Берестопалов с ней давние счеты, поспешила уехать из страны вместе с сыном. Хаакон Хааконссон, воспитанный в доме графа, теперь был переведен ко двору, где с ним обращались так, как подобало его званию. Там Берестоногие снова столпились вокруг него, ревниво наблюдая за каждым, кто приближался к нему. Они были во многих отношениях недовольны королем Инге, которого считали аристократом, а также его слабым здоровьем и миролюбивым нравом, неподходящими для поста вождя. Кроме того, его брат Скуле открыто интриговал, чтобы оттеснить Хаакона в сторону и занять место в линии наследования. Недовольство стало настолько велико, что несколько Берестоногих под руководством Андреса Скъялдарбанда попытались убедить Хокона встать во главе восстания. Но Хаакон отказался прислушаться к такому совету.

По мере того как здоровье короля ухудшалось и он чувствовал приближение своей смерти, ему нравилось держать мальчика при себе и слушать его веселые и оживленные разговоры. Все государственные дела в это время проходили через руки Скуле Баардссона, которого Инге сделала своим графом и опекуном его сына. Король умер в апреле 1217 года, когда ему было всего тридцать лет.

ГЛАВА XXVII.

ХОКОН ХОКОНССОН СТАРЫЙ (1217-1263).

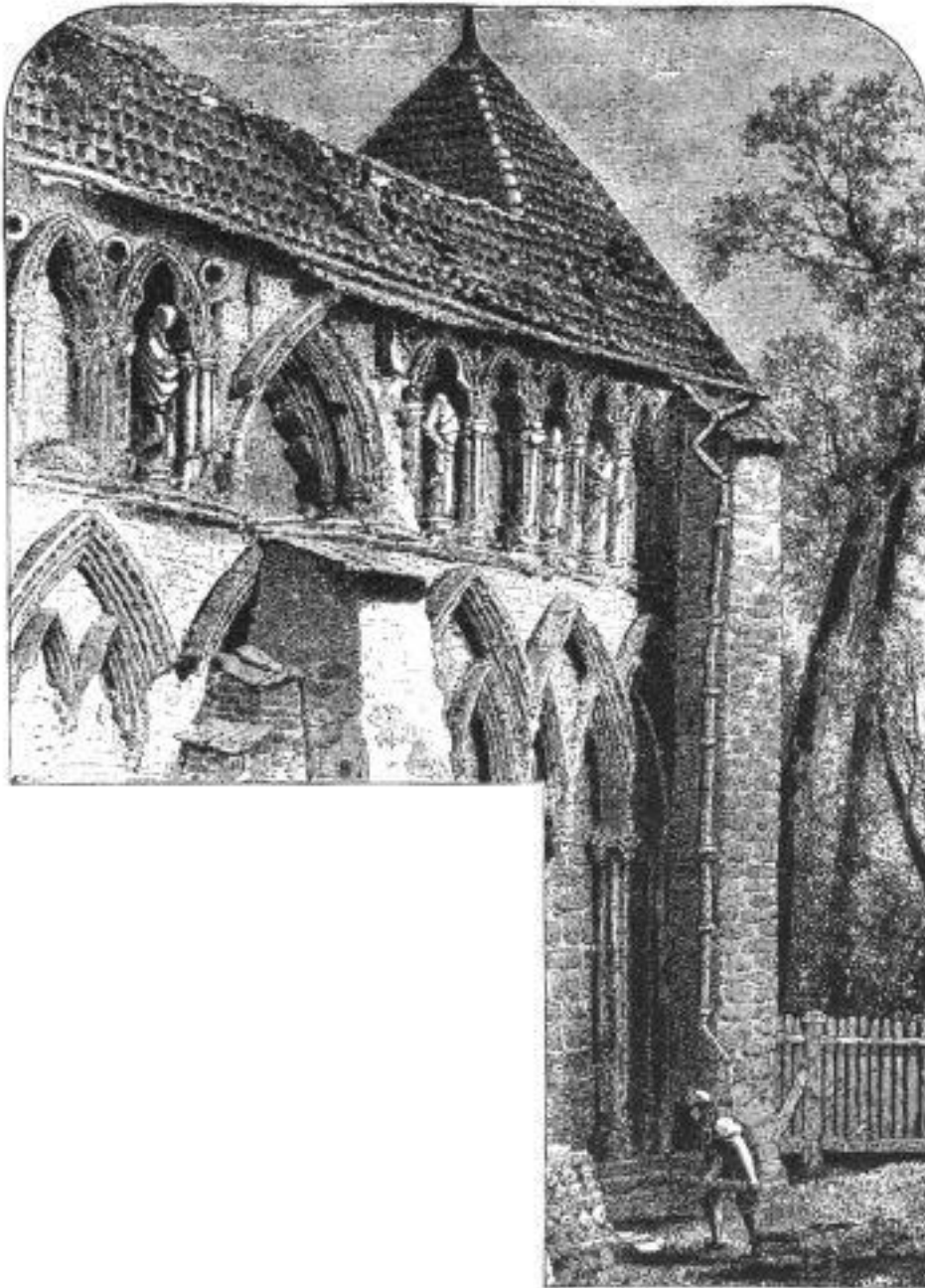
Первым поступком Берестеногов после смерти короля Инге было приставление к Хаакону телохранителя, который должен был следовать за ним день и ночь. Граф Скуле, со своей стороны, начал кампанию интриг и придирок, в которой его преданно поддерживали новый архиепископ Гутторм и каноники кафедральной капитулы в Нидаросе. Однако, несмотря на все их коварные меры, Берестеноги провозгласили Хаакона королем в Оре-тинге, и Скуле, который не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы бросить вызов общему настроению, был вынужден согласиться с тем, чему он не мог помешать. Бесполезно было то, что каноники капитулы заперли святилище Святого Олафа, на котором король должен был поклясться соблюдать законы; Берестеноги предпочли обойтись без святилища, чем обойтись без своего короля. Ни к чему не привели и переговоры графа с Филиппом, так называемым королем Баглеров; ибо Филипп умер вскоре после короля Инге, не оставив детей; и Хокон отплыл на юг с большим флотом и завладел Викеном и Опландами, которые со

времени заключения Хвитингсоевского мирного договора в 1208 году находились под властью Баглеров. Мудрой политикой примирения он убедил вождей мятежников признать его верховенство при условии, что им будет разрешено сохранить половину феодальных владений, которые были пожалованы Филиппу. В следующем году они также согласились отказаться от своего старого названия партии, которое напоминало о временах гражданских разногласий и междоусобиц, и сражаться бок о бок с Берестоногими против новой банды повстанцев, названной Slittungs (Оборванцы), которая была организована под руководством священника по имени Бенедикт или Bene Skindkniv (Кожный нож). Этот отъявленный самозванец утверждал, как и многие его предшественники, что он сын короля Магнуса Эрлингссона, и, несмотря на полную неправдоподобность его истории, вскоре вокруг него собралось более тысячи человек и начали грабить. Они заявляли, что верят в притязания Вепе лишь для того, чтобы найти оправдание для нарушения мира. Грабители, разбойники и всякого рода бродяги-кочевники могли в те времена придать себе видимость респектабельности, обеспечив себя кандидатом на трон. Тогда можно было бы склонить к ним великое множество доверчивых людей, и их набеги назывались войной, а не грабежом.

Война, и особенно гражданская война, всегда влечет за собой длинный шлейф катастрофических последствий. Чем дольше она длится, тем труднее вернуться к миру. Жалкая междоусобица, продолжавшаяся с краткими перерывами с момента восшествия на престол Гарольда Гилле (1130), отучила целое поколение от стремления к миру, приучив его к сценам кровопролития и насилия. Это усилило естественные риски, связанные с промышленными занятиями, и сделало бунтарство, так сказать, законной профессией. Тысячи бездомных бродяг, которые наводняют каждое несовершенно организованное общество, и многочисленный класс людей, которые по своей природе склонны к преступности, всегда воспользуются такой возможностью, чтобы прокормить себя за счет общества, и гораздо охотнее будут переносить опасности и тяготы непрекращающейся войны, чем изматывающую рутину и непрерывную деятельность в условиях мира. Таким образом, материал для продолжения восстания был под рукой, и до тех пор, пока запас претендентов не иссякал, были все шансы, что у короля будут заняты руки. Только постепенное уничтожение беспокойных и увеличение шансов на выживание друзей порядка могли бы, в конце концов, решить исход борьбы в пользу последних. Проблема, однако, сложнее, чем кажется, поскольку постепенное уничтожение турбулентности со временем стало означать уничтожение самого воинственного духа. И спустя столетие после заключения мира наступил период упадка, который продолжался четыреста лет.

Однако более серьезная опасность, чем восстание слиттунгов, угрожала королю Хокону со стороны того, кто называл себя его другом. Роль интригана и провокатора, которую во время правления короля Инге исполнял Хокон Гален, по-видимому, перешла вместе с другими его достоинствами к его брату, графу Скуле. Видеть королевские почести, оказанные четырнадцатилетнему мальчику, который не сделал ничего, чтобы заслужить их, ранило его гордую душу. Как и Хокон Гален, он долгое время стоял так близко к трону, что не мог понять, почему он всегда должен оставаться вне его досягаемости. После короткой кампании против Слиттунгов он снова начал свои махинации, которым, как обычно, помогали архиепископ и духовенство, которые, казалось, все еще лелеяли свою старую обиду на дом Сверре. Когда Хокон прибыл в Нидарос за две недели до Пасхи (1218), архиепископ обошелся с ним подчеркнуто невежливо, в то время как он делал все, что было в его силах, чтобы отличить графа. Когда король в Вербное воскресенье подошел, чтобы возложить свое подношение на алтарь, прелат даже не повернулся к нему и, по-видимому, никак не заметил его присутствия. Когда его отчитали за неучтивость, он смело ответил, что действовал сознательно по совету всех епископов и многих вождей, которые, как и он сам, сомневались в том, был ли король

сыном Хокона Сверрессона. Хаакон, каким бы молодым он ни был, сразу понял, какой заговор здесь скрывался. Но так велика была его уверенность в справедливости своего дела, что он согласился, чтобы его мать носила раскаленные утюги, чтобы доказать свое происхождение. Инга и раньше предлагала подвергнуться этому испытанию, но была остановлена архиепископом, который по какой-то причине тогда не пожелал высказываться по поводу притязаний ее сына, возможно, потому, что он еще не согласовал свои условия со Скуле. Конечно, было неслыханно, чтобы король, фактически владеющий королевством, был подвергнут унижению, доказывая, кто он такой; и его друг Дагфинн Крестьянин выразил общее мнение, сказав: "Будет трудно привести другой пример подобного случая; что сыновья крестьян и дачников осмелились предписать такие унижительные условия абсолютному королю. * * * Я думаю, что с таким же успехом можно было бы использовать другой вид железа, а именно холодную сталь, против врагов короля, а затем позволить Богу рассудить между ними".

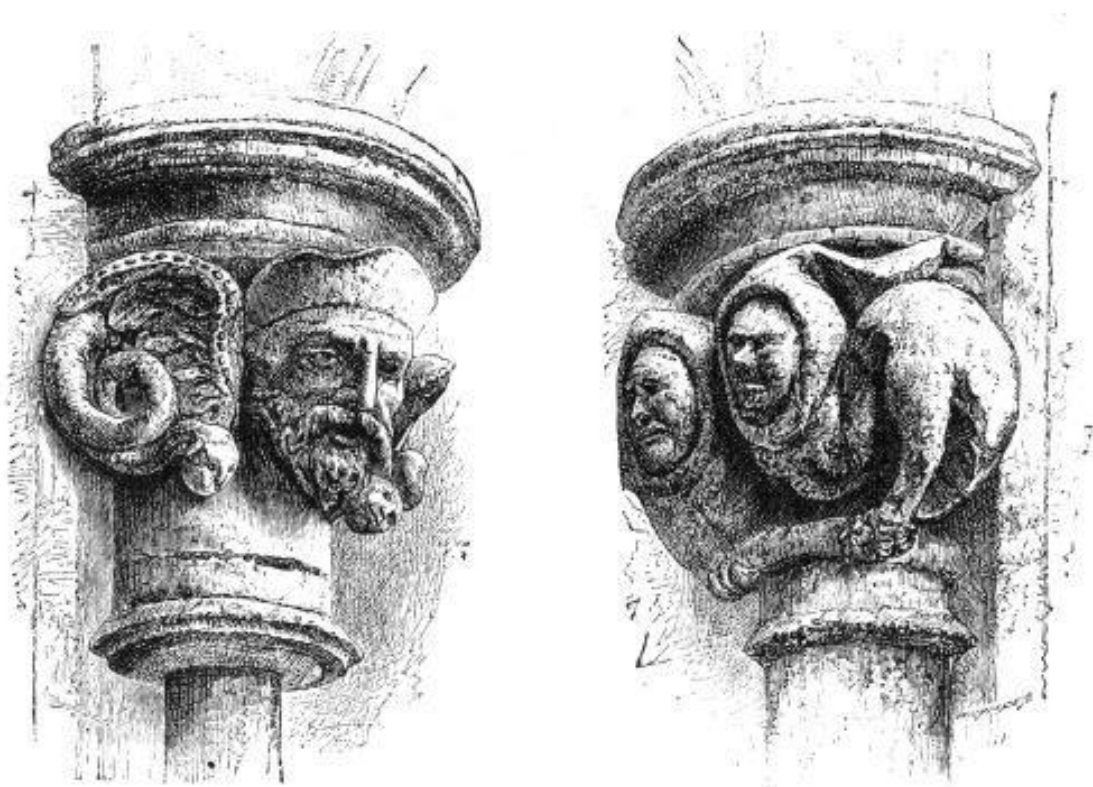

ЗАПАДНЫЙ ФАСАД ДРОНТХАЙМСКОГО СОБОРА.

Теперь, когда заговор графа Скуле, казалось, увенчался успехом, он внезапно стал приветливым и привязанным к королю. Он был уверен, что его друзьям-священнослужителям удастся добиться результата испытания в соответствии с его желаниями. Тем не менее, чтобы быть вдвойне уверенным, он подкупил состоявшего у него на службе иностранца по имени Сигар Брабантский, чтобы тот подошел к матери короля и предложил ей траву, которая, как он утверждал, обладала способностью исцелять ожоги; но стража преданных Берестопалов, среди которых был крестьянин Дагфинн, окружила церковь, в которой она постилась, готовясь к испытанию, и поэтому посланец графа был вынужден доверить свое поручение последнему. Дагфинн ответил: "Мы не будем применять здесь никакого искусства или целительства, кроме того, что дарует Христос в своей милости. Убирайся со своей болтовней, или тебя постигнет беда, если ты осмелишься еще раз произнести подобную речь".

Затем Ингу предупредили о заговоре и велели быть настороже. Ибо, если бы можно было доказать, что она использовала целебные травы, тест был бы недействительным, и позор обрушился бы и на нее, и на ее сына. Однако все козни ее врагов ни к чему не привели; она с триумфом перенесла это испытание. Трудно объяснить, как возник такой результат, поскольку шансы были, безусловно, против нее. Возможно, граф из чрезмерной самоуверенности пренебрег каким-то звеном в своей длинной цепи мер предосторожности. Как быни было, после этой суровой проверки ему пришлось начать все сначала — с кропотливой осторожностью плести новую паутину интриг, чтобы постепенно подорвать власть короля. Его план, по-видимому, состоял в том, чтобы оттолкнуть от себя самых верных друзей Хаакона или увести их на такое расстояние, чтобы они больше не могли ему ничем помочь; затем взаимно надрать им уши, чтобы один убил другого, а король наказал оставшегося в живых. Но каким бы гениальным ни был этот сюжет, он не был полностью успешным. Снисходительный настрой короля и подозрение с его стороны, что граф действительно стоит за этой таинственной враждой и убийствами, побудили его действовать вопреки ожиданиям последнего. Всем было очевидно, что он купил мнимую дружбу графа слишком дорогой ценой, и многие из его людей предпочли бы открытую войну этой подавленной подозрительности и лицемерной доброжелательности. Действительно, между двумя партиями было достаточно возможностей для раздора, и ссоры и кровавые драки между "людьми графа" и "людьми короля" были частым явлением. Фактически, все условия для новой гражданской войны были налицо, и лишь нежелание короля снова спускать на волю псов войны сохраняло хотя бы видимость мира. Тот факт, что король находился под опекой человека, который проводил свое время в заговоре против них, показался вождям Берестоногих требующим мер предосторожности с их стороны; и им пришла в голову идея обратить враждебность Скуле в дружбу, отождествив его интересы с интересами короля. С этой целью они предложили заключить брак между Хоконом и десятилетней дочерью графа Маргарет. Король, хотя и не стремился к такому браку, уступил представлениям своих советников, и Скуле, после некоторых колебаний, согласился на то, чтобы обручение состоялось (1219). Фактическое бракосочетание было предварительно отложено из-за нежного возраста невесты. Но те, кто предполагал, что Скуле можно заставить отказаться от своих замыслов, потому что король был его зятем, просчитались. Обстоятельства, однако, вынудили его вскоре после помолвки сражаться в защиту короны против новой банды мятежников, названной риббунгами, которые поглотили своих предшественников, слиттунгов, и значительно увеличили их число. Эта банда была обязана своим происхождением бывшему вождю баглеров Гудольфу из Блаккестада, который был назначен Хоконом префектом, но позже был лишен своего поста из-за своей непопулярности среди крестьян. Чтобы отомстить за себя, он поднял знамя восстания и обеспечил себя кандидатом на трон в лице Сигурда, предполагаемого сына короля Баглеров Эрлинга Каменной Стены. Все те, у кого была реальная или воображаемая причина для недовольства, и многие, кто был просто намерен пограбить, теперь объединились под знаменами риббунгов. Они добились значительных успехов в Викене, разгромили и прогнали королевских префектов и захватили много добычи. Их тайно поддерживал этот седой озорник, епископ Николас, который, несмотря на свои заверения в дружбе, все же оставался последовательным в своей ненависти к расе Сверре. Граф, также посланный для борьбы с мятежниками, был менее энергичен, чем мог бы быть, создавая видимость рвения во имя своего господина, но на самом деле не был склонен наносить эффективный удар. Скорее, в его интересах было держать их на поле боя, чтобы навредить королю и помешать ему стать слишком могущественным. В различных битвах, которые он вел с риббунгами в Викене (1221), он действительно нанес им значительный урон, а в битве при Сванге, на озере Мьесен (1222), убил сто пятьдесят человек из их числа. Но сразу же после этого он заключил мир с

Сигурдом Риббунгом, у которого хватило наглости потребовать треть королевства и дочь ярла себе в жены. Скуле ответил, что он не воспитывал свою дочь для того, чтобы она жила в лесу, и не собирался отказываться от какой-либо части своих поместий. Но если король был склонен рассмотреть предложение Сигурда, граф пообещал использовать все свое влияние на своего зятя в его интересах. На этих условиях вождь мятежников распустил свой отряд и, получив обещание обеспечить ему безопасность, отправился в лагерь графа, где с ним обошлись с большим почетом. Момент для предъявления своих притязаний был, однако, неподходящий, поскольку отношения между королем и графом в это время резко ухудшились. Оказалось, что Скуле собирал войска и контрибуции за пределами своего феода, соответственно, во владениях короля, и Хокон был настолько разгневан этим новым нарушением его прав, что написал ему письмо, в котором угрожал войной, в случае, если тот будет упорствовать в нарушении их соглашения. Граф ответил на это письмо, немедленно отплыв в Данию. Очевидно, он принял великое решение. В чем состояло это решение, легко догадаться.

ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИЕ ЗАГЛАВНЫЕ БУКВЫ.

Датские короли со времен Гарольда Блутуза претендовали на власть над Викеном и неоднократно разжигали восстания в Норвегии с целью возвращения утраченной провинции. Теперь намерение Скуле состояло в том, чтобы с помощью Вальдемара Победоносного свергнуть Хаакона с трона и отобрать у него всю страну в качестве феода. Но, к его невыразимому удивлению, когда он прибыл в Данию, Вальдемара нигде не было видно. Пять дней назад он был схвачен графом Генрихом Шверинским и теперь томился вместе со своим сыном в тюрьме в Мекленбурге. Горько разочарованный, Скуле вернулся домой и был вынужден снова надеть маску доброжелательного интереса к делам своего зятя. Последнему только что исполнилось восемнадцать лет, что в случае с принцами считалось совершеннолетием. Таким образом, он больше не нуждался в опекуне, и обычай, казалось, требовал некоторой церемонии при его формальном вступлении в должность главы

государства. Поэтому в Бергене (1223) было созвано собрание знати, где архиепископ Гутторм, которого тем временем путем уступок подкупили, чтобы он встал на сторону короля, торжественно подтвердил свое право на трон. Иск Сигурда Риббунга был признан недействительным, как и иск оруженосца Кнута, сына Хакона Галена и Кристины, которые прислали своих представителей на встречу. Граф Скуле с самого начала понял, что настроение собрания было в подавляющем большинстве в пользу Хаакона, и ему не было смысла настаивать на своих притязаниях. Поэтому он удовлетворился тем, что вымогал для себя как можно более выгодные условия при возобновлении своего договора с королем. После долгих переговоров он обменял свое южное поместье на северную треть страны, простиравшуюся от Нордкапа до южной границы в Сендмере. Но он все еще оставался, по крайней мере номинально, королевским вассалом и был вынужден присягнуть на верность королю; хотя он пользовался всеми королевскими доходами от своих вотчин и никому не платил налогов или дани.

В соответствии с этим соглашением Хокон теперь переехал на юг и поселился в Осло. Этот город, который недавно был сожжен дотла, он отстраивал с большой тщательностью и, таким образом, часто вступал в контакт с древним врагом своей расы, епископом Николаем. Этому почтенному негодяю действительно удалось на время завоевать его доверие и за время этой короткой дружбы получить существенные преимущества для себя и своего престола. Хокону всегда доставляло удовольствие демонстрировать свое рвение к религии, проявляя щедрость по отношению к Церкви, и хитрый епископ был именно тем человеком, который пользовался таким расположением. Он убедил его после смерти архиепископа Гутторма (1223) отдать должное его рекомендации своему врагу Петру Хусададскому, который, в соответствии с советом Николая, притворялся дружелюбным, пока не надел митру на голову.

В планы графа не входило позволять королю спокойно сидеть в Викене, увеличивая его популярность и власть. Поэтому он едва ли был опечален, когда услышал о бегстве Сигурда Риббунга; более того, даже вероятно, что он дал вождю мятежников возможность скрыться, если на самом деле не убедил его возобновить восстание. Риббунги, которые не прочь были возобновить свою прежнюю деятельность, снова собрались в большом количестве вокруг своего предводителя и, как в старые добрые времена, начали грабить и убивать приверженцев короля. Всякий раз, когда их преследовали, они убегали через границу в шведскую провинцию Вермеланд, но возвращались только после того, как преследователи поворачивались к ним спиной. Король Хокон неоднократно писал шведскому королю, или, скорее, его опекунам, поскольку он сам был ребенком, жалуюсь на защиту, которую Швеция предоставляла его врагам. Видным среди советников короля Эрика был тогда Эскиль Лоуман, который женился на Кристине, вдове Хакона Галена. Эта беспринципная женщина, ненавидевшая Хакона с детства, теперь использовала свое влияние против него при шведском дворе; следствием этого было то, что советники проигнорировали его протест и продолжали предоставлять Риббунгам убежище. Их дерзость, естественно, возрастала по мере того, как они осознавали эту защиту; и в конце концов Хокон был вынужден вторгнуться в Вермел с армией в 2400 человек в середине зимы (1225 г.). Он сжег множество ферм и разорил несколько приходов, но у него не было шанса вступить в какое-либо решающее сражение ни с риббунгами, ни со шведами. Последние бежали в леса, а первые воспользовались визитом короля в Швецию, чтобы совершить набег на Вест-фолд и напасть на Тунсберг. Бывший глава баглеров Арнбьерн Йонссон, следовавший за ними по пятам со своими войсками, был задержан в Осло епископом Николасом, которому благодаря своему двурушничеству удалось обеспечить побег повстанцев.

В апреле 1225 года король в разгар своей затяжной кампании против риббунгов отпраздновал в Бергене свою свадьбу со своей невестой, дочерью графа Скуле. Невесте было тогда около семнадцати лет, жениху - двадцать. Если Скуле, давая согласие на брак, намеревался заполучить себе союзника при дворе, то он был разочарован. Ибо Маргарет с того момента, как стала королевой, поддерживала общее дело со своим мужем и никоим образом не одобряла планы своего отца. Она была нежной и любящей женой и хорошей матерью.

Тем временем риббунги продолжали свою партизанскую войну, завладев Хельге, островом на озере Мьесен, откуда они совершали набеги на плодородные приходы, граничащие с озером, и практически контролировали Опландию. Граф Скуле, которого снова послали на подавление восстания, как обычно медлил, лелея свою тайную измену и в глубине души больше желая навредить королю, чем его врагам. Для того чтобы уничтожить Риббунгов, необходимо было добраться до острова, и якобы для этой цели он начал строить корабли на берегах озера. Однако он намеренно построил их таким образом, что они протекали и едва держались на плаву. Риббунги, вместо того чтобы испугаться его приготовлений, с каждым днем становились смелее и послали гонцов к королю в Осло, предлагая дать ему сражение. Хокон принял предложение и двинулся со своей армией к назначенному месту встречи (Эйдсволду), в то время как граф, вместо того чтобы поспешить ему навстречу, отправился по дороге через горы в Нидарос, предварительно сожгв свои никчемные корабли. Это было самое неопровержимое доказательство государственной измены; и есть также указания на то, что в переписке между епископом Николасом и Риббунгами, которая попала в руки короля, граф был серьезно скомпрометирован. Тем не менее, Хаакон предпочел притвориться слепым, а не призвать предателя к ответу. Возможно, он не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы сражаться со Скуле и Риббунгами одновременно, предпочитая избавиться от одного врага, прежде чем вступать в бой с другим.

Напрасно прождав риббунгов в Эйдсволде, Хокон вернулся со своей армией в Осло, где узнал, что епископ Николай лежит на смертном одре. Старый прелат, для которого ложь и двурушничество стали второй натурой, казалось, все еще испытывал некоторое беспокойство за свою судьбу в загробной жизни. Поэтому он призвал короля к своей постели, сделал ему полное признание (однако не раньше, чем король предъявил ему доказательства его измены) и умолял его о прощении, которое было с готовностью предоставлено. Епископ умер в ноябре 1225 года в возрасте семидесяти пяти лет, проведя свою долгую жизнь в разжигании восстания, разорении и разорении своей родной земли. Его великие таланты оказались проклятием как для него самого, так и для его народа. Вскоре после его кончины Сигурд Риббунг умер (1226), и Хокон, сын Галена, оруженосец Кнут, был уговорен своей коварной матерью занять его место. Он привел с собой большой отряд шведов, тем самым придав своей войне вид иностранного вторжения и возбудив враждебность опландских крестьян, которые раньше были дружелюбны к риббунгам. В битве при Акере он потерпел поражение от объединенной армии Берестоногих и крестьян, и в течение следующих месяцев он неоднократно терпел неудачи, и многие из его лучших людей были покинуты. После подлой попытки захватить короля, пригласив его на совещание под обещание безопасности, — попытки, которая провалилась по чистой случайности, — сквайр Кнут распустил свой отряд (1227), подчинился Хокону, который не только простил его, но и ради его отца дал ему феоды и обращался с ним с отличием. Молодой человек, как только освободился от влияния матери, отказался от всякой мысли о восстании, несколько лет спустя женился на младшей дочери графа Скуле и стал одним из самых преданных друзей короля.

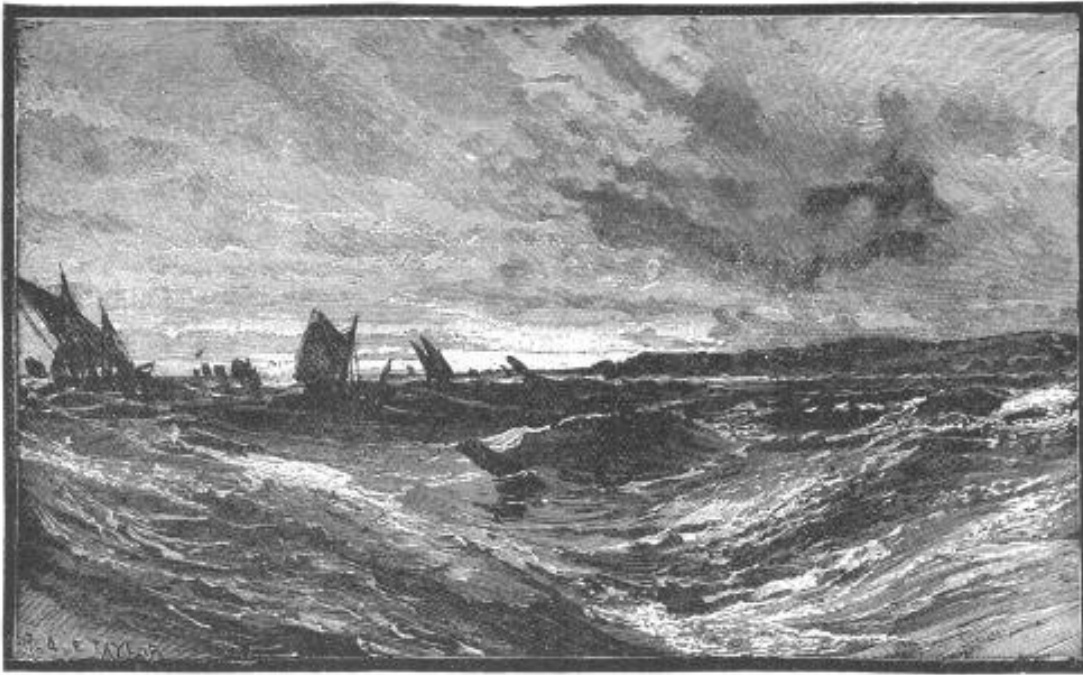

НА СОГНЕ-ФЬОРДЕ.

Поскольку Риббунги теперь были в стороне и их больше нельзя было заставить служить его целям, граф задумал новый заговор, который, благодаря своей изобретательности, подвергался меньшему риску преждевременного раскрытия. Он заявил о желании принять крест и начал широкомасштабные военные приготовления. Он получил от папы разрешение взимать двадцатую часть всех церковных доходов провинции Нидарос в помощь своему предприятию и удовлетворил свою совесть, подарив Церкви взамен свое большое семейное поместье Рейн, которое было преобразовано в женский монастырь. Для Скуле была характерна крайняя осторожность, и на этот раз он намеревался ничего не оставлять на волю случая. Он сразу же начал строить корабли и собирать вокруг себя воинов со всех концов страны. Поскольку датский король Вальдемар Победоносный теперь вновь обрел свободу, он также мог рассчитывать на его помощь, и между ними было заключено официальное соглашение, в соответствии с которым Скуле должен был помогать королю в

возвращении его утраченных провинций. В обмен на эту услугу Вальдемар пообещал посадить Скуле на норвежский трон. То, что какое-то такое соглашение должно было существовать, очевидно из того факта, что граф действительно отплыл в Данию (1227), не спрашивая разрешения Хокона, но был встречен по пути последним и проинформирован о катастрофическом поражении своего союзника при Борнхеведе. Затем он решил дожидаться развития событий, поскольку, посещая Данию, он подвергался бы слишком большому риску, в то время как враги Вальдемара одерживали верх. Напустив на себя смелый вид, он присоединил свой флот к флоту своего зятя и вернулся в Берген. Король, хотя и не обманывался относительно намерений Скуле, сдержался и притворился невежественным. Более того, он даже зашел в своей щедрости так далеко, что одолжил предателям корабли и провизию, когда в следующем году (1228) снова отправился с визитом к королю Дании. После своего поражения при Борнхеведе Вальдемар действительно стал гораздо менее грозным, чем до своего пленения, и воинственный дух почти покинул его. Поэтому Хаакон, возможно, подозревал, что, будучи окружен врагами как с юга, так и с запада, он вряд ли захотел бы добавить еще одного на севере. Более того, Хокон к этому времени заручился дружбой германского императора Фридриха II, который был злейшим врагом Дании, и поэтому у него мог быть шанс держать Вальдемара в узде, если тот благосклонно прислушается к уговорам графа. При таких обстоятельствах он вряд ли подвергал себя какому-либо риску, более того, возможно, надеялся, содействуя сближению своего тестя с датским королем, убедить его в тщетности всех своих заговоров. Если таково было его намерение, то он, должно быть, был разочарован результатом. Ибо, когда Скуле вернулся, он еще больше усилил свою власть, заняв северную половину датской провинции Халланд в качестве феода, став таким образом вассалом иностранного принца, который, к тому же, был врагом своего собственного короля.

Можно было бы предположить, что теперь он был готов к решающему удару. Но он снова заколебался и, казалось, был почти готов вернуться по своим следам. В полноте его приготовлений всегда чего-то недоставало, и всегда была необходима очередная задержка. Он действительно интересная фигура, этот коварный и амбициозный интриган, у которого хватает смелости замысливать государственную измену, более того, он получает удовольствие от совершенствования всех деталей своего заговора, но всегда делает паузу, прежде чем сделать непоправимый шаг. Подобно шиллеровскому Валленштейну, он лелеет эту мысль, играет с ней, высказывает ее осторожно и гипотетически, но всегда оставляет себе, как он полагает, путь к отступлению, пока его собственные действия не оплетут его паутиной и не преградят ему дорогу обратно в безопасное место. С каждым годом он компрометирует себя все более безвозвратно; его предательские письма попадают в руки короля, и когда после двадцати двух лет тайной измены он переходит к открытому мятежу, это происходит потому, что у него, по-видимому, не остается другой альтернативы.

ШТОРМ На ФЬОРДЕ.

Тем временем король не упускал из виду ни одного средства, чтобы сохранить графу верность. В 1233 году он вызвал его на собрание знати в Бергене (*Ригсмед*), на котором присутствовали архиепископ, епископы и большое количество светских сановников. Здесь король официально призвал своего тестя к ответу за свои действия, и вассалы встали один за другим и привели доказательства нелояльности графа. Когда пришла очередь Скуле защищаться, он начал так:

"Я знаю песенку: "Орел сел на камень", и я также знаю другую, которая звучит примерно так: "Орел сел на камень", и еще много других, которые звучат одинаково. Так обстоит дело здесь и сегодня. Каждый говорит по-своему, но все заканчивают одной и той же песенкой, а именно: выдвинуть против меня обвинения".

Он произнес длинную и красноречивую речь и, как говорят, защищался с большой ловкостью. Сомнительно, однако, чтобы ему кто-нибудь поверил, и только нежелание короля прибегать к мечу спасло его в этом, как и во многих предыдущих случаях. Было заключено новое соглашение, которое было не более эффективным в сдерживании изменнических замыслов графа, чем предыдущие. Напротив, как только его предоставили самому себе, он возобновил свою деятельность по свержению короля. На этот раз его целью было втянуть Хокона в ссору с Церковью, чтобы впоследствии сокрушить его грозным оружием, которым располагала Церковь. Он предусмотрительно снабдил себя кошачьей лапой в лице епископа Павла Хамарского, который был его преданным сторонником. Архиепископ в то время Сигурд Тавсе был сторонником короля, но ревностно заботился о благополучии Церкви и поэтому, как рассуждал Скуле, мог быть отчужден спором, в котором интересы Церкви и короля вступали в противоречие. Соответственно, епископ Павел представил документ, предположительно выданный королем Баглеров Инге в 1226 году, в котором Хельге в Мьесене, являвшийся собственностью короны, был передан епископальному престолу Хамара. Король, естественно, оспорил действительность этого документа, поскольку Инге, вождь повстанцев, не имел права отдавать собственность короны, которая никогда ему не принадлежала. Теперь была подана апелляция к папе Григорию IX, и началась кампания

интриг и лжи. Превосходный и достопочтенный Хокон систематически подвергался оскорблениям и клевете, пока папа римский не пришел к убеждению, что он был величайшим злодеем. Епископ Павел, фактически в качестве посла графа, хотя и номинально в интересах Церкви, отправился в Рим, где ему удалось настроить Григория IX против всех сторонников короля и даже против своего собственного начальника, архиепископа. Скуле, с другой стороны, был представлен в самом лестном свете как щедрый друг Церкви и ее защитник от посягательств беспринципного короля. Цель состояла в том, чтобы раздобыть буллу-запретитель против Хокона.

Однако сюжет был испорчен преждевременным раскрытием. Исландец по имени Стурла Сигватссон, племянник и активный враг историка Снорре Стурлассона, встретил епископа Павла в Риме и отправился домой в его сопровождении. Заручился ли он доверием своего попутчика или каким-либо иным образом получил представление о его интригах в Римской курии, неизвестно. Как бы то ни было, по прибытии в Норвегию он немедленно разыскал короля и ознакомил его с деяниями своих врагов. Король еще раз вызвал графа на встречу в Берген, но на этот раз мужество изменило Скуле. Вместо того чтобы идти в Берген, он отправился со своей армией в Нидарос, а оттуда через горы в Опландию, которая была территорией короля. Это было примерно равносильно объявлению войны, но, как обычно, он принимал лишь полумеры, колебался, говорил угрожающе, но воздерживался от реальных боевых действий. По заступничеству архиепископа Сигурда его заставили пообещать сохранять мир в течение зимы (1235-6 гг.) при условии получения одной трети королевских префектур (*Сыслер*) в Опландах и Викене. То, что Хаакон был готов пойти на такие уступки, по-видимому, указывает на слабость; и его готовность уступить, естественно, ободрила сторонников графа и заставила их еще больше завинтить свои требования. В течение следующего года (1237) было заключено новое соглашение, в соответствии с которым Скуле был утвержден во владении своей территорией на юге и возведен в ранг герцога - звание, которое никогда ранее не присваивалось ни одному человеку в Норвегии. Однако был только один титул, который мог удовлетворить амбиции Скуле, и до тех пор, пока Хаакон отказывался предоставить его, он чувствовал себя вправе продолжать свою агитацию. С возрастающим безрассудством он бросил вызов воле короля, собрал вокруг себя огромное количество воинов, построил корабли и во всех отношениях вел себя как независимый правитель. При его дворе вошло в моду высмеивать короля как трусливого назойливого человека, у которого только болтовня, но не хватает духу нанести удар. Варбелги[A] — так называли сторонников герцога — придумали для него прозвище Хокон Слипи. Его нежелание взять на себя ответственность за гражданскую войну они ошибочно приняли за страх, а его добросовестность - за малодушие.

[A] То же название носила другая банда повстанцев, которая под командованием мальчика Викара сражалась против короля Сверре.

Когда бунтарский дух, который герцог воспитывал в своем окружении, отбросил всякую сдержанность, он начал воздействовать на него самого, побуждая к действию и противодействуя его природной нерешительности характера. Сейчас ему было почти пятьдесят лет, и если он когда-нибудь получит корону, нельзя было терять времени. Соответственно, в 1239 году он набрался храбрости, чтобы созвать тредеров в Эре-тинги провозгласить себя королем всей Норвегии. Когда каноники собора отказались разрешить использовать гробницу святого Олафа для церемонии, сын Скуле, Питер, [B] вскочил на алтарь, поднял гроб и силой отнес его к вещи. Чтобы Хаакон не узнал о том, что произошло, все дороги, ведущие из города, были охраняемы, но, несмотря на все это, одному человеку по имени Грим Кейкан удалось сбежать и предупредить короля о грозящей опасности. Это

сообщение было получено королем среди ночи, и он немедленно отправился в покои королевы и потребовал впустить его. Королева, пробудившись ото сна, с тревогой спросила, какие новости он принес.

[B] Питер был незаконнорожденным ребенком. Его мать была женой Андреса Скъялдарбанда.

"Только тот пустяк, - сказал он, - что в Норвегии теперь два короля".

"Только один является настоящим королем, - серьезно ответила она, - и этот король - ты".

Первым планом Скуле было застать Хакона врасплох в Бергене и захватить его в плен. Но вскоре он узнал, что король слышал о его подвигах и был готов принять его. Затем он разослал отряды воинов в разные части страны, чтобы убить королевских префектов и всех видных друзей короля. Таким образом, было подло убито великое множество превосходных людей, которые были совершенно не готовы к военным действиям; были осквернены церкви и совершено множество зверств. Герцог тем временем спокойно оставался в Нидаросе, где занимался написанием писем иностранным принцам и властителям, информируя их о предпринятом им шаге и пытаясь создать трудности для Хаакона недобросовестными искажениями. Когда, однако, он узнал, что король идет с большим войском, чтобы напасть на него, он отправился (февраль 1240 г.) с шестью сотнями человек через горы в Опландию. Здесь он был встречен своим зятем, оруженосцем Кнутом, который был назначен графом вместо него, и победил его и способного командира Арнбьерна Йонссона при Лааке. Теперь королю давно пора было появиться на сцене, если он хотел помешать восстанию принять такие масштабы, что подавить его было бы не в его силах. Внезапная опасность пробудила в нем решимость и стремительность действий, которые значительно укрепили упавшее мужество его людей. Он отклонил предложение архиепископа еще раз начать переговоры; после беспрецедентно быстрого путешествия прибыл в Викин и под покровом тумана поплыл вверх по Фолден-фьорду в Осло. Ввиду возможности своей смерти он сделал все приготовления к наследованию престола, но был полон решимости дорого продать свою жизнь. Варбелги, не имевшие ни малейшего подозрения, что он где-то рядом, крепко спали после ночной пирушки, когда внезапно зазвучал боевой рог и зазвонил штормовой колокол. Затем из тумана показались носы королевского флота, направлявшиеся к пирсам. Герцог, как только прозвучал сигнал тревоги, вскочил с постели и натянул одежду. Рассвет только-только начинал краснеть на востоке, и туман рассеивался. Корабли теперь стояли у причалов, и войска сходили на берег. Варбелги сначала предположили, что это был ярл Кнут, пришедший отомстить за свое поражение при Лааке. Но вскоре они развеялись. Когда они увидели королевское знамя, то поняли, что король Хокон находится неподалеку. Как ни странно, хотя они видели, что он рвется вперед, каждое мгновение подвергая себя опасности, более того, даже мчитя впереди своих людей, они не горели желанием убивать его. Они боялись, что дело герцога проиграно, и, хотя они храбро сражались, у них не было надежды на победу. Герцог бежал, и Берестеноги преследовали его; но им не удалось настичь его. Многие мужчины пали в той битве, но еще больше искали убежища в церквях и были помилованы.

Действительно, как мы видели, зачинщиком и лидером восстания был сам герцог. Он не был выражением и воплощением нелояльных чувств среди народа, как многие предыдущие претенденты, но восстание было вызвано исключительно его личными амбициями. Таким образом, пока он был жив, очаги гражданской войны могли в любой момент вспыхнуть вновь. Именно это размышление побудило короля в данном случае подавить все естественные чувства к своему тестю и не уклониться от наказания его так, как он того заслуживал. Через

семь дней после битвы при Осло он отправил пятнадцать кораблей с хорошим экипажем в Нидарос, куда бежал герцог, под командованием Аасульфа Австрийского, решительного человека и одного из злейших врагов Скуле.

По прибытии в Нидарос Скуле сбежал в лес, где бродил два дня и ночи с несколькими друзьями, которые не бросили его. Наконец монахи монастыря Эльгесетер сжалились над ним, снабдили его и его последователей капюшонами и спрятали их в башне. Вскоре до Аасульфа дошла весть о том, что видели, как несколько монахов странного вида входили в монастырь, и он немедленно выступил со своими людьми и потребовал их сдачи. Когда монахи отказались, некоторые из берестоногих подожгли монастырь. Другие пытались потушить огонь, но их усилия были тщетны. Дым и жара вынудили герцога и его спутников спуститься с башни. Выходя из ворот, он поднял свой щит над головой и сказал: "Не бей меня по лицу, ибо неприлично так обращаться с вождями". Мгновенно Берестоногие набросились на него и убили (1240).

Смерть Скуле положила конец восстанию. Теперь в Норвегии не было человека, достаточно сильного, чтобы оспорить власть короля; вероятно, не было никого, у кого было бы такое желание. Примечательным фактом, учитывая продолжительность гражданской войны, длившейся со времени смерти Сигурда Крестоносца, является то, что страна, по-видимому, так быстро оправилась от ее последствий. Период застоя и упадка наступил только почти столетие спустя, и, возможно, тогда его частично можно было объяснить другими, более непосредственными причинами. Однако семя разрушения было посеяно в эту катастрофическую эпоху, хотя для того, чтобы оно проросло, потребовалось столетие.

Восстановление мира дало королю свободу для реализации амбиций, которые он давно вынашивал в глубине души. Наполовину не признаваемый, он рассматривал свое незаконнорожденное происхождение как пятно на своем гербе, которое он стремился убрать. Для этой цели он хотел быть коронованным. Он предпринял попытку получить согласие папы на такую церемонию еще при жизни Скуле, но его вечно активный враг сорвал его план. Григорий IX. теперь он был мертв, как и его преемник, Целестин IV., и кафедру святого Петра занял Иннокентий IV., у которого не было предубеждения против Хокона. Епископы, как обычно, попытались добиться новых привилегий в обмен на свои добрые услуги в этом вопросе, предложив, чтобы король, приняв корону, принес ту же клятву, какую принес Магнус Эрлингссон, признав себя вассалом Церкви и приняв корону в качестве феода от Святого Олафа. Но здесь они были встречены решительным отказом.

"Если бы я дал такую клятву, какую дал король Магнус, - ответил Хаакон, - то, мне кажется, моя честь быть коронованным уменьшилась бы, а не возросла. Ибо королю Магнусу было все равно, что он сделает, чтобы достичь того, на что он не имел права. Но с Божьей помощью мне не нужно будет покупать у тебя то, кем Бог по праву избрал меня после моего отца и моих предков".

Когда согласие папы было получено, кардинал Вильгельм Сабинский был отправлен в Норвегию, чтобы возложить корону на голову короля. Но по прибытии он тоже, подстрекаемый местными прелатами, был настроен на точные условия. Хокон, однако, уверенный в своем праве, сохранял свою позицию с твердостью и достоинством, и в конце концов кардиналу пришлось принять его условия. Коронация состоялась с большой помпой в День святого Олафа, 29 июля 1247 года, в Церкви Христа в Бергене. Гостей на банкете, последовавшем за церемонией, было так много, что королевский особняк не смог их вместить, и пришлось оборудовать огромный лодочный сарай в качестве временного банкетного зала. Пир продолжался три дня и превзошел по великолепию все, что до сих пор

видели на Севере. Затем последовал пятидневный *праздник* в честь кардинала и других высокопоставленных лиц. Когда празднества подошли к концу, было созвано собрание, на котором обсуждались государственные дела, и король добровольно пошел на некоторые уступки духовенству. Было подтверждено право Церкви выбирать своих собственных слуг, а также ее право на отдельную юрисдикцию. Суровые испытания были торжественно отменены, потому что, как выразился кардинал, христианам не подобало бросать вызов Богу, требуя вынести свой вердикт в человеческих делах.

При отъезде из Норвегии кардинал получил подарок в размере 15 000 марок стерлингов, или около полумиллиона франков, для своего господина папы Римского, помимо щедрой компенсации за свои собственные услуги.

Оставшаяся часть правления Хокона прошла внешне без происшествий и именно по этой причине принесла пользу стране. Король был достаточно мудр, чтобы понимать, что шумные военные подвиги не приносят прочного благословения, в то время как мирная деятельность приводит к прочному процветанию и прогрессу. Поэтому он с неослабевающей энергией посвятил себя развитию сельского хозяйства и торговли. Однако главным его интересом была архитектура. Монастыри, церкви и укрепления были построены в разных частях страны. Свою любовь к великолепию он проявил при возведении великолепного королевского особняка в Бергене, а свою благосклонность - при возведении больницы для прокаженных. В Тромсе он построил церковь, которая долгое время считалась самой северной церковью в мире. Законы о престолонаследии были изменены таким образом, чтобы исключить незаконнорожденных сыновей; гражданский и уголовный кодексы были усовершенствованы, а число представителей закона увеличилось до одиннадцати. Поддерживался хорошо оснащенный флот из 300 кораблей, который в руках миролюбивого короля был скорее гарантией мира, чем угрозой войны. Посольствами, обменом подарками с иностранными принцами, а также властью и великолепием, которые он демонстрировал дома и за границей, Хокон завоевал место среди правителей Европы, которого до него не удостоивался ни один норвежский король. Германский император, благородный и одаренный Фридрих II, искал его дружбы и поддерживал с ним связь до самой его смерти. Великий князь России Александр Новый просил руки своей дочери Кристины для своего сына, а король Кастилии Альфонсо Мудрый сватался за нее для своего брата. Иск последнего был принят, и Кристина вышла замуж в 1257 году за испанского принца дон Филиппа. Папа Александр IV пытался вырвать у Хокона обещание участвовать в крестовом походе, а король Франции Людовик IX предложил ему, "ввиду его могущества и опыта на морях", командование союзным норвежско-французским флотом; и в довершение его почестей, говорят, что папа в 1256 году выдвинул его кандидатом на пост императора Германии.

Что придавало королю Хокону, несмотря на удаленность его страны, такое необычайное влияние за границей, так это, в частности, его флот. Во время кратковременной войны с Данией в 1256 и 1257 годах благоговейный трепет, который внушал вид этой мощной военно-морской силы, был настолько велик, что побудил датского короля Кристофера заключить мир на условиях Хокона, не вступая в сражение. Исландцы, ослабленные и ожесточенные вечными междоусобицами, признали его верховенство и пообещали платить ему дань (1261). Немногочисленные и разрозненные жители Гренландии также признали его верховенство. Спор из-за Оркнейских и Шетландских островов привел к войне с шотландским королем Александром III. Хокон, полный решимости сохранить свою власть над этими отдаленными владениями, которые уже стоили Норвегии столько крови и сокровищ, отправился со своим флотом в Шотландию (1263), но сильно пострадал от шторма, который потопил многие из его кораблей. Он обогнул западную часть Шотландии, разорил побережья Кантира и Бьют и

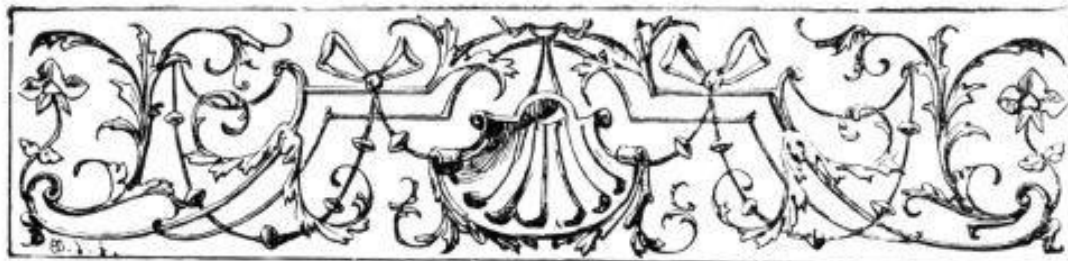
участвовал в битве при Ларгсе (недалеко от входа в Ферт-оф-Клайд), в которой, согласно рассказам шотландцев, скандинавы потерпели поражение, в то время как, согласно сагам, они одержали победу. Однако в лучшем случае битва не давала им никакого преимущества. Ибо сразу же после этого Хокон удалился на Оркнейские острова, где решил провести зиму, надеясь весной снова возобновить кампанию. Здесь он внезапно заболел и умер в Киркеваге 15 декабря 1263 года. Во время болезни он заставлял читать ему вслух саги своих предков, начиная с Хальфдана Смуглого и заканчивая временами его деда, короля Сверре. Во время чтения саги о Сверре он тихо скончался.

НОРВЕЖСКИЙ СТАББУР, ИЛИ СКЛАД.

Все записи сходятся в том, что Хаакон Хааконссон был мудрым и благородным королем. Он не был гениальным человеком, не наделенным блестящими способностями своего деда. Но он был тем, кого мы называем надежным человеком. Он обладал сильным здравым смыслом; был великодушным и всепрощающим, но решительным и твердым там, где справедливость требовала суровости. Его благородное сердце и дальновидный ум неизменно приводили его к правильному выбору. Следовательно, он был великим королем, не будучи обязательно великим человеком, если только хорошо сбалансированное сочетание всех средних хороших качеств само по себе не составляет величия. Его враг, герцог Скуле, был во многих отношениях более блестящей личностью, и все же каким несчастьем было бы для Норвегии, если бы Скуле сместил Хаакона!

Внешне Хаакон походил на своего деда. Он был, как и он, среднего роста, и у него были такие же большие и удивительно выразительные глаза. Когда он сидел, он казался выше, чем когда стоял, но его присутствие всегда было достойным и впечатляющим. Ему было пятьдесят девять лет, когда он умер, и он правил Норвегией сорок шесть лет.

ГЛАВА XXVIII.

СТУРЛУНГИ В ИСЛАНДИИ.

Во времена правления Хокона Хоконссона жил известный исландский историк Снорре Стурлассон. Именно благодаря ему древняя история Норвегии была спасена от забвения. Его великий труд, названный *"Хеймскрингла"* ("Круг земной") по словам, с которых он начинается, представляет собой последовательное и в основном достоверное изложение событий, происходивших в Норвегии со времен Гарольда Прекрасноволосого до битвы при Ри в 1177 году. Также включена более или менее мифическая история, предшествовавшая правлению Гарольда, хотя во многих чертах она вряд ли может претендовать на достоверность. Стиль ясен и энергичен, а характеристики чрезвычайно яркие. Скальдические истории введены в текст как доказательства правдивости повествования, и сохранены анекдоты, которые проливают яркий свет на характеры героев. Соответственно, *"Хаймскрингла"* - это не рыхлый конгломерат фактов и вымысла, какой имели обыкновение составлять монашеские хронисты в средние века, а историческое произведение высокого ранга, стиль и аранжировка которого свидетельствуют о зрелом критическом духе и художественном вкусе. Снорре также приписывается несколько скальдических сказаний, помимо отрывков из Младшей Эдды — сборника мифов и легенд, посвященных традициям древней веры Аса. Однако здесь он имеет право на похвалу как редактор и коллекционер, а не как автор.

Снорре Стурлассон родился в Исландии в 1178 году и в возрасте трех лет был усыновлен великим вождем Йоном Лофтссоном, внуком Саэмунда Ученого. Его отцом был Стурла Тордссон, высокородный, но беспокойный человек, а матерью - дочь Гудни Бедвар. Йон Лофтссон унаследовал очень значительную коллекцию исторических рукописей от своего деда Сэймунда, и его дом был домом лучшей культуры, которой в то время обладал остров. Снорре, хотя и не был книжным червем, заинтересовался мифами и сказками язычества и благодаря общению со своим приемным отцом впитал вкус к историческим исследованиям. После смерти последнего в 1198 году он оказался без гроша в кармане, поскольку его мать растратила его отцовское наследство. Поэтому, чтобы сохранить свое достоинство, он был вынужден искать богатую жену, и с помощью своих братьев ему удалось добиться руки самой богатой наследницы в Исландии. Теперь он посвятил себя задаче увеличения своей власти. Путем хитрых переговоров, запугивания и открытого насилия он получил во владение шесть крупных поместий и сколотил огромное состояние. Исландию в то время раздирали

междоусобицы, и Снорре в совершенстве постиг искусство ловли рыбы в беспокойных водах. Он был человеком энергичного и решительного характера — человеком больших планов и без малейших угрызений совести. Во всех его поступках видна энергичная суетность и разумное применение средств для достижения цели. В своей резиденции Рейкьяхольт, которую он укрепил, улучшил и украсил способом, подобного которому никогда не видели в Исландии, он жил как принц, поддерживая вооруженные силы, которые, казалось, угрожали республике. Руины его бани еще предстоит увидеть, и они все еще носят его имя (Сноррелауг). Баня была построена из тесаных камней, а горячая вода подавалась по каменному акведуку из соседних гейзеров.

ХЕРГАДАЛ НА СЕВЕРЕ ИСЛАНДИИ.

У Снорре было два брата, Торд и Сигват. Первый обладал спокойным нравом и не был чрезмерно амбициозен, в то время как второй был коллегой Снорре и, как и он, приумножал свое состояние обманом и насилием.

Двух людей, образованных таким образом, едва ли сдерживали бы их братские отношения, когда их интересы сталкивались; и вскоре мы видим Сигвата и Снорре на остриях мечей.

Благодаря своему влиянию Снорре постепенно получил в дар от своих соотечественников более важные должности. Таким образом, в 1215 году он был избран спикером закона и в этом качестве вступил в конфликт со своим молочным братом Саэмундом Йонссоном, который выступил против одного из его постановлений. Исландский альтинг был одновременно законодательным собранием и верховным судом, и в юридических делах спикер обязан был решать, что является законом. Если какая-либо из противоборствующих сторон отвергала решение Альтинга, у него всегда была открыта апелляция к мечу. Закон носил консультативный, а не абсолютный характер, и его авторитет зависел от его справедливости. Снорре, чьей обязанностью было придавать вес закону, настолько не уважал свою должность, что явился с восемьюстами сорока вооруженными людьми, полный решимости внушить страх своим противникам. Компромисс был достигнут с трудом, но семя зла было посеяно и не замедлило прорасти и принести плоды.

Слава Снорре тем временем достигла Норвегии, и ему было направлено множество почетных приглашений от выдающихся вождей страны. Соответственно, он отправился в плавание в 1218 году с большой свитой последователей, посетил короля Хокона и графа Скуле и завоевал дружбу последнего. Король сделал его своим вассалом, и говорят, что Снорре пообещал Скуле вернуть Исландию под власть метрополии. План был заманчивым. Если бы, отказавшись от свобод острова, он смог бы достичь достоинства графа Исландии, он мог бы одним ударом, с помощью Скуле, сокрушить всех своих врагов и бесспорно править как первый человек на земле. Однако, вернувшись домой, он обнаружил, что препятствий на его пути оказалось больше, чем он предполагал. Похоже даже, что он раскаялся в своем опрометчивом обещании и стремился отложить день его исполнения. Трудно определить, имел ли он в виду в своих последующих махинациях добиться собственного превосходства как средства для выполнения своей сделки с графом.

В 1222 году соперник и злейший враг Снорре, Саэмунд Йонссон, умер, и его дети, которые разошлись во мнениях по поводу наследства от своего дяди, Орма Йонссона, призвали Снорре выступить арбитром между ними. Они сделали это не потому, что любили его и были уверены в его справедливости, а потому, что боялись его и стремились положить конец старой вражде. Снорре прекрасно понимал это и без колебаний воспользовался своим положением. Недавно разойдясь со своей женой, он увидел шанс еще больше обогатиться, женившись на красавице Сольвейг, сестре соперничающих братьев. Соответственно, он разделил наследство так, чтобы отдать ей львиную долю; но как раз в тот момент, когда он, казалось, убедился в своей игре, его племянник Стурла Сигватссон подошел и выхватил девушку из его ожидающих объятий. Своим несправедливым третейским судом он, таким образом, принес пользу человеку, которому отныне предстояло стать его самым опасным врагом. Однако, ничуть не обескураженный, Снорре обратил свое внимание на другую, гораздо более богатую наследницу, на которой ему удалось жениться. Путем ряда сделок, в которых он бессовестно использовал страх, внушаемый его именем, он продолжал приумножать свое богатство, пока его власть не затмила власть всех других вождей острова. Стурла, который по пронизательности и отваге был более чем ровней своему дяде, придерживался того же курса, и из-за постоянного столкновения интересов их враждебность становилась все более явной. Тем временем Снорре своей дружбой с графом Скуле навлек

на себя враждебность короля Хокон. Стурле, вернувшемуся из паломничества в Рим, удалось завоевать доверие короля и усилить его недоверие к Снорре. Теперь он заключил с королем ту же сделку, которую ранее его дядя заключил со Скуле, пообещав в обмен на титул графа Исландии передать страну под норвежскую корону. Вернувшись домой, он, однако, не сразу решился напасть на своего соперника, а ограничился тем, что затеял ссору со своим сыном Урекдхой и зятем Гиссуром Торвальдссоном. Первого он захватил в плен и искалечил, но в конфликте со вторым сдался. В обычном сражении, которое произошло в 1238 году, и Стурла, и его отец Сигват были убиты. Снорре находился в то время в Норвегии, где имел неосторожность выдать себя за сторонника Скуле и тем самым еще больше разгневал короля. Вопреки приказу последнего, он вернулся в Исландию, где его господство, казалось, теперь было обеспечено. Но король Хокон, который отныне считал его открытым врагом, стал средством его уничтожения. Снорре уже своей алчностью навлек на себя враждебность своего зятя Гиссура Торвальдссона, и с ним король начал переговоры, требуя от него либо убить своего тестя, либо отправить его в качестве пленника в Норвегию. Соответственно, Гиссур напал на Снорре в Рейкьяхольте с семьюдесятью вооруженными людьми и убил его (1241).

АЛЬМАННАГДЖА С ХОЛМА ЗАКОНОВ.

Племянник Снорре, Стурла Тордссон, который в свое время был великим вождем и защитником независимости Исландии, продолжил Хеймскринглу в духе своего дяди, написав "Сагу о Хааконе Хааконссоне". Это образцовая биография, написанная четко и энергично и изобилующая интересными деталями. Другой замечательной книгой, написанной в Норвегии во времена правления Хокон, является так называемое Королевское зеркало (Konungsskuggsjá). Она содержит в форме диалога между отцом и сыном нравственные наставления и правила жизни и поведения. Его принципы житейской мудрости и правила этикета дают яркое представление об образе жизни и мышления в тринадцатом веке.

ГЛАВА XXIX.

МАГНУС ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ (1263-1280).

Со смертью Хаакона Хааконссона непрерывная история саг прекращается. Сохранился фрагмент из жизни его сына, Магнуса Законоучителя (Лагабетера), написанный Стурлой Тордссоном, но большая часть, к сожалению, утеряна. То, что известно о более поздних королях периода независимости, почерпнуто из множества разрозненных и часто ненадежных источников. Период упадка, поначалу постепенный и незаметный, начался с правления короля Магнуса и завершился потерей независимости.

Магнус был провозглашен королем еще при жизни своего отца, и когда он достиг совершеннолетия, власть перешла в его руки без споров. Будучи не в состоянии продолжать дорогостоящую войну с Шотландией, он отправил своего канцлера Аскатина к Александру III. и добился мира при условии уступки острова Мэн и Шетландских островов, получив взамен 4000 марок стерлингов, помимо ежегодной дани в размере 100 марок. Последнее условие было сделано для сохранения видимости, поскольку ежегодная дань вполне могла быть истолкована как продолжающееся признание верховенства короля Норвегии.

Часто задавались вопросом, мудро ли поступил Магнус, отказавшись обнажить меч, чтобы сохранить целостность своего королевства. То, что шотландские острова уже стоили Норвегии крови и сокровищ больше, чем они того стоили, обычно признается; и были шансы, что по мере роста могущества Шотландии потребуются еще большие усилия, чтобы утвердить господство Норвегии над отдаленными зависимыми странами. Более того,

поскольку Англия позже превратилась в европейскую державу и поглотила Шотландию, это был всего лишь вопрос времени, когда Норвегия будет вынуждена ослабить свою власть над островами. Было ли это простое врожденное нежелание сражаться или тщательный подсчет затрат, побудивший Магнуса отойти от политики своего отца, но время, похоже, оправдало мудрость его курса. Несмотря на все это, нельзя отрицать, что уважение и влияние за рубежом, которые Норвегия приобрела благодаря отстаиванию Хааконом национального достоинства, были значительно ослаблены недружелюбным духом его сына. Он действительно испытал удовлетворение, присоединив Исландию к своим владениям. Но даже это никоим образом не было связано с его мастерством или заслугами. Очевидно, это было результатом вмешательства короля Хокона во вражду Стурлунгов, но в более глубоком смысле это было вызвано причинами, которые не лежат так близко к поверхности. Потомки гордых людей, которые во время правления Гарольда Прекрасноволосого эмигрировали из Норвегии только потому, что не отказались от своих аллодиальных прав, не отказались бы без сопротивления от самой свободы, если бы они, к сожалению, не выродились по сравнению со своими предками.

Свобода в Исландии давным-давно выродилась в вседозволенность. Ни один закон не имел силы связать сильного. Ошибочно полагать, что институты страны были демократическими. Хотя теоретически права каждого свободного человека признавались, на практике их вскоре стало очень мало. Исландское общество рано разделилось на йоменов, или крестьянство, и аристократию. Последние, полностью державшие правительство в своих руках, продолжили серию кровавых междоусобиц, истребляя друг друга, пока из пятидесяти или более правящих семей не осталось едва ли полдюжины, сохранивших свое достоинство и власть. Как само собой разумеющееся, эти полдюжины затем попытались перерезать друг другу глотки и, по мере того как борьба становилась все ожесточеннее, приветствовали помощь из любого источника и любой ценой. Все общественные интересы были упущены из виду в яростной борьбе за личное господство. Гордое чувство независимости, которое было славой расы, превратилось просто в свирепую страсть к власти и дикую решимость покончить с соперничеством. Гражданские права, моральные обязательства и кровные узы в равной степени игнорировались; брат вел войну против брата, а отец против сына. Убийства и поджоги были обычным явлением. Царила полная анархия. Таким положением вещей воспользовался Хаакон Хааконссон и, оказав помощь одной фракции против другой, заручился верностью победившей стороны и тем самым подчинил сам остров короне Норвегии. Зять и убийца Снорре, Гиссур Торвальдссон, был первым графом Исландии. Он получил это звание от короля Хокона (1258), еще до того, как его соотечественники признали верховенство последнего. Если верно, что самые счастливые нации - это те, у которых нет истории, то можно с уверенностью заключить, что самые счастливые периоды жизни нации - это самые безоблачные. Если это так, то правление Магнуса Хааконссона давало его подданным все шансы на счастье. Крестьянин с удовольствием возделывал свои поля, а купец и ремесленник без помех занимались своими делами. Развитие ресурсов страны доставляло королю удовлетворение, и он делал все, что было в его силах, для развития любой мирной промышленности. С этой целью он также интересовался законодательством и потратил много лет своей жизни на пересмотр законов и приведение их в единообразие. Раньше страна была разделена на четыре судебных округа, каждый со своим *делом* и своими законами. *Код Ледяной твари* был законом Тренделага, *код твари* Гула действовал на западном побережье, код Эйдсвии - на Равнинах Опландии, а код в Викене - на острове Боргар. Теперь Магнус распорядился разработать новый общий кодекс для всей страны, отменив то, что было устаревшим, устранив несоответствия и адаптировав дух законодательства к потребностям эпохи. В течение четырехсот лет его законы оставались в силе, и некоторые из них сохранились до недавнего времени. Все, большое и малое,

связанное с гражданской жизнью, интересовало его; и определенная чрезмерная уверенность в силе закона, способного регулировать все человеческие заботы, прослеживается в его трудах. Для городов он разработал муниципальный закон, а для своих вассалов и придворных - судебный закон (*Hirdskraa*), который, однако, был адаптацией ранее существовавшего кодекса, относящегося ко временам Сверре. Судебный закон касался феодальных обязанностей и привилегий вассалов, предписывал правила придворного общения и фиксированный церемониал провозглашения короля, присвоения феодальных званий и т.д. Среди прочего, он предписывал, что уже не крестьянин, как в старину, как представитель народа, должен присваивать королевское достоинство наследнику престола, а человек самого высокого ранга из присутствующих.

В законодательстве короля Магнуса просматривается стремление порвать с демократическим прошлым и перестроить Норвегию, насколько это возможно, по иностранным образцам. Особенно Англия с ее феодальными институтами казалась ему и его окружению достойной подражания. Хотя до сих пор в Норвегии ни в коем случае не царила чистая демократия, все же существовало признание народа источником власти, и старое упрямое чувство независимости, которое характеризовало крестьянство, так и не было искоренено. До сих пор законы представлялись народу на *мероприятиях*, где каждый свободнорожденный человек мог заявить о себе. Теперь этот почтенный обычай был отменен, и король и его совет оставили за собой право издавать и отменять законы, не советуясь с народом. То, что этот указ был принят без протеста, более того, по-видимому, не вызвал особого ажиотажа, ясно показывает перемену, произошедшую в духе скандинавов. Если бы король предложил такой закон во времена Хокона Доброго или Олафа Трюггвессона, он рискнул бы своим тронem и своей жизнью. Было ли это потому, что королевская власть достигла такого достоинства и могущества, что противостоять ей казалось безнадежным, или потому, что племенная аристократия, вместо того чтобы действовать сообща с народом, привязалась к короне, несомненно, что бездейтельное принятие столь радикальных перемен свидетельствовало о вырождении, которое объясняет последующие события.

Едва ли стоит удивляться тому, что подъем феодализма по всей Европе в XIII веке также оказал свое влияние на институты Норвегии. Идеи, которые Магнус воплощал в своих законах, витали, так сказать, в воздухе; а торговые сношения с Англией познакомили скандинавов с титулами, пышностью и обстоятельствами рыцарства. Таким образом, Королевский совет, состоящий из канцлера, графов и вассалов, был явно скопирован с английского учреждения с тем же названием, и, чтобы сделать сходство полным, древний титул вассала был упразднен, а титул барона заменен. Придворные чиновники были возведены в рыцари и оруженосцы.^[A] Таким образом, привилегированный класс был явно возвышен над народом; и был заложен фундамент для потомственного дворянства. Баронам и рыцарям был предоставлен частичный иммунитет от налогов, и прибыльные должности в "даре короны" были распределены между ними. Хотя некоторые элементы древней племенной аристократии были поглощены новым порядком, существовал также значительный элемент, который был обязан своим возвышением исключительно королевской милости. Таким образом, следует отметить, что новая знать Норвегии была в основном придворной знатью, достоинство которой зависело от короны, и нельзя было ожидать, что при случае она выступит против короля в интересах народа. Таким образом, она разделила судьбу королевской семьи и потеряла свою власть, когда королевский дом вымер. Ибо более поздние правители, датские короли, были окружены собственной алчной аристократией, чьей судьбой они были обязаны управлять, и скандинавскими кандидатами на их благосклонность приходилось пренебрегать. Так случилось, что скандинавская

аристократия снова вернулась к народу, из которого она первоначально вышла. Постепенно она была поглощена крестьянством и отождествлена с ним, которое, таким образом, приобрело больше, чем потеряла знать. "Сформировался компактный класс аллодиальных фригольдеров, которых из-за их численности и удаленности от общественных дел можно назвать крестьянством, но из-за их свободы и самоутверждения они почти сохранили звание дворянства".[B]

[A] В связи с этим невозможно дать адекватный перевод слова *herra*. Это более низкий титул, чем барон и рыцарь.

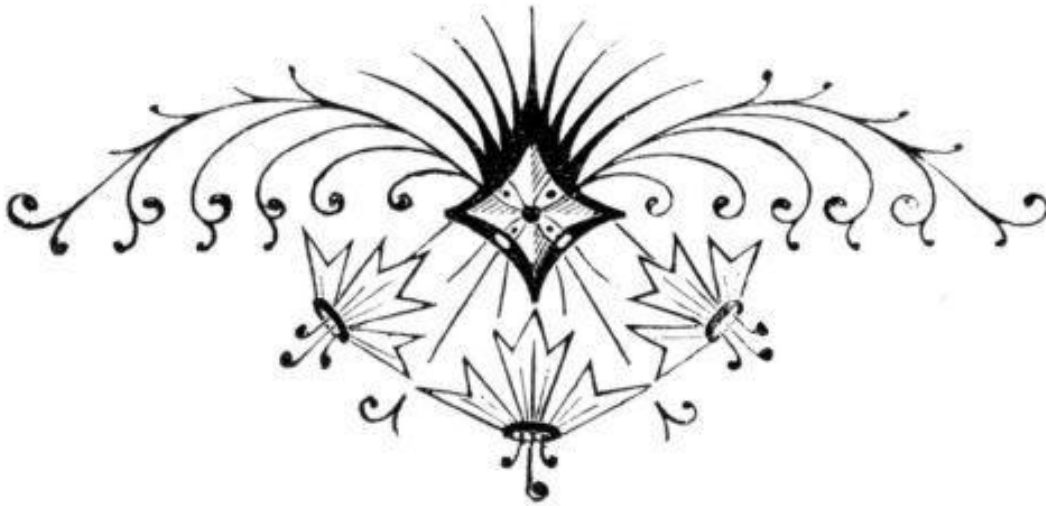
[B] Дж. Сарс: Оценка истории Норвегии, ii., 399.

Именно это гордое крестьянское дворянство до сего дня составляло силу норвежского народа и оплот его возрожденной свободы. Они всегда, даже в самые мрачные дни союза с Данией, представляли собой силу, с которой правительству приходилось считаться.

Несмотря на его миролюбивый нрав, в правление короля Магнуса было немало ссор и беспорядков. Главным из них был его спор с Церковью, который закончился с его стороны полной капитуляцией. Архиепископом в то время был надменный и амбициозный Джон Рыжий (Реде), который, прежде чем согласиться на изменение закона о престолонаследии, которое было очень близко к сердцу короля, вымогал у него ряд унижительных уступок. На собрании знати в Тунсберге (1277) Магнус обязался воздерживаться от всякого вмешательства в избрание епископов и уступить последним право занимать, по своему усмотрению, все церковные должности. Более того, он уступил архиепископу привилегию чеканить монеты и иметь в личной службе сотню человек, которые должны были быть освобождены от феодальных обязательств перед королем.

В своих отношениях с иностранными державами Магнус также потерпел неудачу в поддержании достоинства своей короны. Когда его шурин, шведский король Вальдемар, умолял его о помощи против своего брата Магнуса, который лишил его большей части королевства, действительно были начаты приготовления к грандиозной кампании, но после нескольких бесполезных встреч и долгих разговоров норвежскому флоту было приказано вернуться домой, и шведский король был предоставлен своей судьбе. Такому гордому и предприимчивому народу, как скандинавы, ревниво берегущему свое достоинство дома и за границей, это непреодолимое нежелание обнажать меч, должно быть, казалось унижительным. Высокое уважение к чести и военный гений характеризовали расу до этого времени; и как бы сильно кто-то ни одобрял войну, нельзя отрицать, что мир можно купить слишком дорогой ценой. Право высоко держать голову, гордиться своей историей и своей страной - драгоценная привилегия, без которой ни одна раса никогда не добивалась великих свершений. Таким образом, король Магнус, снизив престиж, которым страна пользовалась во время правления его отца, во многом способствовал последовавшему за этим упадку.

В королевской расе Норвегии начинают проявляться признаки вырождения как физически, так и умственно. Король Магнус действительно был наделен хорошим интеллектом, и его нравственность была безупречна. Но, несмотря на все это, он был гораздо менее сильной и впечатляющей личностью, чем его отец, и еще большее расстояние отделяло его от прадеда, мудрого, храброго, мягкого, непобедимого Сверре. Многие его неосмотрительные поступки объясняются тем фактом, что его здоровье никогда не было крепким. Будучи еще в расцвете сил, он начал страдать от недугов, которые предупредили его советников о том, что дни его сочтены. Он умер в 1280 году в возрасте сорока одного года.

ГЛАВА XXX.

ЭРИК ПРИСТ-ХЕЙТЕР (1280-1299).

Бароны, получившие обширные привилегии во время правления короля Магнуса, имели шанс еще более надежно укрепить свою власть во время совершеннолетия его сына Эрика, которому на момент смерти отца было всего двенадцать лет. Большим влиянием пользовалась также властная вдовствующая королева Ингеборга, которая была заодно с баронами и была настоящей душой регентства. Из двух ее оставшихся в живых сыновей герцог Хаакон, младший, по силе тела и ума больше подходил для того, чтобы занять трон. Он получил большие поместья и, хотя и признавал верховенство Эрика, вел себя как независимый правитель. Он издавал указы, чеканил монеты и заключал независимые союзы с иностранными князьями. Его брат был слабым, добродушным человеком, который никогда не знал, как отстоять свою волю от воли своей матери и своих своевольных советников. Последние, среди которых наиболее выдающимися были бароны Халлькель Агмундссон, Аудун Хуглейкссон и Бьярне Эрлингссон из Гиске и Бьярке, крайне не одобряли уступки, которые король Магнус сделал Церкви, и искали возможности обуздать власть и высокомерие духовенства. Однако они сочли необходимым скрывать свои планы до тех пор, пока король не будет коронован архиепископом Джоном, и они даже согласились на то, чтобы он включил в коронационную клятву обещание "оказывать все должные почести духовенству и епископам и отменить все плохие законы, особенно такие, которые могут противоречить свободе Церкви".

Архиепископ истолковал это обещание буквально и потребовал после коронации отмены соответствующих законов. Королева и бароны, однако, не были расположены уступать ни единого очка, а скорее приветствовали возможность помериться силами с властными прелатами. Бесполезно было, что архиепископ запретил Халлькелю Агмундссону; его коллеги только еще заметнее почитали его, и когда королева Ингеборга и Бьярне Эрлингссон получили такое же наказание, они, как и народ, проявили безразличие, которое сделало архиепископа бессильным. После тщетной апелляции к папе и отказа в Римской курии послами баронов Джон Рыжий и два других епископа были объявлены вне закона и вынуждены покинуть страну. Архиепископ умер в изгнании в Швеции в 1282 году.

Король, который был еще совсем мальчиком, сохранял нейтралитет в этой борьбе. Если бы решение оставалось за ним, он, вероятно, продолжил бы политику уступок своего отца, и поэтому эпитет "Ненавистник священников", который был прикреплен к его имени, незаслужен.

Когда Эрику было четырнадцать лет, он был женат на Маргарет Шотландской, дочери врага своего великогоотца, короля Александра III. Однако молодая королева умерла год спустя, родив дочь, которая после смерти короля Александра (1284) была признана наследницей шотландского престола. Будучи еще ребенком (1290), Норвежская дева, как ее называли, отправилась в страну, которой ей предстояло править, но умерла, не достигнув ее. Затем ее отец, как наследник своей дочери, предъявил права на шотландскую корону, но вооруженное вмешательство английского короля Эдуарда I. вынудило его отказаться от своей кандидатуры. В то время у него на руках был еще один спор, который грозил серьезными последствиями.

Вдовствующая королева Ингеборг была дочерью датского короля Эрика Плоупенни. Его племянник, Эрик Глиппинг, наследовавший своему отцу Кристоферу I., отказался отказаться от своего наследства, которое состояло в земельных владениях в разных частях королевства. Магнус Законоучитель тщетно настаивал на передаче собственности, и Эрик, по наущению своей матери, возобновил переговоры, а когда они ни к чему не привели, устроил демонстрации с угрозами. Норвежский барон сэр Альф Эрлингссон, особый фаворит королевы, начал охотиться на судоходство в проливе и своим безрассудством и отвагой сделал свое имя страшным среди моряков и купцов. Он действительно нанес большой ущерб датской торговле и разорил побережья Ютландии и Халланда; но больше всего пострадали города Ганзейского союза, которые благодаря уступкам Магнуса Лоумендера получили фактическую монополию на внешнюю торговлю Норвегии. Теперь их корабли были безжалостно захвачены благородным пиратом, который нанес еще большее оскорбление, однажды появившись среди них инкогнито в открытой лодке и торгуясь с ними о цене, которую они назначили за его голову. Не было никакого смысла в том, что Лига посылала военные корабли, чтобы схватить его; он перехитрил их, обманул, отправил в погоню за дикими гусями и закончил тем, что захватил своих потенциальных похитителей. Хотя сэр Альф и не был официально уполномочен вести войну подобным образом, он понял, что вдовствующая королева подмигнула ему, которая на самом деле была настолько довольна его успехом, что присвоила ему титул графа и убедила короля использовать его в качестве своего посла в Англии. Как союзники короля Дании, ганзейские города, по мнению королевы, не имели права на какое-либо уважение, но в своей слепой враждебности она забыла, что в их силах отомстить. Отчасти из-за риска, отчасти в качестве ответной меры Ганза запретила ввоз зерна и других основных продуктов питания в Норвегию, и результатом стали голод и нищета. Военные действия с Данией тем временем продолжались, но после смерти королевы Ингеборги (1287) они велись не пиратством, а открытой войной. Был

составлен заговор против жизни короля Эрика Глиппинга, и он был убит во время погони (1286) маршалом Стигом, графом Якобом Халландским и другими. Убийцы, объявленные вне закона в Дании, нашли убежище в Норвегии и сопровождали короля Эрика в его походе против их родной страны в 1289 году. Город Эльсинор был сожжен, и норвежский флот четыре недели простоял близ Копенгагена, служа базой для операций объявленных вне закона цареубийц, которые удовлетворяли свою личную месть, сжигая города и замки. Три подобные экспедиции в течение следующих шести лет не принесли Эрику ни чести, ни прибыли пропорционально стоимости предприятия; хотя, в конце концов, датский король Эрик Менвед был вынужден заключить перемирие на три года в Хинсгавле, в Фунене (1295), при котором он дал определенное обещание о передаче спорной собственности. Убийцам царей было разрешено беспрепятственно вернуться в свои дома, и им должны были быть возвращены их поместья.

Война с ганзейскими городами закончилась задолго до заключения Кальмарского мира (1285). Грозное оружие, которым они владели, в их способности перекрывать поставки, давало им столь большое преимущество, что у короля Эрика не было иного выбора, кроме как принять их условия. Король Швеции Магнус, который, по взаимному согласию, был выбран арбитром, заключил мирный договор на условиях, что король Эрик вернет их владельцам все захваченные корабли, выплатит контрибуцию в размере шести тысяч марок и значительно расширит торговые привилегии Ганзы. Таким образом, беззаконная доблесть "Маленького сэра Альфа", как называли графа-пирата, оказалась не меньшей катастрофой для его страны, чем для него самого. Он не понимал, как изменилась его позиция после смерти королевы, но продолжал с вызывающей беспечностью попираť закон и честь. Барон, сэр Халлькель Агмундссон, комендант замка Осло, по какой-то причине навлек на себя его враждебность; и граф Альф собрал, по старинному обычаю, вокруг себя банду авантюристов и поднял восстание, как оказалось, против герцога Хаакона, который был защитником сэра Халлькеля. У него даже хватило наглости напасть на Осло, поджечь город, захватить в плен своего врага и после недолгого заключения казнить его. Это дерзкое убийство привело к объявлению его вне закона, и он был вынужден искать убежища в Швеции, где король Магнус взял его под свое покровительство. Однако удача покинула его, потому что, когда он снова появился в качестве корсара в датских водах, его схватили и в кандалах доставили в присутствии королевы Агнессы. Согласно балладе, она подшутила над ним из-за его маленького роста, на что он ответил, что она никогда не доживет до того дня, когда сможет родить такого сына. Другое, еще более дерзкое замечание привело королеву в такую ярость, что она ударила кулаком по столу и заявила, что Маленького сэра Альфа следует пытать на дыбе, а его кости переломать на колесовании. Приговор был приведен в исполнение на следующий день (1290 г.).

После смерти своей первой королевы король Эрик женился на Изабелле Брюс, сестре Роберта, который позже стал королем Шотландии. От этого брака у него родилась дочь Ингеборг, которая стала женой герцога Вальдемара, брата шведского короля Биргера Магнуссона. Король Эрик умер в возрасте тридцати одного года (1299), пробыв королем девятнадцать лет.

ГЛАВА XXXI.

ХОКОН ДЛИННОНОГИЙ (ХААЛЕГГ), 1299-1319.

Герцог Хокон, второй сын Магнуса Лоумендера, наследовал своему брату без сопротивления. В то время ему было двадцать девять лет, он был высок и имел статную внешность. Он недолго пробыл на троне, прежде чем показал надменным баронам, что намерен с ними посчитаться. Сначала он вызвал сэра Аудуна Хуглейкссона на встречу с собой в Берген, судил его за государственную измену и казнил (1302). Женщина из Любека двумя годами ранее появилась в Норвегии и вызвала большой ажиотаж, заявив, что она принцесса Маргарет, "Норвежская дева", погибшая на Оркнейских островах. Суд над ней доказал, что она самозванка, и ее сожгли на костре. Согласно одной из гипотез, сэр Аудун был каким-то образом скомпрометирован ее судебным процессом, и не исключено, что он, возможно, поощрял ее притязания. Легенда, однако, гласит, что сэр Аудун был казнен за то, что оскорбил невесту короля, графиню Евфимию Арнштейнскую, которую в 1295 году он привез из Германии.

Должно быть, для баронов, которые так долго шли своим путем, было неприятным сюрпризом найти в новом короле сурового и решительного хозяина, и тем более к его чести, что, несмотря на их враждебность, он убедил их согласиться на изменение закона о престолонаследии в пользу его дочери Ингеборг и ее потомства. Поскольку он был единственным потомком мужского пола по прямой линии старого королевского дома, для него было источником беспокойства то, что у него не было сыновей, и он предвидел, что единственным средством предотвратить гражданскую войну после его смерти было обеспечить наследование предполагаемым сыновьям его дочери, а в случае, если у нее таковых не будет, ей самой. Принцесса Ингеборг, будучи еще совсем ребенком, была обещана в жены блестящему и амбициозному герцогу Эрику, второму сыну короля Швеции Магнуса Биргерссона. Из-за этой помолвки король Хокон оказался втянутым в ссоры герцогов Эрика и Вальдемара с их братом Биргером Магнуссоном, которого они пытались свергнуть с престола. Герцоги ненавидели короля, и король, который завидовал популярности Эрика и его выдающимся рыцарским достижениям, отвечал им взаимностью. Долго тлевшая вражда наконец вырвалась наружу в 1306 году, когда герцоги вероломно напали на своего брата и держали его в плену около восемнадцати месяцев. Король Хокон был вынужден принять их участие в борьбе, возможно, главным образом потому, что его враг, король Дании, был заодно с королем Биргером. Однако хорошее взаимопонимание между ними длилось недолго, поскольку, когда стало казаться, что герцог Эрик нацелился на объединение трех скандинавских королевств под своим собственным скипетром, Хокон, как заинтересованная сторона, едва ли мог оставаться бездействующим. Он потребовал восстановления феодальных владений, которые он даровал герцогу во время его изгнания. Когда в этом было отказано, он начал переговоры с королем Дании, который был шурином короля Биргера, и заключил предварительный договор в Копенгагене (1308), в соответствии с которым принцесса Ингеборг должна была выйти замуж за Магнуса, сына короля Биргера.

Затем герцог Эрик вторгся в Норвегию с армией, взял Осло и тщетно осаждал крепость Акерсхус. Провинция Емтеланд также подверглась нападению шведов, и в 1309 году герцогу пришлось вступить в нерешительный бой с частью норвежского флота в Кальфсунде. Наконец, после очередной битвы, в которой Эрик одержал верх, переговоры были возобновлены, и путем взаимных уступок был восстановлен мир (1310). У герцога Эрика был могущественный союзник при норвежском дворе в лице королевы Евфимии, чья любовь к нему носила не совсем материнский характер. Таким образом, ему не составило труда умиротворить короля Хокона и снова получить обещание руки его дочери. Свадьба, наконец, была с большой пышностью отпразднована в Осло в 1312 году. Герцог Вальдемар женился в тот же день на племяннице короля Ингеборг, дочери короля Эрика Священноненавистника. Примерно четыре года спустя, когда надежда была почти оставлена, каждая из герцогинь родила сына. Радость короля Хокона по поводу этого счастливого события была велика, поскольку оно избавило его от беспокойства за престолонаследие. Но радость его была недолгой. В Швеции был один человек, который не обрадовался рождению юных принцев, и это был король Биргер. Однако он изобразил радость и пригласил своих братьев на большой пир примирения в замке Нючепинг. Когда празднества подошли к концу, герцоги были брошены в тюрьму и лишены жизни. Поскольку на их телах не было никаких следов насилия, распространился слух, что они умерли от голода. Вероятно, это было правдой. Известие об этом бедствии повергло короля Хокона в такой шок, что он так и не оправился от него. Он умер в 1319 году в возрасте сорока девяти лет. Вместе с ним вымерла мужская линия рода Гарольда Светловолосого.

Война с Данией, длившаяся двадцать восемь лет, продолжалась беспорядочно во время правления Хокона, но никаких важных сражений не было. Он использовал свой флот главным образом как угрозу для обеспечения своих притязаний. Все, что он получил, - это временное владение провинцией Северный Халланд в качестве гарантии окончательной передачи своего материнского наследства.

Во внутренних делах король Хокон проявлял, согласно представлениям его эпохи, немалую государственную мудрость. Его администрация была одновременно осмотрительной и энергичной. Он пресек узурпацию ганзейских городов, которые вытесняли местных купцов из внешней торговли, и лишил их некоторых привилегий. Честное намерение поступать правильно в сочетании со значительными способностями характеризовали как его общественную, так и частную жизнь. Несмотря на все это, его деспотический нрав имел тенденцию отдалять людей от государственных дел и, таким образом, готовил почву для последующих столетий унижения.

ГЛАВА XXXII.

МАГНУС СМЕК (1319-1374), ХОКОН МАГНУССОН (1355-1380) И ОЛАФ МОЛОДОЙ (1381-1387).

Магнусу Эрикссону, сыну герцога Эрика и Ингеборг, было всего три года, когда умер его дед, и поэтому правительство перешло в руки регентства, члены которого уже были назначены королем Хоконом. Незадолго до этого в Швеции вспыхнуло восстание против короля Биргера, которого народ возненавидел из-за убийства его братьев. Он был свергнут, а его сын Магнус, хотя он никоим образом не был ответственен за преступления своего отца, был казнен. По просьбе регента Матса Кеттильмундссона Магнус Эрикссон был провозглашен королем, и таким образом Норвегия и Швеция впервые объединились под властью одного правителя. Союз был чисто номинальным, у двух стран были отдельные законы и администрации, и ничего общего, кроме короля, который должен был делить свое время поровну между ними. Однако во время несовершеннолетия Магнуса его мать, герцогиня Ингеборга, правила Норвегией с предельным безрассудством, вызвав большой скандал своей любовью к датскому дворянину Кнуту Порсе, герцогу Халландскому, за которого она позже вышла замуж. Чтобы обогатить его, она растратила доходы и утратила свою популярность. Когда казначейство оказалось на грани банкротства и со всех сторон послышался громкий ропот недовольства, герцогиню наконец лишили власти, и сэр Эрлинг Видкунссон из Бьярхо и Гиске был назначен регентом вместо нее.

Когда король Магнус по прозвищу Сmek достиг совершеннолетия, он принял на себя управление обеими странами (1332). Будучи шведом по рождению, он плохо понимал норвежцев и не проявлял особого интереса к их делам. Он был слабым и добродушным человеком, стремившимся угодить всем, и поэтому никому не удавалось угодить. В Швеции у него было полно дел в попытках обуздать непокорную знать, чьи притязания поддерживал его старший сын Эрик. Поэтому он редко приезжал в Норвегию и не обеспечивал правительство должным образом во время своего отсутствия. Затем Эрлинг Видкунссон сделал себя выразителем всеобщего недовольства и вместе с другими магнатами вынудил короля на встрече в Бергене (1350 г.) назначить своего второго сына, Хокона, соправителем и отречься от короны Норвегии в его пользу, как только он достигнет совершеннолетия. Тогда было понятно, что Эрик станет преемником своего отца в Швеции. Но непредвиденные события разрушили эти ожидания. В 1359 году Магнус и его королева, коварная и злобная Бланка Намюрская, нанесли визит королю Вальдемару Аттердагу в Копенгагене. Там было условлено, что Хокон женится на старшей дочери и наследнице Вальдемара, Маргарет, и что датский король должен распространить свое покровительство на фаворита королевы Бланки, Бенгта Альготссона, которого Эрик объявил врагом общества и был полон решимости уничтожить. Однако по наущению короля Вальдемара она выбрала более легкий способ для достижения своих пагубных целей. Она отравила своего сына. Теперь Хокон был наследником Норвегии и Швеции, а его потомство и потомство Маргарет, предположительно, - Дании. Шведы отнюдь не были довольны таким соглашением, а норвежские магнаты, если бы с ними посоветовались, высказались бы против него не менее решительно. Они, должно быть, предвидели в этом союзе неизбежный упадок норвежского национального духа и постепенное исчезновение их национальности. Шведы, будучи более многочисленным народом, меньше боялись этого, но все же считали это наносящим ущерб их интересам. Их чувства к Дании в тот момент не носили дружественного характера, главным образом из-за малодушия их короля, уступившего провинции Сконе, Халланд и Блекинге последней стране без какой-либо адекватной компенсации, если только это не было обещанием помощи от короля Вальдемара против его собственных подданных. Магнус

чувствовал себя настолько уверенно в своем новом союзе, что фактически помог датскому королю завоевать шведский остров Готланд и позволил ему разграбить город Висбю, который был одним из главных пунктов балтийской торговли.

Теперь терпение шведов наконец лопнуло. Королевский совет, поддержанный знатью, объявил, что король Магнус, а также его сын Хокон утратили свои права на корону (1363), и призвал герцога Альбрехта Мекленбургского к наследованию престола. Однако, каким бы слабым он ни был, Магнус не собирался отдавать свое королевство без борьбы. Со всеми войсками, которые он смог наскрести в провинциях, которые все еще были ему верны, он напал на короля Альбрехта при Энчепинге, но потерпел поражение и был взят в плен. Хаакон, опасно раненный, сбежал в Норвегию. Хотя норвежцы мало заботились о Магнусе, они были слишком лояльны Хаакону, чтобы отказать ему в помощи в попытке освободить его из ужасной тюрьмы, в которой он томился. Таким образом, война продолжалась с переменным успехом, пока не вмешался Ганзейский союз и не был близок к тому, чтобы решить ее в пользу Альбрехта. Немецкие купцы во время слабого правления Магнуса приобрели в Норвегии такую большую власть, что попирали правосудие, убивали своих врагов, отказывались принимать королевские деньги (что было нехорошо) и объединились, чтобы игнорировать законы и защищать друг друга от наказания. Король был так разгневан их высокомерным поведением, что издал указ о высылке всех немцев из страны. К несчастью, у него не было власти заставить подчиниться этому приказу, и когда Ганза объявила ему войну, он был вынужден купить мир дальнейшими уступками. Однако это оставляло ему сравнительно свободными возможности вести войну с королем Альбрехтом, и когда все переговоры оказались тщетными, он двинулся с армией на Стокгольм, опустошая страну по мере продвижения. Здесь, наконец, был заключен мир (1371) при условии, что Хокон заплатит выкуп в двенадцать тысяч марок за своего отца и откажется от своих притязаний на трон Швеции. Взамен Магнус должен был получить Скараштифт, Вестергетланд и Вермеланд. Старому королю, однако, недолго пришлось наслаждаться своей дорогой купленной свободой. Три года спустя он утонул в норвежском беммельфьорде (1374), и его сын пережил его всего на шесть лет. Как и многие короли Норвегии, он умер в расцвете сил (1380).

Правление Магнуса Эрикссона и его сына было периодом больших бедствий для Норвегии. В 1344 году Гула-Эльв внезапно изменила свое течение из-за падения в ее русло огромной скалы, и сорок восемь ферм были разрушены, а двести пятьдесят человек и множество коров утонули. В Исландии землетрясение и сильное извержение вулкана Гекла посеяли тревогу и опустошение. Но худшим из всех бедствий была Черная смерть, ужасная эпидемия, которая, опустошив Германию, Англию и Южную Европу, достигла Норвегии в 1349 году. Английское торговое судно впервые доставило чуму в Берген, откуда она с большой скоростью распространилась по всей стране. В Дронхейме умер архиепископ и все каноники соборного капитула, за исключением одного, который затем единолично избрал нового архиепископа. Во многих районах было уничтожено все население; лошади и крупный рогатый скот умерли от голода из-за отсутствия ухода или погибли в лесах. Результаты многовекового труда были уничтожены. Там, где когда-то были плодородные долины и оживленное общение людей, незаметно вырос лес. Лиса лаяла в заброшенных фермерских домах, а волк рыскал в опустевших церквях. Во многих местах мертвые лежали непогребенными, пока в результате медленного процесса разложения земля не забрала их обратно. Лень и безразличие овладели выжившими. Крестьянин пренебрегал обработкой своих полей, потому что не мог раздобыть ни лошадей, ни работников в помощь. Результатом были голод и смерть. Все отрасли промышленности пришли в стагнацию, и то, что осталось от норвежской торговли, полностью перешло в руки иностранцев. Как это обычно бывает во

времена великих эпидемий, когда ограничения общественного порядка ослабевают, порок становится буйным, и все проявления незаконных страстей становятся бессмысленными. Прошли столетия, прежде чем страна оправилась от последствий этого ужасного бедствия. Но были и другие причины, которые в сочетании с эпидемией привели к последовавшему политическому бессилию и социальному варварству. Существует опасность творить несправедливость даже по отношению к Черной Смерти, и до недавнего времени было модно возлагать на нее исключительную ответственность за закат славы Норвегии.

Олаф, единственный сын Хокона Магнуссона и Маргарет, был провозглашен королем Норвегии после смерти своего отца. Пятью годами ранее, после смерти своего деда по материнской линии, он был избран королем Дании. Поскольку он был еще ребенком, его мать Маргарита и Регентский совет управляли государством от его имени. Так начался союз Норвегии и Дании, который просуществовал без перерыва 434 года и который оказался столь пагубным для первой страны. Олаф умер в возрасте семнадцати лет в Фальстербро в Скаане.

ГЛАВА XXXIII.

НОРВЕГИЯ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬМАРСКОЙ УНИИ.

Олафу наследовала как в Дании, так и в Норвегии его мать Маргарита, которая стала правящей королевой. Настоящим наследником норвежского престола был, в соответствии с законом о престолонаследии, лорд-наместник (Дрост). Хокон Йонссон, внук Агнес, незаконнорожденной дочери Хокона Длинного. Но он не обладал достаточной властью, чтобы предъявить свои претензии Маргарет, которая путем искусной интриги убедила архиепископа Винальда и большинство духовенства встать на ее сторону. Норвежский регентский совет, в котором также преобладали сторонники королевы, казалось, был готов сделать все, что она потребует, и даже уступил ее желанию, пообещав избрать ее внучатого племянника, Эрика Померанского, ее преемником (1388). В соответствии с этим обещанием они провозгласили Эрика в течение следующего года (1389) королем Норвегии под опекой Маргариты, пока он не достигнет совершеннолетия.

Теперь амбициозная королева обратила свое внимание на Швецию, где у нее был непримиримый враг в лице Альбрехта Мекленбургского. Он был отдаленным родственником норвежского королевского дома и поэтому считал себя ближайшим наследником престола. Он кипел от враждебности к Маргарет, которую называл "Королевой без ягодиц" и никогда не упоминал о ней, кроме как с уничижительными эпитетами. Однако, поскольку такого рода безобидные средства не произвели никакого эффекта, он смело принял титул короля Дании и Норвегии и приготовился привести в исполнение свои притязания. Но он не учел своего хозяина, когда предположил, что шведы поддержат его в этом предприятии. Шведская знать,

обладавшая большей властью, чем король, долгое время была недовольна Альбрехтом, потому что он окружил себя немцами, которым дал поместья и почетные должности. Они давно хотели избавиться от него, и когда Маргарет сделала им предложение, они воспользовались случаем, чтобы достичь своей цели. В феврале 1389 года Альбрехту пришлось противостоять объединенной шведской, датской и норвежской армии. Битва при Фальчепинге, в Вестергетланде, принесла отличные результаты. Альбрехт, который не был знаком с этим краем, отважился со своей тяжелой кавалерией выйти на замерзшее болото, провалился сквозь него и был взят в плен. Теперь Маргарет держала его в своей власти и была полна решимости заставить его понести наказание за вольность, которую он позволил себе с ее именем. Вместо датской короны, которую он намеревался надеть, она надела ему на голову дурацкий колпак с хвостом длиной 28 футов и безжалостно издевалась над ним. Затем он был заключен в тюрьму в замке Линдхольм в Скаане, где провел шесть лет.

После битвы при Фальчепинге армия Маргариты не встретила сопротивления в южных провинциях; но Стокгольму пришлось подвергнуться длительной осаде, во время которой он подвергся большим разграблениям со стороны внутренних врагов, чем со стороны внешних. В городе бушевали кровавые распри между двумя противоборствующими сторонами. Братство пиратов, так называемые братья Витали, снабжали горожан провизией, тем самым оттягивая их капитуляцию. Эти пираты на время заключили союз с Ростоком и Висмаром, двумя городами Мекленбурга, которые сочувствовали заключенному Альбрехту. В конце концов Стокгольм был вынужден открыть свои ворота королеве Маргарите в соответствии с компромиссом, который был заключен в 1395 году. Альбрехт должен был выплатить выкуп в размере шестидесяти тысяч марок, и в случае, если он не предоставит эту сумму в течение трех лет, он должен был либо вернуться в свою тюрьму, либо сдать Стокгольм. Он предпочел последнее.

Теперь Маргарет достигла цели своих желаний. Она была правительницей всей скандинавской расы. Она могла бы возложить на свою голову тройную корону, но предпочла передать эту гордую награду своему племяннику, Эрику Померанскому, короновав его, пока она была еще жива. С этой целью она созвала представителей трех королевств на встречу в Кальмаре, где был разработан проект конституции, на которой должен был основываться союз. Хотя документ был подписан присутствовавшими норвежскими, шведскими и датскими магнатами, он едва ли имел юридическую силу для их соотечественников. Он датирован 20 июля 1397 года и содержит следующие положения:

1. Три королевства должны были быть навечно объединены под властью одного короля.
2. Если король умер, не оставив потомства, магнаты трех королевств должны собраться вместе и мирно избрать преемника.
3. Каждое королевство должно управляться в соответствии со своими законами и обычаями; но если одно из королевств подверглось нападению, два других должны добросовестно помогать в его защите.
4. Король и его советники из трех королевств должны иметь право вступать в иностранные союзы, и все, о чем они договорились, должно быть обязательным для трех стран.

Это был знаменитый Кальмарский союз, который мог бы стать благословением для братских королевств, но который, по крайней мере, для двух из них стал проклятием. На первый взгляд, это казалось рациональным решением, обещающим успех. Три нации были настолько близки, что без труда понимали языки друг друга, которые были всего лишь небольшими модификациями одного и того же языка оригинала. Если бы силы,

растраченные впустую во взаимных войнах и соперничестве, можно было объединить для взаимной помощи и достижения общих целей, Скандинавское королевство достигло бы расцвета и силы и заняло бы место среди европейских держав. При мудрой и дальновидной политике общество трех королевств могло бы постепенно объединиться, подчеркиваться его сходство и общие интересы, а различия постепенно стираться. Если бы короли Союза имели хоть малейшее представление о задаче, которая перед ними стояла, и были способны рассматривать себя независимо от своей датской национальности, таких результатов можно было бы достичь. Но они были, за единственным исключением, совершенно лишены политических способностей и дальновидности. Они были полны решимости возвысить датчан до положения доминирующей национальности и низвести Норвегию и Швецию до уровня провинций. Этим они снова пробудили старую зависть. Они послали отряд датской и немецкой знати охотиться на последние страны, которые они, по-видимому, считали завоеванной территорией. Шведы жаловались на то, что их заставляют платить налоги, чтобы покрыть расходы на датские войны, и они яростно осуждали вымогательство датских чиновников, которые грабили их провинции, подобно римским проконсулам.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.

Норвежцы изначально были настроены проявить больше терпения, главным образом потому, что у них не хватало представителей, а остатки их старой знати были слишком бессильны выступить против датчан. Нельзя также сказать, что при жизни королевы Маргариты условия были невыносимыми. Однако она умерла во Фленсборге (1412) в возрасте 59 лет, оставив свои обширные владения в слабых руках Эрика Померанийского.

Эрик унаследовал от Маргарет войну с герцогами Слесвигскими, которая длилась двадцать пять лет, истощив ресурсы его королевства и полностью выявив его неспособность управлять страной. Шведы недовольны налогами, которых требовала война, и восстали под предводительством Энгельбректа Энгельбректссона. Датский префект Йоссе Эрикссон был виновен в большой жестокости по отношению к крестьянам в Даларне: он отрывал их лошадей и волов от плуга, запрягал их беременных жен в стога сена и ужасно калечил всех, кто осмеливался жаловаться. Энгельбрект дважды ездил в Данию и просил короля убрать этого злоумышленника, но в первый раз был оттянут обещаниями, а во второй раз получил резкий отпор. Затем он встал во главе восстания, которое распространилось из Даларна по всему королевству. В Норвегии вспыхнуло аналогичное, хотя и менее вероятное восстание при Амунде Сигурдссоне Болте (1436), который также пытался добиться возмещения ущерба датским магистратам. Однако король, видевший свое преимущество в предоставлении значительной свободы своим подданным, устал от вечных жалоб и, захватив с собой все деньги, которые оставались в казне, поселился в укрепленном замке на острове Готланд (1438). Теперь он был официально свергнут как в Дании, так и в Швеции, в то время как в Норвегии регент, или губернатор, Сигурд Йонссон, некоторое время продолжал руководить правительством от его имени. Однако, когда стало общеизвестно, что король стал пиратом, норвежцы тоже отказались от своей верности (1442). Десять лет Эрик жил в своем замке в Готланде, зарабатывая на жизнь пиратством, но в конце концов был изгнан. Затем он вернулся в Померанию, где и умер в 1459 году.

Во время правления этого недостойного короля город Берген был дважды разграблен и частично сожжен братьями Витали, которые убивали горожан, грабили церкви и резиденцию епископа и увозили богатую добычу.

С непоколебимой преданностью, свойственной их расе, норвежцы придерживались дела Эрика даже после того, как он сам отказался от него. Однако у них не было иного выбора, кроме как признать его преемником его племянника Кристофера Баварского, который уже был провозглашен королем Дании и Швеции. В последней стране крестьянин Чарльз Кнутссон (Бонде), который после убийства Энгельбректа стал лидером восстания, а затем регентом, тщетно пытался разорвать Союз. Духовенство выступало заодно с Кристофером и сыграло важную роль в обеспечении его избрания.

Кристофер был веселым и добродушным человеком, у которого не было никаких способностей к государственным делам. Когда шведы пожаловались на пиратство Эрика Померанского, он весело ответил: "Наш дядя сидит на скале; он тоже должен зарабатывать себе на жизнь".

Однако, что касается Норвегии, он заслуживает похвалы за добрые намерения. Он предпринял попытку, хотя и тщетную, лишить ганзейские города их монополии на торговлю, предоставив равные привилегии гражданам Амстердама. Лига тогда была менее грозной, чем раньше, из-за успешного соперничества голландцев на других рынках. Трудно сказать, чем бы закончилась борьба, если бы Кристофер был жив. Смерть настигла его в 1448 году, когда ему было всего тридцать два года.

ГЛАВА XXXIV.

СОЮЗ С ДАНИЕЙ.

Было сказано, что во времена союза с Данией у Норвегии не было истории, и отчасти это правда. История королей Ольденборга, с их войнами, придворными интригами и любовницами, ни в коем случае не является историей Норвегии. Социальное развитие Норвегии также не было параллельным развитию Дании во время правления этих королей. Несмотря на угнетение и политическое бессилие, отдаленное королевство избежало крайней нищеты и деградации, которые постигли его угнетателя. Датская знать, хотя и пожирала, подобно голодным волкам, имущество народа, не преуспела в том, чтобы низвести норвежское крестьянство до крепостного состояния, как это было у них самих. Так называемый *Vornedskab*^[A] в Дании было всего лишь другим названием крепостного права. Дворяне, владевшие землей, сотнями способов угнетали и жестоко обращались со своими крестьянами; они могли продавать ее, хотя и не имели права убивать их. Дания, будучи выборным, а не наследственным королевством, предоставляла знати возможности для постоянного укрепления своего положения, требуя увеличения своих привилегий от каждого кандидата на трон, прежде чем соглашаться на его избрание. Этот контракт или хартия, дарованная королями знати (*Haandfestning*), стала ужасным инструментом угнетения тех сословий, которые были либо непредставлены, либо не имели влияния в Королевском совете. Из органа, подчиненного королю, совет постепенно стал координировать свои действия с ним и, наконец, стал его начальником. Из этого положения вещей следовало, что король нуждался в некоторой уравновешивающей поддержке против его чрезмерного

влияния, и этой поддержки он искал в Норвегии. Здесь выборы были простой формой, наследование основывалось на наследственном праве. Король мог бы, если бы хотел уладить недовольство народа, положиться на его лояльность. Даже если он был глух к их жалобам, они были склонны извинить его и возложить ответственность за его недостатки на его советников. Но, как правило, короли из дома Ольденборгов уделяли больше внимания жалобам своих норвежских подданных, чем своим собственным, и они делали это — во-первых, потому, что для них было важно сохранить лояльность скандинавов; во-вторых, потому, что скандинавы, если их петиции оставались без внимания, были готовы взяться за оружие. Они издревле знали свои права, и постоянное нарушение их со стороны иностранных чиновников рано или поздно привело к тому, что стрела войны перелетела от фермы к ферме; и король столкнулся с вооруженным восстанием. Снова и снова несносных магистратов, вообразивших, что эти крепкие горцы такие же кроткие и многострадальные, как их датские собратья, безжалостно избивали, калечили или убивали. Неоднократно правительство было вынуждено уступать повстанцам то, чего они не уступили просителям. Были отменены непопулярные законы, снято гнетущее бремя и даны обещания улучшения управления.

[A] Проф. Дж. Э. Сарс: "Норвегия при Форингенском медицинском университете Дании". Отчет Nordisk Universitets-Tidskrift за 1858 и 1861 годы.

И все же, несмотря на эти улучшающиеся обстоятельства, положение Норвегии во время датского владычества было плачевным. Доходы страны тратились в Копенгагене, и люди облагались высокими налогами, чтобы содержать иностранный двор и голодный выводок иностранных чиновников, главным интересом которых было набить собственные карманы. Датские дворяне женились на знатных норвежских семьях и с помощью подкупа и интриг в Копенгагене получили виртуальное право на неограниченные злодеяния. Огромные поместья оказались в руках таких людей, как Винценц Лунге, Хартвиг Круммедике и Ганнибал Сехестед, а суды были протестированы в угоду планам благородных авантюристов по захвату земель. Общественный дух, который в древние времена ревниво охранял интересы королевства, уже был ослаблен зарождающимся деспотизмом последних национальных королей; и то, что от него осталось, теперь постепенно угасало. Самым ярким доказательством этого является тот факт, что, когда в 1537 году Норвегия потеряла последние остатки своей независимости, будучи объявленной провинцией Дании, указ был принят без протеста и не вызвал заметного волнения. Перемена произошла так постепенно, что никто не удивился. Те же самые крестьяне, которые смело возмущались любым посягательством на их личные права и убили магистрата, который обложил их чрезмерными налогами, безропотно слышали об исчезновении своей национальности. Было высказано предположение, что причиной их летаргии было то, что они не слышали об этом — по крайней мере, не одновременно, а постепенно и случайно, в течение многих лет; и не исключено, что несовершенство средств связи было причиной их кажущегося согласия.

На следующих страницах не будет предпринято никаких попыток рассказать историю Дании, за исключением тех случаев, когда она непосредственно повлияла на историю Норвегии, а план настоящей работы исключает любую характеристику социальных условий, кроме самой общей. Таким образом, история Союза будет непропорционально короткой.

Смерть Христофора Баварского предоставила шведам возможность вновь заявить о своей независимости. Общая ненависть к датчанам позволила враждующим сословиям забыть о своих разногласиях и объединиться для избрания Карла Кнутссона крестьянским королем Швеции. У норвежцев был кандидат на норвежский трон в лице регента Сигурда Йонссона, потомка Агнес, дочери Хокона Длинного, но они не смогли поддержать его. Одна партия

желала объединить усилия со Швецией и избрать Чарльза Кнутссона, в то время как другая отдавала предпочтение графу Кристиану Ольденбург-скому, который только что был избран в Дании. Эта последняя партия, поддержанная датской знатью, которая уже обладала большим влиянием, одержала победу. Король Кристиан I. (1450-1481) прибыл в Норвегию летом 1450 года и был коронован в кафедральном соборе Дронхейма. На заседании Регентского совета в Бергене было решено, что Норвегия должна оставаться вечно объединенной с Данией под властью одного короля, но что каждое королевство должно быть свободным и равным другому, и должно управляться в соответствии со своими собственными законами и местными чиновниками.

Christianus. I. Rex Daniæ.

Кристиан не мог отказаться от мысли восстановить Кальмарский союз и поэтому в течение нескольких лет вел войну с королем Карлом Кнутссоном. В 1452 году последний вторгся в Норвегию и завоевал Дронхейм, но комендант Бергена сэр Олаф Нильссон снова прогнал его обратно через границу. Вскоре внутренние раздоры в Швеции позволили Кристиану

победить Карла и изгнать его из своей страны (1457); и, таким образом, в 1458 году три королевства снова объединились. Вымогательства Кристиана и бесстыдное попрание веры однако вскоре вызвали к нему такую ненависть как среди крестьян, так и среди знати, что вспыхнуло восстание; Карл был отозван, и, хотя он не сразу овладел ситуацией, ему удалось держать датчан в страхе. Он умер как король Швеции в 1470 году. Когда Кристиан в течение следующего года предпринял попытку завоевать Швецию, он потерпел сокрушительное поражение при Брункеберге близ Стокгольма от регента Стина Стуре Старшего.

В Норвегии Кристиан нарушил свои обещания с таким же циничным пренебрежением, как и в Швеции. Вместо того чтобы назначать местных чиновников, он позволял датской знати грабить, как в старину, и не прилагал никаких усилий к тому, чтобы дисциплинировать их. Немецкие купцы в Бергене также становились все более наглыми в своем поведении по отношению к горожанам, которых они прогоняли с пристаней и обращались с ними как с покоренными людьми; но Кристиан не осмеливался сдерживать их в нарушениях закона и порядка, потому что боялся, что Ганза может отомстить за себя, вмешавшись в его войну со Швецией. Даже когда немцы убили сэра Олафа Нильссона, его друга епископа Торлейфа и шестьдесят других горожан и сожгли монастырь Мункелива, король воздержался от наказания.

Весьма характерной для отношения датских королей к Норвегии была сделка Кристиана с Яковом III, король Шотландии. Между последним и дочерью Кристиана Маргарет был заключен брак, а приданое было назначено в размере 60 000 гюльденов. Поскольку датский король был не в состоянии выплатить эту сумму, он перевел дань, причитающуюся Шотландии за его невест, заложил Оркнейские острова за 50 000 гюльденов и Шетландские острова за дополнительную сумму. Таким образом, Норвегия потеряла эти древние зависимости, ибо нет нужды говорить, что они так и не были выкуплены.

Кристиану I наследовал его сын Ганс или Йоханнес (1483-1513). Норвежцы, которые теперь уже достаточно вкусили датского правления, не стремились подчиняться ему, и вспыхнуло восстание, которое, однако, было недолгим. Датские дворяне, которые, женившись на норвежках, могли получить гражданство, к этому времени обеспечили себе преобладающую власть в Регентском совете и не испытывали особых трудностей с признанием своего короля. Шведы сопротивлялись до 1497 года, когда Ганс разгромил армию Стина Стуре и был провозглашен королем Швеции. Однако три года спустя он потерпел ужасное поражение при Дитмарскене (1500 г.), жители которого открыли дамбы и призвали океан в качестве своего союзника. Здесь были убиты или утонули четыре тысячи датчан, и были утрачены огромные сокровища. Это стало сигналом к возобновлению восстаний как в Швеции, так и в Норвегии. Норвежский рыцарь сэр Кнут Альфссон из Гиске, происходивший из старинного королевского дома, объединился со шведами и победил герцога Кристиана, сына короля, в Вестергетланде. Затем он вторгся в Норвегию и захватил крепости Тунсбергус и Акерсхус; но в последнем месте был осажден датчанами под командованием Хенрика Круммедике. Видя, что шансов взять крепость мало, датский генерал пригласил сэра Кнута на совещание под подписку о невыезде, но подло убил его и сбросил тело в воду. Несчастный король, по-видимому, явно одобрил эту измену, ибо вместо того, чтобы наказать сэра Хенрика, он осыпал его почестями и объявил, что огромные владения убитого человека переходят в пользу короны.

Еще раз норвежцы попытались сбросить ненавистное датское иго (1508) под руководством крестьянина Херлуфа Хиттефада, но страна уже была слишком разделена между иностранными и местными интересами, чтобы обеспечить достаточную поддержку для успешного восстания. Герцог Кристиан прибыл с датской армией, подавил восстание и

казнил его лидеров. Однако он не удовлетворился этим. Он был сторонником радикальных мер. Чтобы раз и навсегда сломить бунтарский нрав скандинавов, он захватил в плен и убил столько представителей великих скандинавских семей, сколько смог заполучить. С чудовищной жестокостью он свирепствовал в Норвегии до тех пор, пока все следы восстания, казалось, не исчезли.

Шведам повезло больше в их сопротивлении этому кровожадному тирану. После смерти Стина Стуре Старшего (1503) они избрали регентом Сванте Нильссона Стуре, а после его смерти - его сына Стина Стуре Младшего. Эти храбрые и патриотически настроенные люди руководили правительством с мудростью и энергией и преуспели в борьбе с властью датчан в течение оставшегося периода правления короля Ганса.

Кристиан II (1513-1523, ум. в 1559 г.), взойдя на трон, был вынужден даровать дворянству хартию, которая почти лишила его всякой власти. Правление знати к этому времени стало настолько сильным проклятием как в Дании, так и в Норвегии, что любые меры по его ограничению казались оправданными. Их принцип правления был подобен принципу ястребов на птичьем дворе. Что бы ни предпринимали граждане для своего продвижения, это сдерживалось вмешательством привилегированных классов; торговля и промышленность не поощрялись, чтобы буржуазия не набрала достаточно власти, чтобы заявить о себе. Крестьяне были полностью отданы во власть баронов, и их деградация была доведена до конца так называемым "правом шеи и рук", которое Кристиан II даровал в обмен на свою корону. Благодаря этой уступке дворяне получили право выносить приговоры и наказывать своих крестьян по своему усмотрению, без заступничества судов. Король, однако, почувствовал унижение от этой уступки едва ли меньше, чем ее жертвы. Он решил подготовиться к борьбе не на жизнь, а на смерть со знатью и с этой целью стремился увеличить свою власть. Он заключил иностранные союзы и женился на самой богатой принцессе Европы Изабелле, сестре германского императора Карла V. Чтобы достичь той вершины могущества, с которой он мог бы сокрушить непокорных магнатов, он счел важным вернуть себе корону Швеции, и при Богесунне он победил Стина Стуре Младшего, который пал в битве (1520). У последнего был злейший враг в лице коварного архиепископа Густава Тролле, который объединился с Кристианом и короновал его королем Швеции. Архиепископ счел это хорошим шансом отомстить своим врагам из партии Стина Стуре, и по его наущению Кристиан казнил пятьдесят самых выдающихся людей Швеции, среди которых были два епископа, тринадцать членов Регентского совета и множество храбрых горожан.

Это была печально известная Стокгольмская резня. Уверенный в том, что шведы теперь запуганы и подчинены, Кристиан II вернулся в Данию; но его подлый поступок возымел непредвиденные последствия. Молодой дворянин Густавус Эрикссон Васа, чей отец был обезглавлен, а сам попал в плен к Кристиану, сбежал из тюрьмы и стал освободителем своей страны. Общее возмущение тираном вновь объединило все враждующие группировки; датчане повсюду потерпели поражение, и Густав Васа стал сначала регентом, а затем королем Швеции (1523). С этого времени власти датчан в Швеции пришел конец.

Провал его планов за границей дискредитировал Кристиана II. дома. Его чрезмерная самооценка и порывистость приводили его к совершению необдуманных поступков, благодаря которым он давал своим врагам преимущество. Кроме того, иницируя реформы, которые были бы полезны, если бы их можно было осуществить, он не смог оценить силу оппозиции, с которой, несомненно, столкнулся бы. Он издал указ об отмене крепостного права, поощрял торговлю и промышленность и надеялся в предстоящей борьбе найти поддержку среди буржуазии и крестьян, благодарность которых он заслужил. И он не обманывал себя в этом отношении. Но длительное угнетение сделало народ робким, и его

поддержка была в значительной степени пассивной, и без энергичных лидеров она не могла быть реализована сама по себе. Высшие сословия были еще слишком могущественны. Кристиан своей преданностью учению Лютера также добавил духовенство к числу своих врагов, а своим покровительством голландской и местной торговле он вызвал гнев Ганзы. Его дядя, герцог Фридрих Голштинский, воспользовался его многочисленными промахами, дал заманчивые обещания знати, вступил в союз с Ганзой и начал войну против своего племянника. Кристиан созвал собрание знати для встречи с ним в Выборге, но ютландская знать, опасаясь, что он может повторить Резню в Стокгольме, прислала ему письмо, в котором отзывала свою присягу. Кристиан потерял мужество и вместо того, чтобы призвать горожан к себе на поддержку, собрал все свои сокровища и бежал в Голландию (1523).

Герцог Фредерик Голштинский теперь взошел на трон под именем Фредерик I. (1524-1533) и с помощью датского дворянина Винценца Лунге вскоре добился завоевания Норвегии. Сэр Винценц, который был высококультурным, но жадным и беспринципным человеком, женился на дочери скандинавского рыцаря сэра Нильса Хенрикссона, жена которого, Ингер Оттесдаттер, состояла в родстве со старым королевским домом. Эта замечательная женщина, широко известная как госпожа Ингер из Эстраата, в свое время играла выдающуюся роль, но, к несчастью, все свое богатство и влияние перешло на сторону угнетателей. Одна из ее дочерей вышла замуж за датского дворянина Эрика Угерупа, другая - за Нильса Ликке, а четвертая была помолвлена ее амбициозной матерью со шведским самозванцем, который выдавал себя за сына Стина Стуре и кандидата на шведский престол.

Доктрины Лютера в то время ревностно проповедовались в Швеции и Дании и пользовались благосклонностью короля и большей части знати. В Норвегии не было предпринято никаких усилий для введения Реформации, и тамошний народ оставался преданным католической вере. Кристиан II. увидел в этом обстоятельстве шанс вернуть свой утраченный трон. Ранее он склонялся к Лютеру, но теперь объявил себя поборником старой веры, прибыл в Норвегию с флотом (1531) и приобрел большое количество приверженцев. Но та же самая неспособность и неосторожность, которые ранее разрушили его состояние, снова ускорили его падение. В критический момент, когда требовались решительность и мужество, Кристиан, как обычно, проявил себя трусом. Когда крепость Акерсхус, которую он осаждал, была освобождена любекцами и прибыл датский флот под командованием Кнута Гильденстьерне, он начал отчаиваться и в конце концов отправился в Данию под подпиской о невыезде, чтобы вести переговоры со своим дядей. По прибытии туда он был бесцеремонно брошен в тюрьму. Фридрих I, хотя и поклялся своей королевской честью, по просьбе знати нарушил свое обещание, и Кристиан находился в плену до дня своей смерти (1559).

Норвежцы были сурово наказаны за союз со свергнутым королем, хотя Фридрих I пообещал им неприкосновенность при условии их возвращения к верности.

После смерти Фридриха I. произошло четырехлетнее междуцарствие (1533-1537), прежде чем был выбран преемник. Именно религиозный вопрос разделил Данию на два враждебных лагеря. Кристиан, старший сын покойного короля, был приверженцем протестантизма, в то время как Ханс, младший, воспитывался в католической вере. Знать, соответственно, предпочитала первое, а духовенство - второе, в то время как низшие сословия желали восстановить Кристиана II. во владении его тронном. В Норвегии было всего две партии: одна, возглавляемая Винценцем Лунге, поддерживала герцога Кристиана, и католическая партия, возлагавшая свои надежды на заключенного короля. Фракция последнего неожиданно продемонстрировала свою силу, когда любекцы встали на его сторону, а их генерал, граф Кристофер Ольденбург, вторгся в Данию и дал крестьянству шанс отомстить своим

угнетателям. Этой возможностью охотно воспользовались; замки были разграблены и разрушены, дворяне убиты и совершены самые дикие зверства. Некоторое время в Дании бушевала гражданская война со всеми ее ужасами, и перед лицом этого бедствия противоборствующие стороны похоронили свои разногласия и избрали Кристиана III королем (1537-1559). С помощью короля Швеции Густава ему удалось победить и изгнать графа Кристофера, в честь которого эта война получила название Графская междоусобица. Норвежцы не были расположены признавать законность избрания короля Кристиана, относительно которого с ними не советовались; и когда после капитуляции графа Кристофера дело Кристиана II казалось безнадежно проигранным, они высказались в пользу его зятя, графа палатина Фредерика, чья кандидатура была поддержана германским императором. Датская знать во главе с Винценцем Лунге, конечно же, была приверженцем Кристиана III, в то время как архиепископ Олаф Энгельбректссон был лидером оппозиции. На митинге в Бергене, созванном с целью избрания короля, народ пришел в ярость при виде датских магнатов, напал на них и убил сэра Винценца Лунге. Многие другие были заключены в тюрьму и подвергались жестокому обращению. Если бы граф Палатин сейчас прибыл в Норвегию и поддержал своих сторонников, возможно, у него был бы шанс на успех. Но, к несчастью, у него не было денег, и император не оказывал ему действенной помощи. Поэтому у архиепископа не было другого выбора, кроме как принести присягу Кристиану III. при условии, что он будет уважать древние свободы страны. Но датский король, хотя он, казалось бы, согласился, не собирался соглашаться на такие легкие условия. Он отплыл в Норвегию со своим флотом (1537), и хотя не встретил никакого сопротивления, он, казалось, считал, что завоевал страну и имеет право поступать с ней так, как ему заблагорассудится. Он упразднил норвежский регентский совет и отныне управлял правительством через вице-короля и канцлера, оба из которых были датчанами. Таким образом, последние остатки независимости Норвегии были утрачены, и Норвегия стала провинцией Дании.

Архиепископ Олаф, не дожидаясь прибытия короля, бежал в Голландию, прихватив с собой сокровища собора, и умер в изгнании.

ГЛАВА XXXV.

НОРВЕГИЯ КАК ПРОВИНЦИЯ ДАНИИ (1537-1814).

Во время правления Кристиана III. Лютеранская вера была введена в Дании, и ее внедрение в Норвегию последовало как нечто само собой разумеющееся. Новый датский церковный закон, называемый Ордонансом, также был распространен на провинции. Земельные владения, принадлежавшие Церкви, были конфискованы короной или распределены между королевскими фаворитами. Фактически, разграбление церквей и монастырей было единственным свидетельством религиозного рвения, которое датчане проявляли в Норвегии. Католические епископы были смещены, но многим священникам разрешили

остаться, поскольку лютеранских пасторов было трудно найти, и они были нужны дома. Постепенно, однако, перемена произошла; и повсюду вызвала недовольство среди крестьянства. Многие приходы надолго оставались без какого-либо религиозного обучения, и когда из Дании присылали лютеранских пасторов, они обычно были невежественными или порочными людьми, которых нельзя было использовать дома. Бывшие солдаты, бывшие моряки, обанкротившиеся торговцы и всякого рода бродяги, которые были в какой-то мере лишены права зарабатывать на жизнь, считались достаточно хорошими, чтобы проповедовать слово Божье в Норвегии. Большинство из них были совершенно лишены богословского образования, и, как говорят, некоторые даже не умели читать. Поэтому никому не следует удивляться тому приему, который они получили от своих прихожан. Некоторые из них были убиты, другие изгнаны и жестоко избиты. В конце концов физическая сила стала главным требованием для ведения пасторства в скандинавских горных долинах, и самым верным путем к популярности для пастора было поколачивать непокорных членов своей паствы. Это внушало уважение и более благосклонно относилось к его проповеди. Большой заслугой заслуживает первый лютеранский епископ Бергена Йебле Педерссон за его усилия по воспитанию местного протестантского духовенства. Датский язык, однако, оставался языком норвежской церкви; на нем передавалось все религиозное образование, и в наши дни все, кто претендует на культуру в Норвегии, говорят по-датски.

Грабежи, совершенные датской знатью во время правления Кристиана III, не поддаются описанию. Это был самый мрачный период в истории Норвегии, и, по мнению людей, едва ли не самый мрачный в истории Дании. Власть знати достигла такой высоты, что сам король был всего лишь орудием их воли и использовался ими, как инструмент для самого жестокого и бессердечного угнетения.

Поражение любекцев в графской распри было первым серьезным испытанием, которому подверглась ганза на Севере, и она так и не восстановила своего бывшего могущества. Датскому дворянину Кристоферу Валькендорфу, который был губернатором (*Леншерре*) в Бергене, удалось разрушить монополию немцев на торговлю рыбой, которая теперь перешла в руки местных торговцев.

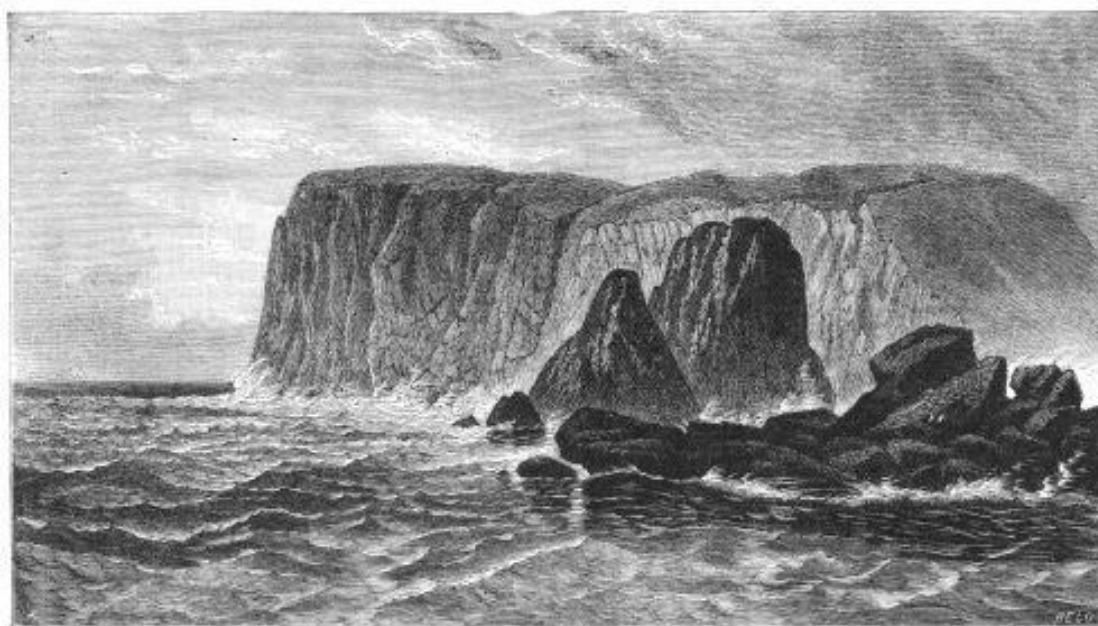
БОРЬБА НА ПОЯСАХ, СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗНОГЛАСИЙ, РАНЕЕ БЫВШИЙ В МОДЕ В НОРВЕГИИ, ОПИСАН В РОМАНЕ БАЙЯРДА ТЕЙЛОРА "ЛАРС".

Кристиану III. наследовал его сын Фридрих II. (1559-1588), тщеславный и никчемный человек, чья любовь к выпивке сократила его жизнь. Он вел долгую и дорогостоящую войну со Швецией за право носить шведские "три короны" на датском гербе. Норвежцы, хотя с самого начала их симпатии были на стороне шведов, сильно страдали от набегов враждебных армий, которые сжигали города и опустошали землю. Швеция, рассматривавшая Норвегию просто как датскую провинцию, думала нанести вред своему врагу, уничтожив все, что принадлежало ему или признавало его власть. Так был сожжен собор Хамара, опустошены плодородные районы Акера и взят город Дронхейм. Датчане сожгли Осло, чтобы не допустить его попадания в руки шведов.

Два датских губернатора, Людвиг и Эрик Мунк, прославились своими неслыханными жестокостями и вымогательствами. Крестьяне неоднократно посылали жалобы королю и угрожали восстанием. В конце концов Эрика Мунка приговорили вернуть все налоги,

которые он незаконно собрал, и вернуть крестьянину его имущество, которым он незаконно завладел. Позже он был лишен своего поста и покончил с собой, находясь в тюрьме.

Город Фредерикстад, который был вынужден существовать после сожжения древнего Сарпсборга, носит имя Фридриха II.

СЕВЕРНЫЙ МЫС.

Кристиан IV (1588-1648) не унаследовал немощей своего отца. Он был человеком многих превосходных качеств; желал способствовать благосостоянию своих подданных, но его усилия были сведены на нет противодействием высокомерной знати. Что особенно заслуживает внимания, так это его доброе расположение к норвежцам. В отличие от своих предшественников, он часто посещал их страну, однажды даже проникнув за полярный круг. Он выслушал жалобы народа и наказал штрафами и тюремным заключением датских чиновников, которые осмелились превысить свои права. Старый закон Магнуса Законоучителя, который из-за изменения языка теперь был труден для понимания, он отменил и разработал вместо него норвежский закон, некоторые положения которого все еще действуют. Кроме того, церковный закон или Постановление было изменено и адаптировано к потребностям страны. Им была основана нынешняя столица Норвегии Христиания, а также город Кристиансанд. Открытие серебра в Конгсберге и меди в Рераасе дало толчок горнодобывающей промышленности страны и, таким образом, положило начало росту двух небольших городов.

Своей добротой, любовью к справедливости и интересом к их делам Кристиан IV. покорила сердца скандинавов, как ни один король из дома Ольденбургов, ни до, ни после. Иногда он заглядывал на крестьянскую свадьбу и пил за здоровье невесты; наблюдал за играми на немецкой пристани в Бергене и присутствовал на вечеринке в аптеке, где веселые гости разбили все стекла. У него была пара глаз, от которых ничто не ускользало, а также активный и проницательный ум, который обращал его наблюдения во благо. Его интересовали все экономические вопросы; за что бы он ни брался, он с мельчайшей тщательностью контролировал каждую деталь его выполнения. С нивелиром в кармане он ходил по дому, проверяя качество работы своих плотников, каменщиков и архитекторов.

Три великие войны, две из которых касались Норвегии, нарушили правление Кристиана IV. Первая, так называемая Кальмарская война (1511-1513), вызвала вторжение шотландских наемников, нанятых королем Швеции. Однако они потерпели неудачу в Крингене в Гулдбрандсдейле, где крестьяне напали на них и с первого выстрела убили их командира, полковника Синклера. Говорят, что из всего отряда, насчитывавшего девятьсот человек, ни одному человеку не удалось спастись бегством. Более удачливым оказался полковник Меннихофен, который высадился с восемью сотнями голландских наемников в Сендмере и прошел свой путь, опустошая и грабя, через границу. Причиной этой войны стало присвоение шведским королем Карлом IX титула короля лопарей и его притязания на норвежскую провинцию Финмарк. Карл погиб во время военных действий, и его сын Густав Адольф заключил мир в Кнареде, отказавшись и от притязаний, и от титула.

Участие Кристиана IV. в Тридцатилетней войне в качестве союзника угнетенных немецких протестантов не принесло ему славы. После поражения от Тилли при Люттере и Баренберге имперские армии захватили Слесвик и Ютландию, а по Любекскому миру (1629) Кристиану пришлось пообещать никогда больше не вмешиваться в политику Германии. После этого унижения он не мог без тревоги наблюдать за успехами шведов в Германии и не мог удержаться от того, чтобы чинить препятствия на их пути. Война продолжалась после смерти Густава Адольфа умелыми генералами и дипломатами, которые решили опередить датского короля в его попытках помешать им. Прежде чем Кристиан заподозрил, что его намерения раскрыты, генерал Торстенсон пересек южную границу, вторгся в Гольштейн и продвинулся в Ютландию (1643). Датчане были совершенно неспособны противостоять войску-завоевателю, и хотя они горячо сопротивлялись в двух морских сражениях, их неспособность справиться со шведами вскоре стала очевидной. Таким образом, в Бремсебро был заключен мир, и Норвегии пришлось расплачиваться за неспособность и просчеты Дании. Две великие норвежские провинции Емтеланд и Херьедале были переданы Швеции; как и остров Готланд, который недавно принадлежал Дании (1647).

В Норвегии эта война получила название Ганнибалова Междоусобица в честь вице-короля Ганнибала Сехестеда, зятя короля, который с помощью храброго священника Кьельда Стаба охранял границу.

Можно было бы предположить, что зная после смерти Кристиана IV. удовлетворился бы чрезмерными привилегиями, которыми они уже обладали, и позволил бы своему сыну Фридриху III (1648-1670) взойти на трон, не лишая себя последних остатков своей власти. Но пока оставалось хоть что-то, за что можно было ухватиться, казалось, что за это стоит ухватиться. Фридрих III. таким образом, он был вынужден предоставить более унижительную хартию, чем любой из его предшественников, и был бы, если бы давно согласился на это соглашение, простым королем-тенью. Высокомерие и жадность знати, подпитываемые длительной агрессией, стали, однако, причиной их падения. Королевский совет, который был реальной руководящей силой в государстве, имел неосторожность объявить войну Швеции на основании слухов о том, что шведский король Карл X. Густав потерпел сокрушительное поражение в Польше. Этот слух оказался ложным, и Карл за короткое время завоевал Ютландию и Фюн и угрожал Копенгагену. Дания была полностью в его власти, и Совет был вынужден купить мир в Роскилле (1658) уступкой Скаане, Халланда, Блекинге, Борнхольма и норвежских провинций Викен и Дронхейм. И все же в Норвегии был одержан единственный успех в войне: норвежский генерал Бьелке завоевал Емтеланд. Казалось, что Карл Густав, получив эти огромные преимущества, пожалел, что не покончил с Данией окончательно. Он не решался покинуть датскую территорию, возобновил войну и с помощью голландцев и австрийцев, которые боялись его чрезмерной мощи, потерпел поражение при

Нюборге и был отброшен в Копенгаген. В Норвегии тредеры успешно подняли восстание против шведского владычества, и борнхольмеры также прогнали захватчиков. По Копенгагенскому мирному договору (1660) Карл Густав был вынужден отказаться от своих владений в этих провинциях, сохранив при этом другие свои завоевания.

ФРЕДЕРИК III, КОРОЛЬ ДАНИИ И НОРВЕГИИ.

Было ясно, что главным образом дворяне, входившие в Королевский совет, были ответственны за деградацию, которую эти войны принесли Дании. И все же, хотя они владели огромным богатством, нажитым путем разграбления низших сословий, они отказывались нести какую-либо долю общественного бремени. Положение страны было теперь таким отчаянным, а нищета - такой великой, что требовался всего лишь глоток воздуха, чтобы разжечь тлеющее негодование в пламя. Государственный долг достиг огромной суммы, и не было никакой перспективы выплатить его без повышения налогов.

Затем король созвал сейм для встречи с ним в Копенгагене и пригласил представителей духовенства и буржуазии принять участие в его заседаниях. Они вступили с ним в союз против знати, и последние, опасаясь вспышки насилия, поначалу не осмеливались оказывать никакого сопротивления. Когда они снова набрались храбрости, жители Копенгагена заперли ворота и вынудили их прийти к соглашению. Затем было решено, что Дания отныне должна быть наследственным королевством и что Королевский совет должен быть упразднен. Все феодалы были упразднены, и была введена новая система управления с королевскими чиновниками, ответственными перед королем. Было решено, что конституция должна быть принята, и ее разработка была весьма неблагоразумно поручена королю. Фридрих III. таким образом, он был хозяином положения, и поскольку вопрос, казалось, был оставлен на его усмотрение, он предпочел править без какой-либо конституции. Так называемый Королевский закон, который он пытался выдать за таковой, был скорее направлен на то, чтобы обезопасить его власть, чем на то, чтобы подвергнуть ее ограничениям. Таким образом, абсолютизм в чистом виде был введен в Дании (1660). Датчане прыгнули из огня да в полымя; и все же, хотя их положению нельзя было позавидовать, было облегчением иметь одного хозяина вместо многих.

В Норвегии последствия абсолютизма проявились главным образом в том, что страна была поставлена почти на равные условия с Данией и в создании несколько улучшенного управления. Дворяне продолжали занимать множество прибыльных должностей, но теперь, когда его власть стала абсолютной, король смог оказывать на них более сдерживающее влияние. Феодалы были преобразованы в графства (*amter*) и управлялись королевскими чиновниками с четко определенными функциями. Гражданам был предоставлен шанс подняться на службе государству, и несколько способных норвежцев воспользовались им, среди которых выдающимся был герой военно-морского флота Корт Адлер. После почетной карьеры на голландской и венецианской службе против турок он был произведен в адмиралы датского военно-морского флота и значительно повысил его эффективность.

Фредерик III. посетил Норвегию всего один раз. Город Фредериксхальд носит его имя.

Хотя королевские доходы выросли в пять раз из-за отмены феодальных владений, сын Фридриха, Кристиан V. (1670-1699), постоянно испытывал нехватку денег. Он проводил свое время во всевозможных дорогостоящих развлечениях, надеясь соперничать в великолепии с французским королем Людовиком XIV, которого он взял за образец. Чтобы противодействовать влиянию старой датской знати, которая из-за своего богатства все еще была огромной, Кристиан V. создал новую придворную знать из графов и баронов, большинство из которых были немцами. Немецкий стал языком двора, а земли и прибыльные должности были розданы немецким фаворитам. Чтобы раздобыть денег, на которые можно было подражать блестящим порокам Версаля, Кристиан V. продавал своих подданных, как норвежцев, так и датчан, в качестве наемников для иностранной службы. У него был способный советник в лице своего канцлера Гриффенфельда, который поднялся из бедности до самого высокого положения, чтобы так же внезапно оказаться ввергнутым в нищету. Его враги возбудили у непостоянного короля подозрения относительно его лояльности, и он был приговорен к смертной казни, но его приговор на эшафоте был заменен пожизненным заключением. "О милосердие, более жестокое, чем смерть", - воскликнул он. Однако к концу своей жизни он был помилован.

Кристиан Против разработал новый свод законов для Норвегии, который все еще частично действует. Он вел бесполезную войну со Швецией, которая стоила крови и сокровищ, но не принесла пользы ни одному из воюющих сторон.

Фридрих IV (1699-1730) взошел на трон, как и его отец, по праву наследования, но в других отношениях не пошел по его стопам. Он был проницательным, но невежественным человеком; скупым, трудолюбивым и бессердечным. Из-за своей вражды с герцогом Гольштейнским он вступил в столкновение с шурином последнего, шведским королем Карлом XII, и после короткой и безуспешной кампании заключил мир на невыгодных условиях в Травендале (1700). Однако, когда Карл XII в 1709 году проиграл битву при Пултаве в России, Фридрих подумал, что у него появилась возможность вернуть то, что он потерял; поэтому он заключил союз с Россией и Польшей и начал Великую Северную войну (1709-1720). Шестнадцатитысячное датское войско вторглось в Скаане, но было разбито шведским генералом Магнусом Стенбоком (1710). В морском сражении при Кьегебугте норвежец Ивар Хвитфельдт, командовавший кораблем "Даннеброг", предпринял отважную атаку на шведский флот. Однако его корабль загорелся, и хотя он мог бы спастись, выбросив его на берег, такой курс поставил бы под угрозу остальную часть датского флота, стоявшего ближе к берегу. Поэтому Хвитфельдт оставался на месте, посылая залп за залпом по шведам, в то время как смерть смотрела ему в лицо. Когда огонь добрался до порохового погреба, его вместе с пятью сотнями человек подбросило в воздух.

По возвращении в Швецию в 1715 году Карл попытался завоевать Норвегию и тремя разными путями проник в страну. Он сам командовал дивизией, которая вошла в Хеланд (1716). Норвежский полковник Крузе встретил его с 200 солдатами, которые сражались с таким героизмом, что Карл, каким бы храбрым он сам ни был, преисполнился восхищения.

"Много ли у моего брата, короля Фридриха, таких офицеров, как ты?" - спросил он полковника, лежащего раненым у его ног.

"О да, - ответил Крузе, - у него их много, и я далеко не в числе самых способных".

В своей слепоте Фридрих, чтобы собрать деньги, нанял большое количество защитников страны в качестве наемников, оставив лишь жалкий маленький, полуголый и полуголодный отряд в 6000 человек под командованием генерала Лютцова. Карл со своими хорошо обученными войсками рассчитывал быстро расправиться с такими ничтожными противниками. Но он не учел темперамента норвежцев. Каждый мужчина, молодой и старый, нет, многие женщины тоже были готовы защищать очаг и дом от врага. Полковник Левен, которого он послал с 600 людьми уничтожить серебряные рудники Конгсберга, был взят в плен вместе со 160 шведами норвежцами в доме священника в Рингерике после того, как был обманут женой священника, бесстрашной и сообразительной Анной Кольбьернсдаттер. Когда, заподозрив, что попал в ловушку, Левен приставил пистолет к ее голове, она хладнокровно спросила:

- Ты служишь своему королю для того, чтобы убивать старых женщин?

Карл захватил Христианию, но ничего не смог сделать против крепости Акерсхус. Жители Фредериксхальда сожгли свой город, чтобы в нем не могли укрыться шведы от пушек крепости Фредерикстин. Здесь отличились два храбрых и патриотически настроенных брата, Петер и Ханс Кольбьернссоны, сводные братья Анны, и вместе со своими отважными добровольцами непрерывно преследовали врага. Карлу стало очевидно, что он не сможет взять норвежские крепости без артиллерии, и он ожидал, что из дома придет конвой с полевыми пушками и другим боевым снаряжением. Но и это ожидание не оправдалось. Его флот был уничтожен в Дайнекилене в результате дерзкого поступка Торденшельда, величайшего морского героя Норвегии. Торденшельд, узнав от каких-то рыбаков, что шведский адмирал устраивает в тот вечер банкет на борту, пришел к выводу, что офицеры

вряд ли будут в состоянии сражаться, после того как встанут из-за стола. Он крикнул своему лейтенанту Питеру Грибу:

"Я слышал, что шведский адмирал собирается устроить пирушку на своем флоте. Не будет ли разумно, если мы отправимся туда со своими кораблями и станем его гостями, хотя и незваными? Пилот говорит, что у нас есть ветер.

Под оглушительным огнем береговых батарей Торденшельд вошел в Дайнекилен и атаковал вражеский флот. Он был прав в своем предположении, что враг сильно подкрепился. Но опасность отрезвила их. После трех часов интенсивной канонады шведский адмирал капитулировал с 44 кораблями и 60 пушками. Когда эти сведения достигли короля, он начал отступление из Норвегии. Но он не мог отказаться от мысли завоевать страну, которая была так плохо оборудована для обороны. В 1718 году он послал генерала Армфельта с 14 000 человек против Дронхейма, а сам двинулся против Фредерикстена с 22 000 человек. Внешний редут был взят штурмом, и к главной крепости были вырыты траншеи. В одной из этих траншей стоял Чарльз, когда пуля из крепости попала ему в голову, и он упал замертво. Армфельт, получив эти сведения, немедленно отступил к границе, но потерял большое количество людей, которые замерзли и умерли от голода в горах. Таким образом, война подошла к концу, и во Фреденсборге (1720) был заключен мир.

ГЛУХАРЬ В НОРВЕГИИ.

Стойкость норвежцев спасла Данию от большой опасности. Фридрих IV. вознаградил их стойкость и бесстрашие, подвергнув их дальнейшему разграблению. Чтобы собрать деньги на нужды Дании, он продал все церкви Норвегии частным лицам, утверждая, что, если они принадлежат людям, у них должны быть документы, подтверждающие их право собственности. Этой жалкой придиркой он притворился, что демонстрирует законность своих хищений. Сделку с Finmark он продал трем гражданам Копенгагена, которые истолковали свою монополию как лицензию на неограниченное вымогательство. Население погрузилось в нищету и деградацию.

Во время правления Фридриха IV. жил норвежец Людвиг Хольберг, родившийся в Бергене в 1684 году. Однако он провел свою жизнь в Дании, написав множество превосходных

комедий в стиле Мольера, пародийно-героических поэм, сатир и исторических сочинений. Жизнь первой половины XVIII века ярко изображена и высмеяна в его произведениях.

Кристиан VI. (1730-1746) был крайним пиеистом и окружал себя немцами, которые сочувствовали его болезненной и мрачной религии. Он был расточителен в своих расходах, строил дорогие дворцы и ввел при своем дворе строгий церемониал. Единственным достойным деянием его правления было издание указа, предписывающего конфирмацию в лютеранской вере и, таким образом, косвенно обязывающего все классы населения учиться читать. Благонамеренными, но неверно направленными были его усилия по развитию торговли и мануфактур, и поистине катастрофическим был его указ, запрещающий жителям южной Норвегии импортировать зерно из любой другой страны, кроме Дании.

РЕЗНАЯ ПЕРЕМЫЧКА, НОЖ или КЛАДОВАЯ; РЕЗНЫЕ ПИВНЫЕ КРУЖКИ.

Фредерик V. (1746-1766) был человеком доброго нрава, но ограниченного интеллекта. Он открыл театры, которые закрыл его отец, и отменил многие трудные правила соблюдения субботы. Он был на волосок от войны с Россией, и его спасло только убийство императора Петра III. Но грандиозные приготовления, которые он предпринял, потребовали увеличения налогов, которые особенно тяжело легли на бедных норвежских крестьян. В Бергене "дополнительный налог" привел к восстанию. Крестьяне ворвались в город, оскорбили магистратов и жестоко обращались с ними, после чего налог был отменен. Норвежская военная академия в Христиании была основана во время правления этого короля, как и Академия наук в Дронхейме.

Кристиан VII (1766-1808) вззошел на престол в возрасте семнадцати лет и растратил свою молодость в самом диком разгуле. Соответственно, его жизненные силы были израсходованы еще до того, как он достиг зрелой зрелости, и за этим последовало безумие. Во время поездки за границу он очень привязался к своему лечащему врачу, немцу по фамилии Струэнзе, а после его возвращения назначил его премьер-министром и полностью оставил управление государством в его руках. Струэнзе был человеком больших способностей, проникнутым идеями Вольтера и Руссо и довольно безрассудно проводил реформы. Знать и вдовствующая королева Юлиана Мария ненавидели его, и под их влиянием король был вынужден подписать приказ о его аресте. От тюрьмы до блокады дорога была короткой. Фаворит вдовствующей королевы по имени Уве Гульдберг руководил правительством в течение следующих двенадцати лет, и отменил все либеральные меры Струэнсе. Он пытался упразднить само название норвежцев, настаивая на том, что такой национальности не существует, поскольку все являются гражданами Датского государства.

Во время правления трех последних королей Норвегия, благодаря миру, неуклонно продвигалась к материальному процветанию. Население за сто лет почти удвоилось, составив в 1767 году 723 000 человек; а торговый флот с момента разрушения ганзейской монополии вырос с 50 до 1150 судов. Класс местных чиновников, получивших образование в Копенгагенском университете, начал вытеснять датчан, и благодаря продаже поместий короны число свободных землевладельцев среди крестьян значительно увеличилось.

Поскольку безумие короля сделало его неспособным управлять государством, его сын, наследный принц Фредерик, стал в 1784 году ответственным регентом и сделал отличный выбор премьер-министра в лице Андреаса Бернсдорфа (1784-1797). Этот способный и просвещенный человек благополучно провел Данию и Норвегию через бурные времена Французской революции. В последней стране были учреждены четыре провинциальных высших суда и особый институт, называемый "комиссиями по примирению", предназначенный для предотвращения судебных разбирательств. В 1800 году Дания имела неосторожность заключить договор о вооруженном нейтралитете с Россией и Швецией с целью воспротивиться праву, которого требовала Англия, обыскивать корабли мирных жителей в поисках боевых припасов. Целью Англии было отрезать Францию от всех торговых сношений с остальным миром, и в качестве военного снаряжения рассматривались не только ружья и порох, но и зерно и все виды провизии. Норвежские и датские морские пехотинцы торгового флота, которые в то время вели большой бизнес в качестве авианосцев, пострадали от такого произвольного толкования. Правительство, однако, было недостаточно сильным, чтобы бросить вызов Англии, и после сражения в гавани Копенгагена (2 апреля 1801 г.) Дания была вынуждена отказаться от "вооруженного нейтралитета". Однако наследный принц Фридрих, по-видимому, имел слабое представление о могуществе Англии, поскольку вскоре в его политике снова начали проявляться признаки дружелюбия по отношению к императору Франции. Согласно секретному соглашению между Наполеоном и

Александром Российским (1807) при заключении Тильзитского мира, первый должен был завладеть датским флотом и с его помощью оспорить господство Англии на море. Английское правительство вскоре пронюхало об этом плане и немедленно потребовало временной капитуляции датского флота, гарантируя его возвращение, как только будет восстановлен мир. Когда это требование было отклонено, англичане высадили войска на Зееланде и окружили Копенгаген, в то время как со стороны моря они бомбардировали город в течение трех с половиной дней (1807). Тогда у датчан не было другого выбора, кроме как сдать свой флот, но из-за их сопротивления он так и не был возвращен. Это второе сражение при Копенгагене еще больше бросило Данию в объятия Наполеона, и когда звезда императора закатилась, его союзник остался беспомощным на милость своих врагов.

Из-за изоляции Дании во время войны и трудностей с поддержанием связи Норвегией временно управляла комиссия, или регентский совет, под председательством принца Кристиана Августа Аугустенборг.

ТАНЦУЮЩИЕ КРЕСТЬЯНЕ.

Когда Фридрих VI (1808-1814) после смерти своего безумного отца вззошел на трон, состояние двух его стран было плачевным. Его ошибочная политика поставила его в положение, которое было почти отчаянным. Война с Англией наложила эмбарго на всю торговлю, результатом чего стали голод и нищета. Норвегия, с которой никто не советовался, была втянута в этот лабиринт трудностей, страдала от постоянных морских атак, которым она была особенно подвержена из-за своей протяженной береговой линии. Финансы были в безнадежном беспорядке. В довершение неразберихи разразилась война со Швецией, которая со временем увидела свое преимущество в стремлении к союзу с Англией. Генерал Армфельт еще раз вторгся в страну, но Кристиан Август не утратил мужества. Регентский совет развернул героическую деятельность по осуществлению своих мер по защите страны, и подразделения норвежских войск разбили шведов в трех последовательных битвах (Туверуд, Транген и Престебакке). Одновременно Швеция подверглась нападению со

стороны России, которая гарантировала выполнение условий Тильзитского мира, одним из которых была блокада шведских портов от англичан. Но упрямый король Густав IV не дал своего согласия на эту меру, вследствие чего русские вторглись в Финляндию и после нескольких ожесточенных сражений изгнали шведов. Результатом этих бедствий стало низложение короля и избрание его брата, Карла XIII, его преемником. Поскольку последний был бездетен, его побудили усыновить регента Норвегии, принца Кристиана Августа, в качестве своего наследника, и, таким образом, появился шанс на мирный союз Норвегии и Швеции под властью способного и популярного короля. Но, к несчастью, этот любимый принц умер очень скоро после этого, на смотре войск в Скаане (1809). По Фредериксхамнскому миру Швеция была обязана уступить Финляндию России, но по Парижскому мирному договору ей было гарантировано владение Померанией при условии ее присоединения к так называемой "континентальной системе" Наполеона. Это, естественно, влекло за собой войну с Англией, которая была единственным непокоренным врагом императора; но до тех пор, пока Швеция воздерживалась от активной помощи Наполеону, Англия, у которой было полно дел в другом месте, занимала выжидательную позицию и не предпринимала никаких военных действий. Но этот полунейтралитет далеко не удовлетворил Наполеона. Взбешенный нерешительностью Карла XIII, он снова оккупировал Померанию, тем самым дав Швеции предлог открыто перейти на сторону его врагов. Мир был заключен с Англией в Эребро (1812), и вскоре после этого Швеция присоединилась к великому европейскому союзу, целью которого было свержение Наполеона.

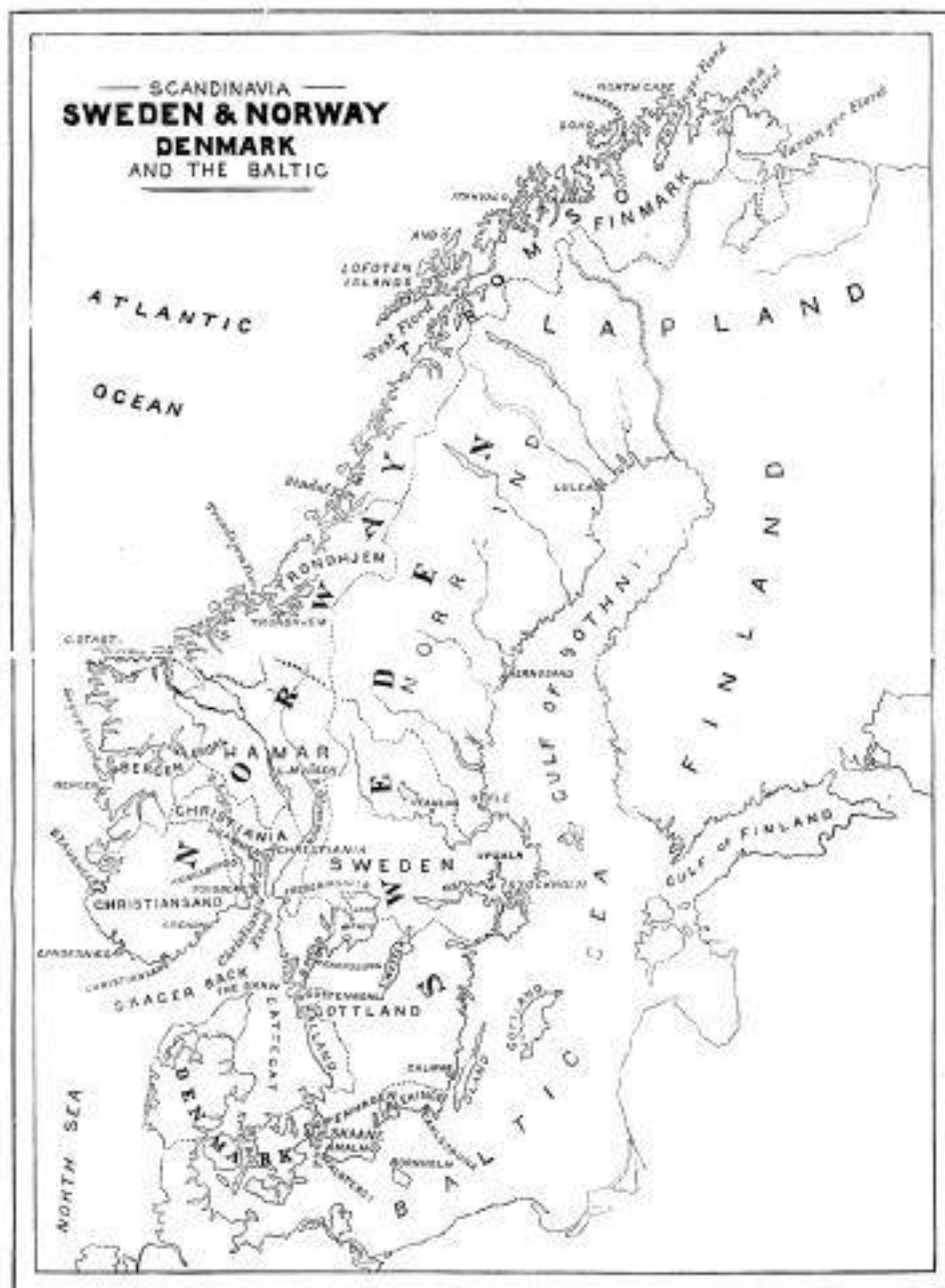
Это изменение политики было, без сомнения, в значительной степени связано с Жаном Батистом Бернадотом, принцем Понтекорво, который поднялся по служебной лестнице на службе у Наполеона, стал фельдмаршалом, а после смерти Кристиана Августа стал наследным принцем Швеции (1812). На встрече с Александром Русским в Аабо ему была обещана Норвегия в качестве награды за его приверженность делу союзников; и то же самое обещание позже повторила Англия.

Положение Норвегии в этот период усугублялось продолжающейся блокадой ее портов англичанами. В 1812 году разразился голод, и люди были вынуждены перемалывать бересту в муку и выпекать из нее хлеб. Обесценивание датских бумажных денег уничтожило сбережения тысяч семей и деморализовало все коммерческие отношения. Повсюду царило величайшее недовольство союзом с Данией, который поставил страну в такое затруднительное положение. Запоздавая выдача устава норвежскому университету (1811 г.), в котором ранее было отказано, вызвала временный энтузиазм, но не уменьшила недовольства. Политическое чувство, которое, казалось, дремало веками, начало пробуждаться снова, и чувство независимости и стремление к национальному самоутверждению нашли выражение в Обществе благосостояния Норвегии (1810), в щедрых пожертвованиях Университету и во внезапном патриотическом брожении, охватившем страну. Местный чиновничий класс выступил на передний план в качестве лидеров и выразителей этих политических устремлений и оказал важную услугу, сформулировав желания людей и направив их к рациональным целям. Быть отчужденным, как движимое имущество, иностранными державами, которые не сочувствовали традициям Норвегии и не интересовались ее благополучием, было возмутительно для их самоуважения, и среди всей той неуверенности, которую вызвали различные ходы на шахматной доске иностранной дипломатии, среди мыслящих классов народа утвердилась упрямая решимость сопротивляться изо всех сил.

Однако до тех пор, пока Норвегия была всего лишь придатком Дании, она не могла избежать последствий политики короля Фредерика. Когда после провальной кампании Наполеона в

России союзники потребовали сдачи Норвегии Швеции, король отказался и отправил своего двоюродного брата, принца Кристиана Фредерика, управлять страной в качестве вице-короля. Но поражение Наполеона при Лейпциге и вторжение Бернадота в Гольштейн во главе большой армии вынудили его пойти на уступки. По Кильскому миру (14 января 1814 г.) он уступил Норвегию Швеции и вскоре после этого освободил норвежцев от их верности ему, отказавшись от всех притязаний на их страну для себя и своих потомков.

ГЛАВА XXXVI.

НОРВЕГИЯ ВОССТАНАВЛИВАЕТ СВОЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ.

Возмущение, вызванное Кильским миром в Норвегии, было свидетельством того, что норвежцы пробудились от своей долгой спячки и намеревались отстаивать свои права. Они были вполне готовы отказаться от своей верности Фридриху VI, но утверждали, что он не имел права передавать ее кому-либо другому. Помня, как их страна без ее собственного согласия, вопреки закону и международным договорам, перешла в зависимость от Дании, они считали, что суверенитет, от которого отказался Фридрих, вернулся к народу, который, таким образом, был в состоянии передать его тому, кого они выберут. Вице-король Кристиан Фредерик, сочтя это мнение очень общим, отказался подчиниться решению властей и вызвал нескольких представительных мужчин для встречи с ним в Эйдсволде (1814). Его первым намерением было претендовать на корону Норвегии по наследственному праву и править как абсолютный монарх. Но, уступив совету профессора Свердрупа и других

патриотически настроенных людей, он заявил, что готов принять корону от народа и управлять страной в соответствии с конституцией, которую должен принять народ. Чтобы узнать о настроениях во всей стране, принц отправился в середине зимы через гору Довре в Дронтхайм, и многие верили, что он намеревался немедленно короноваться в древнем городе королей.....попытка..... В Гулдбрандсдейле он остановился, чтобы прочитать надпись на памятнике, воздвигнутом в память об уничтожении Синклера и его шотландских наемников:

ПРИНЦ КРИСТИАН ФРЕДЕРИК, вице-КОРОЛЬ НОРВЕГИИ; ПОЗЖЕ король ДАНИИ (КРИСТИАН VIII).

"Горе тому норвежцу, чья кровь не потеплеет в жилах, когда он посмотрит на этот камень".

"Готовы ли вы тоже, - спросил он пришедших повидаться с ним крестьян, - подобно своим предкам, пожертвовать жизнью и кровью за свою страну?"

Результатом обсуждений в Эйдсволде стало созыв сейма, состоящего из представителей народа со всех концов страны. Местом встречи снова был Эйдсволд, и число представителей составило 112 человек, большинство из которых были официальными лицами. Конституция, чрезвычайно либеральная по своим положениям, была принята 17 мая 1814 года, и принц Кристиан Фредерик был избран королем. Норвегия была объявлена свободной и независимой страной, но мнения относительно того, должна ли она стремиться к союзу со Швецией или сохранить собственного короля, разделились. Так называемая партия независимости, которую возглавляли судья Фальзен, профессор Свердруп и капитан Мотцфельдт, в значительной степени превосходила численностью друзей Швеции, видными среди которых были граф Ведель-Ярлсберг, камергер Педер Анкер, железоделательный мастер Якоб Ал и преподобный Николай Вергеланд. Последние не желали отказываться от свободы страны, полагая, напротив, что свобода будет более надежной в союзе с более сильной державой. Малочисленность Норвегии и неспособность народа содержать армию, достаточную для ее обороны, по их мнению, в конечном итоге сделали бы страну добычей любой иностранной державы, которая решила бы затеять с ней ссору. Конституция Норвегии, которая с небольшими поправками все еще действует, предусматривает, что:

1. Норвегия является ограниченной, наследственной монархией, независимой и неделимой, правитель которой именуется королем.
2. Народ осуществляет законодательную власть через своих представителей.
3. Только народ имеет право взимать налоги через своих представителей.
4. Король имеет право объявлять войну и заключать мир.
5. Король имеет право на помилование.
6. Судебная власть должна быть отделена от исполнительной и законодательной власти.
7. Должна быть обеспечена свобода печати.
8. Евангелическо-лютеранская религия является религией государства и короля.
9. В будущем никому не будут предоставлены никакие личные или наследственные привилегии.
10. Каждый гражданин мужского пола, независимо от рождения, положения или собственности, обязан в течение определенного периода времени носить оружие для защиты своей страны.

Представители в Эйдсволде не могли не знать, что предпринятый ими шаг повлек за собой войну со Швецией. Ибо Бернадотт вряд ли стал бы рассматривать резолюции совещательного собрания как препятствие на пути к обладанию наградой, которую он заработал, содействуя свержению Наполеона. Между тем, для норвежцев было счастливым обстоятельством, что это свержение еще не произошло, и что император в течение нескольких месяцев держал армию союзников занятой, тем самым помешав Бернадотту немедленно обратить свое внимание на Норвегию. Для него было неожиданностью обнаружить, что норвежцы полны решимости защищать свои права, поскольку он полагал, что их длительная зависимость от Дании приучила их к послушанию. Письмо, которое Карл XIII. посланный ими до сейма в Эйдсволде совет, предложивший им конституцию и шведского вице-короля, был встречен с возмущением, но после сдачи Парижа (31 марта) и отречения императора наполеоновская драма, казалось, подошла к концу, и больше не было

внешних осложнений, которые помешали бы шведам привести в исполнение пункт Кильского мирного договора, касающийся Норвегии. Теперь поступили сведения, что великие державы пообещали Бернадотту вынудить Норвегию принять этот договор, и от различных дворов были отправлены послы, приказывающие норвежцам немедленно безоговорочно подчиниться королю Швеции. Скандинавы отказались это сделать, и вскоре после этого шведская армия под командованием Бернадотта пересекла границу. Новоизбранный король начал колебаться и, будучи лишен воинственного духа, приказал сдать крепость Фредерикстин шведскому флоту, не сделав ни единого выстрела в ее защиту. Норвежская армия, хотя и плохо обеспеченная продовольствием и боеприпасами, рвалась в бой, но малодушный король проявил свое полководческое мастерство главным образом в отступлении. Вторая дивизия шведской армии под командованием Гана была разбита норвежцами в Льере под командованием полковника Кребса и после второго штурма в Матранде была вынуждена отступить за границу. Стало очевидно, что без кровопролития завоевание страны не осуществится, и поскольку шведы после своей немецкой кампании желали мира не меньше норвежцев, в Моссе (14 августа 1814 г.) было заключено перемирие, в соответствии с условиями которого король должен был созвать чрезвычайный *Стортинг*, или парламент, для переговоров о постоянном мире. Этот *стортинг*, собравшийся 7 октября, принял отречение короля Кристиана Фредерика от норвежской короны и избрал Карла XIII королем при условии, что он признает независимость Норвегии и будет управлять ею в соответствии с конституцией, данной в Эйдсволде. Эти условия Бернадотт принял от имени короля Швеции (4 ноября) и поклялся в верности конституции. Затем шведские войска эвакуировали страну, и Кристиан Фредерик вернулся в Данию, где после смерти своего двоюродного брата стал королем под именем Кристиана VIII. В следующем году со Швецией были проведены переговоры по конвенции, закрепляющей условия союза (*Rigsakten*). Банк Норвегии был основан в Дронхейме, а Верховный суд - в Христиании.

КАРЛ XIV. ИОАНН. (БЕРНАДОТТ.) КОРОЛЬ НОРВЕГИИ И ШВЕЦИИ.

Судя по всему, Норвегия теперь восстановила свою независимость. Учитывая отчаянное положение, в которое была поставлена страна в 1814 году, в одиночку сопротивляясь указу держав, не может быть никаких сомнений в том, что условия союза были более благоприятными, чем имелись основания ожидать. Несмотря на все это, была одна особенность, которая была несовместима с идеей независимости, и это было присутствие в столице шведского вице-короля (*государственного держателя*), представляющего власть короля. Бернадот, который после смерти Карла XIII (1818) унаследовал трон под именем Карла XIV. Джон (1818-1844) поначалу едва ли всерьез относился к независимости Норвегии, а скорее позволял норвежцам обманывать себя иллюзией свободы, пока их иллюзия была безвредной. Но он явно выказал свое раздражение, когда обнаружил, что *Стортинг* начал возражать против его мер и настаивать на более строгом толковании конституции. Одной из первых причин разногласий был вопрос о выплате Норвегией части датского государственного долга, который Карл Иоанн гарантировал по Кильскому мирному договору. *Стортинг* придерживался мнения, что, поскольку Норвегия никогда не принимала Кильский мирный договор, она не может быть связана ни одним из его положений. В конце концов был достигнут компромисс, согласно которому король отказался от своего гражданского статуса в Норвегии на десять лет для себя и своего сына, наследного принца, и *Стортинг* 1821 года согласился выплатить около трех миллионов долларов. Одновременно

началась борьба за отмену дворянства. Три последовательных *стортинга* приняли закон, отменяющий дворянские титулы и привилегии, и король, опасавшийся конфликта с могущественной знатью Швеции в случае, если он санкционирует это, предпринимал неоднократные попытки побудить *Стортинг* отказаться от своих позиций. Он настаивал на том, чтобы за Норвегией наблюдали европейские державы и чтобы демократический дух, проявляющийся в ее законодательном собрании, вызвал подозрения и враждебность за рубежом. *Стортинг*, однако, оставался негибким, и в конце концов закон был обнародован, хотя и в слегка измененной форме. Те привилегии дворянства, которые противоречили конституции, были немедленно отменены; их освобождение от налогообложения и все личные привилегии должны были прекратиться с кончиной живших тогда дворян и не должны были наследоваться их потомками. Это отложило окончательную отмену дворянства на одно поколение.

Ряд других законов и предложений к ним, относительно которых король и *Стортинг* расходились во мнениях, вызвали неприязнь и волнение во время правления Карла Иоанна. И это действительно удивительно, учитывая сравнительную неопытность представителей в политической жизни, что они осмелились выступить столь смело и так яростно настаивать на своих правах. Этим бесстрашным людям Норвегия обязана тем положением, которое она занимает сегодня. Ибо, если бы они были кроткими и уступчивыми, с благодарностью принимая то, что королю было угодно им предоставить, их страна неизбежно скатилась бы к провинциальным отношениям со Швецией, как это было раньше с Данией. Мужественность и бесстрашное самоутверждение, звучащие в дебатах тех ранних *Стортингов*, показывают, что древняя сила все еще существовала и, действительно, никогда не могла умереть. Ни одна инертная и деградировавшая нация не может привлечь таких представителей из своей среды; и тот факт, что Норвегия продолжает привлекать их вплоть до настоящего времени, показывает, что она действительно представлена мужеством и бесстрашной энергией — что она достойна обретенной свободы.

Отношение норвежских *стортингов* к королю иллюстрируется решимостью, с которой они сопротивлялись его попыткам распространить королевскую власть. Несмотря на то, что Чарльз Джон прошел школу Французской революции, он не верил в демократию или "права человека". Он был способным правителем, искусным дипломатом и человеком благородных намерений. Но он слишком мало пробыл в Норвегии, чтобы понять дух норвежского народа; и он был вынужден, чтобы сохранить свое положение среди своих братьев монархов, сочувствовать реакционным тенденциям, которые проявились по всей Европе после свержения Наполеона. В 1821 году он предложил десять поправок к конституции, которые были единогласно отклонены *Стортингом* 1824 года. Среди этих поправок была одна, дающая королю абсолютное, а не приостанавливающее право вето, как раньше; другая, предоставляющая ему право назначать председателя *Стортинга*, и третья, разрешающая ему распускать *Стортинг* по своему усмотрению. Бывший государственный министр Кристиан Крог приобрел большую популярность, рекомендовав отклонить эти предложения, и настойчивость короля в их вынесении на несколько последовательных *Стортингов* не обеспечила им более благоприятного приема.

БЕГ НА ЛЫЖАХ; ПО МОТИВАМ МУЛЬТФИЛЬМА Х. Н. ГАУСТЫ.

Выдающейся фигурой в политической борьбе тех дней был поэт Хенрик Вергеланн, который, будучи лидером студентов, вопреки приказу короля настаивал на праздновании годовщины конституции (17 мая) вместо годовщины союза со Швецией (4 ноября). Король преувеличил важность этой демонстрации и в 1829 году вызвал войска, которые силой оружия разогнали толпу, отмечавшую национальный праздник. Вергеланд, хотя лично и выражал почтение к королю, не проявлял такого же почтения к его политике и своей неутомимой деятельностью в прозе и стихах подпитывал дерзкий и агрессивный патриотизм своих соотечественников. В порыве патриотической гордости он воспевал свободу и воспевал красоты лесов, гор и фьордов; а хор второстепенных поэтов декламировал о норвежском льве и скалах Норвегии, которые "бросили вызов зубу времени". В этом энтузиазме было много мальчишеского и иррационального, но он был целебным, искренним и политически полезным.

Достаточно очевидно, что Чарльз Джон не только использовал державы в качестве пугала, которым можно было пугать норвежцев, но и сам был сдержан в своей политике из-за учета их мнения. Политическое брожение, которое после Июльской революции (1830) во Франции распространилось по всей Европе, а также достигло Норвегии, вызвало у него большие опасения, и, чтобы запугать неуклонно прогрессирующую демократию, он внезапно распустил *Стортинг* 1836 года. *Стортинг*, расценив этот роспуск как противоречащий закону, предъявил обвинение государственному министру Левеншельду в высоком суде королевства (*Ригсрет*) и приговорил его к выплате штрафа за то, что он не убедил короля не нарушать конституцию. Эта смелость, вместо того чтобы побудить короля к дальнейшим репрессивным мерам, побудила его пойти на уступку. Он примирил скандинавов, назначив их соотечественника, графа Ведель-Ярлсберга, вице-королем. Это был большой шаг к реальной независимости и обеспечил королю заслуженную популярность. В последние годы своей жизни, после того как он отказался от надежды остановить волну демократии, Чарльз Джон завоевал сердца скандинавов, и его искренне оплакивали при смерти (1844).

Остатки подчинения в отношениях Норвегии со Швецией были один за другим устранены во время правления сына Чарльза Джона, Оскара I. (1844-1859). Он подарил Норвегии ее собственный флаг, несущий в качестве символа союза смешанные цвета обеих стран в верхнем углу; и более того, он практически упразднил вице-королевство, хотя окончательно оно было упразднено только в 1873 году. На земле царили мир и процветание; население быстро увеличивалось, и все отрасли промышленности находились в процветающем состоянии. До сих пор в общественной жизни участвовали главным образом чиновничество и торговый класс, но теперь крестьяне тоже начали заявлять о себе и посылать представителей из своей среды на *Стортинг*. Политическое пробуждение охватило все слои общества, и в залах законодательного собрания появилось много крепких фигур, только что оторвавшихся от плуга и бороны. Выдающимися среди них были Оле Габриэль Уэланд и Серен Яабек. Для этих современных крестьянских вождей характерна благоразумная умеренность в сочетании с жесткой целеустремленностью. Здравый смысл, неподкупность и строгое отношение к полезному позволили им оказать ценную услугу нации. Они не красноречивы и не образованны в общепринятом смысле этого слова. Но обычно они на собственном опыте накапливают значительный запас фактов, которые в применении к законодательному делу более ценны, чем непривычные книжные знания. Их борьба с суровым климатом и бедной почвой сделала их экономными, и они, естественно, применяют свои привычки к экономии в государственных делах. Будучи основными налогоплательщиками страны, они имеют право влиять на ее налогово-бюджетную политику; и Норвегия извлекла выгоду из их бережного отношения к своим ресурсам. Однако они знают, когда тратить так же хорошо, как и когда экономить; и множество дорогостоящих железных и шоссейных дорог, школ и других улучшений, появившихся с тех пор, как крестьянская партия получила большинство в *Стортинге*, свидетельствуют о разумной щедрости и взвешенном отношении к общественному благу, чего едва ли можно было ожидать от людей, чей главный опыт связан с обработкой земли. Большинство из них, однако, привносят с собой некоторую практику в общественной жизни из дома, поскольку с момента создания приходских и муниципальных советов (*Formandskaber*) (1837) управление местными делами почти полностью находится в руках местных налогоплательщиков.

ЖЕНИХ И НЕВЕСТА.

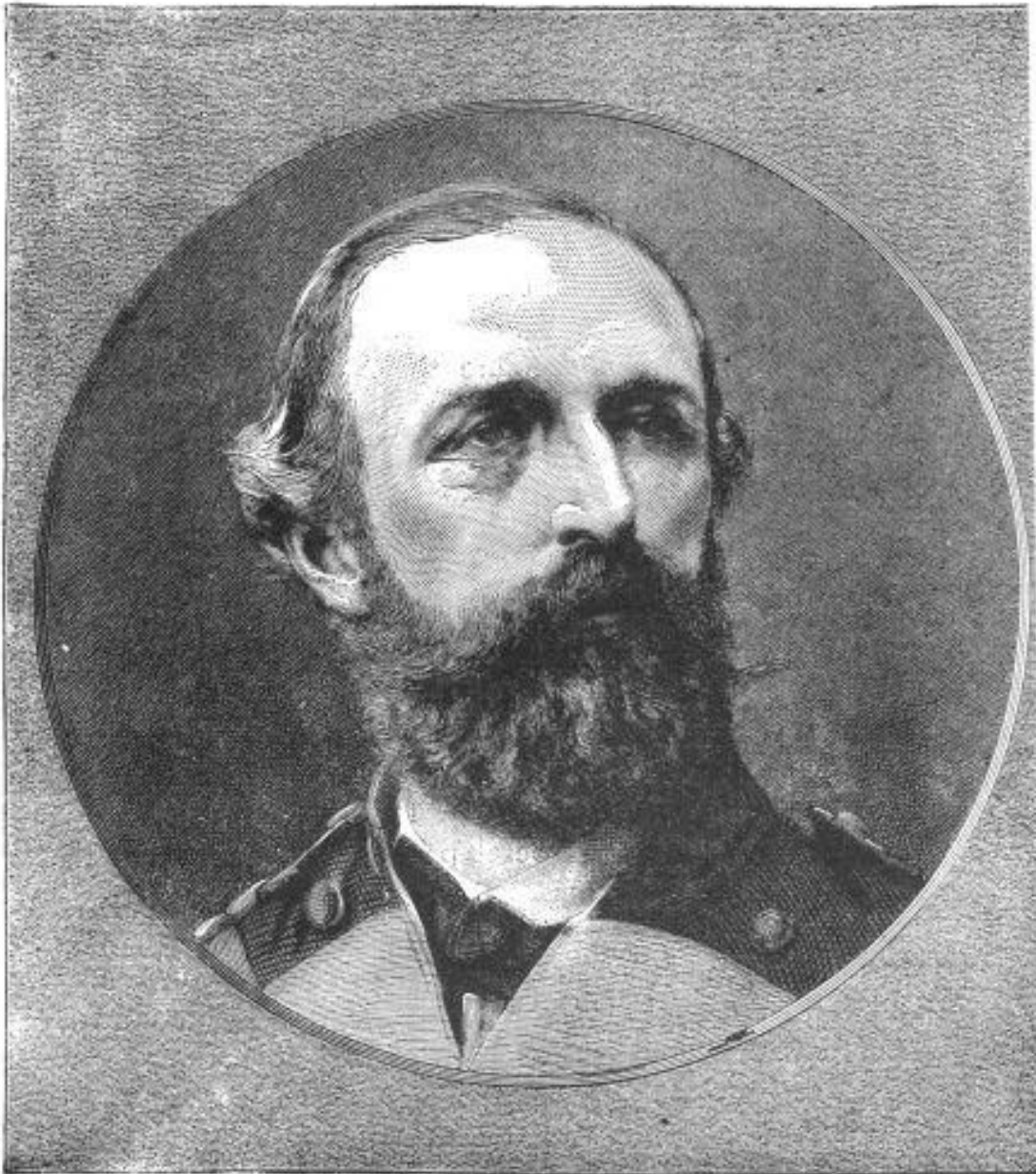
Первая Слесвик-гольштейнская война между Германией и Данией произошла во время правления короля Оскара (1848) и побудила его провести военную демонстрацию в Скаане; а в течение следующего года, когда война после перемирия вспыхнула снова, оккупировать Северный Слесвик шведскими и норвежскими войсками в ожидании переговоров о мире. В Крымской войне король Оскар встал на сторону Англии и Франции, которые по договору 1855 года гарантировали им помощь в случае военных действий с Россией.

Король Оскар умер в возрасте шестидесяти лет (1859), и ему наследовал его старший сын Карл XV (1859-1872). Он был рыцарским персонажем и наделен литературными и художественными талантами. Он унаследовал ту же добрую волю к Норвегии, которая вдохновляла его отца, и все усилия со стороны *Стортинга*, направленные на повышение благосостояния страны, были с готовностью поддержаны. Норвежский торговый флот, который является одним из крупнейших в мире, нес флаг Норвегии в самые отдаленные порты; торговля лесом росла, а богатство, получаемое в промышленности и торговле,

стимулировало энергию норвежских купцов и повсюду ускоряло биевание жизни. Свобода вероисповедания была расширена законом о раскольниках (1845), хотя в этом отношении еще многое предстоит сделать. В 1851 году пункт конституции, запрещающий евреям въезд в страну, был отменен, во многом благодаря агитации, начатой за несколько лет до этого поэтом Вергеландом. Был введен телеграф, который вскоре распространился от Нордкапа до Линдеснеса. В 1869 году был принят закон, делающий *Собрания* ежегодными, а не, как до сих пор, трехлетними.

Карл XV. умер в расцвете сил и, не имея сыновей, ему наследовал (1872) его брат Оскар II., который правит до сих пор. Продвижение к более полной и последовательной демократии, продолжавшееся с момента принятия конституции, недавно достигло кризиса, который мог бы иметь катастрофические последствия, если бы король мудро не пошел на уступки парламентскому большинству. На самом деле речь шла о двух моментах, а именно об абсолютном праве вето в конституционных вопросах и о контроле правительства. Что касается первого, король считал, что конституция Норвегии является договором между ним и норвежским народом, устанавливающим условия союза. Соответственно, она не может быть изменена без согласия обеих сторон. Следовательно, он имел право настаивать на условиях контракта и запрещать любые его изменения, которые не встречали его одобрения. Не может быть никаких сомнений в том, что с юридической точки зрения этот пункт был правильно принят, и юридический факультет университета поддержал позицию короля. Другой вопрос заключается в том, не подорвет ли такой контракт, если он будет исполняться вечно, прогресс нации и со временем не станет таким же великим проклятием, каким когда-то он был благословением. Если создатели конституции, представляя ее Чарльзу Джону, не предусмотрели внесение в нее поправок, они совершили серьезную ошибку, которая, возможно, будет обязательной для их потомков с точки зрения закона, но вряд ли с точки зрения справедливости. Ни одна конституция, какой бы превосходной она ни была, не подходит на все времена; и конституция Эйдсволда не является исключением из правил.

Эта борьба за абсолютное вето была вызвана отказом короля санкционировать закон, принятый тремя последовательными *стортингами*, допускающий членов кабинета министров к участию в дебатах в палате представителей, с тем чтобы установить более тесное *взаимопонимание* между народом и правительством. Это казалось особенно желательным до тех пор, пока король и часть кабинета министров проживали в Стокгольме и, соответственно, подвергались опасности упустить из виду потребности народа, которым они управляли. Король заявил, что готов подписать этот закон, если министрам будет предоставлено право голоса, и ему было предоставлено право распускать *Стортинг* по своему желанию. Ему казалось нарушением баланса сил введение одной черты английского парламентаризма, дающей преимущество законодательной власти, без предоставления другой, которая позволяла исполнительной власти оказывать сдерживающее влияние. *Стортинг*, однако, не пожелал предоставить это право, считая, что нет необходимости в правительственных ограничениях, поскольку выборы проводятся раз в три года. Министерство Селмер, которое придерживалось позиции, приписываемой здесь королю, было привлечено к ответственности *Стортингом* перед высшим судом королевства за то, что отказалось обнародовать закон, касающийся участия министров в заседаниях палаты, и за неспособность по другим пунктам выполнить волю *Стортинга*.

ОСКАР II.

Другая фаза вопроса была едва ли менее важной. Рано возник определенный антагонизм между чиновничьим классом, который привык брать на себя руководство общественными делами, и крестьянством, которое с каждым годом все больше осознавало свою власть. Король, от природы консервативный, выбирал своих советников из тех, чьи политические взгляды совпадали с его собственными, независимо от парламентского большинства. Конституция не ограничивала его свободу выбора, и *Стортинг* едва ли мог это сделать, не приняв поправку, на которую он наверняка наложил бы вето. Консервативное министерство Станга много лет руководило правительством при враждебно настроенном большинстве в *Стортинге*, а сменившее его министерство Сельмера (1880) пользовалось еще меньшей поддержкой населения. В результате возник тупик; законодательная деятельность грозила зайти в тупик. Импичмент и осуждение г-на Селмера и его коллег привели к власти новое министерство чиновников, которое через несколько месяцев ушло в отставку. Затем король послал за г-ном Свердрупом, лидером "левой", или либеральной партии, и добился компромисса, в соответствии с которым он согласился санкционировать рассматриваемый

закон и созвать министерство, представляющее партию большинства, не отказываясь, однако, в принципе, от своего права абсолютного вето в конституционных вопросах. С тех пор исполнительная и законодательная власти работали вместе в гармонии, и прежние добрые отношения между королем и народом были в какой-то мере восстановлены.

Из вышесказанного видно, что Норвегия в ходе семидесятилетних конфликтов постепенно достигла полной независимости и равенства с братским королевством. Все попытки объединить две нации потерпели неудачу и уже давно были оставлены. С политической точки зрения личность короля выражает союз. Он король Норвегии и он король Швеции, но он управляет каждой страной в соответствии с ее собственными законами и через отдельные министерства. В каждой стране есть свой парламент; ни один швед не занимает должность в Норвегии, и ни один норвежец в Швеции. Единственные офисы, которые открыты для граждан обеих стран, - это офисы дипломатической и консульской службы. Общее настроение в Норвегии настроено против более тесного союза. С момента отделения от Дании для народа характерно упорное отстаивание каждой черты национальной самобытности.

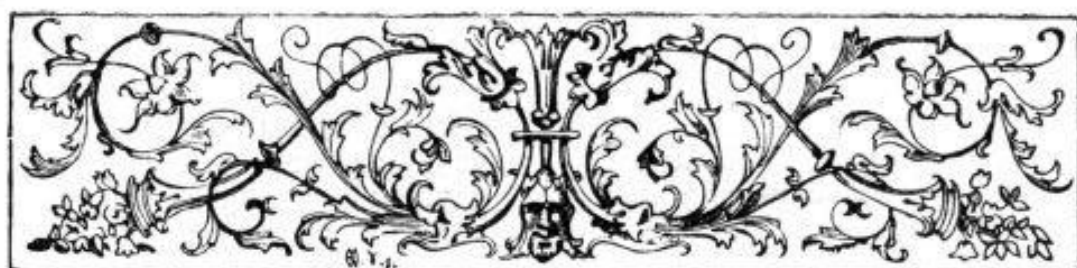
Таким образом, была предпринята попытка избавиться от "знака союза" на норвежском флаге, поскольку он, казалось, смутно намекал на родство с провинцией. На норвежских диалектах возникла отдельная литература (*Maalsträv*), потому что датский, на котором все еще говорят, с некоторыми изменениями, культурные классы, является напоминанием о периоде деградации и не является языком народа. Почти во всех провинциальных приходах преданные и патриотично настроенные люди открыли народные средние школы, целью которых было развитие интеллектуальной жизни народа на строго национальной основе, и они дали отличные результаты. Национальная литература под руководством таких людей, как Бьернстjerne Бьернсон и Хенрик Ибсен, движется в том же направлении, ее язык постоянно обогащается за счет диалектов, а ее темы в значительной степени заимствованы из древних саг и жизни народа. Агрессивный и крикливый патриотизм Вергеланда и эстетический и более космополитичный патриотизм его оппонента Велхейвена кажутся одинаково чуждыми современным норвежцам. Откровенное национальное самоутверждение нынешних поэтов - это самоутверждение народа, гордящегося своим прошлым и уверенного в своем национальном существовании. Норвежец, получивший по заслугам, не имеет причин для ревности ни к Швеции, ни к Дании.

В эпоху, когда сила, храбрость и дух авантюризма сделали нацию выдающейся, Норвегия сыграла великую роль на мировой арене, основывая и разрушая королевства, смешивая свою энергичную кровь с кровью других народов и вселяя в их души любовь к свободе, ограниченной законом. Поскольку порох и современная стратегия подчинили героизм дисциплине и численности, Норвегия должна смириться с судьбой, которую навязывает ей ее численная слабость. Народ численностью едва в два миллиона человек не может стать очень значительной фигурой в мире в его нынешнем виде. Он должен либо почивать на лаврах, либо завоевывать новые в других областях. По мере того как боевая организация общества с ее ненужным кровопролитием и угнетением постепенно уступает место индустриальной, история найдет другой показатель заслуг, чем у орудий Круппа и тяжелых батальонов. Тогда, возможно, у малых народов снова появится шанс заявить о себе.

BJÖRNSTJERNE BJÖRNSON.

Норвегия положила начало в этом направлении своим вкладом в последние годы в науку и литературу. Астроном Ханстин (умер в 1873 году), математики Абель и Софус Ли, зоолог Сарс, историки Мунк, Кейзер, Сарс и Шторм, а также филолог Ивар Эасон получили признание за пределами своей страны. Художники Тидеманд (ум. в 1876 г.) и Гуде интерпретировали в красках поэзию норвежской народной жизни и пейзажей. Музыканты Оле Булл (ум. в 1880 г.), Нордраак и Григ заставили меланхолические звуки их родных гор звучать в концертных залах Парижа и Лондона, а поэты Бьернсон, Ибсен, Йонас Ли и Александр Кьелланд сделали Норвегию известной миру, а мир - Норвегии. Они разрушили стену, которая так долго ограждала их страну, и исключили ее из интеллектуальной жизни Европы.

История народов.

СЫНОВЬЯ мистера Г. П. ПАТНЭМА с удовольствием объявляют, что они готовят к публикации серию исторических исследований, цель которых - представить в наглядной форме истории различных народов, занявших видное место в истории.

В форме рассказа будет отчетливо обозначено течение жизни каждого народа, а его живописные и заслуживающие внимания периоды и эпизоды будут представлены читателю в их философской связи друг с другом, а также со всеобщей историей.

План авторов разных томов состоит в том, чтобы проникнуть в реальную жизнь народов и представить их читателю такими, какими они на самом деле жили, трудились и боролись — как они учились, писали и как развлекались. При осуществлении этого плана не будут упущены из виду мифы, с которых начинается история всех стран, хотя они будут тщательно отделены от реальной истории, поскольку труды признанных исторических авторитетов привели к определенным выводам.

Сюжеты различных томов будут спланированы таким образом, чтобы охватывать смежные и, насколько это возможно, последовательные эпохи или периоды, так что по завершении книги в виде всеобъемлющего повествования будут представлены главные события великой истории народов; но, конечно, не всегда окажется практически осуществимым выпуск нескольких томов в их хронологическом порядке.

"Рассказы" напечатаны хорошим читаемым шрифтом и в красивой форме 12мо. Они надлежащим образом иллюстрированы и снабжены картами и указателями. Они продаются отдельно по цене 1,50 доллара КАЖДАЯ. Ниже приведен неполный список предметов, которые были определены на данный момент:

ИСТОРИЯ * ДРЕВНЕГО ЕГИПТА. Профессор. Джордж Роулинсон.

" " " * ХАЛДЕЯ. З. А. Рагозин.

" " " * ГРЕЦИЯ. Проф. Джеймс А. Харрисон,
Университет Вашингтона и Ли.

" " " *РИМ. Артур Гилман.
" " " * ЕВРЕИ. Профессор. Джеймс К. Госмер,
Вашингтонский университет Сент-Луиса.
" " " * КАРФАГЕН. Профессор. Альфред Дж. Черч,
Университетский колледж, Лондон.
" " " ВИЗАНТИЯ.
" " " ГОТЫ. Генри Брэдли.
" " " *НОРМАННЫ. Сара О. Джуэтт.
" " * ПЕРСИЯ. С. Г. В. Бенджамин.
" " " * ИСПАНИЯ. Преподобный Э.Э.Э. и Сьюзан Хейл.
" " " * ГЕРМАНИЯ. С. Бэринг-Гулд.
" " " ИТАЛЬЯНСКИЕ РЕСПУБЛИКИ.
" " " ГОЛЛАНДИЯ. Профессор К. Э. Торольд Роджерс.
" " " * НОРВЕГИЯ. Ялмар Х. Бойсен.
" " " * МАВРЫ В ИСПАНИИ. Стэнли Лейн-Пул.
" " " *ВЕНГРИЯ. Prof. A. Vámbéry.
" " ИТАЛЬЯНСКОЕ КОРОЛЕВСТВО. У. Л. Олден.
" " " РАННЯЯ ФРАНЦИЯ. Профессор Гюстав Массон.
" " " *ИМПЕРИЯ Александра. Профессор Дж. П. Махаффи.
" " " ГАНЗЕЙСКИЕ ГОРОДА. Helen Zimmern.
" " " *АССИРИЯ. З. А. Рагозин.
" " " * САРАЦИНЫ. Артур Гилман.
" " ТУРЦИЯ. Стэнли Лейн-Пул.
" " ПОРТУГАЛИЯ. Х. Морс Стивенс.
" " " МЕКСИКА. Сьюзан Хейл.
"ИРЛАНДИЯ. Достопочтенная. Эмили Лоулесс.
" " " ФИНИКИЯ.
" " " ШВЕЙЦАРИЯ.
" " " РОССИЯ.
" " " УЭЛЬС.
" " " ШОТЛАНДИЯ.

* (Тома, помеченные звездами, готовы в апреле 1887 г.)

СЫНОВЬЯ Г. П. ПАТНЭМА
НЬЮ-ЙОРК, ЛОНДОН,
ЗАПАДНАЯ ДВАДЦАТЬТРЕТЬЯ УЛИЦА, 27 И 29, КИНГ-УИЛЬЯМ-СТРИТ, СТРЭНД, 27

Первый том, содержащий древнееврейскую историю от Сотворения мира до Изгнания, теперь готов. Большой 12-миллиметровый, тканевый экстра, с красными краями, 1,50 доллара.

ДОМ СЫНА Г. П. ПАТНЭМА, Нью-Йорк и Лондон.

СВЯЩЕННЫЕ ПИСАНИЯ

еврейские И христианские.

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ БИБЛИИ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

профессоров Э. Т. БАРТЛЕТТА и ДЖОНА П. ПИТЕРСА,
ИЗ БОГОСЛОВСКОЙ ШКОЛЫ Р. Е., ФИЛАДЕЛЬФИЯ.

(Описание Работы смотрите в Проспекте, стр. 17.)

Некоторые из полученных комментариев:

Выдержки из писем:

ОТ RT. REV. ГЕНРИ К. ПОТТЕР, доктор философии, LL.D., НЬЮ-ЙОРК.

"Я поздравляю вас с выпуском работы, которая, я уверен, найдет широкий отклик и превосходные характеристики которой делают ее непреходящей ценностью".

ОТ ПРЕПОДОБНОГО. ХОВАРД КРОСБИ, доктор медицинских наук, Нью-Йорк.

"Священные писания для юных читателей" превосходно задуманы и превосходно выполнены. Это библейская история, изложенная библейскими словами.... Это работа набожных и образованных людей, которая окажет помощь в изучении Библии. Я изучил его с большим удовлетворением и обнаружил почти на каждой странице следы оригинального исследования и мудрого суждения".

ОТ ПРЕСТА. ДЖУЛИУС Х. СИЛИ, доктор философии, АМХЕРСТ, МАССАЧУСЕТС.

"Меня удивило его превосходство в решении поставленных задач, и я выражаю ему свою сердечную признательность".

ОТ проф. ГЕНРИ ТЕЙЕРА, доктора философии, КЕМБРИДЖ, МАССАЧУСЕТС.

"Это более чем соответствует моим ожиданиям; на самом деле, настолько привлекательно, что я посвятил себя его прочтению от начала до конца".

ОТ ПРЕСТА М. Б. АНДЕРСОНА, доктора философии, LL.D., РОЧЕСТЕР, Нью-Йорк

"Мне кажется, что эта работа адаптирована таким образом, чтобы быть полезной для ознакомления молодежи с библейской историей и великими моральными истинами, воплощенными в ней".

ОТ PREST. GEO. УИЛЬЯМСОН СМИТ, доктор философии, ТРИНИТИ-КОЛЛЕДЖ, ХАРТФОРД, КОННЕКТИКУТ.

"Я внимательно изучил первый том "Священных Писаний для юных читателей" и глубоко впечатлен знаниями и мастерством, продемонстрированными авторами. Они взялись за очень сложную работу и выполнили ее научным образом. Если интерес к книге свидетельствует о молодости, многие, прочитав это "Введение в изучение Библии", обнаружат, что они не так стары, как им казалось".

** Примечания переписчика ** - исправлены незначительные пунктуационные ошибки - исправлены незначительные орфографические / типографские опечатки -написание слова fiord / фьорд оставлено без изменений -Иллюстрации перенесены между абзацами -список иллюстраций может не указывать точную страницу перенесенной иллюстрации - Сноски, по возможности, размещены сразу после абзаца, который к ним относится